

В. С. ЕФИМОВА

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
МОРФЕМИКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. С. ЕФИМОВА

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
МОРФЕМИКА

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Г. К. Венедиктов

Москва
2006

В монографии на основе новых методов исследования впервые дается системное описание старославянской словообразовательной морфемки. Выявляются условия функционирования словообразовательных морфем и определяется их место в старославянской словообразовательной системе. Исследуется влияние языка греческих оригиналов на старославянские словообразовательные процедуры; предлагается нетрадиционный подход к изучению процессов калькирования; обосновывается учитывающая специфику старославянского письменного наследия методика работы со старославянским лексическим инвентарем.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН Т. М. Николаева

кандидат филологических наук К. А. Максимович

ISBN 5-7576-0191-4

© Институт славяноведения
РАН, 2006

© В. С. Ефимова

Предисловие

В центре настоящего исследования — старославянская словообразовательная морфема. Различные словообразовательные процессы в старославянском языке рассматриваются здесь сквозь призму изучения ее функционирования. «Отправным пунктом» для начала этой работы послужило издание в 1994 г. «Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой (далее Словарь 1994), в словник которого был полностью включен лексический материал рукописей так называемого «классического старославянского канона»¹, т. е. материал рукописей, признаваемых большинством палеославистов бесспорно старославянскими. При том, что старославянское словообразование остается до сих пор очень мало изученной областью славянского языкознания², выход в

¹ Словник Словаря 1994 основан на лексике следующих рукописей: Зографское четвероевангелие (Зогр), Маринское четвероевангелие (Мар), Ассеманьево евангелие-апракос (Ас), Саввина книга (Сав), Охридские листки (Охр-лл), Листки Ундольского (Унд), Зографский палимпсест (Зогр-пал), Боянское евангелие-апракос (Боян), Енинский апостол (Ен), Синайская псалтырь (Син), Киевские листки (Киев), Евхологий синайский и Синайский служебник (Евх и Служ), Клоцов сборник (Клоц), Супрасльская рукопись (Супр), Хиландарские листки (Хил), Рыльские листки (Рыл) и Зографские листки (Зогр-лл). Греческий текст к данным рукописям цитируем по изданиям [Merk 1984; Nestle 1950; Frček 1933–1939; Запмов, Капалдо 1982–1983; Минчева 1978].

² Словообразовательные аспекты так или иначе затрагивались в ряде работ ([Brodowska-Honowska 1960; Супрун 1961; Цейтлин 1977] и мн. др.), которые, однако, посвящены описанию отдельных фрагментов лексической системы старославянского языка. Некоторые сведения о старославянских словообразовательных морфемах представлены в грамматиках и учебных пособиях ([Селищев 1951; Грамматика 1991] и др.). Наиболее же полное представление о словообразовании в старославянском языке на сегодняшний день можно получить из книги Г. Бирнбаума и Й. Шекена, но и данное там

свет этого издания, казалось бы, открыл возможность поставить вопрос о комплексном исследовании старославянской морфемки и старославянского словообразования в масштабе всей системы первого письменно-литературного языка славян. Решением этой задачи представлялось вначале создание стандартного описания в рамках сложившихся к настоящему времени представлений в области словообразовательной теории на основе компьютерной обработки словника Словаря 1994 по специально разработанной компьютерной программе¹. Эта задача стала плановой темой Института славяноведения РАН и получила финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда (грант № 97-04-06160). Однако в ходе работы становилось все более очевидным, что компьютерная обработка словника Словаря 1994 может быть лишь первоначальным этапом исследования. Адекватное же описание старославянской словообразовательной системы вообще и словообразовательной морфемки в частности требует как дополнительной разработки вопросов теоретического характера, так и привлечения к анализу материалов гораздо более обширных, чем представленные в Словаре 1994.

Теоретические вопросы, без решения которых исследование старославянского словообразования кажется нам невозможным, рассматриваются в двух первых главах — «Особенности изучения словообразовательных механизмов в старославянском языке как литературном языке раннего славянского средневековья» и «Проблемы рекон-

описание не выходит за рамки довольно краткого обзора [Birnbau, Schaecken 1997]. В своем исследовании мы опирались во многом на «классические» труды А. Мейе [Meillet 1905; Мейе 1951] и, особенно, на 4-й том «Сравнительной грамматики славянских языков» А. Вайана [Vaillant 1974].

¹ Результатом использования компьютерной базы данных для написания монографии явилась не принятая в отечественной традиции транслитерация старославянского материала латиницей, что, видимо, несколько затрудняет восприятие приводимых примеров русскоязычным читателем и вызвало замечания рецензентов. Однако перевод всего материала в кириллическую транслитерацию связан со слишком большими техническими трудностями, к тому же транслитерация латиницей в книге, посвященной исследованию морфемки, имеет и свои преимущества, а именно при демонстрации членения старославянских лексем на морфы. Цитаты из старославянских и церковнославянских рукописей даются в привычной кириллической транслитерации.

струкции лексического фонда старославянского языка и принципы морфемного членения старославянских лексических единиц». На основе изложенных в них принципов исследования и методик анализа языкового материала нами был изучен старославянский лексический инвентарь (т. е. лексический инвентарь языковой системы, реально существовавшей в IX — начале XI вв. в качестве раннего этапа общего для всех славян древнеславянского языка), отраженный — хотя и не полностью (об этом в указанных главах) — в старославянских рукописях (рукописях «классического старославянского канона») и зафиксированный (хотя тоже в силу объективных причин не полностью) в словнике Словаря 1994. Целью проведенного исследования было получить описание старославянской словообразовательной морфемки, которое и дается в последующих главах (с третьей по пятую). Словообразовательные морфемы, заимствованные старославянским языком из общеславянского арсенала, функционировали и в словах, вошедших в этот язык из народной славянской речи, и в собственно старославянских новообразованиях. Свою задачу мы видели как в выявлении условий функционирования каждой конкретной морфемы, так и в определении ее места в словообразовательном механизме старославянского языка. В расположении материала внутри глав мы ориентировались также на словообразовательные морфемы.

Дополнительный лексический материал привлекался нами для исследования — на условиях, рассмотренных в Главе II, — из более поздних рукописей разных изводов и разного рода словарей (см. разделы «Принятые сокращения» и «Библиография»). Среди последних особо важным источником служил издававшийся в Праге в течение сорока лет (с 1958 по 1997 гг.) «Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV»¹. Из более поздних рукописей нами использовались, главным образом, те, происхождение которых от старославянских

¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность сотрудникам Отдела палеославистики Славянского института Академии наук Чешской Республики за предоставленную мне возможность (ограниченную, к сожалению, временем непродолжительной командировки в сентябре 2004 г.) пользоваться также материалами Картотеки словаря «Slovník jazyka staroslověnského» (Карт. SJS) и Греческо-старославянской картотеки (ГСКарт.), хранящихся в их Отделе.

протографов палеославистикой бесспорно установлено. В редких случаях для специально оговоренных целей привлекался материал из рукописей, к старославянским протографам не восходящих. Объектом же сплошного анализа оставался обработанный на компьютере словник Словаря 1994¹.

В данной монографии описывается словообразовательная морфемка трех частей речи — существительного, прилагательного и наречия. Автором собран также достаточно обширный материал и по словообразовательной морфемке глагола, однако исследование словообразования старославянского глагола теснейшим образом связано с исследованием его аспектологии и требует отдельной монографии, работу над которой автор надеется завершить в ближайшие годы. Вопросы образования компаратива также будут рассмотрены в специальной монографии, посвященной старославянскому компаративу.

Пользуюсь случаем выразить благодарность своим коллегам — заведующему Отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН д. ф. н. А. Ф. Журавлеву, официально поручившему мне заниматься исследованиями в области старославянского словообразования, д. ф. н. Г. К. Венедиктову, оказавшему неоценимую помощь при редактировании книги, д. ф. н. Т. И. Вендиной и д. ф. н. С. М. Толстой, с которыми совместно обсуждался целый ряд вопросов, особенно на первоначальном этапе исследования, м. н. с. Е. Н. Овчинниковой, помогавшей вводить материал в компьютерную базу данных. Искренне благодарна также я рецензентам книги — члену-корреспонденту РАН д. ф. н. Т. М. Николаевой и к. ф. н. К. А. Максимовичу, сделавшим ряд ценных замечаний.

¹ В указании значений старославянских слов мы также ориентируемся на этот словарь. Там, где значения, по нашему мнению, требуют уточнений, это оговаривается особо.

Глава I

Особенности изучения словообразовательных механизмов в старославянском языке как литературном языке раннего славянского средневековья

В современной палеославистике считается неоспоримым, что старославянский язык возник и начал развиваться во второй половине IX в. усилиями свв. Кирилла и Мефодия и их учеников и последователей. Тем не менее не составляет секрета и то, что исследователи вкладывают в понятие «старославянский язык» разное содержание, и сам термин «старославянский язык» в силу этого не является однозначным. Мы не будем здесь вдаваться в подробности долгой и, кажется, отнюдь не законченной дискуссии по поводу данного термина (см., например, [Цейтлин 1987]), отметим лишь, что представляется вполне правомерным применение его по отношению к языковой системе, сложившейся в качестве единого структурного целого в IX — начале XI вв. и отраженной в ряде рукописей X–XI вв. Эти рукописи обычно принято называть «классическими старославянскими» или «рукописями старославянского канона». Лексика именно этих рукописей вошла в состав Словаря 1994, являющегося основным источником анализируемого нами материала, и именно эту языковую систему можно считать ранним этапом единого древнеславянского языка, общего литературного языка всех славян¹.

Мы настаиваем на подходе к старославянскому языку как к литературному языку особого — средневекового — типа. Данный подход уже в течение многих лет успешно применяется Е. М. Верещагиным в его изысканиях (см., например, [Верещагин 1997; Верещагин 2001]

¹ Такое понимание феномена «старославянский язык» находим у акад. Н. И. Толстого [Толстой 1988: 34–52, особенно с. 47].

и мн. др.), необходим он и при исследовании собственно словообразовательных процессов в старославянском языке и, в частности, при описании словообразовательной морфемки.

Понимание того, что старославянский язык должен рассматриваться прежде всего в качестве языка литературного, имеет давнюю филологическую традицию. Так, например, еще в конце XIX в. А. И. Соболевский писал: «Церковно-славянский, или старославянский, или древнеболгарский язык — тот язык, на который славянские первоучители свв. Кирилл и Мефодий перевели с греческого книги священного писания и богослужебные и который, после их кончины, сделался литературным языком болгар, сербов и русских» [Соболевский 1891: 3] (см. также далее [Там же: 10–11]). Члены же Пражского лингвистического кружка позднее совершенно справедливо отмечали, что «старославянский язык с самого начала не был предназначен для использования его в качестве локального языка; он широко опирался на традиции литературного греческого языка и, как и последний, со временем принял на себя роль славянского койнэ» [Пражский кружок 1967: 32] (разрядка моя. — В. Е.). Вместе с тем высказанное ими предположение, что «старославянский язык подчиняется законам развития, свойственным всем литературным языкам» [Там же], сегодня можно принять только как акцентирование для старославянского языка статуса литературного — в противовес распространенной тогда практике (отчасти существующей и до сих пор) ставить чуть ли не знак равенства между старославянским языком и языком праславянским¹. Чем больше старославянский язык изучается палеославистами в качестве литературного, тем более отчетливо проступают черты, отличающие этот литературный язык от современных славянских литературных языков и характеризующие его как литературный язык особого рода — средневековый литературный язык. Среди этих

¹ Ср. упрек А. Вайана в адрес SJS, что «он тщательно фиксирует не представляющие интереса формы из второстепенных рукописей и в то же время не включает такие слова как *bokŭ* “бок (flanc)”, *borŭ* “сосна (pin)”, *brěstŭ* “вяз, пльм (orme)”, *bobŭnŭ* “барабан (tambour)” и т. д. Он дает *broštŭnŭ* “красный (rouge)”, но не дает *broštŭ* “марена (garance)”, которое уточняет значение прилагательного» [Vaillant 1962: 124].

черт и ограничение сфер применения языка (т. е. прежде всего для перевода Св. Писания и творений отцов церкви), и особенности функционирования литературно-языковой нормы (подробнее см. [Ефимова 1999]), и элитарность круга активных носителей языка, о чем подробнее будет сказано ниже, и нек. др. Материал настоящего исследования показывает и особенности словообразовательных процессов, отличающие старославянский язык как язык раннего средневековья от современных славянских языков.

Рассмотрим подробнее наши принципиальные методические установки исследования старославянской словообразовательной морфемки, вытекающие из понимания необходимости изучать старославянский язык в качестве средневекового литературного языка.

1. Старославянский язык создавался в процессе перевода с греческого книг Св. Писания и другой теологической литературы. Старославянские тексты рассматриваемой эпохи (IX–X вв.) переносили на славянскую почву язык греческих оригиналов и в плане его содержания, и в плане его языковых средств. «Нет никакого преувеличения в утверждении: новый литературный язык на первых порах был призван выражать не исконно славянское (= языческое), а заимствуемое (через греческое посредство) христианское духовное содержание», — пишет Е. М. Верещагин [Верещагин 1997: 3]. В формировании же языковых средств выражения этого содержания влияние греческого языка оригиналов было многосторонним и гораздо более сильным, чем представлялось палеославистам всего несколько десятилетий тому назад (см., например, [Мецкерский 1962: 87; Курц 1963: 9–10; Kurz 1972: 13–15] и др.). Это подтверждают многочисленные случаи ввода усилиями текстологов в научный оборот неизвестных ранее греческих списков, содержащих более близкие языковые конструкции в соответствии с тем, что считалось ранее якобы «свободными» или «ошибочными» славянскими переводами (см., например, [Огрен 1991: 18, 22, 41–42]). Практика исследований последних лет показывает, что собственно славянские интерпретации в старославянских текстах могут выявляться лишь на фоне тщательного изучения первоначальных греческо-славянских соответствий¹. Следовательно,

¹ Укажем здесь в качестве примера на наши исследования «О сочинительных союзах в старославянском языке — где место союзу *а?*» [Ефимова 2004],

1) старославянский язык должен изучаться прежде всего в качестве языка переводов с греческого; 2) лексическая и словообразовательные системы старославянского языка не могут быть исследованы и адекватно описаны без учета влияния на их формирование греческого языка. Язык греческих оригиналов старославянских текстов¹ не должен считаться вспомогательным средством для анализа фактов старославянского языка, применяемым время от времени, но должен являться непосредственным объектом исследования, сквозь призму которого постоянно рассматривается старославянский материал.

Важной особенностью старославянского словообразовательного механизма являлась возможность непосредственной включенности в словообразовательный процесс слов греческих оригиналов. Старославянские словообразовательные аффиксы славянского происхождения могли присоединяться к основам греческого происхождения, при этом было возможно образование лексем со славянскими аффиксами не только от основ старославянских грецизмов², но и непосредственно от греческих слов (т. е. для перевода греческой лексемы в процессе «текст → текст» в качестве производящей основы могла использоваться основа греческого соответствия³). Последнее чаще наблюдается

«Местоимение первого лица в старославянском языке — свидетельства евангельских текстов» [Ефимова 2004а].

¹ Понятия «греческий язык византийской эпохи» и «язык греческих оригиналов старославянских текстов» не совсем идентичны, что учитывалось уже А. Мейе [Meillet 1926]. Для целей нашего анализа также оказывается важным иногда разграничивать эти понятия.

² Под термином «старославянский грецизм» имеем в виду заимствованную лексему, языком-источником для которой по отношению к старославянскому языку являлся греческий язык, — независимо от ее происхождения и путей проникновения в язык греческий. Небольшое количество грецизмов — наряду с другими заимствованиями (латинизмами, германизмами) — попало в старославянский язык из народной славянской речи, однако основная масса старославянских грецизмов заимствовалась непосредственно при переводе оригиналов с греческого языка (т. е. в процессе «текст → текст»).

³ В палеославистике принято пользоваться термином «греческое соответствие», т. е. слово греческого оригинала, которое переводит та или иная старославянская лексема. Мы продолжаем использовать этот термин в

в отсутствие в старославянском лексическом инвентаре освоенных языком грецизмов, основы которых могли бы быть производящими для этих аффиксальных лексем. Вместе с тем в некоторых случаях и при наличии в старославянском языке слов, которые можно было бы считать мотивирующими, производящей основой все-таки приходится признавать основу греческого соответствия, что свидетельствует о приоритете в некоторых случаях для старославянского словообразовательного механизма отношений «текст → текст» над парадигматическими отношениями внутри старославянского лексического инвентаря. Так, ориентируясь на соотношение семантики старославянских лексем, можно было бы считать освоенный языком грецизм *izdraiľъ* 'Израиль' мотивирующим для существительного с суффиксом *-ěnin(ъ)/-(j)anin(ъ)* *izdrailitěninъ* 'израильтянин'. Однако производящая для сущ. *izdrailitěninъ* основа *izdrailit-* принадлежит греческому соответствию Ἰσραηλῖτης [Ἰσραηλίτ-ης]. Интересно отметить, что в старославянском языке было и синонимичное ему сущ. *izdraiľaninъ*, образованное с тем же суффиксом от производящей основы *izdraiľ-* лексемы *izdraiľъ* и образующее как бы «правильную» словообразовательную пару *izdraiľъ* → *izdraiľaninъ*. Несмотря на это именно лексема *izdrailitěninъ* (образованная от производящей основы *izdrailit-*) употребляется в нескольких старославянских рукописях (Зогр, Ас, Сав, Спн, Супр), тогда как лексема *izdraiľaninъ* является гапаксом Мар¹. Старославянские аффиксы обладали неодинаковой способностью к сочетаемости с греческими основами, и эта существенная составляющая их функциональной характеристики рассматривается нами в описании каждой конкретной словообразовательной морфемы.

Другой характерной особенностью старославянского словообразовательного механизма, в которой отражено влияние языка греческих оригиналов, было использование для создания новых слов калькирования разного рода. В течение многих десятилетий палеославистических исследований роль греческого языка в формировании

соответствии с всеобщей практикой, хотя осознаем, что «соответствием» логичнее было бы называть старославянское слово, а не греческое.

¹ Принятый в палеославистике термин «гапакс» (от греч. ἅπαξ 'однажды употребленный') используем для лексем, встречающихся лишь один раз в пределах «классических» старославянских рукописей X–XI вв.

старославянской лексики сводилась именно к явлению калькирования. Поиск разного рода калек — как греческих, так и латинских — занимает внимание палеославистов еще с начала прошлого века (см., например, [Погорелов 1925] и [Meillet 1926]). Традиционно изучение калькирования базируется на сопоставлении пар — калькированного слова адаптирующего языка и калькируемого слова языка-источника. На основе этой исследовательской методики были сделаны и известные описания старославянских калек К. Шуманна и Н. Молнара [Schumann 1958; Molnár 1985]. Однако при использовании данной методики каждая пара калькируемой и калькированной лексем оказывается изолированной, как бы «вырванной» из общего контекста изучения старославянских словообразовательных процессов, а между тем не только семантические кальки и псевдокальки, но и истинные поморфемные кальки (*Lehnübersetzungen* в терминологии К. Шуманна, *real structural calques* в терминологии Н. Молнара, «словообразовательные кальки» в отечественной традиции) создавались с использованием славянского «строительного материала», с помощью славянских словообразовательных морфем, которые вводили эти новые слова в круг лексем определенной славянской структуры. Как показывает рассмотренный в последующих главах конкретный языковой материал, для старославянского словообразования было характерно калькирование с неполным соответствием морфемных структур старославянского и греческого слов, и часто это несоответствие обуславливалось аффиксальным оформлением старославянской лексемы при отсутствии такового у лексемы греческой. Влияние же языка греческих оригиналов проявлялось не только и не столько в прямом калькировании греческих лексем, сколько в выборе и дальнейшей разработке приоритетных исконно славянских словообразовательных моделей. Степень этого влияния не всегда очевидна, и определение ее во многих случаях представляет собой труднейшую палеославистическую задачу¹. Таким образом, старославянское калькирование представляло собой относительно самостоятельную словообразовательную процедуру, которую необходимо исследовать как неотъемлемую часть старославянского словообразовательного механизма.

¹ См. например, в отношении прил. *zakonoprěstorьъ* и других композит в [Bláhová 1996: 263–267].

2. Огромное влияние на формирование старославянского языка оказали условия особой языковой ситуации на славянских землях той эпохи и структура его социальной базы. Остановимся подробнее на рассмотрении этих факторов.

В последние годы, в результате интенсивного развития социолингвистических исследований, все чаще стало уделяться внимание соотношению системы языка и его функционирования в речи индивидуумов. Все чаще стал осознаваться сам факт существования этого соотношения и, как следствие, стало «на повестку дня» изучение этого факта: с одной стороны, абстрактного понятия языковой системы как объекта лингвистического исследования и описания и, с другой стороны, множества конкретных воплощений этой системы, реально существующих как языковые системы индивидуумов, идентифицирующих себя в качестве носителей определенного языка. В сфере морфемки и словообразования это соотношение проявляет себя как проблема зависимости трактовки структуры слов и значений морфем, а далее и значений слов, от языковой компетенции носителей языка [Герд 1990: 8; Улуханов 1992: 79]. Для современных славянских языков одно из возможных решений данной проблемы заключается в рассмотрении абстрактного понятия языковой системы как системы, субъектом которой будет считаться некая «усредненная языковая личность». «Очевидно, ориентация на “обобщенный” тип носителя языка (как при сегментации, так и при выявлении мотивационных связей), – пишет И. С. Улуханов, – может в наибольшей степени способствовать определению системных свойств языка. Правда, задача выявления мотивационных связей, актуальных для такой “усредненной” языковой личности, достаточно сложна в силу неразработанности этой проблемы и отсутствия материалов и предварительных исследований» [Улуханов 1992: 79].

Видимо, указанное решение проблемы с использованием понятия «усредненного носителя языка» не может быть признано адекватным для языка с высокой степенью неоднородности структуры его социальной базы. И если в отношении современных славянских языков сам факт неоднородности структуры социальной базы языка не «лежит на поверхности», и вскрытие его требует определенных исследовательских усилий (как в [Нещипенко 1998]), то неоднородность структуры и, если можно так сказать, «неравноправность

частей» социальной базы старославянского языка определяется хорошо известными историческими факторами, обусловившими особенности его существования. Как и для любого средневекового литературного языка, для старославянского языка была характерна элитарность его активных носителей, которых далее будем называть «древними книжниками». Круг древних книжников был чрезвычайно узким, но именно они являлись не просто носителями нового литературного языка, но также и его творцами. В ходе конкретных переводов, редактирования и даже просто переписывания древние книжники создавали слова «по потребности» как для обозначения ранее не известных в славянском мире понятий и реалий, так и для замены славянских слов, взятых из народной речи, даже используемых в переводах, но не удовлетворявших, видимо, древних книжников своей простотой. Таким образом, при исследовании старославянского материала оказывается небезразличным, к какому слою лексики принадлежит лексема — к слою, который мы называем условно *обыденной лексикой*, или к слою лексики *книжной*.

Древние книжники создавали фонд книжной лексики старославянского языка различными путями. Один путь — употребление заимствований. Относительно небольшая доля старославянских заимствований (гречизмов, латинизмов, германизмов, для которых этимологи определяют более раннее проникновение в праславянские диалекты) проникла в старославянский язык из народной славянской речи, однако подавляющая их часть попадала в старославянские тексты непосредственно при переводе с греческого языка оригиналов (т. е. в процессе «текст → текст»). Другой путь — активное словотворчество древних книжников, использовавших для создания книжной лексики славянский «строительный материал». Здесь также можно выделить два основных направления их словотворчества. Одно из них — операция расширения семантического объема уже существовавшего в народной славянской речи слова, имеющего «точки соприкосновения» в структуре значений с греческим «соответствием», благодаря чему передавалось обусловленное определенными контекстами значение последнего¹. Второе — создание

¹ Операция расширения семантического объема славянского слова в целях передачи значения греческого «соответствия», с результатами которой

новых лексем на базе славянских или греческих корневых морфем и славянских словообразовательных морфем. Второе направление словотворчества древних книжников можно квалифицировать как — хотя и имевшее свою специфику — собственно словообразование. Отметим, что к «древним книжникам» мы относим не только переводчиков и редакторов славянских переводов «первого ряда», но и обычных писцов, которые тоже — хотя и в неравной мере — участвовали в процессе создания старославянского языка, о чем свидетельствуют многочисленные следы «справ», мелких редактирований, лексических замен и т. п. в сохранившихся до нашего времени старославянских рукописях и в несколько более поздних церковнославянских рукописях разных изводов, восходящих к старославянским протографам.

Существенной особенностью в социолнгвистическом аспекте функционирования старославянского языка была направленность деятельности элитарного круга древних книжников на доступность восприятия, максимально возможную понятность нового литературного языка для основной массы христианизировавшихся славянских народов — как бы «другой стороны» его социальной базы, которую мы называем «пассивными потребителями» [Ефимова 1994: 25; Ефимова 1999: 26–27; Ефимова 1999 а: 75 и сл.; и др.]. «Пассивным потребителям» создаваемый язык был понятен, но активно они им не пользовались¹.

на практике постоянно сталкиваются палеослависты, была определена Р. Вечеркой как *excessive semantic identification* [Večerka 1997: 368]. Е. М. Верещагин же рассматривает этот прием применительно к «терминологической лексике», называя его транспозицией, но понимает «термин» очень широко: его «терминологическая лексика» составляет значительную часть старославянской книжной лексики (см., например, [Верещагин 1997: 40 и сл.]). На практике этому «термину» Верещагина во многих случаях идентично наше понятие «книжная лексема».

¹ Более «мягким» кажется термин «пассивный пользователь», введенный Г. П. Нецименко при анализе языковой ситуации в современных славянских странах [Нецименко 1998: 463]. Однако этот термин применен хотя и к близкому понятию, но все же отличному от того, что имеется в виду нами: «пассивный пользователь» у Г. П. Нецименко не только воспринимает, но и генерирует текст, пусть и с ошибками [Там же].

Задача создания фонда книжной лексики, способной к передаче соответствующей лексики текстов, написанных на одном из наиболее богатых и развитых языков в истории мировой цивилизации — греческом языке византийского периода, была одной из важнейших задач, стоявших перед древними книжниками. Вместе с тем различие в языковой компетенции «активных носителей» старославянского языка и его «пассивных потребителей» было очень велико, и восприятие значений и структуры старославянских лексем, особенно книжных, не было одинаковым у двух основных частей социальной базы языка. Если для древних книжников греческий язык был языком, непосредственно включенным в процесс создания лексического фонда нового литературного языка, то большинство «пассивных потребителей» старославянского языка, даже и при некотором знакомстве с греческим, было ориентировано в основном на славянский языковой материал. Очевидно, что как семантический объем многих старославянских слов, так и их морфемная структура принципиально по-разному осознавались представителями разных социальных слоев. Проиллюстрируем это на примере ряда слов, начинающихся с отрезка *arxi-/arx-*: *arxangelъ* (*ἀρχάγγελος*), *arxangelovъ*, *arxangelъskъ*, *arxidjakovъ* (*ἀρχιδιάκονος*), *arxijepiskurъ* (*ἀρχιεπίσκοπος*), *arxieieъ* и *arxieieъ* (*ἀρχιερεύς*), *arxieieъskъ* и *arxieieъskъ*, *arxieieovъ*, *arxistratigъ* (*ἀρχιστράτηγος*), *arxisunagogъ* (*ἀρχισυνάγωγος*), *arxisunagogovъ*, *arxitriklinъ* (*ἀρχιτρικλινος*). Древними книжниками *arxi-/arx-* во всех этих лексемах осознавалось, безусловно, как префикс или как первый компонент композита. С точки же зрения «пассивного потребителя» эти слова являлись иностранными, малопонятными (или понятными только в пределах определенных контекстов), и представление об их структуре и степени членности было очень индивидуально, зависело от ряда факторов, и в первую очередь — от степени «укорененности»

В условиях функционирования старославянского языка генерирование текста было прерогативой книжников, но целью их была максимально возможная понятность языка для основной части его социальной базы, «пассивных потребителей», которые только воспринимали текст (главным образом, «на слух», но также и при чтении), но, как правило, не генерировали его. Поэтому мы оставляем наше прежнее определение как более точно отражающее суть явления.

в старославянском языке как самих слов с элементом *arxi-/arx-*, так и однокоренных слов без этого элемента. Так, если с последней («славянской») точки зрения уверенно можно вычленять в качестве значащей морфемы элемент *arxi-/arx-* в лексемах *arxangelъ* и *arxijeriskurъ*, поскольку *angelъ* и *jeriskurъ* являлись довольно высокочастотными по меркам старославянского языка словами, то сущ. *arxitriklinъ* 'распорядитель пира' (при морфемной членности в греческом *ἀρχι-τρί-κλιν-ος*) не могло члениться, так как не имело в старославянском языке однокоренных слов. При наличии в старославянских текстах лексемы *stratigъ* имеет смысл выделение элемента *arxi-* в лексеме *arxistratigъ*, о чем говорит и разница в их значениях: если *stratigъ* — просто 'военачальник', то *arxistratigъ* — 'верховный военачальник'. Сложнее решается вопрос о членности сущ. *arxisynagogъ* 'архисинагог, глава синагоги' и производного от него прил. *arxisynagovъ*. В словнике Словаря 1994 зафиксировано и сущ. *synagogъ* без элемента *arxi-*, а также производное от него прил. *synagovъ*. Однако, если гречизм *arxisynagogъ* (ср. греч. *ἀρχισυνάγωγος*) «укоренился» в языке и отмечен в старославянских рукописях 12 раз (как в евангельских чтениях, так и в Супр), сущ. *synagogъ* встречается только в двух чтениях (Л 8,49 и Л 13,14) в апракосном варианте славянского перевода Евангелия. В тех же чтениях (т. е. в тех же контекстах в соответствии с тем же греч. *ἀρχισυνάγωγος*) в переводе тетра (который, вопреки высказанному не так давно предположению [Евангелие от Иоанна 1998: 17–21; 25–31; 36–37; Пентковский 1998: 38–48], был сделан, видимо, все же позже перевода апракоса) *synagogъ* заменено на *arxisynagogъ*, причем в чтении Л 13,14 такая замена произведена даже в Сав (апракос). Таким образом, лексема *synagogъ* является, по существу, переводческим (и, видимо, первоначальным) вариантом к лексеме *arxisynagogъ*. Все же, учитывая большую распространенность апракосного варианта евангельского текста, предпочтительнее, видимо, было бы решение о членности лексемы *arxisynagogъ*, на что указывает, кажется, и употребление в оглавлениях кодексов Зогра и Мар производного от *synagogъ* прилагательного *synagovъ*¹.

¹ Подробнее о словах с элементом *arxi-/arx-* см. в [Ефимова 1999: 75–77].

В дальнейшем анализе материала мы ориентируемся прежде всего на активного носителя старославянского языка (т. е. на «древнего книжника») как на непосредственного участника происходивших в нем словообразовательных процессов, с учетом того, как эти процессы могли им осознаваться. В выборе данной методики исследования мы следуем за Е. М. Верещагиным, который декларировал основой одной из своих монографий о «древнем общеславянском литературном языке» «концепцию человека-языкотворца» [Верещагин 1997: 3].

3. Введение в анализ старославянского материала фигуры древнего книжника по-новому освещает некоторые явления, характерные для старославянского словообразования.

Согласно нашим наблюдениям, для древнего книжника был важен облик славянского слова, которое должно было быть «достойным» выполнения своей функции перевода соответствующего слова греческого оригинала и выглядеть не хуже греческого (т. е. выглядеть достаточно сложным и книжным). По мере становления и развития старославянского языка нарастало и стремление приблизить морфемную структуру к морфемной структуре греческого слова. Последнее особенно характерно было для книжников Преславской школы и из старославянских рукописей наиболее наглядно отражено в Супр (ср., например, соответствующие наблюдения, сделанные в [Иванова-Мирчева 1975: 38–39], подтверждаемые и нашими исследованиями в [Ефимова 1999; Ефимова 2005] и др.). Многочисленные факты свидетельствуют также, что при создании новой лексики древний книжник стремился использовать яркий продуктивный аффикс, состоящий материально из выразительной последовательности фонем, легко воспринимаемой как значащая часть слова.

С пониманием последнего положения связана и оценка таких специфических явлений, характерных для словообразования именно старославянской лексики, которые мы определяем как «удвоенная аффиксация» и «обновление». «Удвоенная аффиксация» представляла собой явление образования лексики с избыточным аффиксом, в результате которого у лексики оказывалось два аффикса в одной и той же функции. Лексема с наращенным избыточным и как бы «лишним» аффиксом употреблялась, как правило, с тем же значением,

что и лексема без «лишнего» аффикса, часто переводя то же самое слово греческого оригинала. Суть данной словообразовательной процедуры заключается именно в удвоении аффиксации вплоть до повторения того же аффикса (ср., например, *podobnostrastъль* 'страдающий (как п...)' в Супр 165,1–2 и *podobnostrastъльь* 'то же' в Супр 164,27–28), поэтому целесообразно называть ее «удвоенной» аффиксацией (а не «избыточной», или «усиленной» и т. п.)¹. Особенно широко в старославянском языке представлена удвоенная суффиксация.

Анализ явления удвоенной аффиксации чрезвычайно важен для понимания механизма старославянского словообразования и путей образования лексического фонда старославянского языка: непродуктивные аффиксы были для древнего книжника как бы «стертыми», и многочисленные данные свидетельствуют о его стремлении создавать новые лексемы с «модными» продуктивными аффиксами, даже если в языке уже существовала лексема с тем же значением, но без продуктивного аффикса. При этом не только непродуктивные аффиксы заменялись продуктивными (что, конечно, было чаще), но и продуктивный аффикс использовался как бы «поверх» непродуктивного, а последний при этом «не замечался». Например, при наличии

¹ Подчеркнем принципиальное отличие этого явления от так называемых «вторичных» словообразовательных процедур в современных славянских языках (см., например, [Beard 1995: 56]. «Вторичные» словообразовательные процедуры в современном чешском языке, в частности, в экспрессивной лексике, были изучены в свое время Г. П. Нешименко [Нешименко 1971]. Процедуры присоединения дополнительного аффикса, описанные Г. П. Нешименко, имеют своим результатом вторичный дериват, функционально отличный от первичного деривата. «Наложение однородных словообразовательных значений, характерное для указанной структурной модификации, — пишет Г. П. Нешименко, — обусловливает нагнетание значения интенсификации признака (resp. деминутивности), а также усиление экспрессивной выразительности слова» [Там же: 201]. Явление «удвоенной аффиксации» в старославянском языке имеет и другие причины, и выполняет другую функцию. В старославянском языке «удвоенная аффиксация» — это своеобразная «проба пера» древнего книжника, его стремление создать лексему, «достойную» роли переводящей лексемы соответствующей лексеме греческого оригинала, его желание придать старославянской лексеме книжный вид.

в старославянском языке высокочастотной лексемы с суффиксом *-ij-sōdijь* 'судья' (58 уп.¹), в Спн и Клоц находим существительное с тем же значением, но с гораздо более «ярким» суффиксом *-tel'(ь) sōditeľь*. Это стремление древнего книжника в некоторых (правда, редких) случаях приводило даже к тому, что продуктивный аффикс использовался «поверх» продуктивного. Например, наряду с лексемой с продуктивным суффиксом *-ost(ь) blagostь* [blag-ostь] 'доброта, милость, благожелательность' в старославянских рукописях употребляется и лексема с суффиксами *-ost(ь)* и *-yń(i)* *blagostyńi* [blag-ost-yńi] с тем же значением, где суффикс *-yń(i)* является избыточным. При наличии лексемы *žetel'ь* 'жнец' с продуктивным суффиксом *-tel'(ь)* древний книжник создает и лексему *žetelaninь* [žetel'-aninь] с тем же значением, где суффикс *-(j)anin(ь)* является избыточным. Сущ. *žetel'ь* известно уже по евангельскому тексту, употребление же сущ. *žetelaninь* характерно для Супр, старославянской рукописи, содержащей относительно поздние переводы.

При специфической процедуре «обновления», по существу аналогичной описанной выше, продуктивный аффикс с яркой последовательностью фонем тоже использовался в качестве избыточного, — но для «обновления» неаффиксальных (главным образом, несуффиксальных) на уровне старославянского языка лексем. Значение «обновленной» лексемы было тем же, что и у «необновленной», но, видимо, форма «обновленной» лексемы более соответствовала представлениям древнего книжника о том, каким должно быть слово в создававшемся новом литературном языке. Так, например, при наличии в старославянском евангельском тексте лексемы *sořьь* 'противник', вошедшей в старославянский язык из народной славянской речи, древний книжник создает и сущ. *sořььnikь* с тем же значением, которое обнаруживается в Супр (2 уп.). Можно предположить даже, что многочисленные случаи суффиксального оформления субстантивно употребляемых прилагательных — древних имен по происхождению (сущ. *slěpьь* 'слепой' при наличии субстантивно употребляемого *slěpь* 'то же', сущ. *světьь* 'святой' — при субстантивно

¹ Цифрой и сокращением «уп.» обозначаем далее количество употреблений лексемы в «классических» старославянских рукописях, лексика которых положена в основу словаря Словаря 1994.

употребляемом *světъ* 'то же', сущ. *děvica* 'дева, девственница' — при субстантивно употребляемом *děva* 'то же', сущ. *vdovica* 'вдова' — при субстантивно употребляемом *vdova* 'то же', и т. п.¹) свидетельствуют о сознательном стремлении древних книжников к изобавлению от «двусмысленности» в отношении частеречной принадлежности (т. е. от неопределенности в выражении частеречного значения) этих «старых» лексем. Таким же образом в некоторых случаях «обновляются» и явные новообразования старославянского языка, в том числе и кальки с греческого. Так, например, при наличии в Евх лексемы *šestokrilatъ* (Евх 4а 17–18), представляющей собой кальку с греч. ἑξαπτέρυγος (ср. [šest-o-krilatъ] — [ἑξα-πτέρυγος]), древний книжник создает и суффиксально оформленное сущ. *šestokrilatъсь* [šest-o-krilat-сь] 'тот, кто имеет шесть крыльев', переводящее то же греческое соответствие ἑξαπτέρυγος (Супр 463,18–19).

4. Изучение словообразовательной морфемки любого языка одной из основных задач предполагает определение продуктивности и конкурентоспособности словообразовательных морфем. Ставим эту задачу мы и при исследовании старославянской морфемки, однако специфика материала старославянского языка такова, что она требует учета факторов, релевантных для него как языка средневекового. Лексическую и словообразовательную системы старославянского языка приходится рассматривать не как сложившиеся, а как складывающиеся, еще неустойчивые, буквально рождающиеся в процессе переводов с греческих оригиналов. По мнению Р. М. Цейтлин (которое разделяем и мы), в этих условиях основным показателем продуктивности словообразовательной морфемы являлась возможность образовывать с ее помощью новые слова, отсутствовавшие до этого в языке (см., например, [Цейтлин 1977: 95–96]). При анализе старославянского материала наиболее надежным свидетельством данной способности морфемы можно считать ее сочетаемость с основами греческого происхождения [Ефимова 2002б]². Спецификой старославянского материала обусловлено также и то, что для определения продуктив-

¹ Подробнее об употреблении таких имен в роли существительных в старославянском языке см. в [Ефимова 2000].

² Ср. показатели, «которые существенны для определения степени продуктивности форманта» в современных славянских языках, перечисленные в [Нещипенко 1999: 173–174].

ности и конкурентоспособности словообразовательных морфем одним из важнейших, требующих внимания исследователя факторов является частотность старославянских слов в рукописях, а особенно то, в каких рукописях и с какой частотностью зафиксировано слово. Последнее связано с тем, что, как уже давно было доказано палеославистами, «классические» старославянские рукописи отражают разные этапы становления старославянского языка (см., например, в [Дограмаджиева 1981; Верещагин 1985; Вечерка 1985; Алексеев 1988], также и в [Ефимова 2002: 253 и сл.]). Низкая частотность лексемы может быть как свидетельством ее «не востребованности» по причине специфического содержания старославянских текстов, так и свидетельством новообразования, еще не «укорененности» лексемы в языке. О многом также говорит исследователю наличие в старославянских рукописях гапаксов, т. е. лексем, встречающихся в них лишь однажды. Большинство гапаксов являются сознательно созданными древними книжниками неологизмами, встречаются среди них и явные ошибки писца. Проиллюстрируем это на примере образованных от основы *člověk-* прилагательных *člověčь* ‘человеческий’, *člověčьь* ‘человеческий’ и *člověčьскь* ‘человеческий, относящийся к человеку’, включенных в словник Словаря 1994. Казалось бы, при образовании прилагательных от данной основы конкурируют три форманта: «йотовое» морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы и суффиксы *-sk-* и *-ьп-*. Однако при дальнейшем рассмотрении выясняется, что реально в языке при образовании прилагательных от этой основы конкурировали два форманта — йотовое морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы и суффикс *-sk-*: *člověčь* 94 уп., *člověčьскь* > 200 уп. Что же касается суффикса *-ьп-*, то образованное с его помощью прил. *člověčьь* является гапаксом Супр и, скорее всего, ошибкой писца, так как употреблено на месте греч. τὸ χολώδες (χολώδης — ‘желчный’, см. также [Vaillant 1969: 151]): τὸ πικρὸν γλυκὸν καταστήσας, τὸ χολώδες εἰς θεραπείαν μεταβάλλων... — горко сладко сътворивъ чловѣчно . на цѣлѣж прѣложивъ . Супр 430,19. Таким образом, прил. *člověčьь* свидетельствует о высокой продуктивности суффикса *-ьп-* в сфере образования прилагательных, так как с его помощью легко (в данном случае даже бессознательно) образовывались неологизмы, но в узусе старославянского языка были только два прилагательных, мотивированных существительным *člověčь*.

Глава II

Проблемы реконструкции лексического фонда старославянского языка и принципы морфемного членения старославянских лексических единиц

При исследовании старославянской словообразовательной морфемки представляется невозможным не воспользоваться современной теорией словообразования, особенно достижениями в этой области отечественного языкознания, накопленными за последние десятилетия. Вместе с тем применение к материалу мертвого старославянского языка теории, разработанной для синхронного изучения словообразовательных процессов в, главным образом, современных живых языках, нуждается, видимо, в соответствующей ее доработке и «адаптации». В предыдущей главе были рассмотрены требующие учета при изучении старославянского словообразования обстоятельства, обусловленные особенностями старославянского языка как литературного языка раннего славянского средневековья. Остановимся теперь на вопросах, связанных с ограниченностью объема дошедшего до нашего времени старославянского языкового материала.

Описание словообразовательной морфемки старославянского — как и любого другого — языка должно быть дано на основе словообразовательного и морфемного анализа его языкового материала. И первая же проблема, с которой сталкивается исследователь при осуществлении данного анализа, — это проблема морфемной членности старославянских слов, которая особенно осложняется тем, что это членение (процедура сегментирования) должно быть проведено не с точки зрения, например, праславянского или — тем более — индоевропейского языка, но должно оставаться в рамках старославянского языка как языковой системы, реально существовавшей в IX — начале XI вв. Посмотрим сначала, как принято осуществлять эту процедуру при синхронном изучении современных языков.

В основном русле отечественных исследований по синхронному словообразованию и морфемике морфемный анализ и сегментация лексем ставятся в зависимость от результатов «последовательно примененного» словообразовательного анализа, именно посредством последнего определяется самостоятельность значения сегментов слова, их «морфемный статус», в том числе и в тех случаях, когда их статус «в той или иной степени дефектен» [Лопатин 1977: 27 и сл.]. Методика исследования основана на установлении отношений мотивированности с охватом (теоретически) всей лексической системы языка, причем в первую очередь определяются словообразовательные пары непосредственно мотивирующих и мотивированных слов. Адекватность анализа обуславливается полнотой источника языкового материала, для чего используются не только наиболее полные толковые словари литературного языка, но в исследуемый объем лексики включаются также неологизмы и окказиональные образования, нередко извлекаемые из непосредственных опросов носителей языка. Особое значение полноте охвата материала придается на современном этапе развития отечественной словообразовательной теории в связи с попыткой исследования словообразовательной системы языка в качестве «совокупности реализованных и потенциальных единиц» [Улуханов 1996: 7].

Итак, согласно современным представлениям в сфере теории словообразования, исследование словообразовательной морфемки требует доступа к лексическому фонду изучаемого языка во всей его полноте. Однако специфика старославянского материала (как, впрочем, материала любого мертвого языка в большей или меньшей мере) определяется тем, что в дошедших до нашего времени старославянских рукописях зафиксированы лишь фрагменты существовавшей в то время лексической системы. Словарь 1994, на который мы опираемся прежде всего, строго говоря не является толковым словарем старославянского языка, но представляет собой «толковый» словарь-индекс к дошедшим до нас «классическим» старославянским рукописям (см. «Предисловие», примечание 1 на с. 3), а именно к 18 рукописям X–XI вв., отобранным авторами словаря по известным принципам, изложенным в его Введении [Словарь 1994: 4, 13–25]. Тексты, сохранившиеся в этих рукописях, представляют нам лишь небольшую часть того, что было в действительности написано на

старославянском языке. Не только основная масса трудов древнеболгарских книжников (в том числе и произведения знаменитого Иоанна Экзарха Болгарского), написанных изначально на старославянском языке, но и перевод Апостола и большей части Ветхого завета дошли до нас не в составе «классических» старославянских рукописей, а в более поздних списках со старославянских протографов. О «потерях» в старославянском лексическом инвентаре можно судить, сравнив хотя бы словник Словаря 1994 г. с составленным Л. Садником и Р. Айцетмюллером индексом к «Шестодневу» и «Богословию» Иоанна Экзарха [Aitzetmüller 1958–1975 VII; Sadnik 1983]. Таким образом, изучение старославянского языка в качестве языковой системы не может опираться на корпус лексик случайно сохранившихся рукописей X–XI вв. в той же мере, в какой оно опирается на корпус достаточно полных словарей живых славянских языков.

При попытках установления отношений мотивированности старославянских лексем выясняется, что в ряде случаев звенья словообразовательных цепочек представлены в «классических» старославянских рукописях (и, следовательно, в словнике Словаря 1994) достаточно полно, чтобы дать возможность бесспорных решений в определении отношений мотивации. Так, например, нет сомнений, что сущ. *vъziskatelъ* 'тот, кто судит' мотивировано глаголом *vъziskati* в значении 'взыскать/взыскивать (долг, отчет)', а сущ. *pustota* 'пустота' — прилагательным *pustъ* 'пустой', и мн. др. Однако в других случаях не только мотивированное, но и мотивирующее слово с большой степенью вероятности может оказаться за пределами известных нам фрагментов системы. Например, если исходить только из корпуса зафиксированных в «классических» старославянских рукописях лексем, то вопреки здравому смыслу немотивированными (и не членимыми свободно на морфы) придется считать и сущ. *skopostъ*, и прил. *lъbъlъ*, и мн. др., так как ни прил. **skopъ*, ни сущ. **lъbъ* в них не встречаются (см., однако, ниже, с. 28–29). Совершенно очевидно, что старославянский материал не позволяет применять к нему без какой-либо адаптации уже хорошо разработанную для синхронного исследования современных живых языков методику процедуры сегментирования (морфемного членения) лексем. Следование принципам этой процедуры привело бы к слишком большому количеству частных ошибок в установлении словообразовательных связей и сегментации слов, а затем, возможно, и к неверным общим выводам и даже нелепостям.

Указанные сложности в установлении сегментации лексем на основе определения отношений мотивации должны возникать при системном исследовании любого мертвого языка. Вместе с тем острота проблемы и пути преодоления указанного препятствия зависят в немалой степени от объема сохранившихся источников материала. Так, при исследовании древнерусского словообразования весьма значительный объем сохранившихся источников позволяет, видимо, исследователю пренебречь «фоновым шумом», создаваемым обусловленными неполнотой материала неадекватными решениями, и использовать принципы и методы анализа, разработанные для целей синхронного словообразования. Постулируя основы построения исторического словообразования русского языка, И. С. Улуханов отмечает, что «словообразовательный анализ с опорой на реально зафиксированную лексику, надо полагать, приближает в большей степени к истине, чем реконструкция потенциальных слов пропущенных звеньев цепи» [Улуханов 1994: 16].

Объем источников старославянского языка неизмеримо меньше. При этом, с одной стороны, в связи с возможностью открытий ранее не известных рукописей корпус зафиксированных старославянских лексем не является закрытым списком (см., например, [Ефимова 1999а: 69]), а, с другой стороны, даже зафиксированные в старославянских рукописях лексемы употребляются в них не во всех своих значениях. Так, например, прил. *skōdъльъ* 'глиняный', являющееся мотивирующим для сущ. *skōdъльникъ* в значении 'глиняный сосуд, кувшин, горшок', в словнике Словаря 1994 отсутствует, но обнаружилось в найденной в 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синае части Евх, ранее считавшейся утраченной (см. на фотографии листа 16 v в [Tarnanidis 1988: 235]). С другой стороны, гапак Евх сущ. *vъstavitelъ*, имеющий значение 'создатель' (**тѣ** в'семоу зълоу **въ**ставителѣ **дѣ**воле — Евх 55а 11), естественно считать образованием с суффиксом *-tel'(ь)* от глагола *vъstaviti*. Однако в известных нам старославянских рукописях гл. *vъstaviti* употребляется только со значением 'поставить, поднять', а также 'воскресить' в словосочетании *vъstaviti iz mrtvуixъ*, что и отмечено Словарем 1994, и, следовательно, — если не выходить за пределы «реально зафиксированной» в старославянских рукописях лексики, — отношение *vъstaviti* → *vъstavitelъ* согласно принципам современной теории словообразования не может быть признано словообразовательной парой.

Для решения проблемы морфемного членения старославянских лексем, адекватного старославянскому языку как языковой системе, существовавшей в IX — начале XI вв., нам видятся два взаимодополняющих пути, которыми мы и руководствовались в своем исследовании: 1) максимальное расширение объема анализируемого языкового материала за счет реконструкции старославянского лексического инвентаря (по рассматриваемой ниже методике); 2) выбор такой процедуры сегментирования лексем, которая отношения словообразовательной мотивации будет учитывать, но изначально не определяться ими.

Вопрос о создании методики реконструкции незафиксированной в старославянских рукописях X–XI вв. старославянской лексики был поставлен Р. М. Цейтлин еще в 70–80-х годах XX в. [Цейтлин 1977: 21; Цейтлин 1986]. Однако стремление в исследованиях тех лет оставаться в рамках чистой синхронии (а в данном случае понятие «синхронного среза» обязывало использовать материал рукописей только X–XI вв. и только древнеболгарского происхождения) значительно сужало горизонт поисков исследователя. Предложенная Р. М. Цейтлин методика опиралась на синхронный анализ «словообразовательных пар». По мнению Р. М. Цейтлин, реконструкция лексемы как старославянской требует, чтобы она присутствовала в словарном корпусе рукописей древнеболгарского происхождения в «связанном» виде в словообразовательных парах «мотивирующее — мотивированное» в «левом» ряду, в то время как «правый» ряд таких пар не может дать достаточно надежных результатов [Цейтлин 1986: 114]. В начале 80-х годов болгарская исследовательница Р. Павлова, понимая важность использования данных древнерусских списков XI в. с утраченных старославянских протографов для изучения лексики и словообразования старославянского (= древнеболгарского литературного) языка, попыталась «расширить» методику Р. М. Цейтлин за счет определенных процедур анализа лексики этих списков, а именно выделения слов по критерию наличия в них того же корня, что и в зафиксированных в древнеболгарских (т. е. «классических» старославянских) рукописях X–XI вв. словах с «общим семантическим знаменателем», и выделения слов по критерию принадлежности их к словообразовательным моделям, известным в старославянском языке [Павлова 1983].

В одной из своих статей 2002 г. мы старались показать, что современное состояние палеославистики — накопленный фактический материал и новая парадигма принципов лингвистического исследования — требуют развития и усовершенствования предложенной Р. М. Цейтлин методик [Ефимова 2002а]. В основу нашего подхода к реконструкции старославянского лексического инвентаря мы кладем положение, что «восстановление» тех или иных звеньев лексической и словообразовательной систем старославянского языка принципиально может быть осуществлено только с большей или меньшей степенью вероятности. В указанной статье на конкретных примерах реконструкции ряда наречий с суффиксом *-ě* в качестве старославянских лексем нами было продемонстрировано, как предложенные Р. М. Цейтлин принципы реконструкции можно сочетать с целенаправленным анализом лексики рукописей, восходящих к старославянским протографам [Ефимова 2002а: 466–467]. Мы исходим из того, что круг предположительно старославянской лексики должен выявляться путем сопоставительных исследований лексического материала возможно более широкого круга списков, восходящих к оригиналам, написанным старославянским языком, но не сохранившимся до нашего времени в древнеболгарских списках X–XI вв., которые принято считать «классическими» старославянскими рукописями. При этом доказательства, повышающие степень надежности реконструкции лексем как незафиксированных в этих рукописях звеньев лексической системы старославянского языка, могут быть добыты в результате сопоставительного лексикологического и текстологического изучения огромного и почти не исследованного рукописного наследия. Наличие лексемы в разных местах более поздних списков разных произведений и, особенно, списков разных (русского, сербского, среднеболгарского) изводов уменьшает возможность рассматривать ее как внесенную в процессе движения текста по спискам и указывает на большую вероятность принадлежности ее к лексическому инвентарю старославянского языка. Так, например, прил. *skopъ, не встречающееся в старославянских рукописях X–XI вв., но наличие которого

в лексическом инвентаре старославянского языка необходимо для установления свободной членности упомянутого выше ст.-слав. *skopostь*, обнаруживается в списках разных изводов, в том числе и с произведений, восходящих к старославянским протографам: в древнерусском списке Панд.Ант. XI в. находим образованное от него по продуктивной модели с суффиксом *-ě-* наречие *skopě* [Срезн III: 398]; само же прил. *skopь* встречается в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с сербского 1263 г. (Шест 189а 2), а также в более поздних (начиная с XIII в.) церковнославянских памятниках [SJS III: 100; Срезн III: 398]. Показательно и употребление прил. *skopь* в среднеболгарском списке ХрМ (л. 105') — памятнике, не восходящем к старославянскому протографу, но подтверждающем наличие этой леммы в языке среднеболгарского извода. Также и сущ. **lъbь*, наличие которого в лексическом инвентаре старославянского языка необходимо для установления свободной членности упомянутого выше ст.-слав. прил. *lъbьlъ*, обнаруживается со значением 'лоб как часть головы' в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с сербского 1263 г. (Шест 227а 25). Для леммы **lъbь*, относящейся к сфере обыденной лексики, важным оказывается и факт распространенности этой леммы практически во всех славянских языках (см., например, в [ЭССЯ 16: 225–227]), что еще раз подтверждает высокую вероятность наличия ее и в старославянском лексическом инвентаре. Не зафиксированные в старославянских рукописях значения лексем также могут обнаружиться в более поздних списках со старославянских протографов. Так, например, вышеупомянутое отношение *vъstaviti* (в старославянских рукописях только 'поставить, поднять') → *vъstavitelъ* 'создатель' при строгом формальном следовании принципам современной теории словообразования не может быть признано — вопреки здравому смыслу — словообразовательной парой, так как гл. *vъstaviti* в старославянских рукописях не встречается с соответствующим значением. Тем не менее отношение *vъstaviti* → *vъstavitelъ* все же реально представляло собой в старославянском языке словообразовательную пару, что подтверждается употреблением гл. *vъstaviti* со значением 'создать, сотворить' в Изб 1073 — рукописи, восходящей в старославянскому протографу: *къ юудеомъ рече . о своемъ тѣлесн . разорите храмъ снн и въ тръхъ дньхъ в ъ с т а в л ю и .* (Изб 1073, л. 7г 27, реминисценция евангель-

ского чтения, ср.: ѣко азъ разорѣхъ црѣвь снѣхъ ржкотворенѣхъ . и трѣми дньми нѣхъ нержкотворенѣхъ съзиждѣхъ Мк 14,58 Мар, Зогр). Следовательно, значение 'создать, сотворить' можно предполагать у гл. vьstaviti с высокой степенью вероятности и в старославянском языке¹.

Применительно к старославянскому языковому материалу процедуру сегментирования (членения на морфы) лексем кажется целесообразным начинать не с «последовательно примененного» словообразовательного анализа (поскольку, как мы пытались показать выше, именно «последовательное применение» его по отношению к старославянскому материалу невозможно), а с установления актуальных семантических связей у лексем, представляющих собой вошедшие в сохранившиеся фрагменты языка «осколки» гнезд этимологически однокоренных слов. Далее мы используем адаптированный к условиям старославянского языка метод сопоставления, предусматривающий анализ слова в кругу слов, содержащих тождественные сегменты (корни и аффиксы)². В соответствии с данной исследовательской методикой нами выбрана и система изложения материала в последующих главах, адекватная старославянскому словообразовательному механизму, которая, однако, в свете представлений современной теории словообразования может показаться весьма спорной. Материально идентичные или близкие (по составу фонем) аффиксальные морфы рассматриваются нами как морфы единой морфемы³, которая может «работать» в качестве

¹ Интересно, что глагол несовершенного вида vьstaviti, в пределах старославянских рукописей встречающийся только со значением 'воскрешать', в списках Номоканона (т. е. в списках, восходящих к старославянскому протографу) и, в частности, в Устюжской кормчей XIII в. на л. 9b 5, употребляется в значении 'сотворить, создать', хотя в SJS этот контекст приведен как пример на значение 'ставить' [SJS I: 337–338]. Ср.: и ничто же... творити . ни ковь же ни крамоль . на на вьставлати. По данным Карт. SJS, в более поздней Йоасафской кормчей (XVI в.) на этом месте употреблен гл. sьstavlati (соста^{ла}ла^{ти}, л. 17b).

² Отметим, что метод сопоставления, идеологически близкий американскому дескриптивизму (см. [Гринберг 1963: 81–83]), имеет свои традиции и в отечественном языкознании [Русский язык 1968; Кузнецова, Ефремова 1986].

³ Терминами «морф», «морфема» пользуемся, тем не менее, в общепринятом их понимании (см., например, [Грамматика 1982: 124–125]).

словообразовательной как при образовании одушевленных существительных, так и неодушевленных, как существительных мужского рода, так и женского или среднего, как при образовании от субстантивных производящих основ, так и адъективных, и глагольных. Такой подход, по нашему мнению, не только релевантен древнему состоянию языка, но и гораздо больше дает для понимания функциональной динамики славянских словообразовательных морфем в старославянском языке, чем искусственное «наложение» на старославянский материал принципов современной словообразовательной теории, требующей «разбиения» морфемы на целый ряд омонимичных морфем¹. Анализ актуальных семантических связей «осколков» гнезд этимологически однокоренных слов подразумевает тщательное исследование их семантики с учетом не только «словарных» основных значений лексем, но иногда и «оттенков», и «контекстных» значений. Отметим, что последние не всегда в полной мере фиксируются старославянскими словарями (S-A, Словарем 1994 и SJS), но могут оказаться важными при установлении связей между однокоренными словами. Особую проблему при этом представляет процедура сегментирования «старых» лексем, унаследованных старославянским языком из праславянского и восходящих иногда к индоевропейскому.

Рассмотрим здесь в качестве примера эту процедуру в отношении ряда старославянских слов, содержащих элемент *-mę/-męn-*, этимологи-

Морфы, характеризующиеся позиционным распределением, называем «алломорфами» морфемы; морфы, всегда заменяющие друг друга в окружении одних и тех же морфов, называем «вариантами» морфемы (см. [Там же: 125–127]).

¹ Чрезмерная «разобобщенность» производных слов в составленных по общепринятым в современной теории словообразования принципам описаниях, мешающая восприятию важнейших параметров словообразовательного механизма языка, осознается и наиболее авторитетными лингвистами, работающими в этой области: «Разведение дериватов по разным категориям в зависимости от частеречной характеристики основы (при сохранении тождества словообразовательного значения, например, “место, где”), как это делается в академической грамматике русского языка или же в Грамматике современного польского языка, не представляется нам удачным», — пишет Г. П. Нецименко [Нецименко 1994: 97].

чески являющийся континуатом индоевропейского суффикса *-men-. Такие из них, как *vĕmę* ‘время, период’ (и производные от него *vĕmęnъ*, *vĕmęnъnъ*, *bezvĕmęnъ*, *blagovĕmęnъ*, *malovĕmęnъ*), *imę* ‘мя’ (и производные от него *imenovati*, *bezimęnъ*, *lъzimęnъ*, *imeniti* и др.) в старославянском языке суффикса -mę/-men- не вычлениют, так как семантические связи с этимологически однокоренными словами без этого суффикса не сохранились. Более того, даже этимология этих слов недостаточно ясна¹. Так же и для *imę* этимология не является бесспорной [ЭССЯ 8: 227–228]. С другой стороны, такое существительное как *zĕmę* (‘семя’, ‘сперма’), несмотря на то, что, судя по соответствиям в других языках [Фасмер III: 600–601], тоже является индоевропейским образованием, сохраняет ясные семантические связи с глаголом *sĕti* ‘сеять’ и другими старославянскими лексемами с этим корнем без суффикса -mę/-men-. Также лексемы *pisę* ‘буква’, ‘письмена, текст’ и *ĕisę* ‘число’ имеют семантические связи со старославянскими глаголами *pisati* ‘писать/написать’, ‘рисовать/нарисовать’ и *ĕisti* ‘читать’². И хотя в литературе высказывались различные мнения о реальном происхождении этих имен³,

¹ Й. Зубатый и А. Вајан относили *vĕmę* к корню **ver-* (старославянские лексемы с этим корнем — *verĕja* ‘запор’, *verĕga* ‘цепь, оковы’, *vĕtište* ‘мешок’, ‘сума, мошна, кошелек’, ‘*ὄβκος*, одежда’, *vъvĕti* ‘воткнуть, вонзить’, *zavĕti* ‘закрыть’, *provĕti* ‘просунуть, продеть’) [Zubatý 1894: 418; Vaillant 1958: 212], в то время как большинство авторов склоняются к версии с корнем **vert-* (старославянские лексемы с этим корнем — *vĕtĕti sę* ‘ворочаться, вертеться’, *otъvĕtĕ* ‘наоборот’, *vratiti sę* ‘вернуться’, ‘обернуться’, повернуться’, *vĕtĕ* ‘колесо, орудие пытки’, *vĕtĕkъ* ‘шаткий, неустойчивый’ и др.) [S–A: 333; Фасмер I: 361; Sławski 1974: 127] и др. В своей недавней статье К. А. Максимович при проведении семантической параллели между слав. *grĕchъ* и *vĕmę* также исходит из «надежного возведения» *vĕmę* к ссл. **vert-men* < **vert-/vort-* ‘вертеть’ [Максимович 2005: 122].

² В собственно старославянских рукописях гл. *ĕisti* в значении ‘читать’, соответствующем значению сущ. *ĕisę* ‘число’, не встречается, однако это значение отмечено у гл. *ĕisti* в древнейших списках с многих произведений, восходящих к старославянским протографам [SJS IV: 869; Срезн IV: 1526].

³ Так, А. Матл предполагал, что либо *pisę* и *ĕisę* образованы с помощью суффикса -smen-, являвшегося дублетной формой суффикса -men-, «замещавшей -men- после дентальных» [Mátl 1954: 140, 147], либо эти слова

вычленение в старославянском языке суффикса *-men-/-mę-* в этих лексемах не вызывает сомнений.

Провести же процедуру сегментирования таких лексем, как *znamenati* 'обозначать/обозначить' (и производных от него *znamenovati*, *znamenavati*, *paznamenati*, *paznamenovati*), *znameniti* 'выдающийся', *znamenije* 'знаменье, знак', 'знак, знамя', исходя только из их основных словарных значений, невозможно. Этимологически наличие в составе этих слов корня *-zna-* и суффикса *-men-* бесспорно ([Фасмер II: 100] и др.), однако для того, чтобы решить, нужно ли в этих словах вычленять корень *-zna-* или корнем для системы старославянского языка являлся *-znamen-*, следует установить, сохраняются ли в старославянском языке семантические связи между лексемами с корнем *-zna-* (глаголом *znati* и производными от него *rozpnati*, *rozpnavati*, *znajęть*, *nezpnajęть*, *znaniје*, *rozpnaniје*, *bogorozpnaniје*) и лексемами, имеющими отрезок *-znamen-*. В таких случаях как этот, важным оказывается учет не только основных значений слов, но и выявляемые в старославянских рукописях оттенки значений, «контекстные» значения. Так, для глагола *znati* Словарь 1994, наряду с основным значением 'знать', указывает оттенок 'видеть, замечать' (в котором отражается, видимо, семантика и.е. **g'en-* как глагола «феноменализации» [Топоров 1994: 148]) с ярким примером из Супр: **яко же не знати пещтеры**, т. е. 'так, что пещеры не стало видно, заметно'; для причастия в значении прилагательного *znajęть* — значение 'знакомый, известный', и только как второе значение дает 'знать, сознать' [Словарь 1994: 238–239]. Буквально то же значение, что и прич. *znajęть* (без суффикса *-men-*), имеет старославянское прил. *znameniti* (с суффиксом *-men-*), дважды употребленное в Супр при переводе греч. *ἐπίσημος* и *περιφανής*: **имаши знамениты**

появились в интересующую нас эпоху, в прямой связи с возникновением двух старейших славянских азбук, но были образованы не от соответствующих глаголов, а «на основании смысловой аналогии» по образцу *zname*, путем преобразования («*přetvoření*») уже существовавших ранее в языке лексем *pisъno* и *čislo* [Там же: 147–148]. В ЭССЯ отмечается, что это «бесспорно древнее образование», возможно, было соотнесено с основой инфинитива *čisti*, причем «непрочность сочетания *tm*» в первоначальном **čitme* «послужила причиной введения элемента *-s-*» [ЭССЯ 4: 119].

мѣста . нарицаемѣа крѣстианѣа (Супр 67,10–11) и положиша на мѣстѣ знаменитѣа (Супр 58,23–24). Очевидно, что семантические связи лексем *znati* и *znamenitъ* в старославянском языке сохраняются. Следует лишь отметить, что данное прилагательному *znamenitъ* в Словаре 1994 толкование ‘выдающийся’ [Словарь 1994: 238] предполагает в русском языке семантику ‘славы, прославленности’ (ср., например: *выдающийся музыкант* и т. п.), которой, однако, судя по известным нам контекстам, старославянское слово не обладало¹.

На основе проведенной процедуры сегментации старославянских лексем между ними могут быть установлены отношения производности. Приоритет установления отношений производности перед установлением мотивационных отношений в историческом словообразовании признается и И. С. Улухановым, в целом склонным, как мы видели выше, к применению по отношению и к мертвым языкам (в частности, к древнерусскому материалу) принципов и процедур современной теории словообразования, ориентированной на синхронное исследование современных живых языков. «Как известно, — пишет И. С. Улуханов, — мотивационные отношения далеко не всегда совпадают с реальной производностью. Последняя несущественна для синхронного словообразования, но должна быть отражена в историческом» [Улуханов 1994: 17]. Определение мотивационных отношений в старославянском языке может быть следующим этапом анализа, основанным на уже проведенной процедуре сегментации лексем на морфы и установленной затем производности. Однако в силу рассмотренной специфики старославянского материала, заключающейся в частом отсутствии фиксации мотивирующих слов, этот этап не всегда возможен. И если при изучении словообразования древнерусского языка, при достаточно большом объеме доступного материала, представляется возможным построить классификацию словообразовательных типов на базе

¹ Контексты суть следующие: Ἀπεθῶν ἐν τῇ φυλακῇ, εὐτρέπισόν μοι εἰς τὴν αὔριον οὐσπερ ἔχεις... περιφανεῖς ἄνδρας, τοὺς λεγομένους... Χριστιανοὺς. — иди въ темницѣ . и оустри ми оустриа аже имаши знаменитѣа мѣста . нарицаемѣа крѣстианѣа . Супр 58,22; Καὶ τινες φιλόχριστοι, ἄφαντες αὐτά... ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ ἀπέθαντο. — цнѣ же отъ хрестолюбѣць въземъше тѣлеса ихъ положиша на мѣстѣ знаменитѣа . Супр 67,10.

мотивационных отношений [Улуханов 1994: 17], для старославянского материала этот путь последования оказывается нерелевантным. Так, возвращаясь к рассмотренным выше лексемам с корнем *-zna-* и оставаясь в кругу «реально зафиксированной» Словарем 1994 лексики, с точки зрения постулатов современной теории словообразования приходится прил. *znamenitъ*, сущ. *znamenije* и глагол *znamenati* признать немотивированными словами. Между тем для нашего анализа важнее установление отношений производности на основе проведенной сегментации данных лексем, которая, в свою очередь, определяется сохранением актуальных семантических связей с гл. *znati*. Таким образом, получается, что эти лексемы являются производными от незафиксированного в старославянских рукописях сущ. **znameъ*, в свою очередь производного от гл. *znati* (т. е. *znati* → **znameъ*). У нас нет прямых доказательств того, что сущ. **znameъ* входило в лексический инвентарь старославянского языка, но оно было в нем возможно. В таком случае возможно, что в старославянском языке были и отношения мотивации **znameъ* 'отличительный знак' → *znamenati* 'обозначать/обозначить', т. е. такие же, как и «просматриваются» для языка древнерусского¹. Причину отсутствия в старославянских рукописях сущ. **znameъ* следует видеть в широком распространении образованного от него с суффиксом *-ij-* сущ. *znamenije* (более 100 уп.). По данным Словаря 1994 г., *znamenije* имело два основных значения: 1) 'знамение, знак' и 2) 'знак, знамя' [Словарь 1994: 238]. Таким образом, для выражения значения 'отличительный знак' могло чаще использоваться более употребительное сущ. *znamenije*. Реальные отношения производности **znameъ* (Гер. **znamepe*) → *znamenije* с большой долей вероятности можно квалифицировать как «удвоенную аффиксацию» (см. в Главе I, с. 18–20), в то же время в старославянском языке было, возможно, и отглагольное образование с суффиксом *-ij-* от гл. *znamenati* (от основы причастия *znamenaj-*), а именно *znamenajije*, зафиксированное, причем в разных контекстах, в очень ранних древнерусских списках

¹ И. И. Срезневский приводит примеры на значение сущ. *знамя* 'отличительный знак' не старше XV в., но в первом же примере хорошо показана связь мотивированного глагола и мотивирующего существительного: *назмяянанъ топорь... знамяна топоровые* [Срезн I: 991].

со старославянских протографов Гр.Наз XI в., Ефр.Крм. XII в. [Срезн I: 987]. Прил. *znamenitъ* с суффиксом *-it-*, образовывавшим в славянских языках прилагательные, как правило, от существительных [Vaillant 1974: 468–469], также образовано от **znameŕ* (**znameŕ* → *znamenitъ*). Отношения мотивации при этом совпадали, видимо, в этом случае с отношениями производности: **znameŕ* ‘отличительный знак’ → *znamenitъ* ‘знакомый, известный’.

Целью данного исследования является описание именно старославянской словообразовательной морфемки, что предполагает при процедуре сегментирования старославянских лексем принцип необходимости задавать глубину членения, оставаясь в рамках старославянского языка как реально существовавшей в IX–XI вв. языковой системы. По этой причине во многих случаях мы считали невозможным установление синхронных семантических связей между этимологически однокоренными словами. Так, этимологически один корень имеют ст.-слав. *čelo*, *čeladъ*, *kolěno*, тот же корень является первым компонентом (с этимологической точки зрения) в древнейших сложениях *čelustъ* и *člověkъ* (и в большой группе мотивированных последним старославянских слов), унаследованных старославянским языком из праславянского, причем производность *čeladъ*, *čelustъ* и *člověkъ* очевидна на славянской (т. е. на праславянской, а не на индоевропейской) почве [ЭССЯ 4: 41,43,49; ЭССЯ 10: 133]. Однако значения этих слов в старославянском языке — *čelo* ‘лоб’, *čeladъ* ‘челядь’, *kolěno* ‘колено’, ‘поколение’, *čelustъ* ‘челюсть’, *člověkъ* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘слуга, подданный’ — вызывают сомнения в существовании между этими словами синхронных семантических связей (т. е. связей на уровне старославянского языка).

С другой стороны, отказ от сегментирования многих лексем, реально являвшихся производными, но мотивирующе слова для которых волей случая не были использованы в текстах, дошедших до нас в собственно старославянских рукописях (и, следовательно, не зафиксированы в словнике Словаря 1994), часто приводил бы к нелепостям. Особенно это касается морфемного членения лексем того слоя, который условно можно назвать обыденной старославянской лексикой. Сфера обыденной лексики относительно плохо представлена в старославянских текстах в силу специфики их

содержания. Поэтому при процедурах сегментирования лексем этого слоя в поисках предположительно старославянских слов, содержащих производящую основу, приходится обращаться не только к рукописям, восходящим к старославянским протограммам, но и к более широкому кругу источников — рукописям древнеславянского языка различных изводов, заведомо не восходящим к старославянским протограммам, различного рода словарям. В зависимости от количества и надежности этих источников, реконструкцию искомым словам в качестве старославянских — как и вообще реконструкцию фонда старославянской лексики — следует считать более или менее вероятной, а морфемное членение подлежащих сегментированию старославянских лексем проведенным с большей или меньшей степенью вероятности. Таким образом, в некоторых случаях представляется целесообразным рассматривать сегментацию старославянских слов как предполагаемую, а вычленимые морфемы (для конкретных лексем) как предположительные.

Например, на наш взгляд, было бы неправильным не отмечать возможное (вероятное) вычленение в ряде старославянских слов суффикса *-ic(a)* со значением уменьшительности или единичности. К таким словам относится ст.-слав. *kašica*, которое употребляется в рукописях «классического старославянского канона» единственный раз (Евх 44а 22–23). Хотя в старославянских рукописях слово *kaša* не встречается (и, соответственно, не отмечено в Словаре 1994), оно широко распространено в славянских языках. Видимо, потому, что оба слова относятся к сфере обыденной лексики, они плохо представлены в древнейших рукописях: в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского приводится лишь один пример на слово *kaša* в значении ‘каша’ (а также один пример на значение ‘пир’) и один пример на слово *kašica*, причем все эти примеры взяты из относительно поздних рукописей [Срезн I: 1201]. Примеры из относительно поздних рукописей даны и в других словарях [СДЯ XI–XIV IV: 206; СлРЯ XI–XVII 7: 97]. Словарь 1994 указывает для *kašica* значение ‘каша’ [Словарь 1994: 283], однако контекст употребления этого слова, описывающий ситуацию, в которой больному предписывается съесть вечером немного какой-то пищи (Евх 44а), позволяет определить его значение и как ‘кашпца’. Лексема с суффиксом *-ic(a)* *krupica* ‘крошка’ употреблена в трех евангельских

чтениях (Мт 15,27; Мк 7,28; Л 16,21) — при том, что слово *krupa* в кругу собственно старославянских рукописей не встречается. Отсутствие в них последнего, однако, легко объясняется специфическим содержанием старославянских текстов, в которых редко востребованы такие принадлежащие к слою обыденной лексики слова, как *krupa*. И действительно, слово *krupa* зафиксировано, причем в разных контекстах, в ряде очень ранних древнерусских списков со старославянских протографов, таких как Изб 1073, Гр.Наз. XI в., Ефр.Крм. XII в. и др. [Срезн I: 1335; СДЯ XI–XIV IV: 306; СлРЯ XI–XVII 8: 86–87]¹. С меньшей степенью вероятности вычленяется суффикс *-ic(a)* в ст.-слав. *krinica* ‘кувшин’. Эта лексема в старославянских рукописях встречается единственный раз (Супр 291,8), слово **krina* не встречается в них совсем. Доказательства вхождения слова **krina* в старославянский лексический инвентарь несколько противоречивы. С одной стороны, в болгарском языке оно известно как диалектное и устаревшее (‘цилиндрический сосуд, мера для зерна и под.’ — см. [Герв II: 415] и др.), что говорит о возможности использования его в старославянском языке. Однако, с другой стороны, в ряде древнерусских списков евангельского текста (Арх л. 53,20, а также Юр. 1119 г., Добрпл. 1164 г. [Амфилохий 1877: 14; СлРЯ XI–XVII 8: 58]) оно употребляется на месте лексем *srōdъ* и *srъōdъ*, которые находим в сохранившихся собственно старославянских рукописях в тех же чтениях (Мт 5,15; Л 8,16), и, следовательно, слово **krina* может оказаться в них древнерусской инновацией.

Неверным, на наш взгляд, было бы также не отмечать вероятность морфемного членения слов слоя обыденной лексики, употребленных в старославянских текстах в переносном значении, — таких, например, как ст.-слав. *котъка*, встречающееся в тексте Супр. Хотя в старославянских рукописях слово **kotъ* ‘кот’ не встречается, оно известно в болгарском как диалектное и устаревшее слово (см. [Герв II: 404] и др.). Широко распространено оно и в других славянских языках, в том числе и старшего периода [ЭССЯ 11: 209–210]. Поэтому трудно представить, что ст.-слав. *котъка*, имеющее значение

¹ Лексемы *kaša* и *krupa* считала принадлежащими к старославянскому лексическому инвентарю и Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1986: 116], что подтверждается аргументацией по нашей методике.

‘якорь’, явно переносное, не осознавалось древним книжником как однокоренное со словом *коть ‘кот’, и, следовательно, вычленяющее суффикс -ѣк(ъ) (см. также [ЭССЯ 11: 213]).

В некоторых случаях вопрос о членности лексем на уровне старославянского языка приходится оставлять открытым. Так, например, членность лексем *о҃дїје* и *о҃дѡвати* (с корневой морфемой в огласовке *ѡ¹*) зависит от того, сохранялись ли актуальные семантические связи этих лексем с группой лексем с корневыми морфемами *-гѣд-* и *-гѣзд-* (в огласовке *ѣ*). Не выходя из круга данных, представляемых Словарем 1994, и опираясь в морфемном и словообразовательном анализе формально на указанные в нем толкования (ср.: *гѣдъ* ‘ряд, разряд; место и др.’, *по гѣду* ‘по порядку и др.’, *изгѣдъ* ‘чрезвычайно’, *изгѣдѣнь* ‘чрезвычайный’, *изгѣдѣно* ‘чрезвычайно’, *погѣдїје* ‘очередность’, *вгѣдити* ‘включить, причислить’, *вгѣдѣнїе* ‘очередь, порядок’, *о҃дїје* ‘дело, деятельность’, *о҃дѡвати* ‘устраивать’), можно прийти к выводу о немотивированности слов *о҃дїје* и *о҃дѡвати* и о непроемкости и нечленности их основ. Однако, как мы уже отмечали выше, старославянское слово часто встречается в известных нам рукописях не во всех своих значениях (тем более, не во всех оттенках своих значений) и, следовательно, в Словаре 1994 оказывается зафиксированным, но не во всей полноте своего семантического объема. В силу невысокой частотности в старославянских рукописях лексемы *о҃дїје* (4 уп.), контексты не раскрывают в полной мере семантики этого существительного, и словаря толкуют его значение очень широко: ‘дело, деятельность’ [Словарь 1994: 415; SJS II: 556], ‘Sachverhalt, Geschehnis, Angelegenheit, Geschäft, Tätigkeit’ [S-A: 77]. В то же время, судя по широким контекстам, можно предполагать, что значение ‘дело, деятельность’ сущ. *о҃дїје* могло быть связано с семантикой ‘упорядочения, устройства’, тем более, что ст.-слав. *о҃дїје* переводит как греч. *πρῶτα*, так и *ἀλόκρισις*. Ср.: *посъла на* (т. е. ‘нас’) *старыць на орѣднѣ* (*εἰς ἀλόκρισιν*) . *на ливиадж* . Супр 296,22². На эту же семантику указывает и данное в

¹ Об этимологии слов с корнем *гѣд- см. [Фасмер III: 154]. Об исконности в славянском ступени *гѣд-, чередующейся с *гѣз-, см. также [Петлева 1982: 36–41].

² Примечательно, что в древнерусском языке И. И. Срезневский, опиравшийся на значительно больший объем текстов, отмечал у этого слова

Словаре 1994 толкование глагола *ořdovati* ‘устраивать’ [Словарь 1994: 416]. Гл. *ořdovati* употреблен лишь однажды (в форме причастия *ořdujōšte*): и оударивъше въ двѣри акты жродоужште ч’то (Супр 145,27) при переводе греч. καὶ κρούσαντες τὴν θύραν ὡς ἐπὶ ἀλοκρίσει τινί, причем из-за ошибки писца в написании (*жродоужште* вм. *орждоужште*) учтен только в Словаре 1994 (см. также [Bláhová 1992]), в то время как в словниках SJS и S-A этот глагол отсутствует. Если семантика ‘упорядочения, устройства’ действительно была присуща рассматриваемым старославянским лексемам с корневой огласовкой *ř*, то из этого следует, что в старославянском языке сохранялись актуальные семантические связи этих лексем с лексемами в корневой огласовке *ř*, и корневой морф *-řd-* представлял корневую морфему *-řd-/-řd-/-řžd-*. В таком случае *ořdije* членилось как *o-řd-ij-e* аналогично другим суффиксально-префиксальным образованиям (*po-řd-ij-e*, *so-glas-ij-e*, *vs-krii-ij-e* и т. п.). Такие лексемы, как *ořdije*, мы рассматриваем в качестве условно членимых.

помимо значений ‘дело’, ‘дело, работа’, также и ‘дело судебное’ [Срезн II: 708], что, конечно, не является доказательством существования этого значения у сущ. *ořdije* в старославянском языке, но указывает на то, что оно могло оказаться невыявленным из-за недостатка дошедших до нас текстов. Примечателен также пример, данный И. И. Срезневским без указания значения, но свидетельствующий о наличии семантики ‘упорядочивания’ у этого слова: *Орудия оученикы творити — responsa a discipulis exigere*.

Глава III

Словообразовательная морфемика старославянского существительного

В сфере словообразования старославянского существительного основным способом являлась суффиксация. Довольно высокую продуктивность показывает также сложение и сложение в сочетании с суффиксацией. Гораздо менее характерными для образования старославянских существительных были префиксация и префиксально-суффиксальный способ.

Суффиксы -ik(ъ), -ьnik(ъ)

Суффикс -ik-, широко известный в именном словообразовании в индоевропейских языках, был распространен и в старославянском языке: в старославянских рукописях насчитывается 213 лексем, содержащих морфему -ik- (в 26 из них она представлена алломорфом -ič-). Однако в старославянском языке суффикс -ik- выступает, главным образом, в комплексе либо с суффиксом прилагательного -ьп-, либо, реже, с суффиксом причастия -ен-. Старославянские существительные с суффиксом -ik- вне этих сочетаний единичны: zlatikъ 'золотая монета', bližika 'родственник', ožika 'родственник' и 'родственница'¹.

В сочетании с суффиксами -ьп- либо -ен- суффикс -ik- обнаруживается как в одушевленных, так и в неодушевленных существительных. Так, сущ. škofььnikъ обозначало и 'глиняный сосуд, кувшин, горшок', и имело значение лица 'гончар' (хотя, видимо, в последнем

¹ Морфема -ik- была представлена также в очень частотном прил. velikъ (> 300 уп.) и его производных nevelikъ, prěvelikъ, velikota, veličati, trьveličьstvьnyъ, veličavъ, veličiti, veličьstvьje, veličьstvo, veličije, vьzveličati, где вычленялась при сопоставлении с почти таким же частотным прил. velijъ (> 200 уп.).

случае мотивирующим было не прил. *skъdyльъ* 'глиняный', а сущ. *skъdyль* или *skъdyльъ* 'глиняный горшок'); сущ. *robědyнькь* и имело значение лица 'победитель', и обозначало 'знак, символ победы'¹. Неодушевленных существительных, содержащих морфему -ik-, в старославянских рукописях насчитывается немного — всего (не считая упомянутого выше сущ. *zlatikъ*) 16 лексем: *dělyнькь* 'мастерская', *istočnyнькь* 'источник, родник', *měsěceslovesnyнькь* 'месяцеслов', *otročnyнькь* 'незрелая гроздь винограда', *robědyнькь* 'знак, символ победы', *ročnyнькь* 'черпак', *ponedělyнькь* 'понедельник', *prazdyнькь* 'праздник', *govnyнькь* 'пропасть, бездна', *gvēnyнькь* 'колодец', *svěbryнькь* 'серебряник (монета)', *skъdyльnyнькь* 'глиняный сосуд, кувшин, горшок', *svěčnyнькь* 'подсвечник', *světilyнькь* 'светильник, свеча, лампа' и 'подсвечник', *trěbyнькь* 'жертвенник', *vъtognyнькь* 'вторник'. Как видно из перечня, неодушевленные существительные с комплексами -nyнькь(ъ) и -enyнькь(ъ) образованы от основ славянского происхождения и обозначали, главным образом, конкретные предметы, конкретные реалии окружающей действительности. Основная же масса употребляемых в старославянских рукописях существительных с комплексами -nyнькь(ъ) и -enyнькь(ъ) представляла собой обозначения лица различных семантических групп (сущ. *jaгьmyнькь* имело значение 'вьючное животное'). Семантические группы «слов с формантами -nyнькь и -enyнькь» были определены Р. М. Цейтлин: 1) «существительные, выражающие лицо по роду его деятельности, профессии, по его обычным, постоянным занятиям»; 2) «имена со значением лица по отношению к кому-либо по роду его влияния, воздействия на кого-либо»; 3) «существительные со значением лица, которое испытывает на себе чье-либо участие, отношение, воздействие, является объектом чьего-либо влияния, воздействия»; 4) «слова со значением лица как носителя определенных качеств, отличительных свойств, определенного состояния, ему свойственного»; 5) «слова, выражающие лицо по отношению к обществу, по его социальному положению» [Цейтлин 1977: 92–93].

Еще А. Мейе отметил, что «суффикс -nyнькь-» стал выступать в старославянском языке как «единый элемент», и «*пѣнажьныкъ* "меняла" мог быть образован от *пѣназь* "деньги"» [Мейе 1951: 290],

¹ В Словаре 1994 эти словообразовательные омонимы даны в одной статье, как два значения одного слова [Словарь 1994: 455].

т. е., согласно современной лингвистической терминологии, комплекс *-ьникъ* начал функционировать как единый словообразовательный формант при образовании существительных от субстантивных основ. Так какая же морфема являлась словообразовательной в старославянском языке — суффикс *-ьникъ* или все же суффикс *-икъ*? Р. М. Цейтлин в свое время, кажется, совсем не ставила перед собой этот вопрос, описывая в едином списке «слова с формантами *-ьникъ* и *-ьникъ*» [Цейтлин 1977: 70–96; Цейтлин 1986а: 139–150]. Сложность решения данной проблемы заключается в том, что она связана с установлением отношений мотивации, что, как отмечалось в Главе II, не всегда возможно на доступном изучению старославянском материале. А именно, далеко не всегда старославянский материал предоставляет возможность определить, в каких конкретных случаях реальное образование лексемы происходило с помощью суффикса *-икъ* (т. е. производящей основой являлась основа прилагательного), а в каких — с помощью комплекса *-ьникъ* как «единого элемента» (т. е. производящей основой являлась основа мотивирующего существительного).

О том, что словообразовательной морфемой выступал все же суффикс *-икъ*, с уверенностью можно говорить тогда, когда соответствующие мотивирующие прилагательные с суффиксом *-ьн-* встречаются в старославянских рукописях. Так, путем сопоставления семантики зафиксированных в словнике Словаря 1994 прилагательных и существительных можно выявить, что с помощью суффикса *-икъ* были образованы *bestudьnikъ* ‘бесстыдник’ (мотивировано прил. *bestudьь* ‘бесстыдный’), *bezakodьnikъ* ‘тот, кто нарушает законы’ (мотивировано прил. *bezakodьь* ‘нарушающий законы’), *bezumьnikъ* ‘неразумный человек’ (мотивировано прил. *bezumьь* ‘неразумный’), *blagodadьnikъ* ‘тот, кто исполнен благодати’ (мотивировано прил. *blagodadьь* ‘благодатный’), *bludьnikъ* ‘болтун’ (мотивировано прил. *bludьь* ‘болтливый’). Таким же образом выявляется, что с суффиксом *-икъ* образованы *bogosvarьnikъ* ‘богоборец’, *dlъьnikъ* ‘должник’, *gradьnikъ* ‘гражданин, житель города’, *grěьnikъ* ‘грешник’, *xulьnikъ* ‘богохульник’, *inojězycьnikъ* ‘чужеземец, чужестранец’, *inověryьnikъ* ‘иноверец, еретик’, *iskusьnikъ* ‘изыскатель, исследователь’, *isprovědьnikъ* ‘кающийся, исповедник’, *jězycьnikъ* ‘язычник’, *mętežьnikъ* ‘мятежник’, *mььsaldьnikъ* ‘молчальник’, *pašedьnikъ* ‘глава, вождь’ (мотивировано прил. *pašedьь* в значении ‘главный’), *pedozьnikъ* ‘больной’,

neizřešěnyjnikъ 'непзъяснимое существо', nenavistnyjnikъ 'ненавистник' (мотивировано прил. nenavistnyj в значении 'ненавидящий'), perodobyjnikъ 'безбожник, развратник' (мотивировано прил. perodobyj в значении 'безбожный, развратный'), pergravyjnyjnikъ 'несправедливый, несправедливый человек', poždnyjnikъ 'наспыльник', niždnyjnikъ 'то же', obyčnyjnikъ 'сотоварщик, соучастник', otyhodyjnyjnikъ 'отшельник', ragubyjnyjnikъ 'губитель', robdyjnyjnikъ в значении 'знак, символ победы', rodvižnyjnikъ 'борец', ročnyjnikъ 'путник, странник', pravdyjnyjnikъ 'праведник', prazdyjnikъ 'праздник (т. е. свободный, нерабочий день)', prěstopyjnyjnikъ 'нарушитель (закона)', pričestnyjnikъ 'соучастник, сопричастник', prokudyjnyjnikъ 'губитель', protivnyjnikъ 'противник, враг', pustynnyjnikъ 'отшельник, пустынный', rabotyjnyjnikъ 'служитель' (мотивировано прил. rabotyj в значении 'служащий'), gatnyjnikъ 'неприятель', syrebnyjnikъ 'сребренник (мелкая серебряная монета)', skvrgnyjnyjnikъ 'скверный человек', soprotivnyjnikъ 'противник, враг', strannyjnikъ 'чужеземец', strastnyjnikъ 'мученик, подвижник', sybožnyjnikъ 'Экклезиаст (книга V.T.)', tajbnyjnikъ 'лицо, посвященное в таинство, жрец' (мотивировано прил. tajbnyj 'тайный', которое в пределах круга старославянских рукописей встречается только в субстантивированной форме tajbnya 'тайна' и tajbnyj 'то же'), tьmьnyjnyjnikъ 'узник (в темнице)', trěbnyjnikъ 'жертвенник', tьbnyjnikъ 'сверстник, ровесник', ugodnyjnikъ 'тот, кто угоден Богу', vinnyjnikъ 'тот, кто является причиной', vьgodnyjnikъ 'угодник (наименование некоторых святых)', zakonoprěstopyjnyjnikъ 'нарушающий законы, установления'. Часть этих лексем могла иметь и опосредствованную мотивацию не прилагательным. Например, сущ. bestudyjnyjnikъ 'бесстыдник' образовано от прил. bestudyjnyj 'бесстыдный' и непосредственно им мотивировано, но в то же время опосредствованно мотивировано и предложно-падежным сочетанием bez studa 'без стыда'.

Приведенные выше существительные, образованные с суффиксом -ik(ъ) от основ прилагательных, характеризовались, как правило, признаком, который в терминах чешской школы М. Докулила называют простым и недифференцированным ономастологическим признаком [Dokulil 1962: 34]. Чаще всего к значению прилагательного добавлялось значение 'человек', реже — другое значение (например, prazdyjnyj 'пустой, незанятый' — prazdyjnyjnyj и prazdyjnyjnikъ 'нерабочий день, праздник'; syrebnyjnyj 'серебряный' — syrebnyjnyjnikъ 'сребренник, т. е. серебряная монета'). Это соотношение значений

мотивированного и мотивированного имеет место и в тех случаях, когда старославянские словари указывают значение скорее контекстное. Так, например, для *iskusъьь* словари указывают значение 'опытный, искушенный', для *iskusъьикъ* — 'изыскатель, последователь'. Ср., однако, следующие контексты: *шѣдъ же великѣи антонини къ искоусъноуоумоу паулоу* ('Απελθὼν οὖν ὁ μέγας Ἀντώνιος πρὸς τὸν δοκίμοτατον Παύλον) Супр 171, 26–27 и *сѣднѣмъ искоусъникомъ быти и (в)рати* (κριτὰς καὶ δοκιμαστὰς τῆς ἀδελφότητος γίνεσθαι) Зогр-лл Пб 15, т. е. в последнем примере сущ. *iskusъьикъ* имеет значение 'опытный, искушенный человек'. Более того, отсутствие этого соотношения значений даже при наличии в пределах старославянских рукописей (и, соответственно, в словнике Словаря 1994) соответствующих прилагательных с суффиксом *-ъь-* заставляет исследователя подозревать возможность мотивированности не прилагательным, а существительным. Так, известные по сохранившимся старославянским рукописям значения прилагательных *kъevetyъьь* 'клеветнический', *кѣиъьь* 'книжный; Св. Писания (род. п.)', *postъьь* 'постный', *zakonyъьь* 'законный', *съььь* 'сотый', *тысѣтььь* 'тысячный' и 'тысячелетный', формально «отстоящих на шаг» от существительных *kъevetyъьикъ* 'клеветник', *кѣиъььикъ* 'знарок закона' и 'пшец', *postъььикъ* 'подвижник, постник', *zakonyъььикъ* 'знарок закона, учитель закона', *съьььикъ* 'центурион, сотник', *тысѣтьььикъ* 'хилшарх, начальник отряда в тысячу воинов', свидетельствуют о том, что эти существительные были мотивированы скорее существительными *kъeveta* 'клевета', *кѣиъьь* 'книга; Св. Писание; буквы, письмена', *postъьь* 'пост', *zakonyъьь* 'закон', и числительными *съьь* 'сто', и *тысѣта* 'тысяча', чем прилагательными с суффиксом *-ъь-*, и, следовательно, словообразовательной морфемой здесь являлся комплекс *-ъьикъ(ь)*. С другой стороны, отношения мотивации в старославянском языке могут быть не всегда понятны с точки зрения современного исследователя. Например, трудно объяснить агентивное значение у сущ. *molitъььикъ* 'проситель' и 'священник', если оно образовано от прил. *molitъььь* 'просительный', а не от сущ. *molitva*. Для современного исследователя кажется также странной и искусственной мотивированность существительного *pustynъььикъ* 'отшельник, пустынный' прилагательным *pustynъььь* 'пустынный, пустыни (род. п.)' (а не существительным *pustyni* 'пустыня; пустынь'), однако реальные отношения производности *pustynъььь* →

pustupъnikъ были именно такими, так как в Супр видим пример субстантивного употребления прил. *pustupъnъ* в значении 'отшельник, пустынный', т. е. в том же значении, что и у суц. *pustupъnikъ*: **хота же ходити многовѣтънѣиимъ пѣтъмъ поуcтѣннѣиихъ** Супр 547,18. Следовательно, словообразовательной морфемой у суц. *pustupъnikъ* следует считать суффикс *-ikъ*.

Субстантивное употребление исходных прилагательных с суффиксом *-ьн-*, притом с тем же значением, что и образованные от них существительные с суффиксом *-ikъ*, широко распространено в старославянских рукописях, что было отмечено еще Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 94]. Укажем ряд извлеченных нами из рукописей примеров: *bezupъnъ* и *bezupъnikъ* 'неразумный человек', *grѣšъnъ* и *grѣšъnikъ* 'грешник', *dlъžъnъ* и *dlъžъnikъ* 'должник', *zakonoprѣstъpъnъ* и *zakonoprѣstъpъnikъ* 'нарушающий законы, установления', *inojezъcъnъ* и *inojezъcъnikъ* 'чужеземец, чужестранец', *pedožъnъ* и *pedožъnikъ* 'больной', *pravъdъnъ* и *pravъdъnikъ* 'неправедный человек', *pravъdъnъ* и *pravъdъnikъ* 'праведник', *ragubъnъ* и *ragubъnikъ* 'губитель', *rodъvъžъnъ* и *rodъvъžъnikъ* 'борец', *protivъnъ* и *protivъnikъ* 'противник, враг', *pustupъnъ* и *pustupъnikъ* 'отшельник, пустынный', *gъtъnъ* и *gъtъnikъ* 'неприятель, враг', *сoprotivъnъ* и *сoprotivъnikъ* 'противник, неприятель, враг', *strъnъnъ* и *strъnъnikъ* 'чужеземец, иноземец', *тъcъnъ* и *тъcъnikъ* 'сверстник, ровесник'. Однокоренные значения могли иметь также субстантивированные причастия и существительные с комплексом *-enikъ*: *blažъnъ* и *blažъnikъ* 'блаженный', *oblažъnъ* и *oblažъnikъ* 'блаженный', *vъžъlъbъnъ* и *vъžъlъbъnikъ* 'любимый, возлюбленный'. Отметим здесь особо, что не всегда субстантивное употребление прилагательных и причастий фиксируется старославянскими словарями (Словарем 1994 и SJS, тем более S-A), но оно выявляется путем анализа широких контекстов в рукописях. Например: **не сѣдъ съ сонѣмомъ соуѣтъномъ . и съ законопрѣстѣпнѣиимъ не вѣндѣж** . Пс 25,4 Спн; **также хощеши видѣти чакмъ . инновъзъична оставъша . арна отъгънана** . Супр 513,8; **мати кд'ного блаженнѣихъ . тѣхъ** Супр 95,30, и мн. др. При этом субстантивированное прилагательное может быть не менее употребительно, чем существительное с суффиксом *-ikъ*. Так, суц. *strъnъnikъ* 'чужеземец, иноземец' встречается только в Супр (5 уп.), тогда как субстантивированное прил. *strъnъnъ* 'чужеземец, иноземец' употребляется и в Супр, и в евангельском (т. е. более раннем по времени

перевода) тексте: *врачевати приходашта к' нему . вратнѣх и страннѣх* Супр 549,3; *страннѣ вѣхъ ѿ въведосте ма* Зогр, Мар, Сав¹. Следует предположить, что суффиксальное оформление таких существительных свидетельствует о стремлении древнего книжника использовать яркий продуктивный суффикс для создания «книжного облика» слова, а исходными с его точки зрения являлись именно субстантивно употребляемые прилагательные. В таком случае данное явление следует рассматривать в качестве частного случая «обновления», составляющего, как уже отмечалось в Главе II, одну из характерных черт старославянского словообразовательного механизма. Словообразовательное же значение у этих суффиксально оформленных существительных, согласно современным представлениям о видах словообразовательных значений [Улуханов 1996: 149–202], приходится признавать «нулевым», так как суффикс *-ik(ъ)* в виду абсолютного тождества значений в «словообразовательной паре» не выражает здесь никакого из известных значений (модификационного, транспозиционного, мутационного, соединительного).

У суффиксально оформленного существительного может иметь место дальнейшее развитие семантики, и, как следствие, некоторое несоответствие зафиксированных в старославянских словарях значений прилагательного и суффиксально оформленного существительного. Так, например, для сущ. *bezumьnikъ*, при значении мотивирующего его прил. *bezumьъ* 'неразумный', старославянские словари справедливо дают значение 'неразумный человек' (Словарь 1994), 'безумец' (SJS), однако контекстное значение в пределах старославянских рукописей — 'глубоко несчастный человек' в соответствии с

¹ Употребление прилагательных в роли существительных в старославянских текстах и принципиальные отличия этого явления в старославянском языке от явления субстантивации в современных славянских языках рассматривается нами отдельно в работе [Ефимова 2000]. Заметим здесь попутно, что субстантивно могли также употребляться также формы женского и среднего рода. Ср., например, *blagodatyьnikъ* 'тот, кто делает добро, оказывает милость' и обращение к Деве Марии как *blagodatyьnaja*: *радощи съ благодатыьнаѣ гѣ съ товожъ* Л 1,28 Мар (в Зогр и Ас *благодѣтъьнаѣ*); *robѣdyьnikъ* 'знак, символ победы' и субстантивное употребление формы ср. р. мн. ч. *robѣdyьnaja*: *приноса намъ побѣдыьнаѣ* (т. е. 'символы победы').

греч. πανάθλιος. Ср.: ἄθλιε καὶ πανάθλιε ὁ τοῦ θανάτου τὰς ὀδύνας λύων, τὰς σφραγίδας οὐ λύει; — ω о..ны безоумынче раздрѣшашн болѣзни смрътънныа . печати лі не раздрѣшитъ . Клоц 12а 16.

Словообразовательным формантом суффикс -ik(ь) являлся также для существительных с комплексом -enik(ь), т. е. в образованиях от страдательных причастий. Помимо упомянутых выше blaženikъ, oblaženikъ и vьzľubľenikъ, употреблявшихся в старославянских текстах с теми же значениями, что и субстантивно употребленные соответствующие исходные причастия, это kaženikъ 'кастрат, евнух', kŕmľenikъ 'грудной ребенок', ľubľenikъ 'любовник', mŕčenikъ 'мученик', gьvenikъ 'колодец', svęštenikъ 'священник', učenikъ 'ученик'. Значение пассивности в производных существительных утрачивается в большей или меньшей степени: «В таких словах, как **блаженникъ** или **любакникъ** значение пассивности вообще вряд ли ощущалось», — писала Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 93]. Утрата признака пассивности в структуре значений таких лексем зависела, видимо, от широких контекстов их употреблений.

Две лексемы с комплексом -enik(ь) — rгьvomŕčenikъ 'первомученик' и svęstenomŕčenikъ 'священномученик' — представляют собой случаи чистого сложения на базе сущ. mŕčenikъ в качестве опорного компонента. Обе лексемы являются кальками с греч. πρωτομάρτυς и ιερόμαρτυς соответственно, калькирующими греческие лексемы «покомпонентно» при формальном неполном совпадении морфемных структур (т. е. в структурах греческих лексем суффикс, который соответствовал бы славянскому суффиксу, отсутствует, ср. [πρωτ-ο-μάρτυς] — [rгьv-o-mŕčen-ikъ]; [ιερ-ό-μαρτυς] — [svęšt-en-o-mŕčen-ikъ]).

Для большей части существительных с комплексом -ьnik(ь) соответствующие прилагательные с суффиксом -ьп- в словнике Словаря 1994 не зафиксированы. На этом основании можно было бы предполагать, что комплекс -ьnik(ь) выступал как единая словообразовательная морфема при образовании следующих лексем: bezxramьnikъ, bezgradьnikъ, bezmьzdьnikъ, četvьgotvlastьnikъ, člověkougodьnikъ, dvьgьnikъ, gostinьnikъ, gostьnikъ, xŕodožьnikъ, inoplemenьnikъ, inostranьnikъ, isxodatajьnikъ, istočьnikъ, izbavьnikъ, jarьmьnikъ, kľigosьnikъ, korjьnikъ, korabľьnikъ, kovьnikъ, kramoľьnikъ, kŕmьnikъ, kuzьnikъ, męšeceslovesьnikъ, mьstьnikъ, najьmьnikъ, namęstьnikъ, nasľedьnikъ, nastavьnikъ, nekьňizьnikъ, nepričęstьnikъ, nevęstьnikъ, obavьnikъ, obľičьnikъ, obrętelьnikъ,

оꝝоꝝникъ, отꝝоꝝникъ, оꝝникъ, оꝝникъ, ракоꝝникъ, рѣнѣꝝникъ, рлѣникъ, роꝝтраꝝникъ, роꝝгаꝝникъ, роꝝклоꝝникъ, роꝝмаꝝаꝝникъ, роꝝмоꝝшникъ, роꝝнеꝝдѣꝝникъ, роꝝоꝝѣꝝникъ, роꝝслуꝝшникъ, роꝝспрѣꝝшникъ, роꝝзоꝝгникъ, праꝝшникъ, прѣꝝдаꝝникъ, прѣꝝдаꝝвникъ, прѣꝝдѣꝝбоꝝгникъ, прѣꝝимникъ, прѣꝝльꝝстникъ, прѣꝝмѣꝝнникъ, прѣꝝселникъ, прѣꝝздникъ, прѣꝝцѣꝝникъ, приꝝбрѣꝝтѣꝝльникъ, приꝝставникъ, проꝝмыꝝслникъ, проꝝроꝝвѣꝝдникъ, разꝝбоꝝйникъ, разꝝдаꝝвникъ, роꝝвникъ, самоꝝдѣꝝльникъ, скꝝоꝝдѣꝝльникъ, скꝝоꝝдѣꝝльникъ, слꝝзотоꝝѣꝝникъ, соꝝръꝝгникъ, стꝝлꝝьꝝрникъ, съꝝдѣꝝйꝝствникъ, съꝝрлеꝝмѣꝝнникъ, съꝝроꝝспрѣꝝшникъ, съꝝриꝝѣꝝстникъ, съꝝриꝝимникъ, съꝝстаꝝвникъ, съꝝстоꝝлникъ, съꝝваꝝдникъ, съꝝвѣꝝтникъ, съꝝвъꝝздꝝгꝝъꝝникъ, сваꝝгникъ, свѣꝝщникъ, своꝝеꝝрлеꝝмѣꝝнникъ, тоꝝдꝝеꝝрлеꝝмѣꝝнникъ, трꝝъꝝзникъ, удꝝвоꝝгникъ, увѣꝝтникъ, вѣꝝщникъ, вꝝаꝝтникъ, вꝝъꝝхꝝуꝝщникъ, вꝝъꝝтоꝝгникъ, заꝝсѣꝝдникъ, заꝝстоꝝрникъ, заꝝщитникъ, заꝝвистникъ, звѣꝝроꝝкꝝыꝝмникъ, жꝝстоꝝкоꝝлѣꝝганникъ. Однако реальное словообразование данных существительных характеризовалось разнообразием и разными по сложности ономастологическими структурами¹. Значительная их часть на самом деле была образована с помощью суффикса -ик(ъ) от прилагательных с суффиксом -ѣн-, существовавших в старославянском языке, но не зафиксированных в дошедших до нас старославянских рукописях. Высокая вероятность наличия в старославянском лексическом инвентаре этих прилагательных доказывается употреблением их в ранних списках со старославянских протографов, причем, как это было показано в Главе II, эта вероятность возрастает с обнаружением лексемы в разных контекстах — в списках разных произведений и разных изводов. Например, для ст.-слав. сущ. хꝝдоꝝѣꝝльникъ ‘создатель, творец’ мотивирующим могло быть прил. *хꝝдоꝝѣꝝльъ, отмеченное со значениями ‘опытный, знающий’, ‘умелый’, причем в разных контекстах, в очень ранних списках XI в. со старославянских протографов — Гр. Наз. XI в. и Панд. Ант. XI в. [Срезн III: 1415]. Для сущ. роꝝспрѣꝝшникъ ‘помощник, споспешник’ мотивирующим могло быть прил. *роꝝспрѣꝝшьъ, употребляющееся со значениями ‘преуспевающий’, ‘относящийся к подвигу’ в ранних списках с разных произведений, восходящих к старославян-

¹ О тема-ремастическом понятии ономастологической структуры, базирующем акт номинации на прототипической ситуации и развивающем известные идеи чешской лингвистики в области словообразования в контексте современных лингвистических представлений, см. у Е. С. Кубряковой (например, в [Кубрякова 1999: 37–39]).

ским протографам, в том числе в списках Апостола разных изводов (Охр, Слепч, Христ, Шпш, Струм, Мат в чтеннях Рим 1,10 и I Кор 16,9) и в Изб.1073 (34б 22–23; 34в 9–10; 72б 21–22 и др., всего 20 уп.), при наличии к тому же в Гр.Наз. XI в. образованного от него с суффиксом -ѣ наречия *pospěšně* со значением ‘старательно’ [Срезн II: 1254]. Для сущ. *kramolъnikъ* ‘бунтовщик, мятежник’ мотивирующим могло быть прил. *kramolъnъ* ‘мятежный; строящий козни’, зафиксированное в ряде древнерусских списков (см. [Срезн I: 1314; СлРЯ XI–XVII 8: 13]; ср. также приведенный И. И. Срезневским пример из Панд. Ант. XI в. без указания значения: *τοὺς ἐπιβούλους ὀδελφοὺς* — *kramolъnъti* братья [Срезн I: 1314]). В этом случае важным дополнительным доказательством возможной принадлежности этого прилагательного к старославянскому лексическому инвентарю является наличие его в среднеболгарском списке ХрМ (лл. 99 и 123’): хотя этот памятник и не восходит к старославянскому протографу, употребление в нем прил. *kramolъnъ* говорит о его присутствии в языке среднеболгарского извода, и, следовательно, эту лексему вряд ли можно отнести к древнерусским инновациям. Для употребляющегося в Супр сущ. *nevěstъnikъ* ‘женех’, где оно заменяет собой лексему *ženixъ* евангельского текста, мотивирующим было, видимо, прил. *nevěstъnъ* ‘неизвестный, такой, о котором нет сведений’, отмеченное в ряде славянских языков и русском церковнославянском (ср. наиболее вероятную этимологию слова *nevěsta* ‘невеста’ как ‘неизвестная’ [ЭССЯ 25: 71–72; 77]). Наличие прил. *nevěstъnъ* в старославянском лексическом инвентаре подтверждается употреблением его в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с др.-сербск. 1263 г. (ср.: *нѣ акы ноцини врани и ноцини нетопырі въ т’мѣ невѣстънѣи живоуцие Шест 219с 4*). Таким образом в старославянском языке «восстанавливается» живая синхронная словообразовательная пара *nevěstъnъ* → *nevěstъnikъ*, что гораздо более правдоподобно с точки зрения структуры словообразовательного значения, чем предположение об образовании последнего от зафиксированного в Супр сущ. *nevěstъ* ‘незнание, неведение’.

Вместе с тем большинство существительных, для которых не находится соответствующих прилагательных с суффиксом -ъnъ-, обнаруживает явную мотивацию существительными и, следовательно, здесь можно предполагать функционирование комплекса -ъnikъ(ъ) в

качестве словообразовательного форманта. Ср.: *dvъry* 'дверь, ворота' — *dvъrynikъ* 'привратник', *korijъe* 'копье' — *korijъnikъ* 'копьеносец', *korablъ* 'корабль, судно' — *korablъnikъ* 'член корабельной команды', *kovъ* 'заговор' — *kovъnikъ* 'заговорщик', *kuzъnъ* 'заговор' — *kuzъnikъ* 'заговорщик', *тъstь* 'месть' — *тъstъnikъ* 'мститель', *stlъrъ* 'столп, т. е. полая башня, место затворничества столпника' — *stlъrъnikъ* 'столпник', и мн. др. Формирование суффикса *-nikъ(ь)*, приведшее к отсубстантивному образованию с ним существительных, следует отнести к самому раннему этапу становления старославянского языка (если он вообще не был им унаследован в качестве славянской словообразовательной морфемы), так как уже в евангельском тексте употребляются лексемы *bezakonynikъ*, *kovъnikъ*, *pajъmynikъ*, *repežъnikъ* при отсутствии соответствующих прилагательных с суффиксом *-ъnъ*.

Мотивационные связи между мотивирующим и мотивированным существительными при образовании с суффиксом *-nikъ(ь)* не всегда «лежат на поверхности», и нередко для их выявления требуется тщательное исследование развития семантики внутри лексико-семантической группы с определенной корневой морфемой¹. Синтаксис ономастологической структуры производного слова также может быть непростым — ср., например: *trъgъ* 'рыночная площадь, рынок' → *trъgъnikъ* 'меняла'. Иногда изменение семантики производного существительного следует предполагать уже после словообразовательной процедуры. Рассмотрим в качестве иллюстрации образование использованного в евангельском тексте (И 4,23) сущ. *poklonъnikъ* 'почтитель' от сущ. *poklonъ* 'поклон'. Здесь развитие семантики от конкретной к более абстрактной происходит на базе созданного слова и находит себе некоторую аналогию в развитии семантики греческого соответствия этой лексемы — сущ. *προσκυνητής* 'благоговейный почтитель, поклонник' (при значениях мотивирующего его гл. *προσκυνέω* 'отвешивать земной поклон' и 'благоговейно преклоняться, поклоняться и т. п.' и сущ. *προσκύνησις* 'падание ниц' и 'благоговейное приветствие').

¹ Так, например, в одной из своих работ на основе изучения соотношений значений лексем внутри лексико-семантической группы с корнем *-vъtъ* мы показали, что сущ. *svъtъnikъ* 'советчик' и 'член совета' мотивировано существительным *svъtъ* в значениях 'совет' и 'совет, собрание' [Ефимова 1996: 22].

В немногочисленных случаях суффикс *-ьникъ(ь)* участвует в образовании существительных префиксально-суффиксальным способом. В этих случаях старославянские лексемы мотивируются соответствующими предложно-падежными сочетаниями. К ним можно отнести сущ. *besxramьnikъ* 'человек без крова' (ср. *bes xrama*), *bezgradьnikъ* 'человек без родины' (ср. *bez grada*), *bezmyzьnikъ* 'бессребренник' (ср. *bez myzdy*). Процесс возникновения таких лексем наглядно представлен в языке самих рукописей. Так, греч. ἄπολις в пределах Супр (но в разных произведениях) древние книжники переводят и как *bezgradьnikъ*, и как *bez grada*. Ср.: и без домоу . и без града бѣвьше — καὶ ἄποικοι καὶ ἀπόλιδες γενόμενοι — Супр 442, 2 и то ли како юже безградьникы ли ѿ наричѣмъ — Τί οὖν; Ἀπόλιδας αὐτοῦς εἶπωμεν; — Супр 84,1¹. Как уже отмечалось выше, ст.-слав. сущ. *bestudьnikъ* 'бесстыдник' и *bezumьnikъ* 'неразумный человек' также были мотивированными предложно-падежными сочетаниями (*bez studa* 'без стыда' и *bez uma* 'без ума' соответственно), но опосредствованно, т. е. будучи реально образованными от прилагательных с суффиксом *-ьbestudьь* 'бесстыдный' и *bezumьь* 'неразумный' и непосредственно ими мотивированными. Однако были ли реально образованы от соответствующих прилагательных сущ. *besxramьnikъ*, *bezgradьnikъ* и *bezmyzьnikъ*, определить трудно: с одной стороны, прил. **besxramьь*, **bezgradьь*, **bezmyzьь* пока не встречались нам в более поздних списках со старославянских протографов, но, с другой стороны, образование прилагательных такой структуры было достаточно регулярным в старославянском языке. На базе предложно-падежного сочетания *po neděle* 'за воскресеньем' образовано и сущ. *ponedělnikъ* 'понедельник, т. е. день, следующий за воскресеньем'. Образование же ряда существительных, содержащих наряду с суффиксом *-ьникъ(ь)* префиксы *съ-*, *и-*, *рѣдъ-*, *не-* (*съspresььnikъ*, *съpiceстьnikъ*, *съpiumьnikъ*, *съstolьnikъ*, *съvьzdъьnikъ*, *udvognьnikъ*, *рѣдъbognьnikъ*, *некънѣьnikъ*, *неpiceстьnikъ* и др.), происходило под непосредственным влиянием морфемной структуры их греческих соответствий (см. раздел «Префиксы», с. 188 и сл.).

¹ Ср. также характерный пример из списков Упыря Лихого (т. е. списков VT, восходящих к старославянским протографам), приведенный И. И. Срезневским в статье *безхрамьникъ*: без' храма сѣца [Срезн I: 79]

Интересной отличительной особенностью функционирования суффикса *-ьник(ъ)* в старославянском языке является относительно небольшое его участие — по сравнению, например, с суффиксом *-ьс(ъ)* — в образовании композитов, т. е. в образовании существительных суффиксально-сложным способом. Суффиксально-сложным способом с помощью суффикса *-ьник(ъ)* как единого словообразовательного форманта образовано несколько композитов с существительными в роли ономастологического базиса: *inostranьnikъ* ‘чужеземец, чужестранец’ (на базе сущ. *strana* в значении ‘край, область, страна’), *inoplemenьnikъ* ‘иноплеменник, иноземец’, *svojeplemenьnikъ* ‘соплеменник, соотечественник’ и *tozdeplemenьnikъ* ‘единоплеменник’ (на базе сущ. *pleme*, gen. *plemene* в значении ‘племя, род’), калькирующее греч. *тетραρχης* [тетра-*арх*-ης] сущ. *četvrgьtovlastьnikъ* ‘тетрарх’ (на базе сущ. *vlastь*), *měsьceslovesьnikъ* ‘месяцеслов, литургический календарь’ (на базе сущ. *slovesa* в значении ‘указания, поучения’). Калькирующее греч. *ἀνθρωποεὐδοκός* сущ. *člověkougodьnikъ* ‘тот, кто угождает людям’ было образовано, скорее всего, путем чистого сложения на базе сущ. *ugodьnikъ* в качестве опорного компонента. Последнее зафиксировано в пределах круга старославянских рукописей с контекстным значением ‘тот, кто угоден Богу’, но имело, конечно, в старославянском языке более широкий спектр значений — ср., например, отмеченные в Панд. Ант. XI в. значения ‘слуга, служитель’, ‘исполнитель воли’ [Срезн III: 1136–1137].

Сформировавшись в качестве единой словообразовательной морфемы в сфере отсубстантивного образования, суффикс *-ьник(ъ)* (но не *-ик(ъ)*!) начал участвовать в образовании существительных от глаголов. Однако в целом образование существительных с суффиксом *-ьник(ъ)* от глагольных основ не было характерным для старославянского словообразования. Предположительно отглагольными можно считать следующие лексемы: *izbavьnikъ*, *obavьnikъ*, *obličьnikъ*, *podražьnikъ*, *roгьčьnikъ*, *prěselьnikъ*, *vъsxušťьnikъ*, *zaštьnikъ*, из них *izbavьnikъ*, *obavьnikъ*, *obličьnikъ*, *podražьnikъ*, *prěselьnikъ*, *vъsxušťьnikъ* являются гапаксами старославянских рукописей¹. Такие

¹ А. Мейе считал отглагольным также сущ. *xušťьnikъ*, определяя для него исходным гл. *xutiti*. Он, впрочем, отмечал также, что подробности этого образования не ясны, указывая и на влияние сущ. *xuštenje* [Meillet 1905:

образования если и не выглядят искусственными, то представляются случаями экспансии очень продуктивного суффикса в несвойственную ему сферу. Так, сущ. *izbavъnikъ* 'избавитель', образованное от гл. *izbaviti* 'избавить, спасти', является гапаксом Спн, в то время как образованное от этого же глагола с суффиксом *-tel'(ь)* существительное с тем же значением *izbaviteľ* употребляется в старославянских рукописях 12 раз — как в Спн, так и в Евх, и Супр. Возможно, в образовании сущ. *izbavъnikъ* следует видеть желание древнего книжника различать в славянском переводе разные морфологические структуры слов греческого оригинала: если *izbaviteľ* переводит греческие существительные с суффиксом *-της λυτρωτής, ρύστης*, то *izbavъnikъ* — субстантивно употребленное причастие *ῥούμενος*, ср.: *ὅτι οὐκ ἔστιν ὁ ῥούμενος* — *нѣсть избавъника емоу* Пс 70,11. Гапаксом Спн является также образованное от глагола *obličiti* сущ. *obličъnikъ* 'обвинитель, обличитель', в то время как образованное от этого же глагола с суффиксом *-tel'(ь)* сущ. *obličiteľ* с тем же значением употребляется и в Клоц, и в Супр. Как случай экспансии продуктивного суффикса *-ъnik(ь)* в несвойственную ему сферу выглядит сущ. *zaštitynikъ* 'защитник', образованное от гл. *zaštiti* 'защитить' и 8 раз употребленное в Спн (несмотря на последующее «укорененнее» в языке этой лексемы — ср. русск. *защитник*). Образованное от этого же глагола с суффиксом *-tel'(ь)* сущ. *zaštiteľ* с тем же значением употребляется в той же Спн тоже 8 раз, и тоже в соответствии с греч. *ὕπερασπιστής*.

В связи с этим затронем попутно и вопрос о так называемых «старославянских словообразовательных вариантах» — однокоренных словах с одинаковым или сходным значением, образованных с помощью разных продуктивных суффиксов. При более тщательном анализе «словообразовательные варианты» оказываются, как правило, образованными от слов разных частей речи (и ими мотивированными). Ср. сущ. *propovѣdъnikъ* [*propovѣd-ъnikъ*] 'проповедник, провозвестник', образованное от сущ. *propovѣdъ* 'проповедование', и сущ. *propovѣdateľ* [*propovѣda-tel'ь*] с тем же значением, образованное от гл. *propovѣdati* [*propovѣd-a-ti*] 'проповедовать, провозглашать'; сущ.

338]. А. Вайан же предполагал, что сущ. *xuštъnikъ*, как и *vъxuštъnikъ*, является отыменным образованием, подобно тому, как сущ. *svѣštenikъ* — образованием от *svѣsta* [Vaillant 1974: 308].

robědъnikъ [roběd-ъnikъ] в значении 'победитель', образованное от прил. robědъnъ при мотивации также существительным roběda 'победа', и сущ. roběditelъ [roběd-i-teľъ] с тем же значением, образованное от гл. roběditi [roběd-i-ti] 'победить'; сущ. blagodatъnikъ 'тот, кто делает добро, оказывает милость', образованное от прил. blagodatъnъ (см. выше) при опосредствованной мотивации также существительным blagodatъ 'милость, благодать', и сущ. blagodatelъ [blagoda-teľъ] с тем же значением, образованное от гл. blagodati [blagoda-ti] 'оказать благодеяние'. Нехарактерность для суффикса -ъnikъ(ь) отглагольного образования в старославянском языке наводит на мысль, что, возможно, такие существительные, как zastorъnikъ 'заступник, защитник', следует рассматривать в качестве мотивированных в первую очередь существительным, т. е. в данном случае сущ. zastorъnikъ следует рассматривать как мотивированное существительным zastorъ 'заступничество, защита', а не глаголом zastoriti 'защитить кого-либо, заступиться за кого-либо'.

Вместе с тем два старославянских композита — гапаксы Евх и Супр samodělnikъ 'устроитель, виновник' и zvětokъgъmъnikъ 'тот, кто кормит зверей' — нужно, видимо, считать образованными с помощью суффикса -ъnikъ(ь) суффиксально-сложным способом на базе словосочетаний с глаголами dělati и gъmiti. Сущ. samodělnikъ калькирует греч. αὐτοφύρος, хотя и с неполным соответствием морфемной структуры (ср. [sam-o-děl-ъnikъ] и [αὐτ-οφρ-ός]), т. е. греческая лексема не оформлена суффиксально и употребляется, в зависимости от контекста, и в качестве прилагательного, и субстантивно). Для текста Жития Александра Сидского, содержащего сущ. zvětokъgъmъnikъ, греческий оригинал, к сожалению, не найден.

Образованный суффиксально-сложным способом композит žestokolěganъnikъ 'лежащий на жесткое ложе, аскет', гапакс Евх, представляет собой «свертывание» прототипической ситуации. В Изб 1076, в тексте, восходящем к старославянскому протографу, находим отражение этой ситуации как **на жестоцѣ лѣгати** 'букв. лежать жестко, т. е. на жестком ложе' (л. 196 об. 6, текст приведен). Сущ. lěganije, от основы которого образован опорный компонент композита, в чистом виде встречается в др.-русск. списках со старославянских протографов — в Изб 1073 (лл. 194а 27–28; 41г 26) и в Гр.Наз. XI в. [Срезн II: 70], а также в ср.-болг. списке ХрМ на

л. 118' (последнее подтверждает существование этой лексемы в чистом виде в языке другого извода). В связанном же виде лексема *lěganije* обнаруживается в самом контексте употребления суш. *žestokolěganьnikъ* — в качестве опорного компонента чистого сложения *mekъkolěganije*: *вѣди... въ макъколѣганиѣ мѣсто . жестоколѣганьникъ* Евх 70b 5–6.

Насколько словообразовательные суффиксы *-ik(ь)* и *-ьnik(ь)* были продуктивны и конкурентоспособны в старославянском языке?¹ Экспансия суффикса *-ьnik(ь)* в несвойственную ему изначально сферу отглагольного словообразования свидетельствует, несомненно, о высокой конкурентоспособности этого суффикса. Что же касается продуктивности, то, как отмечалось в Главе I, о продуктивности старославянских словообразовательных морфем часто свидетельствует наличие в старославянских рукописях содержащих эти морфемы гапаксов. Однократное употребление в рукописях лексемы или низкая ее частотность может быть свидетельством «невостребованности» по причине специфического содержания старославянских текстов. Этой «невостребованностью» объясняется отсутствие высокой частотности у слов, принадлежащих к слою обыденной лексики. Так, например, содержанием текстов можно объяснить однократное употребление суш. *blědъnikъ* 'болтун, пустомеля' (этот гапакс Супр образован с суффиксом *-ik(ь)* от прил. *blědъль* 'болтливый'), суш. *korjъnikъ* 'копыеносец' (этот гапакс Супр образован с суффиксом *-ьnik(ь)* от суш. *korije* 'копье', т. е. [*korjъ-nikъ*]). Однако однократное употребление или низкая частотность лексемы книжного характера говорит о том, что она возникла в словотворческом процессе древнего книжника при создании старославянских текстов. Мы будем условно считать такие лексемы старославянскими неологизмами. К ним относятся, например, такие сугубо книжные лексемы как суш. *blagodъnikъ* 'тот, кто делает добро, оказывает милость', калькирующее греч. εὐεργέτης (ср. [*blag-o-datъ-nikъ*] и [*εὐ-εργ-έ-της*]), или *neizdrečьnikъ* [*neizdrečьnъ-ikъ*] 'непознанный предмет', образованное от калькирующего (с неполным соответствием морфемных

¹ Комплекс *-ьnik(ь)*, как было показано выше, не представлял собой «словообразовательной форманта», словообразовательной морфемой в нем был суффикс *-ik(ь)*.

структур) греч. ἀνεκφραστός прил. neizdrečěnyль 'невыразимый словами, непостижимый' (ср. [ne-izd-řeč-en-ьль] и [ἀν-έκ-φρασ-τ-ος]), и др.

Среди существительных, образованных с помощью суффиксов -ik(ь) и -ьnik(ь), обнаруживается большое количество гапаксов и малочастотных лексем, встречающихся два-три раза и только в пределах одного памятника. Это, несомненно, говорит об открытости данной словообразовательной модели (точнее, двух моделей, вторая из которых возникла «в недрах» первой) для создания новых лексем в целях обозначения неизвестных в славянском мире понятий и реалий или замены славянских слов, бытовавших в народной славянской речи, лексемами книжного характера. Чтобы дать представление о масштабах указанного процесса, приведем некоторые цифры. Так, среди существительных со значением лица, содержащих комплекс -ьnik(ь), мы насчитываем 61 лексему-гапакс. Из них 37 приходится на Супр: bestudьnikъ, bezgradьnikъ, blagodatьnikъ, bledьnikъ, bogosvagnьnikъ, isxodatajьnikъ, korijьnikъ, korablьnikъ, krynьnikъ, mečežьnikъ, nekъmъizьnikъ, nenavistьnikъ, nepodobьnikъ, nepričestьnikъ, obrětelьnikъ, oходьnikъ, oгožьnikъ, pagubьnikъ, podražьnikъ, pospěšьnikъ, prašьnikъ, prědanьnikъ, prědьbogьnikъ, prěimьnikъ, prělъstьnikъ, prēmьnikъ, prokudьnikъ, promyslьnikъ, protivьnikъ, sьdělъstvьnikъ, svojeplemenьnikъ, tajьbьnikъ, tьmьnicьnikъ, udvogьnikъ, vsьxуšьnikъ, zavistьnikъ, zvěrokъmьnikъ; 8 на Евх: neizdrečěnyьnikъ, rabotьnikъ, razdavьnikъ, slъzotočьnikъ, sьvadьnikъ, svarьnikъ, toždeplemenьnikъ, žestokolěganьnikъ; 4 на Клоч: bezumьnikъ, rozogьnikъ, sьplemenьnikъ, sьstavьnikъ; 3 на Сав: gostьnikъ, tьsešьnikъ, uvětьnikъ; по одному гапаксу в Мар и в Зогр-лл — zasědьnikъ и sьvъzdgъžьnikъ соответственно. Довольно много гапаксов в Спн: člověkougodьnikъ, izbavьnikъ, obavьnikъ, obličьnikъ, romazanьnikъ, prěselьnikъ, skodьnikъ в значении 'гончар'. Есть в Супр гапакс и с комплексом -enik(ь) — oblaženikъ (образован с суффиксом -ik(ь) от основы причастия, т. е. [oblažen-ikъ]).

Показателем продуктивности суффикса -ьnik(ь) является также и функционирование его в качестве избыточного аффикса при удвоенной аффиксации и «обновлении». Как отмечалось в Главе I (см. с. 18–21), процессы удвоенной аффиксации и «обновления» были специфическими и характерными явлениями именно старославянского словообразования. На ряд случаев удвоенной аффиксации указала еще Р. М. Цейтлин: «Обращает на себя внимание ряд слов, —

пишет она, — в которых формант **-ьникъ** является избыточным: **исходатаьникъ**, **обрѣтьельникъ**, **приобрѣтьельникъ**, восстанавливаемое нами **оубительникъ**. Эти слова помимо **-ьникъ** имеют форманты со значением лица **-телѣ** или **-танъ** [Цейтлин 1977: 92]. Следует отметить, что упомянутая Р. М. Цейтлин лексема **isxodatajьnikъ** 'ходатай, заступник' является результатом дважды повторенной процедуры избыточной аффиксации. Так, общепотребительной для старославянского языка лексемой с этим значением является сущ. **hodatajъ**, которое встречается 13 раз в разных рукописях (Евх, Клоц, Супр). Сущ. **isxodatajъ** с тем же значением и с префиксом **is-**, возникшее в результате избыточной префиксации (возможно, под влиянием морфемной структуры его греческого соответствия, см. с. 189–190), является гапаксом Супр (423,15–16). Гапаксом Супр (479,27) является и сущ. **isxodatajьnikъ** — результат удвоенной суффиксации по отношению к сущ. **isxodatajъ**.

Результат удвоенной суффиксации по отношению к неодушевленным существительным с суффиксом **-l-** **ročьralo** и **světילו** представляют собой также неодушевленные существительные **ročьralyьnikъ** и **světילוьnikъ**. Сущ. **ročьralyьnikъ** 'черпак' употреблено в Зогр и Ас в чтении И 4,11 на месте сущ. **ročьralo** (использование последнего в евангельском тексте — возможно, первоначальное — зафиксировано в Мар). Сущ. **světילוьnikъ** 'светильник' (61 уп.), было более распространено в этом значении, чем сущ. **světילו**, однако и последнее имело значение 'светильник'. Более того, в чтении И 18,3 со значением 'светильник' в Ас употреблено сущ. **světילוьnikъ**, а в Зогр и Мар — **světילו**¹.

Избыточность суффикса **-ьникъ(ъ)** выявляется и в ряде существительных на фоне употребляющихся в рукописях лексем с тем же значением, но уже не вычлняющих в эпоху старославянского языка какого-либо материально оформленного суффикса, который древний книжник мог бы воспринимать как значащую часть слова. Как отмечалось в Главе I, такую избыточную суффиксацию мы

¹ Отметим, что употребляемое в рукописях (в календаре Охр-лл, а также в календаре Охр, в кириллической приписке в Ас и в Пражских отрывках [SJS IV: 33]) только субстантивированно (во всех родах) прил. **světילוьль** имеет значение 'светилец (песнопение)' и не может являться мотивирующим для сущ. **světילוьnikъ** 'светильник'.

называем «обновленным» лексемы, усматривая в этом процессе проявление творческой активности древнего книжника, его стремление создавать слова, имеющие более «сложный» облик, более подходящий, по его мнению, для литературного языка. Таковы сущ. *сърьбникъ* ‘противник’, дважды употребленное в Супр, по отношению к многократно употребленному в евангельском тексте сущ. *сърьбъ* с тем же значением; гапак Спн *говьникъ* ‘пропасть, бездна’ по отношению к многократно встречающемуся в старославянских рукописях сущ. *говь* (19 уп., в том числе с переносным значением ‘пропасть, бездна’). Избыточным, видимо, является суффикс *-ьник(ъ)* и в «укоренившемся» в языке сущ. *истоьникъ* ‘источник’ (49 уп.) — ср. сущ. **istokъ* с тем же значением. Последнее не встречается в собственно старославянских рукописях, но широко употребляется в списках с произведений Иоанна Экзарха («Богословия» и «Шестоднева»), в Изб 1073 (л. 222в 19), в Мин-дек XII/XIII (лл. 6,74; 9,62; 15,33) [Christians 2001: 79], а также и в других более поздних списках со старославянских протографов [Срезн I: 1149]¹. Избыточным, видимо, следует считать суффикс *-ьник(ъ)* и в сущ. *ромазаньникъ* [romazan-ьникъ] ‘помазанник’, встречающемся в виде глоссы писца в Спн. На возможность вхождения в старославянский инвентарь субстантивированного страдательного причастия *ромазань* в значении ‘помазанник’ указывает следующий контекст из Изб 1073: *чьто ли давно-ѡ помазаныи акы чрь* . (л. 67об. 29).

Таким образом, функционирование суффикса *-ьник(ъ)* в качестве избыточного аффикса свидетельствует как о стремлении древнего книжника придавать лексемам «книжный» вид, так и о высокой степени продуктивности, которую получил сам суффикс *-ьник(ъ)* в качестве цельного словообразовательного форманта в старославянском языке.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии на образование существительных с суффиксами *-ик(ъ)* и *-ьник(ъ)* языка греческих оригиналов. Р. М. Цейтлин, давшая в свое время достаточно подробное описание старославянских существительных «с

¹ Ср., например, употребление лексемы *istokъ* в значении ‘источник’ в следующем тексте: *нъ начало къ матрици къ иностаньномуу течению истока съприкоуплено имать* . Изб 1073, л. 222в 19.

формантами» *-ьникъ* и *-еникъ*), считала, что «данные слова не являются кальками греческих слов»¹ [Цейтлин 1977: 94]. Действительно, среди существительных с этими суффиксами (в отличие от существительных с другими суффиксами) почти не встречаются лексемы с основами греческого происхождения (за исключением, по-видимому, только сущ. *klirosъnikъ* [*kliros-ъnikъ*] 'клирик', где в качестве корневой морфемы славянского слова использована целиком греческая лексема *κλήρος* 'клир'). Однако при ближайшем рассмотрении этих существительных в ряде случаев обнаруживается полное или частичное поморфемное калькирование. Выше, по ходу изложения материала, мы уже указывали на роль калькирования при образовании лексемы *neizdrecъenъnikъ*, а также при образовании (разными способами словообразования) двукорневых лексем *blagodatъnikъ*, *rgъvomocъenъnikъ*, *svęštenomocъenъnikъ*, *samodělъnikъ*, *četvrtovlastъnikъ*, *člověkougodъnikъ*. Влияние же морфемной структуры греческих соответствий на образование лексем, содержащих наряду с суффиксом *-ьникъ* префиксы *съ-*, *и-*, *ргѣдъ-*, *не-*, рассматривается нами в разделе «Префиксы» (с. 184–188).

Суффиксы *-telъ*), *-itelъ*)

Суффикс *-telъ*), связанный по происхождению с индоевропейским суффиксом деятеля *-ter-* [Meillet 1905: 311–312; Vaillant 1974: 315–316], в старославянском языке оказался в высокой степени востребованным². В старославянских рукописях насчитывается 103 лексемы, содержащие морфему *-telъ*); в 30 из них она входит в состав производящей основы (т. е. 73 существительных «на *-telъ*», остальные — производные от существительных «на *-telъ*»). Очевидное нарастание количества существительных «на *-telъ*» в лексическом фонде старо-

¹ Среди «слов с формантами *-ьникъ* и *-кникъ*» Р. М. Цейтлин не рассматривала двукорневые лексемы.

² С. Б. Бернштейн полагал, что активный процесс образования с помощью суффикса *-telъ* девербативов, характеризующих действующих лиц, «имел место в наддиалектных культурных койнах» еще в эпоху праславянского языка [Бернштейн 1972: 42].

славянского языка по мере его становления и развития было замечено еще Р. М. Цейтлин: по ее подсчетам, в евангельском тексте употребляется всего 17 таких лексем, тогда как в Супр (старославянской рукописи, содержащей относительно поздние переводы) — 43 [Цейтлин 1977: 105]. О «молодости» лексем этого типа свидетельствует и огромное количество среди них гапаксов. Их доля даже выше, чем у рассмотренных выше существительных с комплексом -ъnik(ь): из 73 лексем 28 гапаксов. Больше всего гапаксов в Супр — 14 лексем: *ispraviteľ*, *kazateľ*, *podateľ*, *rogrebitel*, *pokroviteľ*, *praviteľ*, *samodržiteľ*, *slovopisateľ*, *sъkazateľ*, *sъzdatel*, *světiteľ*, *vъzdatel*, *vъziskateľ*, *zdatel*; 6 гапаксов в Евх: *dovoditeľ*, *mirodržiteľ*, *obrětatel*, *sъvгъšiteľ*, *tylитель*, *vъstaviteľ*; 3 гапакса в Рыл (очень небольшой по объему, но относительно поздней старославянской рукописи): *idolosluziteľ*, *slyšateľ*, *větiteľ*; 2 гапакса в Мар: *blagodateľ*, *dělitel*. Есть гапаксы и в Спн: *lajateľ*, *rodъjetel*, *rokrъvitel*. Много среди слов с суффиксом -tel(ь) и малочастотных лексем, встречающихся в старославянских рукописях два-три раза. Среди них особо следует отметить существительные, хотя и не являющиеся гапаксами старославянских рукописей, но употребленные в одном контексте, т. е. в переводе того же самого места определенного греческого текста, но в разных списках. Например, сущ. *prositeľ*, перевод греч. *προσάιτης* 'просящий подаяние'¹, встречается в Ас и Зогр, но только в чтении И 9,8 (в Мар в этом чтении *slъpъ* в соответствии с разночтением *τρυφλός* греческого текста); сущ. *iskusiteľ* 'искуситель' встречается в Ас и Сав, но только в чтении Мт 4,3²; сущ. *svoboditeľ* 'освободитель' встречается в Клоц и Супр, но только в определенном месте Слова Епифания Кипрского на погребение Христова: *съ рабъ гѣ... съ пѣн'никы свободитель* Клоц 13а 10 — *съ робъ господь... съ пѣн'никы свободитель* Супр 449,13. Такое количество гапаксов и малочастотных лексем среди образованных с помощью суффикса -tel(ь) свидетельствует, несомненно, о высокой продуктивности в старославянском языке этой словообразовательной морфемы.

¹ Старославянские словари дают для *prositeľ* более широкое значение 'нищий' [Словарь 1994: 526; SJS III: 374].

² В Зогр в этом чтении *днѣволь* . *искоушамъ* — может быть, есть неизвестное нам разночтение в греческом тексте?

Существительные с суффиксом *-telʹ(ь)* в старославянских рукописях — это почти всегда наименования лица (деятеля). Два существительных — *rodъjetelʹ* и *světitelʹ*, — строго говоря, наименованиями лица не являются, но использованы в текстах для характеристики лица (в этих конкретных случаях — Бога) и толкуются старославянскими словарями как наименования лица. Сущ. *rodъjetelʹ*, которое переводит греч. ἀντιστήριγμα ‘подпорка, опора’ в тексте Пс 17,19, толкуется как ‘тот, кто поддерживает, защитник’ [Словарь 1994: 465], ‘опора, защитник’ [SJS III: 109]. Ср., однако: καὶ ἐγένετο κύριος ἀντιστήριγμα μου — **И вѣнствъ гѣ подытатель мой** Пс 17,19 Спн (ср. русский синодальный перевод «но Господь был мне *опорою*»; курсив наш. — В.Е.). Сущ. *světitelʹ*, которое переводит греч. φωτισμός ‘свет, сияние’ в цитате из Пс 26,1 в Супр, толкуется как ‘несущий свет’ [Словарь 1994: 596], ‘несущий свет, светоносец’ [SJS IV: 33]. Ср., однако: Κύριος φωτισμός μου καὶ σωτήρ μου — **господь свѣтитель мой и спѣсь мой**. Супр 235,22–23 (цитата из Пс. 26,1; ср. текст в Спн: **Гѣ просвѣштенъ мое и спѣтель мой** и русский синодальный перевод «Господь — *свет* мой и спасенье мое»; курсив наш. — В.Е.)¹.

В отличие от суффикса *-ikʹ(ь)*, функционировавшего в старославянском языке прежде всего в отыменном словообразовании, суффикс *-telʹ(ь)* используется исключительно для образования существительных от глаголов. Мотивационные отношения, как правило, прозрачны. Характерно, что при затруднении в подборе адекватного слова при переводе на современный язык словари во многих случаях могут использовать формулу «тот, кто + действие по мотивирующему глаголу», например: *dělitelʹ* ‘тот, кто делит что-либо’, *slyšatelʹ* ‘тот, кто слышит’, *vъziskatelʹ* ‘тот, кто судит’ [Словарь 1994: 204; 615;

¹ Ср. с функционированием суффикса *-тель* в древнерусском языке: «Суффикс *-тель* в русском языке периода XI–XVII вв., — пишет В. Л. Воронцова, — выступает как оформитель только одной категории имен существительных — существительных, являющихся обозначением лица по действию» [Воронцова 1954: 7]. Как это видно на нашем материале, потенциальной способностью образовывать наименования орудий, механизмов, приборов и т. п., проявившейся активно в современных славянских языках, славянский суффикс *-telʹ(ь)* обладал и в эпоху старославянского языка.

138] и др. Обращают на себя внимание также же прозрачные мотивационные отношения греческих соответствий с мотивирующими их глаголами. Ср.: *seiliti* 'исцелять, лечить' и *seitelj* 'исцелитель, врач' — *θεραπεύειν* и *θεραπευτής* с теми же значениями; *deliti* 'делить' и *delitelj* 'тот, кто делит что-либо' — *μερίζειν* и *μεριστής* с теми же значениями; *dosaditi* 'опорочить, оскорбить' и *dosaditelj* 'тот, кто поносит, оскорбляет' — *ὕβριζειν* и *ὕβριστής*; *goniti* 'гнать, преследовать' и *gonitelj* 'преследователь, гонитель' — *διώκειν* и *διώκτης* и т. д. Реже образования с суффиксом *-tel(ь)* переводят греческие имена, употреблявшиеся в зависимости от контекста и как прилагательные, и как существительные. Например, *xranitelj* 'хранитель' — *φύλαξ*; *tomitelj* 'мучитель, тиран' — *τύραννος*; *čistitelj* 'священнослужитель' — *πρεσβύτερος* (компаратив); и др. В единичных случаях существительные с суффиксом *-tel(ь)* переводят субстантивно употребленные греческие причастия: *gubitelj* 'губитель' — *ὀλοθρευών*.

Глаголы, мотивирующие существительные с суффиксом *-tel(ь)*, в большинстве случаев обнаруживаются в пределах круга старославянских рукописей. Это глаголы как совершенного, так и несовершенного вида, а также двувидовые. Отсутствие в старославянских рукописях мотивирующих глаголов для некоторых существительных объясняется, как и во многих других случаях, тем, что в них зафиксирован не весь корпус старославянских лексем. Так, гл. **težati* 'работать', мотивирующий сущ. *težatelj* 'работник', в старославянских рукописях не встречается, но причастные формы этого глагола отмечены и в Изб 1073 (л. 119г 10–11), и в Изб 1076 (л. 84а 12–13), причем в разных контекстах. Встречается гл. *težati* и в Мпн-дек XII/XIII (л. 15,1) [Christians 2001: 215], что тоже свидетельствует о вероятности наличия этого глагола в старославянском языке. Гл. **vētiti*, который должен быть мотивирующим для гапакса *Рыл vēitelj*, в старославянских рукописях не встречается, однако наличие этого глагола со значением 'знать' в старославянском языке вполне возможно, на что указывает употребление его с этим значением в Ефр.Корм. XII в. [Срезн I: 497]. Следует при этом отметить, что значение лексемы *vēitelj* старославянские словари определяют как 'советник' [Словарь 1994: 166; SJS I: 381] — возможно, на основании факта употребления лексемы *vētilište* со значением 'синагога' в относительно позднем Никодимовском евангелии (XIV в., Новгородская

часть) [Карт. SJS]. Однако в единственном тексте в старославянских рукописях, где употреблено это слово, его значение можно определить и как 'тот, кто все знает': **ѣко в'(се)гда** и **. в'семоу сльн(ша)тель** и **в'ѣтитель... тьн еси** (греческий оригинал не найден). Не встречается в старославянских рукописях и гл. *гьвѣити, мотивирующий сущ. гьвѣитель 'ревнитель, поборник, ревностный защитник'. Срезневский отмечает его в древнерусской минее XI в. [Срезн III: 214], возможно, он был и в старославянском языке. Сущ. **dovoditelj** 'вождь' (гапакс Евх) было, очевидно, образовано от гл. *dovoditi, так как, хотя в старославянских рукописях этот глагол не встречается (есть только гл. **voditi** 'водить, вести' и гл. **dovesti** 'привести, довести'), но он употребляется в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с др.-сербск. 1263 г. (Шест 229b 24–25).

Приходится также учитывать, что мотивирующий глагол может быть употреблен в старославянских рукописях не во всех своих значениях. Так, например, при отсутствии в них у гл. **vъstaviti** значения 'создать, сотворить', в языке все же «восстанавливается» словообразовательная пара **vъstaviti** 'создать, сотворить' → **vъstavitelj** 'создать, сотворить' (см. с. 29–30). Возможно также, что образование этого гапакса в Евх объясняется стремлением древнего книжника — при наличии в старославянском языке слов со значением 'создатель', не калькирующих греческие соответствия (ср. **създателъ** — **πλάστης**, **съдѣтелъ** — **δημιουργός**, **обрѣтелъникъ** — **εὐρετής**), — приблизиться к префиксальной морфемной структуре греческого соответствия (см. раздел «Префиксы», с. 193).

Особого рассмотрения требует вопрос о производящей глагольной основе при образовании существительных с суффиксом **-tel(ь)**, так как с ним связан вопрос о формировании в старославянском языке комплекса **-itel(ь)** в качестве цельной словообразовательной морфемы. Как правило, производящей основой при образовании существительных с суффиксом **-tel(ь)** служила основа инфинитива. От основ бессуффиксальных глаголов образовано относительно немного существительных, что было отмечено еще Р. М. Цейтлин: «они образуют наименее продуктивный подвид словообразовательной модели» [Цейтлин 1977: 105]. В старославянских рукописях это следующие лексемы: **datelъ**, **podatelъ**, **prѣdatelъ**, **vъzdatelъ**, **podъjetelъ**, **prijatelъ**, **съdѣtelъ**, **vlastelъ**, **žetelъ**, **žitelъ**. Несколько больше образований от основ глаголов

с суффиксами -а- и -ѣ-: *dělateľ*, *kazateľ*, *lajateľ*, *obrětateľ*, *podražateľ*, *propovědateľ*, *slyšateľ*, *sъkazateľ*, *sъvěděteľ*, *sъzdateľ*, *težateľ*, *vъziskateľ*, *zizditeľ*, *zъdateľ*. Наиболее же распространенным в старославянском языке оказывается образование существительных с суффиксом -*itel*(ь) от основ инфинитива с суффиксом -*i-* (глаголов «на -*iti*»): *cěliteľ*, *čistiteľ*, *děliteľ*, *dosaditeľ*, *goniteľ*, *gubiteľ*, *xraniteľ*, *icěliteľ*, *iskusiteľ*, *ispraviteľ*, *izbaviteľ*, *kръstiteľ*, *močiteľ*, *obaditeľ*, *obličiteľ*, *roběditeľ*, *praviteľ*, *prositeľ*, *gvъniteľ*, *roditeľ*, *služititeľ*, *sođiteľ*, *strojiteľ*, *sъvrgšiteľ*, *světiteľ*, *svętiteľ*, *svoboditeľ*, *tbliteľ*, *tomiteľ*, *učiteľ*, *větiteľ*, *vъstaviteľ*, *zaštítiteľ*. Активность этого процесса способствовала осознанию древними книжниками комплекса -*itel*(ь) в качестве единой и яркой значащей части слова (т. е. произошло известное явление переразложения). В евангельском тексте еще не встречаются существительные, образованные с помощью суффикса -*itel*(ь), но уже в Спн находим два таких образования. Сущ. *sъrasiteľ* 'спаситель', употребляемое в Спн, а затем в Клоц, Евх, Ен, Супр и широко в более поздних памятниках, является «обновленным» бессуффиксального сущ. *sъrasъ* в значении 'спаситель'. Как отмечала Р. М. Цейтлин, в старославянском евангельском тексте «в этом смысле употреблялось только сущ. *sъpasъ*» [Цейтлин 1977: 103]. Сущ. *sъrasъ* имело и значение 'спаситель', и значение 'спасение' (хотя и редко, в старославянских рукописях всего 6 уп. из 78). Именно в «двузначности» лексемы *sъrasъ* Р. М. Цейтлин видела причину укоренения в языке сущ. *sъrasiteľ* [Цейтлин 1977: 103]. Тем не менее *sъrasъ* остается для старославянского языка гораздо более частотным словом: *sъrasiteľ* — 13 уп., *sъrasъ* — 72 уп. в этом значении. Также суффикс -*itel*(ь) в качестве цельной словообразовательной морфемы обнаруживается в гапаксе Спн *rokъviteľ* 'покровитель, защитник'. Это существительное образовано от основы *rokъv-*, тогда как от основы *rokrov-* — гапакс Супр *rokroviteľ* с тем же значением¹.

Осознание древними книжниками элемента -*itel*(ь) в качестве словообразовательной морфемы вовлекло в образование существительных глагольные основы настоящего времени. Эти образования

¹ В старославянских словарях лексемы *rokъviteľ* и *rokroviteľ* даются в одной словарной статье, в качестве одной словарной единицы [Словаре 1994: 470; SJS III: 128–129].

немногочисленны и представляются исключительными в сравнении с гораздо более регулярным образованием от основы инфинитива. Тем не менее использование суффикса *-itel'(ь)* дало возможность образовывать существительные от разных основ одного и того же глагола. Примером такого образования от гл. *zdati* являются два синонимичных сущ. *zižditeľ* 'создатель, стронтель' и *zdateľ* 'то же'. Сущ. *zižditeľ*, встречающееся в Клоц, Евх и Супр, образовано от основы наст. вр. *zižd-* глагола *zdati*, а гапак Супр *zdateľ* — от основы его инфинитива. Укажем еще несколько образований с суффиксом *-itel'(ь)*. От основы наст. вр. *rogreb-* глагола *rogreti* 'похоронить' образован гапак Супр *rogrebiteľ* 'могильщик (т. е. тот, кто хоронит)'. Также от основы наст. вр. *podad-* глагола *podati* 'дать, даровать' (с вторичной редупликацией — ср. форму 3 л. мн.ч. *подадатъ* в Евх 13а 4) образован гапак Супр *podaditeľ* 'дающий, дарующий'. О «спонтанности» и факультативности образования сущ. *podaditeľ*, переводящего в Супр 480,14 греч. *χορηγός*, свидетельствует наличие в старославянском языке существительного *podateľ* с тем же значением и переводящего то же греч. *χορηγός* (Евх 926 17; Супр 74,28), но образованного от основы инфинитива глагола *podati* с помощью суффикса *-tel'(ь)* (т. е. более регулярным путем). Тем не менее образование, аналогичное указанному в *podaditeľ*, но от основы с другим префиксом, имеет и сущ. **prědaditeľ* 'предатель', не зафиксированное в старославянских рукописях, но восстанавливаемое из образованного от него по продуктивной модели с помощью суффикса *-ev-* прил. *prědaditeľevъ* (2 уп. в Клоц), которое переводит Геп. *τοῦ προδοῦτου* существительного *προδοτής*. Образование психодного для прил. *prědaditeľevъ* существительного **prědaditeľ* также происходило при наличии в старославянском языке (уже в евангельском тексте) существительного *prědateľ*, образованного от основы инфинитива глагола *prědati* с помощью суффикса *-tel'(ь)* (т. е. более регулярным путем), с тем же значением и переводящего то же греч. *προδοτής*. Такие образования, как *podaditeľ* и **prědaditeľ*, свидетельствуют, несомненно, как о легкости, с какой древний книжник мог «по потребности» при переводе греческого текста или его редактировании образовывать новые слова с суффиксом *-tel'(ь)* (в его сознании уже с элементом *-itel'(ь)* как значащей части слова), а, следовательно, и об очень высокой продуктивности в старославянском языке суффикса

-tel'(ь), так и о «молодости» и еще неустойчивости в старославянском языке лексем данного типа, провоцирующей — при отсутствии «укорененности» в языке — создание словообразовательных вариантов.

О высокой продуктивности суффикса -tel'(ь) свидетельствует и такое существительное как *sqditel'ь* 'судья' (всего 2 уп. — в Син и Клоц). Оно имеет то же значение и переводит то же греч. κριτής, что и широко употребляемое сущ. *sqdiijь* (58 уп.). Однако суффикс -ij- в сущ. *sqdiijь*, не представляя собою яркую, выразительную последовательность фонем, уже не воспринимался, видимо, древним книжником как значащая часть слова, поэтому лексема *sqdiijь* требовала, как и другие лексемы, непронизводные для старославянского языка, «обновления». Таким образом, *sqditel'ь*, образование от гл. *sqditi*, по отношению к лексеме *sqdiijь* можно считать своего рода «обновленным».

Двукорневые сложения с суффиксом -tel'(ь) в большинстве своем переводят греческие двукорневые сложения, представляя собой кальки с полным или частичным совпадением морфемных структур. Доля двукорневых сложений среди существительных с суффиксом -tel'(ь) сравнительно невелика: *blagodētel'ь* [blag-o-dē-tel'ь] 'благодетель' — εὐεργέτης [εὐ-εργ-έ-της], *idoloslužitel'ь* [idol-o-služ-i-tel'ь] 'идолопоклонник' — εἰδωλολάτρης [εἰδωλ-ο-λάτρ-ης], *mirodržitel'ь* [mir-o-drž-i-tel'ь] 'владыка мира' — κοσμοκράτωρ [κοσμ-ο-κράτ-ωρ], *samodržitel'ь* [sam-o-drž-i-tel'ь] 'самодержец' — αὐτοκράτωρ [αὐτ-ο-κράτ-ωρ], *slovopisatel'ь* [slov-o-pis-a-tel'ь] 'писатель, летописец' — λογογράφος [λογ-ο-γράφ-ος], *šaropisatel'ь* [šar-o-pis-a-tel'ь] 'тот, кто пишет красками' — ζωγράφος [ζω-γράφ-ος] 'живописец (т. е. пишущий с натуры)', *vьsedržitel'ь* [vьsedržitel'ь] 'вседержатель' — παντοκράτωρ [πανт-ο-κράт-ωρ], *zakonoučitel'ь* [zakon-o-uč-i-tel'ь] 'учитель закона' — νομοδιδάσκαλος [νομ-ο-διδάσκ-αλ-ος]. Сущ. *l'žesv'ēdētel'ь* [l'ž-e-sv'ēd-ē-tel'ь], встречающееся в старославянских рукописях только в составе словосочетания *l'žesv'ēdētel'ь byti* 'лжесвидетельствовать', переводит гл. ψευδομαρτυρεῖν [ψευδ-ο-μαρτυρ-εῖν]. Гапакс Мар *blagodatel'ь* [blagodatel'ь] 'благодетель', соответствующее греч. εὐεργέτης, употреблено в чтении Л 22,25 на месте сущ. *blagodētel'ь* в других старославянских кодексах.

Способом словообразования для двукорневых сложений с суффиксом -tel'(ь) можно предполагать как суффиксально-сложный, так и способ чистого сложения. Чистое сложение вполне вероятно для

таких существительных как *idoloslužitel'ь* и *zakonoučitel'ь*, ибо рассматриваемые в таком случае как опорные компоненты лексемы *služitel'ь* и *učitel'ь* известны в старославянских рукописях. Чистым сложением, возможно, образованы также сущ. *slovopisatel'ь* и *šaropisatel'ь*, так как, хотя лексема *pisatel'ь* не встречается в старославянских рукописях, она известна по Гр.Наз. XI в. — рукописи, восходящей к старославянскому протографу [Срезн II: 935]. То же можно предполагать и в отношении сложения *blagodětel'ь*, поскольку лексема **dětel'ь* встречается в ряде древнерусских списков, восходящих к старославянским протографам [Срезн I: 793; СДЯ XI–XIV III: 164], в том числе и трижды в Изб 1076 (лл. 88об 10; 91об 10; 122об 13) в словосочетании *dobraja dětel'ь*. Что же касается лексем *mirodgъžitel'ь*, *samodgъžitel'ь* и *vъsedgъžitel'ь*, то чистое сложение вряд ли было возможно при их образовании, так как ни сущ. **dгъžitel'ь*, ни даже гл. **dгъžiti* (от которого можно бы было предполагать образование с суффиксом *-tel'ь*) сущ. **dгъžitel'ь*) нам не встречались¹. Видимо, для этих лексем, отмеченных в Евх и Супр (т. е. в старославянских рукописях, содержащих относительно поздние переводы), было актуально образование от высокочастотного гл. *dгъžati* (> 100 уп.) суффиксально-сложным способом — с помощью уже оформившегося в качестве словообразовательного форманта суффикса *-itel'ь*. Сущ. *blagodateľь* 'благодетель' (гапакс Мар) было, возможно, образовано не способом сложения, а с помощью суффикса *-tel'ь* от гл. *blagodati* 'оказать благодетельные' (т. е. от основы *blagoda-*).

Следует отметить, что в нескольких случаях двукорневые греческие лексемы переводятся однокорневыми существительными с суффиксом *-tel'ь*, т. е. не калькируются. Так, двукорневому имени $\gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\varsigma$ [$\gamma\epsilon\text{-}\omega\rho\upsilon\text{-}\omicron\varsigma$] соответствует однокорневое ст.-слав. *težatel'ь* [*tež-a-tel'ь*], двукорневому $\phi\omega\tau\alpha\gamma\omega\upsilon\varsigma$ [$\phi\omega\tau\text{-}\alpha\gamma\omega\upsilon\text{-}\omicron\varsigma$] — *kazatel'ь* [*kaz-a-tel'ь*], двукорневому $\chi\omicron\rho\eta\eta\omicron\varsigma$ [$\chi\omicron\rho\text{-}\eta\eta\text{-}\omicron\varsigma$] — *dateľь* [*da-tel'ь*], *podatel'ь* [*po-da-tel'ь*] и *podaditel'ь* [*po-dad-itel'ь*].

¹ В довольно позднем списке XIV в. 16 слов Григория Богослова употреблено словосочетание (или сложение?) *мира держител(а)* [СДЯ XI–XIV III: 143], напоминающее, однако, ст.-слав. *mirodgъžitel'ь*. В ЭССЯ предполагается существование в праславянском языке глагола **dгъžiti* [ЭССЯ 5: 232], однако в качестве свидетельства приводятся производные существительные в ст.-чеш. и сербохорв. стар., которые могут быть образованиями и от глагола **dгъžati*.

Суффикс -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)

Славянский суффикс -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а), восходящий к сформировавшемуся еще в индоевропейском языке суффиксу -ik- [Meillet 1905: 340; Vaillant 1974: 300], в старославянском проявил себя как наиболее универсальная и полифункциональная словообразовательная морфема. В старославянских рукописях насчитывается 262 лексемы, содержащих эту морфему (в 34 из них — в виде алломорфа -ьс-). Суффикс обнаруживается в наименованиях реальных с конкретным значением — лиц, животных, предметов. Наименования лица — это существительные мужского рода (в том числе и женского склонения, основы на -a¹), среди наименований предметов и животных возможны были как существительные мужского рода, так и среднего рода, и женского. Данный суффикс функционировал и в отыменном, и в отглагольном словообразовании, являясь носителем словообразовательных значений разного типа (модификационного и мутационного), участвовал в таких специфических процедурах старославянского словообразования, как калькирование и «обновление». Вместе с тем существовала большая разница в функционировании суффикса при образовании наименований лица и при образовании наименований неодушевленных предметов и животных.

Рассмотрим сначала функционирование суффикса -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а) при образовании наименований неодушевленных предметов и животных.

Неодушевленных существительных, выделяющих морф -ьс-, относительно немного — в старославянских рукописях таких насчитывается всего 22 лексемы: брашьньсье 'еда, кушанье', свѣтьсь 'цветок', двъгьса 'дверь; окно', gostinьсь 'шiroкая дорога', gradьсь 'городок; садик, огородик', imѣnьсье 'имущество, ноша', копьсь 'край, граница; конец', когьсь 'мера', ковьсьежьсь 'ларец; мешок для денег', тузьсь

¹ Принято считать, что в древнейших славянских текстах эти существительные имели мужской род, обозначая лиц мужского пола, а славянские ерисоепа сформировались позднее по аналогии с этим типом существительных, хотя и не обязательно следовали присущей последней модели согласования, являя в разных славянских языках в данном отношении свои правила (см. об этом, например, [Herrity 1983]).

‘рука; плечо; мышца’, *облацьсь* ‘облачко’, *одгьсь* ‘решетка очага’, *рѣспьсе* ‘сандалия’, *гозьсь* ‘стручок’, *слѣпьсе* ‘солнце’, *соцьсь* ‘сучок; щепочка’, *срьдцьсе* ‘сердце’, *studеньсь* ‘водоем, колодец’, *сьзьсь* ‘грудь, сосок’, *грьзобьсь* ‘трезубец’, *вѣньсь* ‘венец, корона’, *влѣцьсь* ‘волчец, репейник’. Как видно из перечня, все они относятся к сфере обыденной лексики, словообразовательный суффикс сочетается в них с производящими основами славянского происхождения. Образование неодушевленных существительных — исключительно отыменное. В производном неодушевленном существительном сохранялся, как правило, грамматический род исходной леммы, ср.: *бгавьсье* от *бгавьно*, *свѣтьсь* от *свѣть*, *двьгьса* от *двьгь*, и т. д.

А. Валян леммы *градьсь*, *ковьсьзьсь*, *облацьсь*, *одгьсь*, *гозьсь*, *соцьсь*, *сьзьсь* считал диминутивами, а *свѣтьсь*, *агньсь*, *тельсь*, *жѣвьсь*, *рьтеньсь/рьтѣньсь*, *mladenьсь/mladѣньсь* и *ргьвеньсь/ргьвѣньсь* сингулятивами [Vaillant 1974: 296–297]. Тем не менее в системе старославянского языка словообразовательное значение суффикса *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* при образовании как неодушевленных существительных, так и наименований животных не всегда можно определить, поскольку словообразовательные мотивации в «старых» леммах, восходящих к праславянскому лексическому фонду, в эпоху старославянского языка были уже «затемнены». С синхронной точки зрения диминутивное значение суффикса однозначно определяется только в двух старославянских существительных — в *градьсь* ‘городок; садик, огородик’, образованном от *градь* ‘город; сад, парк’, и в *облацьсь* ‘облачко’, образованном от *облакь* ‘облако’. В ряде случаев диминутивное значение суффикса совмещается в номинации с метафорическим переносом¹: *муьса* ‘рука, плечо, *устар.* мышца’ от *муь* ‘мышь’²; *одгьсь* ‘решетка очага, гриль’ (перевод греч. ἔσχαρα) от *одгь* ‘постель, ложе, носилки, одр’; *гозьсь* ‘стручок’ от *гогь* ‘рог’; *влѣцьсь* ‘волчец, репейник’ от *влѣць* ‘волк’³.

¹ Ср. понятие «ассоциативного деривата» в современной теории синхронного словообразования [Граматыка 1984: 315].

² ЭССЯ приводит объяснение А. Г. Преображенского: «название мышши было перенесено на мускулистые части тела в те времена, когда человеку сокращенные мускулов... представлялось мышью, бегающей под кожей» [ЭССЯ 21: 67].

³ Название колючего растения *влѣцьсь*, употребляемое в соответствии с греч. τριφύλλος в Супр, старославянской рукописи, содержащей относительно

В других случаях контексты старославянских рукописей не позволяют определить, сохранилось ли диминутивное значение суффикса -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а), или уже «стерлось». Так, значение сущ. *брашьно* и образованного от него сущ. *брашьньсе* Словарь 1994 определяет одинаково как 'еда, кушанье' (однако *брашьньсе* встречается в Евх еще и в специальном значении 'просвира'). Сущ. *двьгьса* употребляется в значении 'дверь' — так же, как и *двьгь* (однако *двьгьса* имеет также и значение 'окно' при переводе греч. *θυρίς*). Непонятно, уменьшительное ли значение имеет гапак Супр *имѣнїѣсе* по сравнению со значением исходного сущ. *имѣнїѣ* 'имущество, состояние' — Словарь 1994 определяет значение сущ. *имѣнїѣсе* как 'имущество, ноша' [Словарь 1994: 259] (ср. текст: *имѣнїице бо ти зълоє днѣвољь дастъ* Супр 400,8). То же можно сказать и о словообразовательной паре *ковъсегъ* 'ларец, ковчег' — *ковъсѣзьь* 'ларец; мешок для денег'.

Обращает на себя внимание очень низкая частотность в старославянских рукописях многих лексем с суффиксом -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а) по сравнению с частотностью исходных существительных: *брашьньсе* (3 уп.) — *брашьно* (75 уп.); *двьгьса* (7 уп.) — *двьгь* (> 100 уп.); *градъьс* (11 уп.) — *градъ* (> 400 уп.); *имѣнїѣсе* (1 уп.) — *имѣнїѣ* (98 уп.); *ковъсѣзьь* (3 уп.) — *ковъсегъ* (14 уп.); *облашььс* (1 уп.) — *облакъ* (67 уп.); *одгъьс* (1 уп.) — *одгъ* (72 уп.). С другой стороны, некоторые суффиксальные лексемы явно уже «укоренились» в языке. Так, сущ. *сѣшььс* 'сучок, заноза, щепочка; веточка' более употребительно в старославянских рукописях (17 уп.) чем бессуффиксальное сущ. *сѣкъ* с тем же значением и переводящее то же греч. *κάρφος*, которое встречается только дважды в Сав, заменяя при этом в чтении Мт 7,4 сущ. *сѣшььс* других старославянских кодексов. Так же ограничено в своем употреблении только Супр бессуффиксальное

поздние переводы, взято, видимо, из народной славянской речи, так как в евангельском тексте *тѣѣолоѣс* переводится или гречизмом *тѣѣвољь* (в апракосе Ас), или *гѣрїѣ* (в тетрах Зогр и Мар). Мотивация существительным *влькъ* 'волк' при диминутивном значении суффикса может быть объяснена метафорическим переносом свойств «кусающегося» животного волка на «кусающееся» растение. В образовании ст.-слав. *влькъьс* мы сталкиваемся с тем типом мотивации, который, по мнению И. С. Улуханова, целесообразно, «имея в виду наличие экспрессивной связи», называть экспрессивной мотивацией [Улуханов 1999: 32].

сущ. *съзь* 'грудь, сосок', в то время как сущ. *съзьсь* с тем же значением встречается в евангельских старославянских кодексах и Снх. Поскольку все эти слова принадлежат к сфере обыденной лексики, трудно определить, являлись ли лексемы *брашьсье*, *двьгьса*, *градсь*, *имѣнїсье*, *ковьсьзьсь*, *облацьсь*, *одгьсь* новообразованиями старославянского языка (и, следовательно, показателями продуктивности суффикса *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* в этой сфере), или их невысокая частотность объясняется ограниченностью содержания старославянских текстов.

По-разному квалифицировали палеослависты и этимологи сущ. *когьсь*, которое использовано в Мар в чтении Л 16,7 для перевода греч. *κόρος* 'кор, мера зерна', в то время как в Зогр в том же чтении употреблен бессуффиксальный грецизм *когь*. Обе эти лексемы — *когь* и *когьсь* — рассматривались и как грецизмы, и как сугубо славянские образования, и как случай субституции греч. *κόρος* славянским словом, родственным русск. *корá* [ЭССЯ 11: 130 (там же и литература); Vaillant 1974: 299]. Однако при рассмотрении лексемы *когьсь* в системе старославянского языка (при любой трактовке ее этимологии) следует учитывать, что древним книжником она должна была быть осмыслена как суффиксальное образование, связанное со словом *кóρος* греческого оригинала.

В отличие от случаев, когда в старославянских лексемах значение суффикса *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* трудно уловимо, словообразовательное значение суффикса *-ьс(е)* у сущ. *plesньсье* 'сапдалья' (перевод в Евх греч. *σανδάλιον*), мотивированного именем *plesno* 'ступня', с синхронной точки зрения может быть квалифицировано только как мутационное.

Структура и семантика единственного сложения среди неодушевленных существительных с суффиксом *-ьс- тьзьсь* 'вилы с тремя зубьями' хорошо объясняются на славянской почве, поэтому *тьзьсь* представляется скорее самостоятельным славянским образованием, а не неполной калькой своего греческого соответствия *τρίβολος* 'трибол'¹, хотя и повторяет частично его морфемную структуру ([*тьзьсь-ьс-ь* — *три-вол-ос*]).

¹ Триболы — шарпки с острьями, использовавшиеся для задержки неприятельской конницы. В триболе три острья были противопоставлены

Что касается словообразовательного значения суффикса -ьс(ь) при образовании наименований животных, то, по мнению А. Вайана, в этой сфере он сообщает значение единичности. Данное значение Вайан видит в лексемах агньсь 'агнец, ягненок', јупсь 'молодой бык', тельсь 'теленка, телец', жѣбсь 'детеныш осла, лошади' (в отличие от наименований с суффиксом -ѣ- агнѣ, телѣ, жѣбѣ), в лексемах с комплексами -епьс-/ѣпьс- рьтеньсь/рьтѣньсь 'птенец', mladеньсь/mladѣньсь 'младенец' и ргьвеньсь/ргьвѣньсь 'первенец', а также в сущ. свѣтьсь по сравнению с исходным свѣть [Vaillant 1974: 297]. Однако анализ старославянского материала не дает такой четкой дихотомии значений, которая, возможно, имела место изначально. Так, если значение единичности и было первоначально у сущ. свѣтьсь, употребление свѣть и свѣтьсь в старославянских текстах уже не показывает разницы в значениях этих лексем: обе они имеют значения 'цветок' и 'цвет — лучшая, отборная часть', обе переводят греч. ἄνθος. В отношении же рьтеньсь и рьтѣньсь Р. М. Цейтлин указывала для старославянских рукописей на «собственно уменьшительное значение, которое сообщается именно данным формантом», а для mladеньсь/mladѣньсь/mladьньсь и ргьвеньсь/ргьвѣньсь — на значение носителя признака как на основное [Цейтлин 1977: 111], т. е. для суффикса -ьс(ь) в существительных mladеньсь, mladѣньсь, mladьньсь и ргьвеньсь, ргьвѣньсь основным, по мнению Р. М. Цейтлин, являлось мутационное значение.

Все же в целом на основе анализа вышеприведенного материала можно сделать вывод, что в системе старославянского языка основным значением суффикса -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а) как при образовании неодушевленных существительных, так и при образовании наименований животных было значение модификационное.

Следует отметить, что при исследовании старославянского материала с синхронной точки зрения лексемы с суффиксом -ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а), обозначающие неодушевленные предметы и животных, обнаруживают разную степень членности. Разную членность имеют лексемы с комплексами -епьс(ь)/-ѣпьс(ь). Сущ. mladеньсь и mladѣньсь вычленивают как корень mlad- (ср. прил. mladь(ь), mladьль [mlad-ьп-ь]

четвертому, что и отражено в его названии: компонент три- в сложении триѡло҃с означает 'трижды'.

‘младенческий, детский’), так и именные основы *mladen-*, *mladěn-* (ср. сущ. *mladeništъ* [mlad-en-išt-ъ] ‘младенец’, *mladēništъ* [mlad-ěn-išt-ъ] ‘то же’, *mladenstvo* [mlad-en-ıstv-o] ‘младенчество’), т. е. словообразовательным формантом является суффикс *-ьс(ь)*¹. В случаях же с лексемами *рътеньсь/рътѣньсь* и *ргвѣньсь/ргвѣньсь* вычлениются только корни *рът-* (ср. *ръtica* [ръtica] ‘птица’, *рътишь* [ръt-išt-ъ] ‘воробей’) и *ргв-* (ср. *ргвъ(ь)* ‘первый’), т. е. словообразовательными формантами являются комплексы *-еньс(ь)* и *-ѣньс(ь)*.

Определение членности ряда старославянских лексем с суффиксом *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* осуществлялось нами методом сопоставления, основанном на анализе слова в кругу слов, содержащих тождественные сегменты (см. Главу II, с. 30–31). Сущ. *telъсь* ‘теленос, телец’ вычленяет суффикс *-ьс(ь)* при сопоставлении его с однокоренным сущ. *telica* ‘овечка, ягненок’ (в отсутствие в старославянских рукописях сущ. с суффиксом *-ѣ- *teleѣ*). Остается членным в старославянском языке и древнее индоевропейское образование *овьса* ‘овца’: тождественный корень обнаруживается при сопоставлении его с сущ. *овьль* ‘баран’ ([ov-ьс-а — ov-ьп-ъ], см. также [Фасмер III: 116]).

Несколько не одушевленных существительных древнего образования с суффиксом *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* также обнаруживают членность только методом сопоставления их с лексемами, содержащими ту же корневую или суффиксальную морфему (т. е. мотивирующих слов для них в лексической фонде старославянского языка нет). Так, о членности сущ. *slъньсе* [slъп-ьс-е] ‘солнце’ в старославянском языке можно говорить благодаря наличию в Супр (464,7) прилагательного *beslъпъль* [be-slъп-ьп-ъ] ‘лишенный солнечного света’, содержащего ту же корневую морфему. Членность сущ. *srъдъсье* [srъd-ьс-е] ‘сердце’ подтверждается наличием в старославянских рукописях ряда сложных с тождественным корнем *-srъd-*: *milosrъdъ* [mil-o-srъd-ъ] ‘милосердный’, *tъžьkosrъdъ* [tъž-ьk-o-srъd-ъ] ‘жестокосердный, бессердечный’, *žestosrъdivъ* [žest-o-srъd-iv-ъ] ‘жестокосердный, суровый’, *srъdobolъa* [srъd-o-boļ-a] ‘родня, родственник’. Образованное от отсутствующего

¹ Происхождение варианта *mladъльсь* имеет двоякое объяснение [ЭССЯ 19: 153]. Однако с точки зрения синхронного анализа предпочтительнее, видимо, учитывать существование прил. *mladъль* [mlad-ьп-ъ] и рассматривать вариант *mladъльсь* как соотносящийся с этой членной основой.

в старославянском языке имени *копь сущ. копьсь 'край; конец', членимо на фоне наречия *iskoni* 'с (самого) начала; в начале', содержащего тождественную корневую морфему и представляющего собой по происхождению адвербиализованную форму Gen. сущ. *копь с предлогом *iz*. Переводящее греч. *πλατεῖα* сущ. *gostinьсь* 'широкая дорога, улица' вычленяет корень *gost-* при сопоставлении с *gostь* 'гость'. При идентификации суффикса *-ьс(ь)* выявляется производящая основа *gostin-*, которая первоначально есть основа притяжательного прил. **gostinь*. Последнее еще в праславянском языке «рано и многократно субстантивировалось в форме м. и ж. р.» [ЭССЯ 7: 65]. В качестве притяжательного прилагательного лексема **gostinь* функционировала, видимо, и в старославянском языке, так как она встречается в «Богословии» Иоанна Экзарха: *περὶ τὴν τοῦ φίλου ἀποδοχὴν — ѡ гостинѣ подъяти* Бог 318 б. Однако это не является еще доказательством существования в старославянском языке субстантивированной лексемы **gostinь*, которая могла бы быть мотивирующей для сущ. *gostinьсь*. Таким же образом — путем идентификации суффикса *-ьс(ь)* — предполагается в качестве производящей основа *studen-* для сущ. *studenьсь* 'водоем, колодец; пропасть, яма' (перевод греч. *πυγὴ* и *φρέαρ*). Если исходить из круга лексики, зафиксированной словариком Словаря 1994, эту основу можно обнаружить в прил. *studenь* 'холодный' (движение семантики Фасмер объясняет здесь как «студеный источник» [Фасмер III: 787]); содержит основу *studen-* и сущ. ж. р. *studenь* 'холод, мороз, стужа'. Членение же лексемы *вѣньсь* 'венец, корона' путем идентификации суффикса *-ьс(ь)* оказывается проблематичным. Этимологически связанное с многочисленными старославянскими лексемами с корнем *-vi-* (*izviti*, *obiti* и др.) и многочастотное по меркам старославянского языка (54 уп.), сущ. *вѣньсь* по происхождению является, видимо, образованием от имени **вѣнь* ([Фасмер I: 291; Черных I: 141] и др.). Однако являлся ли здесь суффикс *-ьс(ь)* словообразовательной морфемой с точки зрения синхронного анализа старославянского материала, судить трудно, так как ни в старославянских рукописях, ни в обследованных нами более поздних списках со старославянских протографов лексема **вѣнь* не встречается.

Таким образом, можно прийти к заключению, что при образовании наименований неодушевленных предметов и животных суффикс *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* ведет себя в старославянском языке как

малопродуктивный, обнаруживаясь по большей части в «старых» лексемах, во многих случаях уже не имеющих в языке мотивирующих их слов.

В различных наименованиях лица суффикс *-ьс(ь)/-ьс(е)/-ьс(а)* имеет вид *-ьс(ь)/-ьс(а)* (как отмечалось выше, это лексемы только мужского рода) и, в отличие от функционирования при образовании наименований неодушевленных предметов и животных, показывает в старославянском языке несомненную продуктивность в этой сфере. Именно в наименованиях лица с данным суффиксом наблюдается как отадективное, так и отглагольное образование, калькирование и «обновление».

Рассмотрим сначала отадективное образование. В старославянских рукописях имеет место употребление существительных — наименований лица с суффиксом *-ьс(ь)* наряду с субстантивным употреблением исходных прилагательных с тем же значением: *хромъ* и *хромьсь* 'хромой, человек с большими ногами', *luty* и *lutyсь* 'жестокый человек', *mrtvъ* и *mrtvьсь* 'мертвый, мертвец', *slъpъ* и *slъpьсь* 'слепой', *starъ* и *starьсь* 'старик' (для *starьсь* также 'старший, старейшина; старец; предок', в то время как значение 'старший, старейшина' имеет субстантивно употребляемое прилагательное в форме компаратива *starějъ*), *svęтъ* и *svęтъсь* 'святой'. Как справедливо отмечала Р. М. Цейтлин, субстантивное употребление прилагательных в старославянских рукописях было более распространено, чем употребление соответствующих существительных с суффиксом *-ьс(ь)* (за исключением сущ. *starьсь*) [Цейтлин 1977: 109]. Более того, существительные *хромьсь*, *lutyсь*, *svęтъсь* являются гапаксами старославянских рукописей. Здесь мы наблюдаем то же явление, что и при отмечавшемся выше параллельном субстантивном употреблении прилагательных с суффиксом *-ьп-* и образованных от них существительных с суффиксом *-ик(ь)*, — с той лишь разницей, что для существительных с суффиксом *-ьс(ь)* исходными являются субстантивно употребляемые прилагательные, для старославянского языка бессуффиксальные. Поскольку последние были более употребительны в старославянском языке и восходят, видимо, к наименованиям лица по существенному признаку в эпоху, когда различие между прилагательным и существительным было минимальным (см. об этом в

отношении старославянского материала [Ефимова 2000]), словообразовательное значение у данных существительных, оформленных с суффиксом -ьс(ь) — также как и у описанных выше существительных с суффиксом -ик(ь), тождественных по значению исходным субстантивно употребляемым прилагательным — следует признать «нулевым». Суффикс -ьс(ь) ввиду полного тождества значений в «словообразовательной паре»¹ не выражает здесь никакого из известных типов словообразовательных значений. Возможно, что и в этих случаях суффиксальное оформление существительных свидетельствует о стремлении древнего книжника использовать яркий продуктивный суффикс для создания «книжного облика» слова, а само явление следует рассматривать в качестве частного случая «обновления», составляющего одну из процедур, характерных для словообразовательной системы старославянского языка (см. с. 20–21).

В двух мотивированных прилагательными существительными суффикс -ьс(ь) имеет мутационное значение наименования лица по существенному признаку: *ѣтъльсь* ‘монах (носящий черную одежду, ср. далее *ѣтълогізьсь*)’ при прил. *ѣтъль* ‘черный’ и *хутъсь* ‘знаток, искусный мастер’ при прил. *хутъ* ‘искусный, умелый’. Р. М. Цейтлин к отадъективным образованиям относила также *близъсь* ‘близнец’ [Цейтлин 1977: 107]. Прил. **blizъ*, хотя и не встречается в старославянских рукописях, входило, видимо, в старославянский лексический инвентарь, так как наречие на -о **blizno*, образованное по регулярной модели, неоднократно отмечено в списках, восходящих к старославянским протографам, причем в разных местах разных произведений: Изб 1073 9в 23; 17в 28–29; 67а 14; Гр.Наз.ХІ в. [Срезн I: 114]. Тем не менее заслуживает внимания и мнение А. Вайана, интерпретировавшего сущ. *blizъсь* как сингулятив от сущ. *blizъ*, известного в славянских языках [Vaillant 1974: 297] (ср. также в [ЭССЯ 2: 122–123]). Следует отметить, что, хотя в

¹ Иначе, видимо, в современном русском языке, где значения, даже бывшие когда-то тождественными, разошлись в своих оттенках. Существующие словари могут не акцентировать эту разницу — ср., например, словарные статьи на русск. *слепец* и *слепой* (в знач. сущ.) в академическом Словаре русского языка [МАС 1984 IV: 135, 136]. Однако в узусе, скажем, *Общество слепых* и *Общество слепцов* означало бы, очевидно, разные реалии.

старославянских текстах сущ. *blizньсь* встречается только в качестве прозвища апостола Фомы, оно, несомненно, существовало в языке и как нарицательное, так как образованное от него прил. *blizньсьльнь* употреблялось со значением 'двойной, двойственный' (ср.: *blizньчньчньма источнькома . крьви и водѣ излианома . Супр 438,18*). Сущ. *blizņę* в старославянских рукописях не встречается совсем, но, возможно, тоже присутствовало в старославянском лексическом инвентаре, так как отмечено в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с др.-сербск. 1263 г. Ср.: *Δίδυμοι ἐξέρχονται ἐκ μιᾶς κοιλίας — и блазнетѣ (т. е. блазнатѣ) се родите ѿ кдиноу оутробы Шест 165с 20*; то же и в др.-русск. списках — см. Шест-Бар 154б 18–19.

К отглагольному образованию с суффиксом *-сь(ь)/-сь(а)* относятся 19 из встречающихся в старославянских рукописях существительных. Словообразовательное значение суффикса в них — значенные отношения к действию, названному мотивирующим глаголом. Словарное толкование этих лексем (за исключением *скорьсь*) может быть осуществлено по формуле 'тот, кто + действие по мотивирующему глаголу', иногда с дополнительными компонентами: *вогьсь* 'борец', *сьсь* 'чтец (в церкви)', *давьсь* 'даритель', *ядьса* 'обжора', *кирьсь* 'торговец, купец', *лътьсь* 'обманщик', *ловьсь* 'охотник, ловчий', *рѣвьсь* 'певчий', *ривьса* 'пьяница', *рлѣсьсь* 'танцор, плясун', *сѣьса* 'палач', *сѣьсь* 'палач', *скорьсь* 'скопец, кастрат', *сорьсь* 'тот, кто играет на свирели', *свирьсь* 'тот, кто играет на свирели', *творьсь* 'творец, создатель', *убиьса* 'убийца', *видьсь* 'очевидец, свидетель', *жьсь* 'священнослужитель, жрец'.

Как видно из перечня, четыре существительных из девятнадцати — *ядьса*, *ривьса*, *сѣьса*, *убиьса* — имеют основы на *-а*. Еще одно существительное с основой на *-а* — *убоьса* 'убийца', встречающееся только в Супр как перевод греч. *φονεύς* и *ὁ φονεύων*, — образовано от отглагольного существительного *убоь* 'убийство, убийение'. Сущ. *убоьса* синонимично отглагольному *убиьса* (тоже перевод греч. *φονεύς*, а также и *μακρόνος*), употреблявшемуся, однако, в большем числе старославянских рукописей (Мар, Ас, Евх, Клоц, Супр). Наличие славянских параллельных образований на *-сь* и *-ьса* А. Вайан объяснял тем, что имена на *-ьса* являлись вариантами имен на *-сь*, при том что вообще славянские имена мужского рода на *-а* имели первоначальное значение экспрессивности и разговорности

[Vaillant 1974: 343]. Р. М. Цейтлин находила в старославянских лексемах «с формантами -ьца и -ьца» пейоративное значение [Цейтлин 1977: 126], но вряд ли можно согласиться с ее мнением о стилистическом различии «вариантов» имен на -ьсь и на -ьса в языке старославянских рукописей¹.

При отглагольном образовании суффикс -ьс(ь)/-ьс(а) присоединялся как к основам инфинитива с усечением суффиксальной гласной, так и к основам настоящего времени. От основ инфинитива образованы курьсь (от *kur-i-ti*), льтьсь (от *lst-i-ti*), ловьсь (от *lov-i-ti*), плесьсь (от *plēs-a-ti*), скорьсь (от *skop-i-ti*), свирьсь (от *svir-a-ti*), творьсь (от *tvor-i-ti*), видьсь (от *vid-ě-ti*). При образовании имен от бессуффиксальных инфинитивных основ, оканчивавшихся на гласную, прокладкой между производящей основой и суффиксом выступал согласный -v-: давьсь [da-v-ьс-ь] (от *da-ti*), рёвьсь [rě-v-ьс-ь] (от *rě-ti*), ривьса [ri-v-ьс-a] (от *ri-ti*)². От основ настоящего времени образованы: богьсь (от *bof-ŕ*), сътьсь (от *ŕt-ŕ*), сёсьса и сёсьсь (от *sěk-ŕ*, *sěč-eši*), сорьсь (от *sop-ŕ*), убъьса (от *ubij-ŕ*), зьвьсь (от *žv-ŕ*). Для сущ. *jadьса* производящей являлась основа *jad-*, обнаруживаемая в форме 3 л. мн. ч. *jad-ѣтъ*, а также в действительном причастии *jad-y*, основу которого, видимо, и следует в данном случае считать производной. К основам действительных причастий на -l- присоединяется суффикс -ьс(ь) в существительных ошьсь 'отшельник, ἀναχωρητής' (от *ošl-ь*), отъьсь 'то же' (от *otъl-ь*), ргъьсь 'переселенец, пришелец, чужестранец' (от *rgъl-ь*).

В нескольких случаях отглагольные существительные с суффиксом -ьс(ь) переводили греческие двукорневые сложения, соответствуя

¹ Ср., например, употребление сёсьсь (1) и сёсьса (2) в Супр в их прямом значении 'палач' без каких-либо стилистических различий: 1) сущ. сёсьсь в качестве перевода греч. δῆμιος: Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν δημίων τῶν αἰκισάντων αὐτοῦς... — мнози во отъ сѣщець мжчащгнѣхъ сѣаа Супр 6,9; 2) сущ. сёсьса в качестве перевода латинизма σπεκουλάτωρ в греческом оригинале: ὁ Παῦλος ἤξισεν τὸν σπεκουλάτορα, ὥστε τὴν Ἰουλιανὴν πρὸ αὐτοῦ κροσθῆναι — Сѣын же пагът оумоли сѣчьцъ яко да ноуананикъ прѣжде ко оуѣк'нхтъ . Супр 14,13-14.

² А. Мейе считал это -v- принадлежащим производному глаголу несовершенного вида [Мейе 1951: 291].

словам греческого оригинала «по смыслу», а не по морфемной структуре: соответствием для *ривьса* является двукорневое сложение $\omicron\iota\nu\omicron\tau\acute{o}\tau\eta\varsigma$ [$\omicron\iota\nu$ - \omicron - $\tau\acute{o}\tau$ - $\eta\varsigma$], для *skорьсь* — двукорневое сложение $\epsilon\upsilon\nu\omicron\delta\chi\omicron\varsigma$ [$\epsilon\upsilon$ - $\nu\omicron\delta\chi$ - $\omicron\varsigma$], для *твoгьсь* — в числе других $\delta\eta\mu\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\acute{o}\varsigma$ [$\delta\eta\mu\iota$ - $\omicron\upsilon\rho\gamma$ - $\acute{o}\varsigma$], для *ибѣйса* — в числе других $\mu\iota\alpha\iota\phi\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ [$\mu\iota\alpha\iota$ - $\phi\acute{o}\nu$ - $\omicron\varsigma$]; *сьсь* переводит префиксальное греч. $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\tau\eta\varsigma$ [$\acute{\alpha}\nu\alpha$ - $\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\tau\eta\varsigma$], и др.

Отсубстантивное образование существительных с суффиксом *-сь(ь)/-сь(а)* со значением лица, в отличие от образования неодушевленных существительных, не было характерным для старославянского языка. Две лексемы образованы от отглагольных существительных — помимо упомянутого сущ. *ибойса*, также и сущ. *казньсь* ‘военачальник’. Как отмечалось выше, *ибойса* образовано от сущ. *ибойь*, *казньсь* же — от сущ. *казнь* ‘приказ, указ’ (ср. гл. *kazati* ‘указывать; наставлять, поучать’¹). В обоих случаях значение суффикса мутационное, а не модификационное (последнее характерно для образования неодушевленных существительных). Отсубстантивное образование на базе предложно-падежного сочетания *bez studa* имеет и сущ. *bestudьсь* ‘бесстыдник’ (где морф *be-* — алломорф префикса *bez-*). Эта лексема — гапак Супр, единственное в пределах старославянских рукописей существительное с суффиксом *-сь(ь)* данной структуры и представляется результатом экспансии очень продуктивного суффикса в образовании по несвойственной для него модели (ср. целый ряд существительных с комплексом *-ьник(ь)*, мотивированных непосредственно или опосредованно предложно-падежными сочетаниями: *besxramьникъ*, *bezakоньникъ*, *bezgradьникъ*, *bezъmьzьдникъ*, *bezumьникъ*, а также сущ. *bestudьникъ*, мотивированное тем же сочетанием *bez studa*).

¹ По поводу определения значения сущ. *казньсь* (и, следовательно, его словообразовательной мотивации) у палеославистов нет согласия. Словарь 1994 дает значение ‘военачальник’ [Словарь 1994: 280] (SJS — ‘военный начальник’ [SJS II: 4]), однако А. Ваѳан, считая правильным игнорирование «достойной сожаления ссылки» (*le regrettable renvoi*) Северьянова (т. е. издателя Супр С. Н. Северьянова — В.Е.) на *каженикъ* (Супр 561), полагал, что существительным *казньсь* называлось *гражданское* высокопоставленное лицо, а не военный начальник [Vaillant 1969: 154]. Р. М. Цейтлин, напротив, относя сущ. *казньсь* к словам, мотивированным глаголами (кстати, каким глаголом?), опиралась на ссылку Северьянова и находила объяснение движению в этом случае семантики [Цейтлин 1977: 112–113].

Характерной особенностью функционирования суффикса -ьс(ь)/-ьс(а) в старославянском языке является активное его участие в образовании сложений: в старославянских рукописях насчитывается 53 двукорневых лексемы со значением лица, вычлениющих в своей структуре данный суффикс. В этом состоит существенное отличие функционирования суффикса -ьс(ь)/-ьс(а) от функционирования суффиксов -ьник(ь) и -tel'(ь), тоже высокопродуктивных, но относительно редко, как было показано в предыдущих параграфах, обнаруживаемых в старославянских двукорневых лексемах.

В отличие от сложений с суффиксом -ьник(ь), где преобладали отыменные опорные компоненты, для сложений с суффиксом -ьс(ь) характерны опорные компоненты с глагольной семантикой. Подавляющее большинство двукорневых лексем с суффиксом -ьс(ь) демонстрирует элементы калькирования. Неполное соответствие морфемных структур обусловлено, как правило, наличием суффиксального оформления у старославянских лексем при отсутствии его у лексем греческих. Обращает на себя внимание повторяемость первого компонента старославянских сложений (которую обычно принято подчеркивать — см., например, [Цейтлин 1977: 193; Граматика 1991: 192–193]), что, впрочем, диктуется морфемной и семантической структурами их греческих соответствий. Так, шесть лексем содержат в качестве первого компонента bog-: bogobogьсь [bog-o-bog-ьсь] ‘богоборец’ — θεομάχος [θεο-μάχος], bogoцьсь [bog-o-ць-ьсь] ‘набожный, благочестивый человек’ — θεοσεβής [θεο-σεβής], bogolubьсь [bog-o-lub-ьсь] ‘любящий Бога человек’ — θεοφιλής [θεο-φιλής], bogonosьсь [bog-o-pos-ьсь] ‘богоносец’ — θεοφόρος [θεο-φόρος], bogoslovьсь [bog-o-slov-ьсь] ‘богослов’ — θεολόγος [θεο-λόγος], bogovidьсь [bog-o-vid-ьсь] ‘видящий Бога’ — θεόπτης [θε-όπτης]. Все эти лексемы образованы на базе глаголов: brati (основа наст. вр. bof-ŕ), čisti (основа наст. вр. čьt-ŕ), lubiti, positi, плохо зафиксированного *sloviti (известного по довольно позднему списку Хроники Георгия Амартола [Срезн III: 417; СлРЯ XI–XVII 25: 98]) и viděti. Лексемы bogobogьсь, bogoцьсь, bogovidьсь можно рассматривать и как суффиксально-сложные образования, и как чистые сложения, поскольку отглагольные имена bogьсь, чьсь и видьсь употреблялись в старославянских рукописях. Лексемы же bogolubьсь и bogonosьсь были, видимо, образованы суффиксально-сложным способом, так как компоненты

**ľubьсь* и **nosьсь* в качестве самостоятельных лексем неизвестны. Лексему *bogoslovьсь* можно рассматривать и как результат «обновления» (т. е. суффиксального оформления) встречающейся в апостольском тексте лексемы *bogoslovь* с тем же значением ‘богослов’ (Ен 366 11). Последняя представляет собой более точную с точки зрения морфемной структуры кальку греческого соответствия *θεολόγος* — также суффиксально не оформленного (ср.: [*bog-o-slovь*] — [*θεο-λόγος*]).

Три лексемы содержат в качестве первого компонента *sam-*: *samodrъзьсь* [*sam-o-drъзь-сь*] ‘самодержец’ — *αὐτοκράτωρ* [*αὐτ-ο-κράτ-ωρ*]; *samovidьсь* [*sam-o-vid-сь*] ‘очевидец’ — *αὐτόπτης* [*αὐτ-όπτης*]; *samovlastьсь* [*sam-o-vlast-сь*] ‘самодержец’ — *αὐτοκράτωρ* [*αὐτ-ο-κράτ-ωρ*]. Лексемы *samodrъзьсь* и *samovidьсь* образованы на базе глаголов (*drъзь-a-ti* и *vid-ě-ti*), а гапак Супр *samovlastьсь* представляет собой нехарактерное для сложений с данным суффиксом образование на базе именн (*vlastь*).

В двукорневых лексемах на *-ľubьсь*, образованных суффиксально-сложным способом на базе глагола *ľubiti*, наблюдается перемена мест компонентов в сравнении с греческими соответствиями, что следует, видимо, объяснять структурой старославянской модели сложений с суффиксом *-сь(ь)*, где компонент с глагольной семантикой должен быть опорным: *φιλόθρωπος* [*φιλ-άνθρωπος*] — *člověkoľubьсь* [*člověk-o-ľub-сь*] ‘тот, кто любит людей’; *φιλόχριστος* [*φιλ-ό-χριστος*] — *христoľubьсь* [*христ-о-ľub-сь*] ‘христоролюбец’; *φιλόαργυρος* [*φιλ-άργυρος*] — *сьреброľubьсь* [*сьребр-о-ľub-сь*] ‘сребролюбец, корыстолюбец’; *φιλοζήμιος* [*φιλ-ο-ζήμιος*] — *životoľubьсь* [*život-o-ľub-сь-ь*] ‘жизнелюбивый человек’. Опорным является компонент *-ľubьсь* и в сложениях, для которых греческие соответствия не известны (т. е. греческие оригиналы старославянских текстов не найдены): *čistoľubьсь* [*čist-o-ľub-сь-ь*] ‘сторонник непорочности, целомудрия, чистоты’, *krotoľubьсь* [*krot-o-ľub-сь-ь*] ‘миролюбивый человек’, *ništelubьсь* [*ništ-e-ľub-сь-ь*] ‘любящий бедных’, *slovoľubьсь* [*slov-o-ľub-сь-ь*] ‘тот, кто любит слово, письменность, книжник’. С точки зрения семантико-синтаксических зависимостей между компонентами сложений, первый компонент сложений на *-ľubьсь* соответствует по функции прямому дополнению¹.

¹ На разные типы подчинительных синтактико-смысловых отношений в старославянских композитах указывается в [Грамматика 1991: 192].

Калькамн с почти всегда неполным соответствием морфемных структур являются также *četvŕgovlastьсь* [četvŕgŕ-o-vlast-ьсь] 'тетрарх' — *tetrapárhης* [тетра-árhης], *čudotvorьсь* [čud-o-tvor-ьсь] 'чудотворец, тот, кто сотворил чудо' — *θαυματοουργός* [θαυματ-ουργός], *xristoborьсь* [xrist-o-borьсь] 'христособорец, противник Христа' — *χριστομάχος* [χριστ-ο-μάχος], *jedropiřьсь* [jedŕ-o-piř-ьсь] 'соропнсец' — *ὀξύγραφος* [ὀξύ-γραφος], *mirotvorьсь* [mir-o-tvor-ьсь] 'мпротворец' — *εἰρηνοποιός* [εἰρη-ο-ποιός], *mьzdodavьсь* [mьzd-o-da-v-ьсь] 'воздающий (по заслугам, за содеянное)' — *μισθαποδότης* [μισθ-απο-δό-της], *pravoslovьсь* [prav-o-slov-ьсь] 'правотерный' (т. е. 'православный') — *ὀρθόδοξος* [ὀρθ-ό-δοξος], *rgьvrogodьсь* [rgьv-o-god-ьсь] 'первородный сын, первенец' — *πρωτότοκος* [πρωτ-ό-τοκος], *godotvorьсь* [god-o-tvor-ьсь] 'творец' — *γενεσιουργός* [γενεσι-ουργός], *sgьdьsevědьсь* [sgьdьc-e-věd-ьсь] 'знаток (человеческого) сердца, души' — *καρδιογνώστης* [καρδι-ο-γνώσ-της], *strastonosьсь* [strast-o-nos-ьсь] 'страдалец, мученик' — *ἀθλοφόρος* [ἀθλοφόρος], *řestokrilatьсь* [řest-o-krilat-ьсь] 'тот, кто имеет шесть крыльев' — *ἑξαπτέρυγος* [ἑξα-πτέρυγος], *vinopivьса* [vin-o-pi-v-ьса] и *vinopijьса* [vin-o-pij-ьса] 'пьяница' — *οἰνοπότης* [οἰν-ο-πότης], *žitotvorьсь* [živ-o-tvor-ьсь] 'тот, который дает жизнь, животворящий' — *ζωοποιός* [ζω-ο-ποιός]. За исключением лексем *četvŕgovlastьсь* (которая так же, как и *samovlastьсь*, образована на базе сущ. *vlastь*) и *řestokrilatьсь* (образованной на базе прил. *krilatь*) у всех этих сложений опорным является компонент с глагольной семантикой. Лексемы же *řestokrilatьсь* и *žitotvorьсь* можно рассматривать и как случаи «обновления», т. е. суффиксального оформления калек с тех же греческих соответствий: наряду с гапаксом Супр *řestokrilatьсь* в Евх в соответствии с тем же греч. *ἑξαπτέρυγος* употребляется гапакс *řestokrilatь* (без суффикса -ь(ь), но с тем же значением); наряду с гапаксом Ас *žitotvorьсь* в ряде старославянских рукописей в соответствии с тем же греч. *ζωοποιός* субстантивно употребляется действительное причастие *žitotvorь* с тем же значением.

Приведенные выше двукорневые лексемы с суффиксом -ь(ь)/-ь(а) имеют, как правило, невысокую частотность в старославянских рукописях, а лексемы *jedropiřьсь*, *pravoslovьсь*, *rgьvrogodьсь*, *godotvorьсь*, *sgьdьsevědьсь*, *řestokrilatьсь*, *vinopivьса*, *žitotvorьсь* являются гапаксами, что говорит о высокой продуктивности данного суффикса в рассматриваемой словообразовательной сфере. Сопоставление же этих лексем

с их греческими соответствиями свидетельствует, с одной стороны, о влиянии языка греческих оригиналов, выражающемся в процессе калькирования, но, с другой стороны, указывает также и на самостоятельность старославянских словообразовательных процедур. Последнее вытекает из неполного соответствия морфемных и семантических структур греческих и старославянских лексем: у старославянских двукорневых лексем с суффиксом *-ьс(ь)/-ьс(а)* опорный компонент, как правило, с глагольной семантикой — греческие соответствия, однако, в большинстве своем представляют собой композиции со вторым компонентом именного происхождения; старославянские лексемы суффиксально оформлены, тогда как греческие соответствия в подавляющем большинстве представляют собой субстантивно употребляемые прилагательные, а не суффиксально оформленные существительные.

На самостоятельность старославянских словообразовательных процедур при образовании двукорневых лексем с суффиксом *-ьс(ь)/-ьс(а)* указывает также ряд сложений, представляющих собой частичные кальки своих греческих соответствий, совпадая семантически лишь с одним из двух компонентов: *domazivъсь* [doma-živ-ъсь] ‘местный житель, туземец’ — οἰκογενής [oik-o-γενής] *букв.* ‘родившийся дома’; *rovědotovogъсь* [rověd-o-tvog-ъсь] ‘победитель’ (*букв.* ‘сотворивший победу’) — τροπαιοφόρος [τροπαι-ο-φόρος] ‘победоносный’; *strastotrърьсь* [strast-o-trърь-ъсь] ‘страдалец, мученик’ (*букв.* ‘терпящий страдания’) — ἀθλοφόρος [ἀθλ-ο-φόρος] *букв.* ‘несущий в себе страдания’ (ср. более точную с точки зрения семантики кальку греч. ἀθλοφόρος, сущ. *strastonosъсь*); *zakonodavъсь* [zakon-o-da-v-ъсь] ‘законодатель’ — νομοθέτης [nom-o-thé-tis] *букв.* ‘полагающий, устанавливающий закон’ (при θέτης ‘кладущий, налагающий’, отглагольное имя от гл. τίθημι); *zvězdozысь* [zvězd-o-зы-ъсь] ‘звездочет, астролог’, *букв.* ‘наблюдающий звезды’ — ἀστρομαγικός [ἀστρ-ο-μαγικός] ‘астролог’, т. е. ‘занимающийся изучением звезд как магической наукой’ (при μαγικός ‘магический’).

Кроме того в старославянских рукописях имеется ряд сложений с суффиксом *-ьс(ь)/-ьс(а)*, которые являются переводами однокорневых греческих соответствий: *blagodavъсь* ‘благодетель’ — ἀγαθός, *čarodějъсь* ‘колдун; шарлатан, обманщик’ — γόης, *čььnogizъсь* ‘монах’ — μοναχός, *anaxorъьтисъсь* ‘прелюбодей, блудник’ — μοιχός,

мыздоимъсь ‘мытарь, сборщик податей’ — τελώνης, zaimodavъсь ‘заимодавец, кредитор’ — δανειστής, žiznodavъсь ‘тот, кто дает жизнь’ — ὁ τῆς ζωῆς χορηγός. Эти лексемы могут быть как исконными славянскими сложениями, так и кальками греческих соответствий в переводах, не дошедших до нас в пределах круга сохранившихся старославянских рукописей. Так, например, сущ. ĭubodějъсь выглядит «обновленным» имени древнего образования, для старославянского языка бессуффиксального, ĭubodějъ¹ (ĭubodějъ употребляется в старославянских рукописях и в качестве прилагательного, и в качестве существительного), в то время как сущ. blagodavъсь по происхождению может быть калькой греч. ἀγαθοδότης. Сущ. čarodějъса, имело, по мнению Р. М. Цейтлин, «четко выраженное пейоративное значение, присущее словам данной лексико-словообразовательной группы в целом (т. е. словам на -ьса. — В.Е.)» — в отличие от нейтрального значения имени čarodějъ [Цейтлин 1977: 126]. Возможно, однако, что этой разницей в употреблении лексем čarodějъса и čarodějъ передавались и оттенки значений их греческих соответствий: čarodějъ, аналогичное по морфемной структуре упомянутому выше имени ĭubodějъ, переводит греч. ἐπαοιδός, основное значение которого — ‘заклинатель’ (ср. греч. ἐπόδη ‘заклинание’), в то время как образованное от него наращением суффикса сущ. čarodějъса переводит греч. γόης, которое, помимо значения ‘колдун, заклинатель’, имеет и значение ‘обманщик, плут’.

Суффикс -аг(ь)

Слова с суффиксом -аг(ь) немногочисленны в старославянских рукописях: всего насчитывается 10 лексем, вычлениющих эту морфему, причем в двух из них — в виде алломорфа -аг-. Лексемы, образованные с суффиксом -аг(ь), называют лицо по роду его деятельности, почти все они (за исключением kĭevetaгъ), мотивированы существительными, обозначающими конкретные предметы, которые имеют отношение к тому, чем занимается лицо: kĭuцагъ

¹ О принадлежности лексемы ĭubodějъ к праславянскому фонду см. [Топоров 1974: 9].

‘ключник, ключарь’ от *kľučь* ‘ключ; запор’, *mytaǫ* ‘мытарь, сборщик податей’ от *myto* ‘подарок, взятка’¹, *gybaǫ* ‘рыбак, рыболов’ от *gyba* ‘рыба’, *vinǫ* ‘виноградарь’ от *vino* ‘виноградная лоза, виноград’, *vrataǫ* ‘привратник’ от *vrata* ‘ворота, дверь’, *vytogradaǫ* ‘садовник’ от *vytogradь* ‘огород, сад’. Если бы мы психодили только из корпуса зафиксированных в Словаре 1994 лексем, сущ. *gьpьсаǫ* ‘гончар’, образованное с суффиксом *-aǫ(ь)*, пришлось бы считать не обладающим свободной членностью в старославянском языке, так как в этом корпусе нет других слов с тем же корнем. Тем не менее и в старославянском языке, несомненно, сущ. *gьpьсаǫ* тоже было мотивировано словом, называющим конкретный предмет — существительным с суффиксом *-ьс(ь)* **gьpьсь* ‘горшок’. На то, что последнее входило в старославянский лексический инвентарь, указывает употребление его в целом ряде списков со старославянских протографов, причем в списках разных изводов и с разных произведений: **gьpьсь* встречается и в «Шестоднев» Иоанна Экзарха, начиная с древнесербского списка 1263 г. (Шест 9b 5), и в ряде древнерусских списков [Срезн I: 616; СлРЯ XI–XVII 4: 87]. Настораживает, правда, то, что единственное употребление этого слова в Изб 1073 — в глоссе к другому слову: *въ гьрньци* глосса к *въ сасызѣ* (64г 22), т. е. можно в отношении этого случая заподозрить древнерусскую инновацию. Однако употребление его в древнесербском списке говорит об обратном. Важным свидетельством в данном случае является также и наличие образованного от сущ. **gьpьсь* по регулярной модели с суффиксом *-ьп-* прил. *gьpьсььпъ* ‘горшечный’ в хорватско-глаголическом бревиарии [SJS I: 440], т. е. в тексте не древнерусского извода (хотя список и довольно поздние — XIV–XV вв.). Здесь же, возможно, и объяснение альтернативы с *-ѣ*, аналогичной обнаруживаемой в таких отыменных глаголах, как *копьсати* (от *копьсь*), *вѣпсати* (от *вѣпсь*).

Абстрактным существительным мотивировано только одно слово: сущ. *kľevetaǫ* ‘обвинитель’, образованное от *kľeveta* ‘клевета’.

¹ По происхождению *mytaǫ*, скорее всего, является заимствованием, т. е. было заимствовано целым словом из германского (хотя по поводу конкретного источника нет единства мнений [Фасмер III: 25; Birnbaum, Schaecken 1997: 46]), но в словообразовательной системе старославянского языка *mytaǫ* мотивируется существительным *myto*.

В виде алломорфа *-ar-* морфема *-arь* представлена в двух лексемах: *vratarica* 'привратница' и *kovarьstvo* 'хитрость, коварство'. Обе они — производные от существительных на *-arь*. Лексема *vratarica* — *femininum* с суффиксом *-ic(a)* к *vratarь*. Лексема *kovarьstvo* членится на морфы в старославянском языке путем сопоставления слов, содержащих тождественные сегменты: в сущ. *kovь* 'злой умысел, заговор, козни', семантически связанном с сущ. *kovarьstvo*, вычленяется корень *kov-*; идентифицируется также высокопродуктивный суффикс *-ьstv(o)* (см. о нем ниже, с. 156 и сл.). Было ли в старославянском лексическом инвентаре имя деятеля **kovaarь*? ЭССЯ квалифицирует сущ. **kovaarь* как праславянский диалектизм, при том что «достаточно старые производные **kovarьнь*, **kovarьstvo*,... в значительной степени — слав. элементы, генетически, возможно, — чехоморавизмы» [ЭССЯ 12: 9]. В обследованных нами списках со старославянских протографов лексема **kovaarь* не встречается, однако образованное от него по регулярной модели с суффиксом *-ьp-* прил. *kovarьль* 'хитрый, коварный' засвидетельствовано во многих списках, в том числе и — что особенно важно — в древнейших списках Апостола разных изводов (в чтении II Кор 12,16 в Христ, Слепч, Мат, Шпш). Таким образом, гапак Супр *kovarьstvo* мог быть как лексемой, заимствованной из народной славянской речи (возможно, как предполагается в ЭССЯ, чехоморавизмом), так и новообразованном старославянского языка.

Обычно исследователи подчеркивают иноязычный характер славянских образований с суффиксом **-arь*, в том числе и в старославянском языке: «Что касается не очень многочисленных в древнецерковнославянском языке слов на *-arь*, обозначающих прежде всего лицо по профессии, — пишут Г. Бирнбаум и Й. Шекен, — налицо, пожалуй, преобладающее иноязычное влияние (лат. *-arius*, гот. *-areis*, др.-в.-н. *-āri*)» [Birnbäum, Schaecken 1997: 46]. ЭССЯ включает образования на **-arь* в словник (т. е. в праславянский лексический фонд), но отмечает книжный (!) их характер. Например, о *klucaarь*: «Относительно позднее образование, главным образом книжного языка с возможным вторичным (заимствованным) значением...» [ЭССЯ 10:49]. Несколько шире смотрел в свое время на проблему А. Мейе, который считал, что в распространении почти по всей Европе латинского суффикса *-arius*, славянским представителем

которого являлся -агъ, «налицо не лингвистическое явление, но явление цивилизации», т. е. на определенной ступени развития цивилизации появляется множество различных профессий, и «это состояние было достигнуто благодаря Римской империи, которая предоставила остальной Европе образцы и мастеров; суффикс -*arius* распространился вслед за римскими ремесленниками» [Meillet 1905: 212].

В старославянском языке основными морфемами для образования различных наименований лица, в том числе и по роду его деятельности, были суффиксы -*ьnikъ* (ъ), -*telъ* (ъ), -*ьс(ъ)/-ьс(а)*, образования же с суффиксом -*аг(ъ)* были маргинальны, особенно на раннем этапе его становления¹. Так, в евангельском тексте, отражающем этот этап², лишь два слова с суффиксом -*аг(ъ)* — *въѣгѣгѣагѣ* и *винагѣ* — не имеют мены по древнейшим спискам и другого перевода греческих соответствий: *въѣгѣгѣагѣ* переводит греч. κηπουρός в чтении И 20,15 (апракосный текст Ас, так же и в тексте Мар); *винагѣ* — греч. οἰκελοφυρός в чтении Л 13,7 (появляется только в тексте тетров Мар и Зогра). Перевод же греч. ὄλιεύς как *губагѣ* характерен для Зогра (текст тетра), в то время как в других древнейших списках ὄλιεύς переводится как *губитвъ* (в чтении Л 5,2 *губитвъ* в Мар и Ас, *губагѣ* в Зогра) и *ловьсь* [*губатъ*] (в чтении Мт 4,18

¹ Укажем на ряд лексем с суффиксом -*ьnikъ* (ъ), мотивированных, как и большинство образований с суффиксом -*аг(ъ)*, обозначающими конкретные предметы существительными, имеющими отношение к тому, чем занимается лицо: *двъгъникъ* 'привратник' от *двъгъ* 'дверь, ворота', *корѣжникъ* 'копченосец' от *корѣ* 'копье', *корабльникъ* 'член корабельной команды' от *корабль* 'корабль, судно', *кормъникъ* 'рулевой' от *корма* 'корма (корабля)', *книжникъ* 'книжник'; *писецъ* от *кмигу* 'книга; буквы, письмена', *оружникъ* 'тяжело вооруженный воин' от *оружје* 'оружие, доспехи', *рѣчьникъ* 'меняла' от *рѣчь* 'монета, динарий', *рѣчникъ* 'путник, странник' от *рѣчъ* 'дорога, путь', *пустыникъ* 'отшельник, пустынный' от *пустыни* 'пустынь', *скѣдъникъ* 'гончар' от *скѣдъ* 'глиняный черепок, горшок', *стѣрникъ* 'столпник' от *стѣръ* 'столп (полая башня — место затворничества столпника)', *тѣгъникъ* 'меняла' от *тѣгъ* 'торговая площадь', *вгатыкъ* 'привратник' от *вгата* 'ворота, дверь'.

² Самым ранним принято считать текст Апракоса. Разделяем это мнение и мы, несмотря на сделанное недавно предположение о более раннем происхождении текста тетра в [Евангелие от Иоанна 1998: 17–21; 25–31; 36–37; Пентковский 1998: 38–48].

лювьсь [губать] в Ас и Сав, гуваѣь в Зоґр). Лексема *vgataѣь* появляется только в известной своим инновациям Сав, и только в чтении И 18,16 — как перевод греч. *θηρῶρς*, в то время как в других списках *θηρῶρς* в этом чтении переводится как *двьгьнѣса* (femininum к сущ. с суффиксом *-ьник(ъ)* *двьгьнѣкъ*). Лексема *vgataѣь* встречается также и в Супр (2 уп.), т. е. в более поздних текстах, а греч. *θηρῶρς* в других чтениях евангельского текста переводится образованиями с суффиксом *-ьник(ъ)*: *vgatьникъ* (в Мк 13,24), *двьгьнѣкъ* (в И 10,3). Лексемы с суффиксом *-аѣ(ь)*, встречающиеся в евангельском тексте, как правило, малочастотны: употребление *vgatogradaѣь*, *vinatѣь* и *vgataѣь* ограничено единственным чтением, *гуваѣь* отмечено в трех чтениях. Из лексем с суффиксом *-аѣ(ь)* только *mytatѣь* употребляется в евангельском тексте многократно — для перевода греч. *τελώνης* (что, впрочем, объясняется содержанием Евангелия), но и *mytatѣь* в чтениях Мт 9,10 и Мт 9,11 в Зоґр заменено на *myzdoimьсь*.

Остальные образования с суффиксом *-аѣ(ь)* — гапаксы старославянских рукописей. Гапакс Ас *kľuѣatѣь*, перевод греч. *κλειδοφύλαξ*, употреблен в его календаре (141а 29)¹. Гапаксы Супр *gьньѣatѣь* и *kľevetatѣь* факультативны для лексического инвентаря старославянского языка, так как в нем уже имелись переводы их греческих соответствий лексемам с суффиксом *-ьник(ъ)*. Греческое соответствие лексемы *gьньѣatѣь* *κεραμεύς* уже было переведено как *skodььникъ* — в Спн (Пс 2,9) находим само сущ. *skodььникъ*, в евангельском тексте употребляются образованные от него по регулярным моделям прилагательные *skodььниѣь* и *skodььниковь*. Греческое соответствие лексемы *kľevetatѣь* *κατήγορος* было переведено существительными с суффиксами *-tel(ь)* и *-ьник(ъ)*: как *oblicitelъ* в Клѣц (11b 11 и 11b 35–36), как

¹ Широко распространенное в древнерусских рукописях, особенно в летописях и грамотах, сущ. с суффиксом *-ьник(ъ)* *kľuѣьникъ* 'ключник' ограничено, видимо, древнерусским ареалом, а употребление этой лексемы в списке XVI в. Жития св. Вацлава [Срезн I: 1234; SJS II: 32] может быть древнерусской инновацией. Интересно, что Н. В. Чурмаева, изучавшая употребление существительных на *-арь* в древнерусских памятниках, писала, что в «памятниках церковного содержания» употребляется только *ключарь*, а *ключникъ* появляется с XIV в., и «только в контекстах бытового характера» [Чурмаева 1964: 267].

obaditeľ в Супр (240,18), как k'levetyňikъ в апостольском тексте (Деян 25,18)¹.

Тем не менее именно в процессе становления лексического фонда старославянского языка выработалась в качестве продуктивной модель образования имен деятеля с суффиксом -aĭ(ь), которые впоследствии в разных славянских языках будут восприниматься как «церковнославянские элементы»: в более поздних по времени переводах старославянских текстах, дошедших до нас только в списках разных изводов, появляются новые, неизвестные ранним переводам лексемы с этим суффиксом, частично заменяющие более ранние образования с суффиксами -ьnik(ь), -tel'(ь) и -ьc(ь). Как отмечал еще А. Мейе, «Евангелие имеет *težateljĭ*, а не *težarjĭ*, которое встречается в более поздних текстах» [Meillet 1905: 212]².

При объяснении данного явления следует, видимо, обратить внимание на высказанное в свое время Р. М. Цейтлин мнение, что в «двух древних славянских заимствованиях» *kesaĭ* 'римский император, кесарь' и *sešaĭ* 'властитель; цесарь, кесарь', в которых суффикс -aĭ(ь) «может быть выделен лишь этимологически», «на фоне славянских образований на *aĭ* он может быть выделен "вторично" (разрядка наша. — В.Е.)» [Цейтлин 1997: 119]. Это

¹ Следует пояснить, что k'levetyňikъ в пределах круга дошедших до нашего времени старославянских рукописей встречается только в значении 'клеветник' — как перевод греч. *συκοφάντης*, поэтому Р. М. Цейтлин настаивала на том, что k'levetyňikъ и k'levetaĭ «в СП (старославянских памятниках — В.Е.) употребляются в разных значениях, а потому они не соотносительны» [Цейтлин 1977: 117–118]. Однако есть основания считать, что значение 'обвинитель' у лексемы k'levetyňikъ было и в старославянском языке, так как перевод апостольского текста Деян 25,18 *περί οὗ σταθέντες οἱ κτήτοροι οὐδέμιαν αἰτίαν ἔφερον* сохранился в ряде древнейших списков разных изводов — Христ, Струм, Мат, Шшш, и везде *οἱ κτήτοροι*, т. е. 'обвинители', переводится как k'levetyňici.

² Показательно, что Н. В. Чурмаева пишет о довольно большом количестве (более 40 лексем) существительных на -aĭ в древнерусских памятниках XI–XIV вв., однако в течение XII–XIV вв. не все из них сохранились: некоторые перестали употребляться, другие вытеснились образованиями от тех же корней с другими суффиксами, особенно с суффиксом -nik- [Чурмаева 1964; Чурмаева 1968: 229].

значит, что в сознании древнего книжника яркая последовательность фонем [aŕ] на конце слова стала восприниматься как его значащая часть и признак наименования деятеля по роду его занятий. Даже современные лингвисты относили к числу старославянских слов с суффиксом -aŕ(ь) некоторые лексемы с данной последовательностью фонем, на самом деле не представлявшей собой в этих случаях словообразовательной морфемы. Так, А. Меїе включал в список слов с суффиксом -aŕ(ь) сущ. *boŕarinь* (мн. ч. *boŕare*, притяжательное прил. *boŕarьskь* [boŕar-ьsk-ь]), Й. Курц — *kesaŕь* и *česaŕь* (см. в [Цейтлин 1997: 119], а также [Meillet 1905: 211]). По мнению А. Вайана, словообразование на -aŕь вовлекало в себя слова другого происхождения — помимо *česaŕь*, *kesaŕь* и *boŕarinь*, даже *al(ь)tarь* и *ol(ь)tarь* 'алтарь; жертвенник' [Vaillant 1974: 317]. Несомненно, что в освоенных старославянским языком гречизмах древними книжниками воспринималась в качестве значащей части слова и последовательность фонем [aŕ] или [ar], субституирующая греческий суффикс -αριος (по происхождению тот же, что и слав. -aŕь). Такими лексемами представляются встречающиеся в Супр гречизмы *kapiklarijь* (греч. *καπικλάριος*) 'тюремный надзиратель', *sakelaŕь*, *sakelarь* и *sakelarijь* (греч. *σακελλάριος*) 'хранитель церковной казны'¹.

Суффикс -in(ь)

Суффикс -in(ь) в старославянском языке — это прежде всего носитель значения сингулятивности при обозначении лица мужского рода. В некоторых случаях он является просто показателем единственного числа. Ср.: *boŕarinь* 'вельможа' при мн. ч. *boŕare* той же лексемы; *ŕudinь* 'человек' (в сочетании *prostь ŕudinь* 'морянин') при мн. ч. *ŕudije*; *murinь* 'мавр, эфиоп' при мн. ч. *murj*; *oŕьminь* 'воин' при мн. ч. *oŕьmi*; *ruminь* 'римлянин' при мн. ч. *rumi*; *vojinь* 'воин' при мн. ч. *voji*; *židovinь* 'еврей, иудей' при мн. ч. *židove* или *židovi*. В других случаях суффикс -in(ь) является избыточным, участвуя в

¹ В древнерусских списках Н. В. Чурмаева отмечала и такие лексемы, как *келарь* (*κελλάριος*), *нотарь* (*νοτάριος*), *пономарь* (*παρονομάριος*), *халтуларь* (*χαρτουλλάριος*) и др. [Чурмаева 1964: 260].

«обновленши» лексемы или в «удвоенной суффиксации», так как значение деривата остается тем же, что и у исходного существительного. Ср.: сущ. *člověčipъ* 'человек', дважды употребленное в Супр, при наличии высокочастотного *člověkъ* с тем же значением; *gospodinъ* 'господин, хозяин' при наличии высокочастотного *gospodъ* с тем же значением¹; *křstijaniпъ* 'христианин' при наличии *křstijanъ* с тем же значением (обе лексемы имеют основу греческого происхождения *křstijan-* от греч. *χριστιανός* [*χριστιαν-ός*]); гапакс Супр *roganiпъ* 'язычник' при наличии в старославянских рукописях субстантивированного прил. *roganъ* с тем же значением; гапакс Супр *žitělinъ* 'житель' при наличии в евангельском тексте сущ. *žitěль* с тем же значением. Также избыточным — как результат своего рода «обновления» — является суффикс *-in(ъ)* в употребляемом только в Супр прозвище Иуды *iskariotinъ* — ср. чистый грецизм *iskariotъ* (при греч. *Ἰσκαριώτης*) в тетрах Мар и Зогр, а также в Клоц².

Названия лиц по месту их происхождения в старославянском языке обычно образовывались с помощью суффикса *-ěnin(ъ)/-(j)anin(ъ)* (см. ниже). Однако в единичных случаях названия лиц по месту происхождения образовывались и с суффиксом *-in(ъ)*. Так, в Сав в чтении Л 4,27 находим гапакс *surinъ* 'сирец' с корневой морфемой *sur-* греческого происхождения (греч. *Σύρος* [*Σύρ-ος*]), который, независимо от реальных обстоятельств его возникновения, в системе старославянских словообразовательных мотивационных отношений можно считать образованным от названия страны *surija* 'Сирия' (греч. *Συρία*). На маргинальность этого гапакса указывает, однако, употребление в этом чтении в других старославянских кодексах прилагательного *surьskъ/asurьskъ* (Мар, Ас), а также употребление в

¹ Возможно, в этом случае имело место и стремление к разграничению значений: высокочастотное *gospodъ* (> 1600 уп.), помимо значения 'господин, хозяин', имело важное для старославянских текстов значение 'Господь, Бог', тогда как гораздо менее частотное *gospodinъ* (87 уп.) имело только значение 'господин, хозяин'.

² На эту «любопытную» (*curieuse*) форму *iskariotinъ* (с суффиксом единичности) в Супр при наличии в Евангелии и Клоц исходного *iskariotъ* обратил в свое время внимание А. Вайан [Vaillant 1969: 153]. Однако для евангельского текста — как апракосного, так и тетра — более характерно употребление прозвища Иуды в виде прилагательного *iskariotьskъ* (28 уп.).

календаре Ас (141b 2) образования *kuřēnĭpŭ* от той же основы с суффиксом *-ĕnĭp(ъ)*. Сущ. *rumĭnĭpŭ*¹ 'римлянин' встречается в пределах старославянских рукописей лишь дважды и только в Супр, в то время как образование с суффиксом *-janĭn(ъ)* *rimlanĭpŭ* с тем же значением широко употребительно (в Зогр, Мар, Ас, Ен, Супр). В употребляющемся в тексте тетров Зогр и Мар сущ. *kuřēnĭpŭ* 'киренянин (прозвище Симона)' (при наличии в апракосах Ас и Сав в том же чтении Мк 15,21 образования непосредственно от греческого соответствия *Κυρήναῖος* с суффиксом *-ĕnĭp(ъ)* *kuřĭnĕnĭpŭ*) произошло, видимо, переосмысление части основы в качестве части суффикса, т. е. здесь видим результат наложения морфов (ср. также перевод *Κυρήναῖος* как *kuřĭnĕjъ* в чтении Л 23,26 в Мар и Зогр).

Таким образом, несмотря на ограниченность сферы действия суффикса *-ĭn(ъ)* в качестве словообразовательного форманта, наблюдаемая в старославянских лексемах сочетаемость этого суффикса с основами греческого происхождения, участие его в процессах «обновления» лексем и экспансия в сферу действия суффикса *-ĕnĭp(ъ)/-(j)anĭn(ъ)* (особенно в таких рукописях, как Супр, а в евангельском тексте — рукописях тетра по отношению к рукописям апракоса), — все это говорит о возрастании продуктивности суффикса *-ĭn(ъ)* в старославянском языке по мере его становления и развития.

Суффикс *-ĕnĭp(ъ)/-(j)anĭn(ъ)*

Как показало исследование О. Н. Трубочева, вариант *-ĕnĭp(ъ)* является старшим вариантом славянского суффикса *-ĕnĭp(ъ)/-(j)anĭn(ъ)* [Трубочев 1982]. В старославянском языке суффиксы *-ĕnĭp(ъ)* и *-(j)anĭn(ъ)* вели себя как частичные варианты единого суффикса *-ĕnĭp(ъ)/-(j)anĭn(ъ)*, т. е. большей частью как алломорфы, выбор которых зависел от качества последнего звука производящей основы: алломорф *-ĕnĭp(ъ)* выступает после согласных *t* (*eřuryĕnĭpŭ*, *izdrailitĕnĭnŭ*, *izmailĕnĭnŭ*), *θ* (*korunθĕnĭnŭ*), *s* (*persĕnĭnŭ*), *p* (*etiopĕnĭnŭ*), а также

¹ В старославянских рукописях не встречается название Рима в огласовке **rumŭ*, однако суффикс *-ĭn(ъ)* вычленяется при сопоставлении с прил. *rumŭskŭ* 'римский, латинский', наречием *rumŭsky* 'по-латыни'.

после г и м без смягчения (agarěninъ, pazarěninъ, samarěninъ, surěninъ, ijerusaliměninъ); алломорф -(j)anin(ъ) смягчает последний согласный производящей основы: d > žd (graždāninъ), n > ŋ (xersoŋāninъ, soluŋāninъ), r > ř (gomořāninъ), l > ľ (izdraiľāninъ), m > ml' (iJerusalimľāninъ, řimľāninъ, sodomľāninъ), группу sk > řt (damařtaninъ), а также появляется после гласного (galilejaninъ, galilėjaninъ, pazarėjaninъ, zefejaninъ, орфографически -анинъ). Таким образом, с основами на г и м может сочетаться как вариант -ėnin(ъ), так и вариант -(j)anin(ъ).

Суффикс -ėnin(ъ)/-(j)anin(ъ) «специализировался» в старославянском языке на образовании существительных, называющих лицо по месту (страна, город, местность) жительства или происхождения, а также — в форме мн. ч. — названий племен и народов. В силу специфики старославянских текстов, в большой степени расширяющих географические познания славян, этот суффикс показывает высокую продуктивность, сочетаясь, главным образом, с основами греческого происхождения. Из 24 известных по старославянским рукописям существительных с суффиксом -ėnin(ъ)/-(j)anin(ъ) лишь три образованы от славянских основ: graždāninъ 'гражданин, житель' от gradъ [grad-ъ] 'город'; soluŋāninъ 'уроженец, житель Солуны' от solupъ [solup-ъ], славянского названия города Фессалоники; žetelāninъ [žetel-āninъ] 'жнец', где суффикс -(j)anin(ъ) является избыточным (ср. сущ. žetelъ с тем же значением), представляя собой пример «удвоенной суффиксации».

В силу той же специфики старославянских текстов не все лексемы с суффиксом -ėnin(ъ)/-(j)anin(ъ) имеют мотивирующие слова в старославянском лексическом инвентаре. При образовании слов с суффиксом -ėnin(ъ)/-(j)anin(ъ) наблюдается включенность в словообразовательный процесс основ греческих соответствий, взятых непосредственно из текста оригиналов, — явление, вообще свойственное старославянскому словообразованию (см. Главу I, с. 10–11), но вовлекающее в свою сферу не все словообразовательные морфемы и проявляющееся с разной степенью интенсивности в отношении разных морфем. Суффикс -ėnin(ъ)/-(j)anin(ъ) демонстрирует высокую «словообразовательную валентность» в отношении основ греческого происхождения, в том числе и основ греческих соответствий. Иногда образование от последних имеет место не только при отсутствии мотивирующих слов, но и при наличии последних.

Итак, в ряде случаев можно указать старославянские лексемы, которые могли бы быть мотивирующими для существительных с суффиксом *-ěnin(ь)/-(j)anin(ь)*: *gradъ* [grad-ъ] 'город' → *graždaninъ* 'гражданин, житель города'; *eġuryть* [eġuryть-ъ] 'Египет' → *eġuryěninъ* 'египтянин' (гапакс Клоц во мн. ч., *Словарь 1994* дает форму ед. ч.); *ijerusalimъ* [ijerusalim-ъ] 'Иерусалим' → *ijerusaliměninъ* 'житель Иерусалима' или *ijerusalimъaninъ* 'то же'; *damaskъ* [damask-ъ] 'Дамаск' → *damaštaninъ* 'дамасконец'; *galileja* [galilej-a] 'Галилея' → *galilejaninъ* 'галилеянин' и *galilēja* [galilěj-a] 'Галилея' → *galilėjaninъ* 'галилеянин'; *xersoňъ* [xersoň-ъ] 'Херсон' → *xersoňaninъ* 'житель Херсона'; *izdraiъ* [izdraiъ-ъ] 'Израиль' → *izdraiъaninъ* 'израильтянин'; *rimъ* [rim-ъ] 'Рим' → *rimъaninъ* 'римлянин'; *sodoma* [sodom-a] 'Содом' → *sodomъaninъ* 'житель Содомы'; *solunъ* [solun-ъ] 'Солунь' → *soluъaninъ* 'уроженец, житель Солуны'; *samarija* 'Самария', с усечением основы [samar-ija] (ср. такое же усечение основы при образовании прил. *samarъskъ*), → *samarěninъ* 'самаритянин'; *surija* 'Сирия', с усечением основы [sur-ija] (ср. такое же усечение основы при образовании прил. *surъskъ* наряду с образованием прил. *surijъskъ* от неусеченной основы), → *surěninъ* 'сириец, житель Сирии'; *persi* [pers-i] 'персы' и 'Персия' → *persěninъ* 'перс, персиянин'.

В других случаях, в отсутствие в старославянских рукописях мотивирующих лексем, можно предполагать образование существительных с суффиксом *-ěnin(ь)/-(j)anin(ь)* непосредственно от основ греческих соответствий: гапакс Син *agarěninъ*, употребленный во мн. ч. (*агарѣнѣ* в м. *агарѣнѣ*) со значением 'агаряне (племя)', от основы греч. Ἀγαρηνοί [Ἀγαρηνοί] — видимо, с субституцией на место последовательности фонем [ην] продуктивного славянского суффикса; гапакс Син *etioreġninъ*, употребленный во мн. ч. со значением 'эфиопы', от основы греч. Αἰθίοπες [Αἰθιοπ-ες]; гапакс Син *izmailitěninъ*, употребленный во мн. ч. со значением 'измаильтяне', от основы греч. Ἰσμαηλίται [Ἰσμαηλίτ-αι]; гапакс Супр *korinѣninъ*, употребленный во мн. ч. со значением 'коринфяне', от основы (с усечением до согласного) греч. Κορινθιοί [Κορινθ-ι-οί] 'коринфяне' (или, возможно, переводчик, свободно владевший греческим языком, использовал основу греческого названия самого города Κορίνθος [Κορινθ-ος]); употребленное во мн. ч. со значением 'жители города Гоморры' в чтении тетра Мк 6,11 (Зогр и Мар) сущ. *gomoŋaninъ* — от основы греч. Γόμορροι [Γόμορρ-οι] (ср. также

образованное от этой же основы прил. gomogъskъ); гапакс Син zefejaninъ, употребленный во мн. ч. со значением 'жители пустыни Зиф' (Словарь 1994 дает форму ед. ч.), от основы греч. Ζιφαῖος [Ζιφαῖ-ος].

Иногда и при наличии в старославянских рукописях слов, которые можно было бы считать мотивирующими для существительных с суффиксом -ĕninъ/-janinъ), реальной производящей основой все-таки приходится признавать основу греческого соответствия. Так, ориентируясь на соотношение семантики старославянских лексем, можно было бы считать сущ. izdraiъ 'Израиль' мотивирующим для izdrailitĕninъ 'израильянин' (как для синонимичного izdrai'aninъ, см. выше), однако производящая основа izdrailit- для izdrailitĕninъ принадлежит греческому соответствию Ἰσραηλίτης [Ἰσραηλίτ-ης]. Именно лексема izdrailitĕninъ употребляется в нескольких старославянских рукописях (Зогр, Ас, Сав, Син, Супр), тогда как образованное от уже старославянской лексемы izdraiъ сущ. izdrai'aninъ является гапаксом Мар. По соотношению семантики сущ. pazareть [pazare-ъ] 'Назарет' и сущ. pazareĕninъ 'назарейянин' можно было бы первое считать мотивирующим для второго, однако реально производящей основой для сущ. pazareĕninъ является не pazare- с яркой последовательностью фонем [et] на конце (было бы *pazareĕninъ), а pazar-, и она, видимо, была взята от греческого соответствия Ναζωραῖος [Ναζωρ-αῖ-ος]. В сущ. pazareĕjaninъ 'назарейянин' суффикс -(j)aninъ) является избыточным, участвуя в «обновлении» грецизма pazareĕъ с тем же значением¹.

Суффиксы -ic(a), -ĕnic(a)

Суффикс -ic(a) являлся в старославянском языке самым распространенным словообразовательным формантом при образовании существительных женского рода — как неодушевленных, так и

¹ То, что здесь имеет место «обновление», подтверждается фактом появления грецизма pazareĕъ в огласовке с [ĕ] (в отличие от более распространенного pazareĕъ) в тексте тетра. В тексте тетра появляется и дважды употребленное pazareĕjaninъ (Зогр 1, Мар 1), тогда как pazareĕninъ встречается во многих старославянских рукописях — 25 уп., что свидетельствует о высокой частотности (по меркам старославянского языка) лексемы.

одушевленных. В старославянских рукописях насчитывается 90 существительных, образованных с помощью суффикса -ic(a) или возникшего на его основе суффиксального комплекса -ьic(a), воспринявшегося уже, видимо, в качестве цельной словообразовательной морфемы¹; 59 из этих существительных — неодушевленные.

Большинство неодушевленных существительных с суффиксами -ic(a) и -ьic(a) принадлежат к слою обыденной лексики, наследовавшейся, как правило, старославянским языком из народной славянской речи. Многие из этих лексем представляют собой достаточно древние праславянские образования, не имевшие в доступном нам старославянском лексическом инвентаре однокоренных слов или утратившие уже семантические связи с ними, в силу чего «словообразовательные цепочки» не восстанавливаются или восстанавливаются лишь предположительно, с большей или меньшей степенью вероятности. Таким образом, не для всех лексем легко устанавливается их морфемная членимость и тем более не для всех лексем надежно определяются мотивационные отношения.

Почти все неодушевленные существительные с суффиксами -ic(a) и -ьic(a) образованы либо от адъективных, либо от субстантивных основ. От адъективных основ — как для старославянского языка непронизводных, так и аффиксальных — с помощью суффикса -ic(a) образовывались существительные, обозначающие различные конкретные предметы, характеризующиеся признаком, названным прилагательным: *сьница* ‘шелковица, тутовое дерево’ от прил. *сьнь* ‘черный’; *desnica* ‘десница (правая рука)’ от прил. *desнь* ‘правый’; *дъница* ‘денница, утренняя звезда’ от прил. *дънь* [дън-ьн-ъ] ‘дневной’; *stьklъnica* ‘стеклянная чаша, сосуд’ и *stьklъnica* ‘то же’ от *stьklънь* [stьkl-ьн-ъ] ‘стеклянный’ и *stьklънь* [stьkl-ьн-ъ] ‘то же’ соответственно²;

¹ Так же, как и в случае с рассмотренными выше существительными, содержащими элемент -ьикъ (с. 43 и сл.), на старославянском материале не всегда можно определить, в каких случаях существительные с элементом -ьica были мотивированы прилагательным (т. е. образованы с суффиксом -ic(a)), а в каких — существительным (т. е. образованы с суффиксом -ьic(a)).

² Праслав. заимствование из герм. *stьklo само первоначально обозначало конкретный предмет [Фасмер III: 752–753], однако в старославянских рукописях это существительное уже не встречается.

měďnica 'медная монета' от прил. měďъ [měd-ъn-ъ] 'медный, из меди'; zlatica 'золотая монета' от прил. zlatъ 'золотой'.

К этому же ряду относятся образованные в праславянском языке также от адъективных основ существительные, членимые в старославянском языке путем сопоставления с однокоренными лексемами. Однако установление в этих случаях словообразовательных пар «мотивирующее → мотивированное» для старославянского языка вызывает затруднения, так как наличие мотивирующих прилагательных в лексическом инвентаре старославянского языка либо трудно доказуемо, либо подлежит сомнению. Так, сущ. bagъrěnica 'багрянца, пурпур' членился в старославянском языке путем сопоставления с сущ. bagъъ 'багрец (краска); багрянца, пурпур', однако наличие прилагательного с суффиксом -ĕn- *bagъrěnъ [bagъr-ĕn-ъ] в его лексическом инвентаре вызывает сомнения: в собственно старославянских рукописях оно не встречается, а из рукописей, восходящих к старославянским протографам, нами найдено пока только в рукописях др.-русск. извода (Изб 1073, л. 2476 5; Деян 16,14 Христ; см. также [СДЯ XI–XIV 1: 103–104]). Настораживает то, что прил. rgarqđьbъ/ rĕrĕqđьbъ, употребленное в старославянских евангельских кодексах в чтениях И 19,2 и И 11,2, в Остр (др.-русск. списке) заменяется на bagъrěnъ, т. е. bagъrěnъ может оказаться и в других др.-русск. списках древнерусской пинвоацей. Сущ. plaštica 'полотно, полотнище' членился в старославянском языке путем сопоставления с сущ. plătъ 'ткань, полотно', plašть 'верхняя одежда, плащ'¹. Однако прилагательное с суффиксом -ĕn- *plaštanъ [plašt-an-ъ] в обследованных нами рукописях пока не встречалось. То же можно сказать и сущ. tŕęsavica 'лнхорадка', образованном от прилагательного с суффиксом -av- *tŕęsavъ. Лексема tŕęsavica членился путем сопоставления с гл. tŕęsti 'трясти', с сущ. tŕęсъ 'землетрясение'². Сохраняют свои семантические связи в старославянском языке с однокоренными лексемами и праславянские образования с суффиксом -ic(a) от основ со «старым»

¹ О семантических связях сущ. plaštica с данным кругом лексем см. также [Vaillant 1974: 457; Фасмер III: 274; 275].

² А. Ваган считает tŕęsavica образованным от прил. tŕęsavъ, указывая при этом на польск. trzęsawa 'marécage', т. е. 'болото; трясина' без суффикса -ic(a) [Vaillant 1974: 712–713].

суффиксом -n- *plenica* и *zēnica*. Сущ. *plenica* 'цепь; завиток волос', восходящая к псл. **pletnica* (см. [Фасмер III: 278; Варбот 1984: 205]), вычленяет морф *ple-* корневой морфемы *-plet-* при сопоставлении с лексемами *plesti*, *sъplesti* 'сплести', *sъpletъкъ* (в *sъpletъкъ геѣшь* 'плетение словес') и др. В сущ. *zēnica* 'зрачок, зеница' корневой морф *zē-* вычленяется при сопоставлении с лексемами *zījati* (наст. вр. *zějō*) 'разевать, открывать (рот, зев)', *zīnōti* 'разннуть, открыть (рот, зев)' (см. также [Фасмер II: 94; Черных I: 324]).

Более проблематична членимость в старославянском языке лексем *сѣвница* 'лира (музыкальный инструмент)' и *госѣница* 'гусеница', с этимологической точки зрения также образованных от адъективных основ. Сущ. *сѣвница* в праславянском языке было образовано с помощью суффикса *-ic(a)* от основы *сѣвн-* прил. **сѣвнъ* со значением 'трубчатый', имевшего в своей структуре характерный суффикс прилагательного *-ъп-* [ЭССЯ 3: 193], однако в старославянском языке однокоренные лексемы к сущ. *сѣвница* не известны. Также от адъективной основы *(v)qsēn-* (с суффиксом прилагательных *-ѣп-*) было образовано, по-видимому, и сущ. *госѣница* 'гусеница', т. е. «словообразовательная цепочка» имела в этом случае вид: **(v)qsъ* 'волос' → **(v)qsѣпъ* 'волосатый' → *(v)qsѣница/госѣница* 'гусеница, волосатое существо' (см. [Фасмер I: 477; Vaillant 1974: 457]), однако членимость этого существительного в старославянском языке подлежит сомнению.

От адъективных основ с помощью суффикса *-ic(a)* в старославянском языке образовывались и новые лексемы, относящиеся к сфере христианской терминологии, что свидетельствует о сохранении продуктивности данной словообразовательной морфемы. Так, сущ. *обношница* 'всенощная (служба)' образовано от прил. *обношъпъ* [*ob-noš-ъп-ъ*] 'продолжающийся всю ночь, всенощный'; *утрница* 'заутреня, утреня (служба)' — от прил. *утръпъ* [*utr-ъп-ъ*] 'утренний'; *рѣтѣdesѣтница* 'Пятидесятница (праздник), Троицын день' — от прил. *рѣтѣdesѣтпъ* [*rѣtѣ-desѣt-ъп-ъ*] 'пятидесятый'; *вгъвьница* 'Вербное воскресенье (праздник)' — от прил. **вгъвьпъ* [*vгъv-ъп-ъ*] 'вербный' (ср. в Изб 1073: *праздникъ вьрв(ь)нъи* л. 194г 9–10)¹.

¹ Исходя из данных старославянских рукописей сущ. *вгъвьница* членится при сопоставлении с сущ. *вгъвје* 'вербник, пивы' (*vгъv-ъп-ic-a* — *vгъv-ij-e*),

Образование лексем с абстрактным значением для суффикса -ic(a) в старославянском языке (в отличие от живых славянских) не характерно. Можно указать лишь на гапакс Клоц *beštīnъica* 'бесчинство', образованный от прил. *beštīnъь* 'необузданный, несдержанный'.

В ряде случаев образования с суффиксом -ic(a) от адъективных основ имели значение 'вместилще, помещение': *gorъnica* 'горница, верхнее помещение' от прил. *gorъь* 'верхний'; *gostinica* 'гостиница' от прил. **gostinъ* 'принадлежащий гостю'¹; *тъmъnica* 'темница, тюрьма' от прил. *тъmъь* 'темный, лишенный света'. Также образования от прилагательных с суффиксом -ъп- способствовали формированию комплекса -ъnic(a) (т. е. -ъп- + -ic-) и модели, по которой лексемы со значением 'вместилще, помещение' образовывались с помощью этого комплекса и от существительных, называющих предметы, для которых это местилще предназначено. В старославянской лексике — не только обыденной, но и связанной с новыми для славян понятиями — отражена продуктивность этой модели: *kadilъnica* 'кадилница' от *kadilo* 'ладан, фимнам'; *kapistъnica* 'языческий храм' от *kapiste* 'идол'; *kumigъnica* 'языческий храм' от *kumigъ* 'идол, кумир'; *myzъnica* 'таможня' (из старославянских рукописей встречается только в Зогра) от *myzda* 'плата, мзда'; *mytъnica* 'таможня' от *myto* 'взятка' (во всех евангельских кодексах); *poъnica* (мн. ч. *poъnicе*) 'ножны' от *poъь* 'нож'²; *plъvъnica* 'амбар' от *plъva* 'мякина, полова'; *rizъnica* 'ризница, сокровищница' от *riza* 'верхняя одежда, риза; плащаница'; *sъnъnica* 'сенной сарай' от *sъno* 'сено'; *ъitъnica* 'амбар, житница' от *ъito* 'хлеб'. Таким же образом сущ. *lъgaъnica* 'спальня', членное в старославянском языке при сопоставлении с гл. *lъgati* 'лежать', в праславянском было образовано от сущ. **lъgado* 'ложе, постель' [ЭССЯ 14: 180–181]. Несомненно, комплекс -ъnic(a) осознавался как значащая часть слова и в сущ. *jatъxulъnica* 'монастырская гостиница'³.

однако в старославянском языке было, видимо, и прил. *vtъvъььь*, о чем свидетельствует приведенный пример из Изб 1073.

¹ О вероятности наличия в старославянском языке прил. **gostinъ* см. с. 75.

² В старославянском языке *poъnicе* мотивируются существительным *poъь*, хотя в реальной истории эта лексема прошла стадию образования от субстантивированного прил. **poъyna/poъъna/poъъnъ/poъъny* [ЭССЯ 26: 27].

³ Основа, к которой присоединяется суффиксальный комплекс -ъnic(a) в *jatъxulъnica*, является, видимо, заимствованием из протоболгарского, т. е. *jatъxul* < **jat* + **chul/chûl* [ESJS 5: 275], см. также [Делева 1997: 32].

С помощью комплекса *-ьnic(a)* образуются существительные со значением 'вместилще, помещение' и с некоторыми отступлениями от указанных отношений «мотивизирующего → мотивированного». Ср.: *kolesьnica* 'повозка, колесница', образованное от *kolo* 'колесо' (от основы косв. пад. *koles-*); *шывальница* 'сосуд для омовения' от основы прич. формы на *-l-* гл. *шывати* 'омывать, умывать'; *грѣгодьница* 'псалтырь (музыкальный инструмент)', которое членится в старославянском языке [*grě-god-ьnica*] при сопоставлении с сущ. *gōslь* (< псл. **gōd-slь*), мн. ч. *gōsli* 'струнный инструмент'; *възглавьница* 'изголовье, подушка', которое членится в старославянском языке [*vъz-glav-ьnic-a*] при сопоставлении с сущ. *glava* 'голова'¹. Сущ. *штуждькьмьница* 'трапезная для странников' образовано суффиксально-сложным способом на базе субстантивно употребляемого прил. *штуждь(ь)* 'чужестранец, странник' и гл. *кьмьити* 'кормить'.

В ряде случаев комплекс *-ьnic(a)* у лексем со значением 'вместилще, помещение' является избыточным, т. е. служит для их «обновления», не изменяя значения исходных лексем, что также свидетельствует о продуктивности модели образования с помощью этого комплекса. Ср.: *кошь* 'корзина' и *кошьница* 'то же'; *смоку* (основа косв. п. *смокъв-*) 'смоковница, фиговое дерево' и *смокъвница* 'то же'². Ср. также *gostinica* 'гостиница' и *gostinьnica* 'то же' с заменой суффикса *-ic(a)* на суффикс *-ьnic(a)*. О продуктивности модели с комплексом *-ьnic(a)* свидетельствует и образование гапакса Супр *ѣмїаньница* 'кадильница' от сущ. *ѣмїань*³ 'ароматическая смола для курения, ладан' с основой греческого происхождения (греч. *θυμίαμα*).

¹ Гапакс *Мар възглавьница*, с продуктивным и «специализированным» суффиксом, представленным выразительной последовательностью фонем [*ьnic(a)*], являло собой, видимо, «обновление» сущ. *възглавьје* с тем же значением, но с менее ярким и более многозначным суффиксом *-ьj(e)*. Последнее встречается в списках VT (см. [SJS I: 396]), а также отмечено и в Юр. ев. 1119 г. в том же чтении, что в *Мар възглавьница* (Мк 4,38), и в Изб 1076, л. 11а 2 (текст, однако, наведен).

² В данном случае, возможно, при образовании «обновленного» сущ. *смокъвница* имело место также желание дифференцировать значения слов, так как сущ. *смоку*, помимо значения 'смоковница', имело и значение 'плод смоковницы, винная ягода'.

³ Написание этого слова в старославянских рукописях колеблется: *ѣмїань/ѣмїань/ѣмїань/ѣмїань/ѣмїань*.

От субстантивных основ из употребляющихся в старославянских рукописях неодушевленных существительных с суффиксом *-ic(a)* образовано всего 14 лексем, еще в трех лексемах этот суффикс вычленяется условно. Первоначальное словообразовательное значение суффикса *-ic(a)* при образовании от существительных было, видимо, модификационным, однако в старославянском языке это значение стирается: уменьшительное значение суффикса можно определить не для всех лексем. Уменьшительное значение деривата обнаруживается в следующих словообразовательных парах: *сѣкъвица* 'церковка, часовня' от *сѣкъу* (основа косв. п. *сѣкъв-*) 'церковь (как христианский храм)'; *дѣшѣца* 'дощечка' от *дѣшка* 'доска'; *ладѣйца* 'лодка' от *ладѣйи* 'ладья, корабль'¹. В других случаях значение не изменяется, т. е. имеет место лишь «обновление» лексемы продуктивным суффиксом: *кѣнѣца* 'грамота, послание' от *кѣнѣгу* 'то же'; *рапѣца* 'чан, сосуд' от *рапѣца* 'то же'; *ропѣца* 'полотно, полотнище' от *ропѣца* 'то же'; *скринѣца* 'ларец, ящик' от *скрина* с контекстным значением 'ковчег'. Есть случаи «обновления» лексемы и с помощью суффикса *-ьnic(a)*: трижды употребленное в Супр *рѣшѣца* 'печь' от гораздо более распространенного *рѣшѣ* 'то же' (26 уп.). Не обнаруживается значение уменьшительности и в тех случаях, когда исходное существительное не встречается в старославянских рукописях, но суффикс *-ic(a)* вычленяется при сопоставлении с однокоренными лексемами: *лѣшѣца* 'лестница', образованное в праславянском от **lěstva*, членится при сопоставлении со старославянскими префиксальными глаголами *izlěsti*, *prělěsti*, *szělěsti*, *vyělěsti*, *vzělěsti*; *рѣшенѣца* 'пшеница, хлеб', образованное от **rěšeno* 'то же', членится при сопоставлении с прил. *рѣшѣльъ* 'хлебный, пшеничный'. Не обнаруживается значение уменьшительности и в лексемах, образованных с этим суффиксом, но в старославянском языке уже его не вычленяющих: *ѡдѣца* 'удочка' от праслав. **ǫda* [Фасмер IV: 148]; *рапѣца* 'чан, сосуд' от герм. **rapa* [S-A: 280; Фасмер III: 198]; *срашѣца* 'рубашка, хитон' от псл. **sorka* [Фасмер III: 724–725]. Имеющиеся контексты (Евх 97а 18; 99а 12) не позволяют установить, имело ли диминутивное значение сущ.

¹ Словарь 1994 дает словарную статью на *алѣдѣни*, однако в старославянских рукописях более распространенной была огласовка *ladiji*: *ladiji* Зогр 4, Мар 6, а *алѣдѣи* — Зогр 1, Супр 2.

manьtija 'манатья', образованное от грецизма *manьtija 'то же' (ср.-греч. *μαντιον*, *μαντιον* [Фасмер II: 567]), встречающегося в др.-русск. списках [Срезн II: 111; СДЯ XI–XIV 505; СлРЯ XI–XVII 9: 28]. Сущ. *matica*, образованное от *mati* 'мать', в старославянских рукописях встречается только в сочетании *matica ognьnaja* 'геенна огненная'.

Как мы уже отмечали в Главе II, в лексемах *kašica* 'каша' или 'кашица', *krupica* 'крошка', *krupica* 'кувшин' суффикс *-ic(a)* со значением уменьшительности или единичности вычленяется условно с большей или меньшей степенью вероятности, однако отрицать наличие данного суффикса в этих лексемах даже в рамках синхронного рассмотрения старославянской словообразовательной системы противоречило бы здравому смыслу (см. с. 37–38).

Образование двух существительных — *osobica* и *vijalica* — выходит за рамки рассмотренных выше моделей, однако они вычленяют суффикс *-ic(a)* при сопоставлении с однокоренными лексемами. Сущ. *osobica* 'мятеж, возмущение' вычленяет корневой морф местопроисхождения *-sob-* [*o-sob-ica*] при сопоставлении с гл. *posobovati* 'сохранять, держать при себе', нареч. *osobь* 'отдельно, особо' и др. Значение сущ. *vijalica* Словарь 1994 определяет как 'буря', однако старославянские контексты показывают, что речь идет о 'зимней буре', т. е. 'вьюге'. Ср.: *бже творьче... точаши коури . сжиши виѣлци . людемъ трѣпачемъ зимж великж . Евх 44b 9; влко ꙗ... иждени трасавициж сижь отъ раба твоего сего... трасжщижж виѣлцеж въ тѣлеси его . мразжщижж плъть его... Евх 44b 24. Таким образом оказывается, что сущ. *vijalica* сохраняет семантические связи с гл. *rovijati* [*ro-vij-a-ti*] 'обвивать, обертывать', содержащим тот же корневой морф *-vij-*, а также с другими старославянскими лексемами этого корня — *izviti*, *rovivati* и т. п., давая зимней буре образное наименование и имея производящей основой основу причастия на *-l-* *vijal-* не отмеченного в пределах старославянских рукописей глагола **vijati*.*

Одушевленные существительные с суффиксами *-ic(a)* и *-ьnic(a)* — это наименования лица женского рода (главным образом, *feminina* к наименованиям лица мужского рода) и несколько названий живых существ женского рода.

Десять лексем с комплексами *-ьnic(a)* и *-enic(a)* представляют собой *feminina* к соответствующим наименованиям лица м. р. с

комплексами *-ьnik(ъ)* и *-enik(ъ)*. При этом суффикс *-ik(ъ)* в лексеме м. р. «заменяется» на суффикс *-ic(a)* в лексеме ж. р. Ср.: *blōdъnikъ* ‘развратник’ — *blōdъnica* ‘блудница, развратница’; *grěšъnikъ* ‘грешник’ — *grěšъnica* ‘грешница’; *isprovědъnikъ* ‘сторонник’ — *isprovědъnica* ‘сторонница’; *močēnikъ* ‘мученик’ — *močēnica* ‘мученица’; *plěnynikъ* ‘пленник’ — *plěnynica* ‘пленница’; *romošъnikъ* ‘помощник’ — *romošъnica* ‘помощница’; *postъnikъ* ‘подвижник, постник’ — *postъnica* ‘подвижница, постница’; *prъvomočēnikъ* ‘первомученик’ — *prъvomočēnica* ‘первомученица’; *učēnikъ* ‘ученик’ — *učēnica* ‘ученица’; *zastorъnikъ* ‘заступник, помощник’ — *zastorъnica* ‘заступница, помощница’.

В других случаях при образовании *feminina* суффиксы *-ic(a)* и *-ьnic(a)* присоединяется к основе — суффиксальной или безаффиксной (на уровне старославянского языка) — соответствующего наименования лица м. р.: *сěsarica* ‘владычица, царица’ от *сěсарь* ‘владыка, царь’; *lubodějica* ‘блудница’ от *lubodějъ* ‘блудник’; *otrokovica* ‘девочка-подросток’ от *otrokъ* ‘мальчик, подросток’; *proročica* ‘пророчица, прорицательница’ от *prorokъ* ‘пророк, прорицатель’; *roditeľnica* ‘роженица, мать’ от *roditeľ* [rod-i-teľ] ‘родитель’; *služitelъnica* ‘служительница’ от *služitelъ* [služ-i-teľ] ‘служитель’; *vladučica* ‘правительница, владычица’ от *vladука* ‘правитель, владыка’; *vratarica* ‘привратница’ от *vratarъ* [vrat-arъ] ‘привратник’.

Шесть наименований лиц женского рода с суффиксом *-ic(a)* не соотносительны с наименованиями мужского рода. Это образования от адъективных основ и композиты. В сущ. *děvica* ‘дева, девственница’ и *vdovica* ‘вдова’ суффикс *-ic(a)* является избыточным, служа «обновлению» субстантивно употреблявшихся прилагательных *děva* и *vdova* (см. с. 20–21); *starica* ‘старуха’ образовано от основы прил. *starъ*. Сущ. *puštenica* — гапакс Зогра в чтении Л 16,18 (в Мар вместо него находим *puštenaja* отъ muža). Р. М. Цейтлин считала, что «данное слово — живое образование на месте сочетания причастия с существительным, сохраняемого в Мар (что соответствует греч[ескому] тексту» [Цейтлин 1977: 132].

Два композита с суффиксом *-ic(a)* имеют в качестве опорных компонентов глагольные основы. Оба образованы под влиянием своих греческих соответствий. Сущ. *bogogodica* — калька с греч. θεοτόκος с неполным соответствием морфемных структур старославянского и греческого слова, т. е. с суффиксальным оформлением

старославянского слова при отсутствии такового в греческом — ср.: [bog-o-rod-ica] — [θεο-τόκος]. Что же касается сущ. kǫvotočica 'женщина, страдающая кровотечением', то точной калькой с греч. αἰμόρροος [αἴμο-ρροος] 'страдающая кровотечением', субстантивно употребляемого причастия, является также субстантивно употребляемое причастие, гапак Супр kǫvotočestija, тогда как сущ. kǫvotočica [kǫv-o-toč-ica], тоже гапак Супр, можно считать суффиксальным «обновленным» этого причастия. Композита dobroromoštica 'хорошая помощница' представляет собой пример чистого сложения с опорным компонентом romoštica, равным целому слову, т. е. суффикс -tic(a) здесь, строго говоря, словообразовательной морфемой не является.

Наличие среди наименованных лиц ж. р. с суффиксом -ic(a) таких лексем, как isprovědnica 'сторонница', postnica 'подвижница, постница', rǫvomočepica 'первомученица' и др., относящихся к слою книжной лексики, а также калек с греческих соответствий свидетельствует о продуктивности в старославянском языке суффикса -ic(a) в данной словообразовательной сфере.

Суффикс -ic(a) обнаруживается также в старославянских лексемах, служащих наименованиями разных существ животного мира. В старославянских рукописях встречаются 7 лексем с данным значением. Сущ. junica и telica можно считать feminina к соответствующим наименованиям с суффиксом -ьс(ь), с «заменой» последнего на суффикс -ic(a). Ср.: junьс 'молодой бык' — junica 'молодая корова, телка' (в обеих лексемах производящей является основа прил. junь [jun-ъ]); тельс 'теленка, телец' — telica 'овечка, ягненок' (основа tel- в старославянском языке присутствует только в связанном виде и вычленяется при сопоставлении однокоренных лексем тельс, telica, тельс 'телячий'). Сущ. gubica 'рыба, рыбка' встречается только в двух евангельских чтениях — Мт 15,34 и Мк 8,7. Суффикс -ic(a) можно здесь считать избыточным, «обновляющим» бессуффиксальное сущ. guba 'рыба', гораздо более частотное в старославянских рукописях (86 уп.), так как gubica фактически имеет то же значение, что и guba. Ту же функцию суффикса можно предполагать и в лексемах mьsica и rьsica. Корневой морф рь- в старославянском языке обнаруживается только в связанном виде и вычленяется в сущ. rьsica 'птица' при

сопоставлении с лексемами *ръѣишь* 'воробей', *рътепись* 'птенец'. Корневой морф *тъѣ-* в сущ. *тъѣса* 'комар' вычленяется тоже только при сопоставлении с сущ. *тиха* [тих-а] 'муха', связанном с *тъѣса* чередованием гласных, тогда как праслав. **тъѣха*, служившее исходной лексемой при образовании *тъѣса* [ЭССЯ 21: 15], в старославянском языке не употребляется. Семантические связи сущ. *грьѣса* 'горлица' и послужившей исходной для нее праславянской лексемы **грьѣдо* (ст.-слав. *грьло* 'горло') [ЭССЯ 7, 203–204], в старославянском языке уже затемнены. Еще одно наименование живого существа — *дожѣса* 'кормящая своим молоком' — образовано с суффиксом *-ic(a)* от причастной формы на *-l-*, ср. *дожѣи* 'кормит грудью'.

Суффикс *-уѣ(i)*

Число образований с суффиксом *-уѣ(i)* в старославянских рукописях относительно невелико: 28 лексем, содержащих этот суффикс, из них пять — производные от существительных «на *-уѣi*». В четырех лексемах — *пустыньъ*, *пустыньникъ*, *пустыньскъ*, *svѣтуньъ* — суффикс *-уѣ(i)* выступает в виде алломорфа *-уп-* перед [ъ] последующего суффикса.

Среди старославянских лексем «на *-уѣ(i)*» были как неодушевленные, так и одушевленные существительные женского рода, которые образовывались по двум словообразовательным моделям: 1) отадъективные существительные со значением отвлеченного признака и 2) наименования лиц женского пола. Несмотря на довольно ограниченное число лексем с суффиксом *-уѣ(i)*, обе модели характеризуются «открытостью», т. е. возможностью образования новых слов.

Образований от прилагательных совсем немного — всего семь: *blaguѣi* 'доброта, доброжелательность и др.' от *blagъ* 'добрый, хороший', *грьдуѣi* 'надменность, гордыня' от *грьдъ* 'гордый, надменный', *льгуѣi* 'легкость' от *льгъкъ* 'легкий', *правуѣi* 'справедливость' от *правъ* 'правильный, справедливый', *prostyuѣi* 'свобода' и др. от *prostъ* 'свободный', *пустуѣi* 'пустыня' (в старославянских рукописях встречается только в этом локативном значении, но см. ниже) от *пустъ* 'пустой', *svѣтуѣi* 'святость' и др. от *svѣтъ* 'святой'. Все эти существительные имеют вид «старых» лексем, так как суффикс *-уѣ(i)* сочетается в них

с основами, для старославянского языка непронизводными. При этом образование сущ. њгуѣи с синхронной точки зрения происходит с усечением суффикса -ѡк- в мотивирующем прил. њгѡкъ (т. е. реально суффикс присоединялся к старой именной основе њг-).

Об «укоренности» в языке отадъективных существительных с суффиксом -уѣ(и) свидетельствует их относительно высокая частотность по сравнению с частотностью образований с суффиксом -ост(ь) от той же производящей основы. Ср.: грьдуѣи 14 уп. — грьдѡсть только 3 уп.; prostуѣи 4 уп. — prostѡсть только 1 уп. Единичность употребления сущ. њгуѣи 'легкость' (гапакс Супр) объясняется содержанием старославянских текстов, не требовавшим слов с данным значением: в пределах старославянских рукописей не встречаются и синонимы к њгуѣи¹. Еще более надежное свидетельство «укоренности» этих лексем в языке — наличие у некоторых из них нескольких значений, в том числе достаточно далеких от первоначального значения отвлеченного признака. Ср.: vlagуѣи имеет значение не только 'доброта, доброжелательность', но и 'добро' (т. е. 'доброе дело'), и 'имущество'; pravуѣи означает не только 'справедливость', но и 'правый суд' (последнее было отмечено Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 177]); prostуѣи означает не только 'свобода', но и 'прощение' (ср. однозначность значения образованного от той же производящей основы с суффиксом -ост(ь) гапакса Супр prostѡсть 'чистосердечие', выводимого из переносного значения мотивирующего прил. prostъ 'искренний, чистосердечный'); svѣтуѣи означает не только 'святость', но и 'освящение', и 'святылище'. Последнее значение особенно интересно, так как является не просто конкретным, но и локативным (ср.: и созьда ѡко инорогъ сѣѡтънѡ своѡж въ зем'и — Пс 77,69 Син). Только с локативным значением встречается в старославянских рукописях сущ. pustуѣи 'пустыня; пустынь', причем — в силу особенностей содержания старославянских текстов — оно является высокочастотным (ср. образованное

¹ В апостольском чтении II Кор 1,17 употребляется сущ. њgota, также образованное от старой именной основы, но с помощью суффикса -от(а). Вероятность вхождения лексики њgota в старославянский лексический инвентарь очень высока, так как она сохранилась в данном чтении в древнейших списках разных изводов — Слепч, Христ, Шшш, Мат, т. е. в списках ср.-болг., др.-русск., др.-сербск. изводов.

от той же производящей основы с суффиксом -ot(a) сущ. *pustota*, имеющее значение отвлеченного признака 'пустота'). Вместе с тем на наличие в старославянском языке у сущ. *pustuŋi* первоначального значения отвлеченного признака указывает значение адвербиального выражения *vъ rustuŋŋ* 'напрасно, бессмысленно', обнаруживающегося в списках произведений, восходящих к старославянским протограммам, где оно соответствует греч. *μάταιον* [СлРЯ XI–XVII 21: 60].

О некоторой продуктивности словообразовательного суффикса -yŋ(i) при образовании существительных со значением отвлеченного признака свидетельствует использование его в качестве избыточного при «удвоенной суффиксации». Два существительных с суффиксом -ost(ь) «наращены» без изменения значения с помощью суффикса -yŋ(i): 1) *blagostь* [blag-ostь] 'доброта, милость, благожелательность' → *blagostuŋi* [blag-ost-yŋi] 'доброта, милость, благожелательность'; оба переводят греческие соответствия *χρηστότης, ἀγαθωσύνη, ἀγαθότης*; 2) *milostь* [mil-ostь] 'милосердие, сострадание; милостыня' → *milostuŋi* [mil-ost-yŋi] 'милосердие, сострадание; милостыня'; оба переводят греческие соответствия *ἔλεος, ἐλεημοσύνη*.

Четырнадцать из встречающихся в старославянских рукописях существительных, образованных с помощью суффикса -yŋ(i), — наименования лиц женского пола. Большинство из них является *feminina* к наименованиям лиц мужского пола («парными» наименованиями); последние и будем считать в этих случаях мотивирующими.

В отличие от рассмотренной выше модели, функционировавшей весьма ограниченно и представленной, главным образом, «старыми» лексемами, демонстрирующими развитие семантики их значений, модель образования наименований лиц женского пола показывает в старославянском языке несомненную продуктивность. Всего лишь четыре из встречающихся в старославянских рукописях существительных образованы от наименований лиц мужского пола с основами славянского происхождения: *boguyŋi* 'богиня' от *bogь* 'бог', *gospodyŋi* 'госпожа' от *gospodь* 'господин' или с усечением суффикса единичности -in(ь) от *gospodinь* 'то же', *roganyŋi* 'язычница' от субстантивно употребляемого *roganь* 'язычник' или с усечением суффикса единичности -in(ь) от *roganinь* 'то же', *sošedyŋi* 'соседка' от *sošedь* 'сосед'. В сущ. *rabuyŋi* 'рабыня' суффикс -yŋ(i) является избыточным,

являя собой пример «обновления» бессуффиксального имени *gaba* с тем же значением, все еще более частотного по сравнению с «обновленным» *gabuŋi* (ср.: *gabuŋi* 12 уп. — *gaba* 29 уп.)¹.

В остальных наименованиях лиц женского пола суффикс *-yŋ(i)* сочетается с основами греческого происхождения. Большая часть этих лексем имеет значение наименования лица по месту жительства или происхождения. Мы считаем, что в тех случаях, когда в старославянском языке существовали соответствующие наименования лиц мужского пола, существительные с суффиксом *-yŋ(i)* следует рассматривать по отношению к ним в качестве *feminina* («парных наименований»). Поскольку, начиная с В. А. Погорелова [Погорелов 1930: 3–5], данные лексемы не раз становились предметом внимания палеославистов, укажем для каждой из них то морфемное членение, которое считаем адекватным указанному принципу: *eġurtěnyŋi* [eġurt-ěp-yŋi] ‘египтянка’ (греч. Αἴγυπτία) образовано с усечением суффикса *-ěpŋ(ь)* от *eġurtěpŋŋ* [eġurt-ěpŋŋ] ‘египтянин’; *elinyŋi* [elin-yŋi] ‘гречанка, эллинка’ (греч. Ἑλληνίς) образовано от *elinь* (греч. Ἕλληνας) ‘грек, эллин’; *křstijanyŋi* [křstijan-yŋi] ‘христианка’ (греч. χριστιανή) образовано от *křstijalpь* ‘христианин’ (греч. χριστιανός) или с усечением суффикса единичности *-ip(ь)* от *křstijaniпь* [křstijan-ipŋ] ‘то же’; *samarěnyŋi* [samar-ěp-yŋi] ‘самаритянка’ (греч. Σαμαρίτις) образовано с усечением суффикса *-ěpŋ(ь)* от *samarěpŋŋ* [samar-ěpŋŋ] ‘самаритянин’; *soluňanyŋi* [soluň-an-yŋi] ‘солуньянка’ (греч. ἡ ἐν Θεσσαλονίκῃ) образовано с усечением суффикса *-ěpŋ(ь)/-(j)aniп(ь)* (алломорфа *-(j)aniп(ь)*, дающего смягчение предыдущей согласной производящей основы) от *soluňaniпь* [soluň-anipŋ] ‘солунянин’. В сущ. *somanitěnyŋi* ‘сонамитянка’ (греч. Σουμανίτις, вар. Σουμανίτις), употребленном в тексте Супр (т. е. в старославянской рукописи, содержащей относительно поздние переводы), обнаруживается та же модель с усечением суффикса *-ěpŋ(ь)/-(j)aniп(ь)*, однако соответствующее наименование лица мужского пола в старославянских рукописях не встречается. Видимо, это существительное было образовано непосредственно от его греческого соответствия Σουμανίτις, где Σουμανίτ- было взято в качестве производящей основы как [somanit-], а комплекс суффиксов

¹ По мнению Р. М. Цейтлин, «употребление сущ. *равънŋи* поддерживалось... омонимией трех словоформ лексем *равъ* и *рава*» (т. е. форм местн. ед. ч. и род. и вин. мн. ч. — В.Е.) [Цейтлин 1977: 135].

-ѣнуѣ был уже переосмыслен древними книжниками как цельная словообразовательная морфема с соответствующим значением, т. е. значением наименования лица женского пола по месту его жительства или происхождения. Так же и суц. *surōfonikisanuŕi* 'спрофинкианка', появившееся в чтении тетра Мк 7,26 (Зогр, Мар), было образовано непосредственно от греческого соответствия в тексте оригинала. В качестве производящей основы здесь используется греческое слово *Συροφονίκισσα* целиком, к которому присоединяется суффикс -уѣ(i) в модификации -нуѣ(i), т. е. [*surōfonikisa-nuŕi*]. Надо полагать, что повторение яркой последовательности фонем [nuŕi] в наименованиях лиц женского пола (ср. *roganuŕi*, *samarĕnuŕi*, *soluŕanuŕi*) сформировало у древних книжников восприятие -нуѣ в качестве значащей части слова. Интересно, что В. А. Погорелов в свое время видел в наименованиях лиц женского пола с греческими основами именно «славянский суффикс -нѣни» (называя его то суффиксом, то окончанием) [Погорелов 1930: 4; 3].

Суц. *xanaanuŕi* [*xanaan-uŕi*] 'хананеянка' образовано от лексемы *xanaap* 'Ханаан' (греч. *Χαναάν*), которая была, вероятно, понята как название местности, хотя в старославянских рукописях *xanaap* употребляется только как имя (для названия местности используется словосочетание *zemlja xanaanova*). Что же касается известного наименования Марии Магдалины по названию местности Магдала, из которой она происходила (*magdaluŕi* 'Магдална, Магдальская'), то в старославянском языке постепенно сложились системные мотивационные отношения: *mogdalam* 'Магдала' (греч. *Μαγδαλάν*) → *magdaluŕi* [*magdal-uŕi*], однако они не отражали реального пути образования лексемы *magdaluŕi* при вхождении ее в старославянский лексический инвентарь. Название местности Магдала как *могѣдаламъ* появляется в евангельском тексте только в Сав, известной своими инновациями. В других старославянских кодексах употреблено прилагательное с суффиксом -ѣsk- (см. с. 235). Таким образом, реальное образование суц. *magdaluŕi* при переводе евангельского текста было осуществлено как непосредственное от греческого соответствия *Μαγδαληνή*. Первоначально это был, видимо, грецизм с закономерной субституцией звуков (в Мар сохранилось написание *магдалнини*, встречающееся в нем чаще, чем *магдалѣни* — в Мк 15,40; Мк 16,1; Мк 16,9; Л 18,2 и др.), который затем был переосмыслен (как считал В. А. Погорелов, изменен «по аналогии» [Погорелов 1930: 3]) в качестве суффиксального образования.

Суффикс -in(a)

В старославянском языке было относительно немного существительных, образованных с помощью суффикса -in(a): всего в старославянских рукописях насчитывается 27 лексем, в которых суффикс -in(a) является словообразовательным формантом, и, кроме того, 11 лексем, производных от образований на -in(a), содержат морф -инданного суффикса. Тем не менее в старославянских лексемах с суффиксом -in(a) отражается широкий разброс значений, присущий вообще этому славянскому суффиксу. Как отмечал А. Вајан, значения продуктивного славянского суффикса -in(a) разнообразны и трудно поддаются определению: «De ce suffixe très productif, les valeurs sont diverses, et certaines difficiles à préciser». И далее: «Dérivant d'un substantif, il indique une chose qui est rapport avec ce substantif, rapport qui peut être de diverses sortes» [Vaillant 1974: 355; 363]¹.

Старославянскому языку были известны образования с суффиксом -in(a) как от адъективных, так и от субстантивных основ. От адъективных основ образованы 6 существительных: čistina 'чистота' (так в [Словарь 1994: 780], см., однако, ниже) от основы прил. čistь 'чистый', glǫbina 'глубина' от основы прил. glǫбокъ [glǫb-окъ] 'глубокий' (с усечением суффикса -ок-), istina 'истина, правда; действительность' от основы прил. istъ 'настоящий, истинный', obyština 'общее дело' от основы прил. obyštъ 'общий, совместный', sědina 'седина (в волосах)' от основы прил. sědъ 'седой', tišina 'тишина' от основы прил. tixъ [tix-ъ] 'тихий' (с чередованием х—š на морфемном шве). Одно существительное образовано от основы косвенных падежей компаратива — uńšina 'лучшее, τὸ κρείσσον' от uńjъ [uń-jъ, uń-ъš] 'лучший'. Общее словообразовательное значение суффикса можно определить здесь как образование поміна abstracta от прилагательных.

Некоторые из перечисленных лексем высокочастотны (по меркам старославянского языка): glǫbina — 36 уп., tišina — 8 уп., sědina — 7 уп., istina — > 300 уп. (последнее, конечно, обусловлено спецификой содержания старославянских текстов). Вместе с тем гапаксы Супр čistina и uńšina могут оказаться и новообразованиями преславских

¹ Известны неоднократные попытки очертить сферу значений славянского суффикса -in(a) — см., например, [Супрун 1961a: 112].

книжников — кроме Супр они встречаются в списках со старославянских протографов только относительно поздних памятников, связанных с Преславской школой: *čistina* в Панд.Ант.ХІ и «Беседах папы Григория», *uľьsina* в Изб 1073, Панд.Ант.ХІ, Гр.Наз.ХІ (см. [SJS IV: 871; 664; Срезн III: 1527; 1235]). В случае с *čistina* употребление лексемы, отличной от образованной от той же производящей основы с суффиксом *-ot(a)* высокочастотной лексемы *čistota* 'чистота', вызвано, возможно, необходимостью передать при переводе другое значение. Хотя Словарь 1994 дает для *čistina* значение 'чистота', на самом деле значение этого гапакса Супр, переводящего греч. ἀκρίβεια, трудно определяется из контекста — ср.: Τί πολλήν ἐπὶ τῶν ἄλλων ἀπαιτεῖς τὴν ἀκρίβειαν...; — **почто много Ѹ инѣхъ рѣчноукиши . оу мене чистинны...** Супр 394,10. Отметим, что SJS дает значение 'последовательность' [SJS IV: 871], Срезн — 'чистосердечие, искренность' [Срезн III: 1527].

Значение суффикса *-in(a)* при образовании существительных от субстантивных основ в старославянском языке устанавливается тоже очень обобщенно — вслед за А. Ваїаном его можно определить как указывающее на разного рода отношения деривата к мотивирующему его существительному («Dérivant d'un substantif, il indique une chose qui est rapport avec ce substantif, rapport qui peut être de diverses sortes») [Vaillant 1974: 363]. 18 лексем из употребляемых в старославянских рукописях существительных с суффиксом *-in(a)* мы считаем образованными от субстантивных основ: *bľvotina*, *godina*, *družina*, *xlěvina*, *xramina*, *xuzina*, *jazvina*, *konьčina*, *maslina*, *otьčina*, *otročina*, *paјočina*, *pastvina*, *počina*, *gaspalina*, *rogozina*, *slatina*, *tatьbina*. К ним примыкают образованное от основы числительного сущ. *desetina*, а также образованное от основы причастия (видимо, субстантивированного) сущ. *udavlenina*.

В ряде случаев словообразовательное значение суффикса «размыто» настолько, что дериват и исходное существительное в старославянском языке имеют практически одинаковые значения. Ср., например, «словообразовательные пары», совпадающие в старославянских рукописях в своих значениях либо полностью, либо частично: *xlěvina* в значениях 'постройка; жилье' и *xlěvъ* 'хлев' (только 2 уп. в Супр), *xramina* 'дом, здание; жилье; домочадцы' и *xramъ* в значениях 'дом, здание; жилье; домочадцы', *xuzina* в значении 'хитина' и *xuzъ*

‘хижина’ (одно употребление в Супр), *копыѣна* в значении ‘конец’ и *копысь* в значении ‘конец’, *pastvina* ‘пасущееся стадо, *перен.* паства’¹ и *pastva* ‘пасущееся стадо’, *tatъbina* ‘кража, воровство, грабeж’ и *tatъba* ‘кража, воровство, грабeж’. Таким образом, здесь следует говорить, скорее, о роли суффикса в «обновлении» существительного (*xlъvina*, *xramina*, *xuzina*, *копыѣна*, *pastvina*) или в «удвоенной суффиксации» (*tatъbina*), чем о его собственно словообразовательной роли².

Сущ. *godina* и *godъ* расходятся в значениях в очень небольшом числе контекстов, обозначая ‘час’ и ‘год’ соответственно, но совпадают в большей части контекстов в значении ‘благоприятное/назначенное время’.

Для нескольких лексем значение суффикса *-in(a)* определить невозможно, так как исходных существительных либо нет в старославянском лексическом инвентаре, либо их наличие труднодоказуемо. Исходное для *slatina* ‘солончак’ существительное восстанавливается только как псл. **solъ* [Фасмер III: 714; Sławski 1974: 122], и

¹ Для сущ. *pastvina* Словарь 1994, как и SJS, дает значение ‘пастбище’ [Словарь 1994: 442; SJS III: 17], однако все контексты в старославянских рукописях указывают на значение ‘пасущееся стадо, *перен.* паства’. Ср.: *і мѣ людие паствѣны его* Пс 94,7 Син; *мѣ же людие его . і овьца паствѣны его* Пс 99,3 Син; *твоя во людик мѣ и овьца паствѣны твоѣя* Супр 342,21–22; *старѣшина паствѣнѣ* Супр 328,26–27. Греческое соответствие *voцѣ* также имеет значение ‘пасущееся стадо’ (помимо значений ‘пастбище’, ‘пастъба’, ‘корм’ и др.). Значение ‘пастбище’, а также ‘корм’ встречается у сущ. *pastvina* в «Беседах папы Григория», где даже в цитате из И 10,9 *pastvina* заменяет лексему *paзѣт* старославянских кодексов — см., например, контексты, приведенные в [SJS III: 17]. Значение ‘пастбище’ для *pastvina* И. И. Срезневский указывает и в др.-русск. Минее 1097 г. [Срезн II: 883].

² Ф. Славский считал подобные образования в праславянском языке получающими посредством суффикса *-in(a)* экспрессивное значение (т. е. получающими посредством этого суффикса значения аугментативов, пейоративов и диминутивов) [Sławski 1974: 121–122]. Однако старославянские контексты уже не подтверждают этих различий в значениях, имевших, возможно, место в праславянском. С точки зрения формального анализа наиболее близка к истине, видимо, П. Ковачева, которая рассматривает данные лексемы в качестве тавтологичных дериватов с структурной функцией суффикса как единственной [Ковачева 1999: 279].

неизвестно, было ли оно в старославянском языке. Для сущ. *ročina* 'пропасть; открытое море' можно указать только однокоренное посл. **ročъ* [Фасмер III: 415]. В *gaspalina* 'щель, трещина' суффикс *-in(a)* вычленяется при сопоставлении со старославянскими лексемами *paliti* 'палить, сжигать; гореть', отглагольным сущ. *gaspaŋenje* с переносным значением 'страсть, похоть' и др. Путь образования сущ. *gaspalina* можно предположить следующим образом: гл. **gaspaliti* → отглагол. сущ. **gaspalъ* → сущ. *gaspalina*, и тогда отношения между членами «словообразовательной цепочки» можно было бы сопоставить с сходными по семантике отношениями между реально зафиксированными в старославянских рукописях лексемами: гл. *jazviti* 'ранить, поранить' → отглагол. сущ. *jazva* 'ранение, порез' → сущ. *jazvina* 'нора, дупло'. Вместе с тем у нас нет данных, было ли в старославянском лексическом инвентаре сущ. **gaspalъ*¹ или предполагаемая нами «словообразовательная цепочка» существовала за пределами старославянского языка. Для сущ. *rogovina* 'рогожа, циновка' однокоренные слова в пределах старославянских рукописей не встречаются, однако возможно, что исходное для него сущ. **rogozъ* со значением 'тростник, камыш' (см. [Фасмер III: 490]) входило в лексический фонд старославянского языка, так как оно неоднократно встречается в более поздних списках VT ([Срезн III: 130], см. также [СлРЯ XI–XVII 22: 178]); в таком случае значение суффикса *-in(a)* здесь заключается в выражении отношения конкретного предмета (изделия) к материалу, из которого он изготовлен. Сущ. *blъvotina* 'рвота' образовано от незафиксированного в старославянских рукописях сущ. **blъvota* (см. также раздел о суффиксе *-ot(a)*, с. 120). Наличие последнего в старославянском лексическом инвентаре вызывает сомнения, но если оно все же было, то суффикс *-in(a)* мог выражать здесь значение конкретности и единичности — ср. контексты с сущ. *blъvotina*: **Иже пакъ на тожде възвратитъ сѧ . то подобенъ естъ пѣсоу на своѣмъ блъвотинѣ възвращающу сѧ** Евх 70а 10; **ѣко пѣсъ на своѣмъ блъвотинѣ възвращаѣмъ сѧ** Евх 91а 5–6.

¹ В СлРЯ XI–XVII зафиксировано наличие в списке XIII в. «Поченый Ефрема Сирина» лексемы *распаль* в значении 'трещина' (но как существительного ж. р. при написании в рукописи *распальъ*) [СлРЯ XI–XVII 22: 20].

Спектр словообразовательных значений суффикса *-in(a)* настолько широк, что фактически в каждом случае значение суффикса индивидуально. Этот суффикс используется как при образовании существительных с денотатом в виде конкретного единичного предмета (ср.: *maslo* 'оливковое масло' → *maslina* 'маслина, олива'; *raǰokъ* 'паук' → *raǰočina* 'паутина'), так и при образовании существительных с абстрактным значением (ср.: *otrokъ* 'отрок, подросток' → *otročina* 'отрочество, детство'; *otъь* 'отец' → *otъčina* 'отчизна, родина'¹). Сущ. *udavŕenina* [u-davŕ-en-ina] 'мясо удушенного животного', образованное от причастной формы гл. *udaviti* 'удавить, задушить', входит в ряд славянских названий мяса, мотивирующим словом для которых является наименование животного (ср. русск. *конина*, *баранина* и под., также и *мертвецина* и под.). Однако в старославянских рукописях *udavŕenina* — единственный представитель этого ряда, что, несомненно, объясняется содержанием старославянских текстов. Также единственным представителем ряда славянских *collectiva* с суффиксом *-in(a)* в языке старославянских рукописей является сущ. *družina* 'сотоварищи', образованное от сущ. *drugъ* 'друг'.

Славянский суффикс *-in(a)* считается высокопродуктивным (см., например, [Vaillant 1974: 355; Sławski 1974: 120] и др.). Однако принадлежность большинства старославянских существительных с суффиксом *-in(a)* к слою обыденной лексики, высокая частотность некоторых из них, указывающая на «укорененность» в языке, при том, что низкая частотность в других случаях может быть объяснена специфическим содержанием старославянских текстов, «затемненность» отношений в словообразовательных парах при отсутствии в ряде случаев в пределах старославянских рукописей исходных лексем, — все это говорит о том, что в старославянском языке — как создаваемом древними книжниками новом литературном языке — суффикс *-in(a)* обладал относительно невысокой продуктивностью.

¹ Локативный оттенок в значении в ст.-слав. *otъčina*, видимо, вторичен. Ср. употребление этого существительного в следующем контексте: Καὶ τῆ Σαβίνῃ τις λέγει "Σὺ εἰς τὴν πατρίδα σου οὐκ ἠδύνασθα ἀποθανεῖν;". Ἡ δὲ εἶπεν "Τίς ἐστὶν ἡ πατρίς μου; Ἐγὼ Πιονίου ἀδελφὴ εἰμι"... — и къ савинни к'то глаголаше . ти въ отъчннж своих не можааше оумрѣти . она же рече кто ксть отъчина моя . азъ пионова сестра ксмъ . Супр 139,2–3.

В большинстве своем это были, видимо, уже готовые славянские лексемы с суффиксом *-in(a)*, взятые древними книжниками из народной славянской речи.

Суффикс *-ot(a)*

Основное словообразовательное значение суффикса *-ot(a)* в старославянском языке определяется как значение номинации отвлеченного признака. В пределах старославянских рукописей насчитывается 50 лексем, в которых вычленяется эта морфема, в пяти из них — после мягких согласных — в виде алломорфа *-et(a)*. В 29 лексемах суффикс *-ot(a)* выступает в качестве словообразовательной морфемы. Старославянские существительные с суффиксом *-ot(a)* — существительные женского рода (за исключением *junota* и *sirota*), склоняющиеся по основам на *-a*.

По основной словообразовательной модели с суффиксом *-ot(a)* в старославянском языке образуются существительные от качественных прилагательных. Несмотря на то, что продуктивный славянский суффикс *-ot(a)* принято считать продуктивным и в старославянском языке [Цейтлин 1977: 175; Цейтлин 1986а: 198], в общем лексическом старославянском фонде существительные с этим суффиксом имеют вид «старых» лексем, в прямом значении почти исключительно относящихся к слою обывденной лексики и вошедших в создававшийся литературный язык из народной речи¹. Эти лексемы в своем первоначальном

¹ П. Ковачева, пытаясь в свое время найти различия в употреблении существительных на *-ota* в «классических староболгарских памятниках» (т. е. в старославянских рукописях) и в «произведениях староболгарских писателей» (т. е. в произведениях, дошедших до нашего времени в более поздних списках), считает употребленную в «Учительном евангелии» лексику *жзота* неологизмом Константина Преславского, созданного им «для нужд перевода с греческого языка» (см. статью [Ковачева 1981: 325]). Однако уже и из изложенного в указанной статье материала очевидно, что наличие или отсутствие существительного на *-ota* в тексте в первую очередь определяется содержанием последнего (которое не так часто предполагает употребление обывденной лексики), и сама автор в выводах признает, что «причините, предизвикали различие, трудно могат да бъдат определени точно поради

значении номинируют признаки вещей (во внеязыковой реальности) самые простые, существенные в быту: 'высоты' и 'длины', 'большого размера', 'чистоты', 'тепла', 'освещенности', 'сухости' и 'влажности', 'тяжести', 'пустоты', 'тишины' и т. п.; присущие человеку и также существенные в быту свойства: 'доброты', 'красоты', 'слепоты' и т. п.

В большинстве случаев в «словообразовательных парах» с существительными на -ot(a) мотивационные отношения прозрачны, а мотивирующие прилагательные обнаруживаются в пределах старославянских рукописей: čistota 'чистота' мотивировано прилагательным čistъ 'чистый', dlygota 'длина' и 'продолжительность' — прил. dlygъ 'долгий', dobrota 'красота' — прил. dobъгъ 'красивый', lěpota 'уместность' и 'великолепие' — прил. lěpъ 'уместный' и 'великолепный', nagota 'нагота' — прил. nagъ 'нагой, голый', ništeta 'бедность, нищета' — прил. nišъ 'бедный, нищий', pravota 'правильность, справедливость' — прил. pravъ 'правильный, справедливый', pustota 'пустота' — прил. pustъ 'пустой', skorota 'скорость, быстрота' — прил. skorbъ 'скорый, быстрый', slěpota 'слепота' — прил. slěpъ 'слепой', sujeta 'тщета, суетность' — прил. sujъ (в старославянских рукописях встречается только в адвербализованной форме suje 'тщетно, напрасно'), suxota 'сухость' — прил. suxъ 'сухой', světylota 'блеск' — прил. světyъ 'светлый', štedrota 'милосердие, милость' — прил. štedrъ 'щедрый' и 'милосердный, милостивый', tixota 'тихость' — прил. tixъ 'тихий', toplota 'тепло, теплота' — прил. toplъ 'теплый', tьšteta 'ущерб, вред, урон' — прил. tьštъ 'пустой, порожний', velikota 'большая величина' — прил. velikъ 'большой'.

Как видно по приведенным примерам, мотивирующими являются качественные прилагательные, в которых в старославянском языке суффиксы уже не вычлениются, либо вычлениются суффиксы непродуктивные (dobъгъ [dob-g-ъ], světyъ [svět-yl-ъ] и т. п.). В нескольких случаях, когда мотивирующими на уровне старославянского языка являются суффиксальные прилагательные, суффикс -ot(a) присоединяется к основе прилагательного с усечением ее суффикса, т. е. фактически к старой именной основе, что говорит, конечно, о древности

техника комплексен извънезпков характер. От значение са безспорно тематиката, съдържаннето, жанрът на паметника, както и натюрелът на писателя или преводача» [Ковачева 1981: 328–329].

образований с суффиксом *-ot(a)*. Так, *krasota* 'красота' и 'наслаждение' мотивируется прилагательным *krasъpъ* [kras-ъp-ъ] 'красивый' и 'приятный' — при том, что содержащее старую именную основу сущ. *krasa* [kras-a] в старославянских рукописях встречается только в значении 'украшение'¹. Сущ. *težota* 'тяжесть' мотивируется прилагательным *težъkъ* 'тяжелый', однако старую именную основу без суффикса *-ъk-* находим в форме сопр. *težijъ* < *tež-jъjъ*; сущ. *vysota* 'высота' мотивируется прилагательным *vysokъ* 'высокий', тогда как старая именная основа без суффикса *-ok-* также обнаруживается в форме сопр. *vysijъ* < **vys-jъjъ*.

Сущ. *sramota* [sram-ota] 'позор, срам', дважды употребленное в Син при переводе греч. *ἐντροπή*, в старославянской системе синхронных мотивационных отношений можно рассматривать как образование от гл. *sramiti* 'посрамить, пристыдить'². Однако кажется предпочтительным считать лексему *sramota* образованием от сущ. *sramъ*, употребляющегося в старославянских рукописях с тем же значением, в том числе и при переводе греч. *ἐντροπή*, и более частотного (9 уп.), т. е. видеть в сущ. *sramota* случай «обновления» бессуффиксального сущ. *sramъ* с помощью довольно «яркого» суффикса *-ot(a)*. Также образованным от существительного, а именно от сущ. *gabъ* 'раб, невольник'³, обычно считается сущ. *gabota* [Meillet 1905: 295; Цейтлин 1986: 195–196]. В старославянских текстах *gabota* имеет значение еще только 'рабство, неволя', хотя в образовании от него глаголе *gabotati* 'находиться в рабстве; служить; трудиться, (тяжело) работать' уже появляется новая семантика. Вместе с тем на происхождение слова *gabota* (но не на синхронные словообразовательные связи на уровне старославянского языка), могли оказать влияние и аналоги в германских языках [Vaillant 1974: 369].

¹ Слав. **krasa* восходит к древнему н.-е. отглагольному имени [ЭССЯ 12: 96]. Адъективное значение сохранилось в современном русском компаративе *красше*, восходящем к древней форме компаратива *krasijъ* (*krasii*) от восстаиваемого А. Вайаном позитива **krasъ* (**krasū*) [Vaillant 1957: 283–284]).

² Как известно, в славянских языках существует некоторое количество отглагольных образований на *-ot(a)* (ср. русск. *зевота* и др.).

³ В старославянском языке имя *gabъ* функционировало уже только как существительное м. р., *gaba* — как существительное ж. р.

В других случаях вопрос о членности старославянских лексем с морфом *-ot-* вызывает больше или меньше затруднения. Сущ. *reǫota* (в старославянских рукописях только в форме мн. ч. *reǫoty*, как название болезни 'проказы') следует считать образованным от прил. **reǫъ*, которое не встречается в старославянских рукописях, но входило, видимо, в старославянский лексический инвентарь, так как оно многократно употребляется в списках VT, восходящих к старославянским протографам [SJS III: 523; Срезн II: 1783], а также в ср.-болг. списке ХрМ (л. 45'). Вопрос же о степени членности моравизма *ǫesnota* 'истина' в рамках старославянского языка менее ясен, так как мотивировавшее его прил. *ǫesnъ* 'истинный, правильный', возможно, не входило в лексический корпус старославянского языка на рассматриваемом раннем его этапе X–XI вв. (см. [SJS III: 662; СЛРЯ XI–XVII 22: 147]).

В лексемах *mokrotъь*, *lixotъь*, *bǫvotina* морф *-ot-* вычленяется путем сопоставления с другими старославянскими лексемами с тем же корнем при наличии между этими лексемами семантических связей, так что встает вопрос о «восстановлении» в старославянском языке существительных **mokrota*, **lixota* и **bǫvota*. Вполне надежно можно «восстановить» в старославянском лексическом инвентаре сущ. **mokrota* со значением 'влага' — на основании употребления в старославянских рукописях прил. *mokъь* 'мокрый', которое являлось бы для него мотивирующим, и регулярности модели с продуктивным суффиксом *-ъь-* прилагательного *mokrotъь* [*mokrot-ъь-ъь*] 'мокрый, влажный', а также того, что сущ. *mokrota* многократно употребляется в списках разных изводов со старославянских протографов: в Изб 1073 (3 уп.), в списках с произведений Иоанна Экзарха — с «Шестоднева», начиная с др.-сербск. 1263 г. (15 уп.), с «Богословия», начиная с др.-русск. XII/XIII вв. (6 уп.). Менее надежно «восстанавливается» в старославянском лексическом инвентаре сущ. **lixota*, образованное от прил. *lixъь* 'чрезмерный, излишний' и приписываемое в ЭССЯ праславянскому фонду [ЭССЯ 15: 95–96]. Морф *-ot-* вычленяется в сущ. *lixotъь* [*lix-ot-ъь*] 'избыток, излишек' (Супр), если предположить, что суффикс *-ъь(ъ)* в нем был избыточным. Однако в рукописях, восходящих к старославянским протографам, нам встретилось пока только сущ. *lixotъь* — в адвербиализованной форме *vъlixotъь* как перевод греч. *περιττός* и *περιττόν* в

«Богословии» Иоанна Экзарха (лл. 141а дважды и 197а–b)¹. Еще более проблематично восстановление для старославянского лексического инвентаря сущ. *bŭvota 'рвота'. Морф -ot- вычленяется в сущ. bŭvotina 'рвота' путем сопоставления его с однокоренным глаголом bŭvatŭi 'рвать, тошнить' и идентификации в нем суффикса -in(a) с предполагаемым значением конкретности и единичности (см. с. 114). В ЭССЯ *bŭvota приписывается праславянскому фонду — как существительное, производное с суффиксом -ota от глагола *bŭvatŭi, однако материал указывает только восточнославянский [ЭССЯ 2: 141]. Если сущ. *bŭvota действительно входило в старославянский лексический инвентарь, его придется признать единственным зафиксированным в старославянских текстах отглагольным образованием с суффиксом -ot(a) (если сущ. gramota считать образованием от gramŭ), представляющим славянскую словообразовательную модель отглагольного образования с данным суффиксом.

Новые переносные значения, с которыми в старославянских рукописях часто употребляются существительные с суффиксом -ot(a), — 'непорочность' у čistota, 'добродетель' у dobrotota, 'блеск, великолепно' у světŭlota, 'милосердие, милость' у štedrotota, 'кротость' у tixota, 'величие' у vysota — следует, видимо, рассматривать как вторичные, развившиеся у «старых» лексем на основе первичных прямых значений. Лишь в сущ. nečistota 'нечистота', имевшем в старославянских рукописях как прямое, так и переносное значения, образованном от прил. nečistŭ 'нечистый', также имевшего прямое и переносное значения, можно усмотреть влияние греч. ἀκαθαρσία, где отрицательный префикс ne- соответствует греческому префиксу α-. В таком случае лексему nečistota в ее переносном значении можно было бы считать показателем некоторой продуктивности рассматриваемого суффикса в старославянском языке.

Р. М. Цейтлин доказательством продуктивности суффикса -ot(a) считала ошибку писца в Супр 470,15 (написание **свокоѡж** вм. **свободѡж**) [Цейтлин 1986а: 197]. Эта ошибка, состоящая в том, что писец, возможно, «вычленил» морф -ot- как яркую значащую последовательность

¹ СлРЯ XI–XVII отмечает лексему lixota в Русских актах Ревельского городского архива за 1504 г. [СлРЯ XI–XVII 8: 251], что, разумеется, не имеет отношения к старославянскому лексическому фонду.

фонем в нечленном на уровне старославянского языка корне *-svobod¹*, свидетельствует, конечно, о том, что суффикс *-ot(a)* для древних книжников был «живым» и воспринимался ими как значащая часть лексем, но вышеназложенный материал вряд ли говорит о высокой продуктивности суффикса *-ot(a)* в старославянском языке. Необходимо также отметить, что существительные на *-ot(a)*, относясь к сфере обыденной лексики, были весьма распространенными, «привычными» словами в народной славянской речи, и частотность их в старославянских рукописях зависела от содержания текстов. Так, *dobrota* употребляется в них 36 раз, *čistota* и *lěpota* — по 19 раз, *krasota* — 11 раз. В то же время *pustota* и *tixota* являются гапаксами Супр.

Употребление в старославянском языке слов на *-ot(a)* мужского рода *junota* ‘юноша’ (образовано от прил. *junъ* ‘юный’) и *sirota* ‘спрота’ (образовано от прил. *sigъ* ‘осиротевший’) было специально рассмотрено Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 127–128]. Вслед за А. Мейе, она пришла к выводу, что конкретные значения этих лексем сформировались из отвлеченного значения через стадию собирательного. При этом автор отмечает, что примеры из старославянских рукописей на употребление лексемы *junota* во мн. ч. (т. е. *junoty*) «фиксируют именно стадию собирательного употребления» [Цейтлин 1977: 128].

Суффикс *-ost(b)*

Основное словообразовательное значение суффикса *-ost(b)*, как и суффикса *-ot(a)*, определяется в старославянском языке как значение номинации отвлеченного признака. В старославянских рукописях лексем с суффиксом *-ost(b)* несколько больше, чем лексем с суффиксом *-ot(a)*: морфема *-ost(b)* вычленяется в 71 лексеме, в пяти из них — после мягких согласных — в виде алломорфа *-est(b)*. В 53 лексемах суффикс *-ost(b)* выступает в качестве словообразовательной морфемы. По основной модели с помощью суффикса *-ost(b)*, также как и с помощью суффикса *-ot(a)*, образуются

¹ Ср. старославянские лексемы с этим корнем: *svoboda* ‘свобода’, *svoboda* ‘свободный человек’, *svoboditeljъ* ‘освободитель’, *svoboditi* ‘освободить; избавить’, *svobody* ‘свободный, вольный; избавленный’, *svobodylъ* ‘свободный, вольный’.

существительные женского рода от качественных прилагательных, но принадлежащие склонению по основам на -i.

Почти всегда в «словообразовательных парах» с существительными на -ostь мотивационные отношения прозрачны, а мотивирующие прилагательные обнаруживаются в старославянских рукописях: bělostь 'белизна, чистота' (λευκότης) мотивировано прилагательным bělъ 'белый', blagostь 'доброта, милость' — прил. blagъ 'добрый, хороший', bujestь 'неразумность' — прил. bujъ 'неразумный', vьdrostь 'бодрость' — прил. vьdrъ 'бодрый', čistostь 'непорочность, чистота' — прил. čistъ 'чистый; непорочный', dobľestь 'доблесть, подвиг' — прил. dobľijъ 'доблестный, мужественный', dobrostь 'добродетель' — прил. dobъгъ 'хороший, добрый', drъzostь 'смелость' — прил. drъzъ 'смелый', grъdostь 'надменность, гордыня' — прил. grъdъ 'возгордившийся, надменный', худostь 'немошь, слабость' — прил. худъ 'слабый', хутrostь 'искусность, мастерство' — прил. хутъгъ 'искусный, умелый', jarostь 'ярость, злобность' — прил. jarъ 'жестокый, суровый', junostь 'юность, молодость' — junъ 'юный', krěpость 'сила, крепость' — прил. krěpъ 'сильный, крепкий', lěnostь 'леность, нерадивость' — прил. lěnъ 'ленивый', ľutostь 'суровость, жестокость' — прил. ľutъ 'суровый, лютый', milostь 'милость, милосердие' — прил. milъ 'милый, любимый' (в старославянских рукописях только в устойчивых сочетаниях milъ byti, milъ se dějati), mьdrostь 'мудрость' — прил. mьdrъ 'мудрый', mьгъvostь 'смерть, состояние смерти'¹ — прил. mьгъvъ 'мертвый', nagostь 'нагота' — прил. nagъ 'нагой, голый', nesыtostь 'ненасытность' — прил. nesыtъ 'ненасытный, жадный', пѣmostь 'немота' — прил. пѣmъ 'немой', pravostь 'правильность, справедливость' — прил. pravъ 'правильный, справедливый', рrѣmьdrьostь 'мудрость, премудрость' — прил. рrѣmьdrьъ 'мудрый, премудрый', рrисnostь 'вечность' — прил. рrисnъ 'постоянный, присный', prostostь 'чистосердечие' — прил. prostъ 'чистосердечный' (перен.), radostь 'радость' — прил. radъ 'рад', skorostь 'скорость, быстрота' — прил. skogъ 'скорый, быстрый', skьdostь 'скудность' — прил. *skьdъ 'скудный'², skьgnostь 'скверна' — прил.

¹ Словарь 1994 дает значения 'умпрание' и 'умерщвление'; см., однако, контексты: ты въ мьртвостѣ ты въше мьртвостѣ Супр 505, 7-8; рѣж же правдѣ посокоуа . а поѣсъ мьртвостъ тѣлоу Евх 99а 8.

² Прил. *skьdъ 'скудный' в собственно старославянских рукописях встречается только в адвербиализованных формах — вин. п. skьdo 'скудно,

skvъgъь 'нечистый, мерзкий', slabostь 'слабость' — прил. slabъ 'слабый', starostь 'старость' — прил. starъ 'старый', světlostь 'свет, блеск, сияние' — прил. světlъ 'светлый, сверкающий', svetostь 'святость' — прил. svetъ 'святой', sytostь 'сытость, насыщение' — прил. syть 'сытый', tixostь 'тихость' — прил. tixъ 'тихий, спокойный', tvrdostь 'твердость' (в старославянских рукописях только в переносном значении в адвербализованной форме твор. п. с предлогом: съ tvrdostijо 'надежно, бдительно') — прил. tvrdъ 'твердый'.

Как и при образовании существительных с суффиксом -ot(a), мотивирующими являются качественные прилагательные, для старославянского языка безаффиксные, либо вычлениющие непродуктивные суффиксы (bъdgъ [bъd-g-ъ], světlъ [svět-yl-ъ] и т. п.). Очень важно замечание, сделанное в свое время Р. М. Цейтлин, что «о древности формирования данной группы слов (т. е. существительных с суффиксом -ost(ь) — В.Е.) свидетельствует и то, что в тех случаях, когда в СЯ (старославянском языке — В.Е.) известны прилагательные-варианты первообразные и суффиксальные типа **крѣпъ** — **крѣпкъ** или **лѣнь** — **лѣнивъ**, данные существительные непосредственно соотносительны с первообразными» [Цейтлин 1977: 169–170]. Также о древности формирования ряда существительных с суффиксом -ost(ь) свидетельствует явление усечения суффикса в мотивирующих (на уровне старославянского языка) суффиксальных прилагательных, т. е., как и в рассмотренных выше образованиях с суффиксом -ot(a), суффикс присоединяется фактически к старой именной основе. Так, сущ. krotostь 'кротость' мотивировано прилагательным krotъkъ [krot-ъk-ъ] 'кроткий' (корень -krot- вычленяется путем сопоставления с другими старославянскими лексемами с данной семантикой, а именно с гл. krotiti 'укрощать, успокаивать', с сложением krotolubъсь 'миролюбивый человек'); mъzostь 'мерзость' мотивировано прилагательным mъzъkъ [mъz-ъk-ъ] 'мерзкий' (корень -mъz- с данной семантикой вычленяется путем сопоставления с гл. mъzěti 'быть омерзительным, вызывать отвращение'; реальное же образование лексемы mъzostь следует отнести к праславянскому периоду, а именно рассматривать его как образованное от прил.

мало' и дат. п. с предлогом poskōdu 'то же'; само же прил. skōdъ дважды встречается в Изб 1073 — на лл. 155г 25 и 201в 20–21.

*мызь(яь), которое восстанавливается для праславянского лексического фонда наряду с суффиксальными вариантами *мызькъ(яь) и *мызьпъ(яь) [ЭССЯ 21: 166]); *sladostь* 'сладость' мотивировано прилагательным *sladъкъ* [slad-ъk-ъ] 'сладкий' (ср. форму комп. *slazdijь* < *slad-яь), *stydostь* 'бесстыдство' — прилагательным *stydъкъ* [styd-ъk-ъ] 'бесстыдный' (корень -styd- вычленяется путем сопоставления с другими старославянскими лексемами — глаголом *styděti se* 'стыдиться', отглагольным сущ. *styděnje* 'позор'), *težostь* 'тяжесть' — прилагательным *težъкъ* [tež-ъk-ъ] 'тяжелый' (ср. форму. комп. *težijь* < *tež-jijь), *žestostь* 'суровость, жестокость' — *žestokъ* [žest-ok-ъ] 'твердый, жесткий', перен. 'жестокый' (корень -žest- с той же семантикой вычленяется в ст.-слав. прилагательном — сложении древнего происхождения *žestosrdь* [žest-o-srd-ъ] 'жестокосердный', а также в производных от него лексемах, а именно в «обновленном» с суффиксом -iv- прилагательном *žestosrdivъ* [žest-o-srd-iv-ъ] 'жестокосердный' и *žestosrdije* [žest-o-srd-ij-e] 'жестокосердие'). В лексемах *gofestь* и *težestь* суффикс -ost(ь) присоединяется к прилагательным так называемой «изолированной» сравнительной степени, представлявшим собой, в сущности, самостоятельные лексемы: *gofestь* 'горечь' (греч. *πικρία*) образуется от *gofijь* 'худший' (в том числе и *πικρότερον*), *težestь* 'бремя, тяжесть' — от *težijь* 'очень тяжелый, тяжелейший' (ср. образованное с тем же суффиксом сущ. *težostь*).

Всего для нескольких существительных с суффиксом -ost(ь) — *medьlostь* 'медлительность, лень', *gvьnostь* 'рвение, усердие' и 'зависть', *skopostь* 'скупость', *teplostь* 'теплота, тепло', *žalostь* 'усердие, рвение' (ζήλος) — мотивирующие прилагательные не обнаруживаются в пределах старославянских рукописей, и это ставит вопрос о степени членности этих лексем в старославянском языке.

Мы предполагаем свободную членность сущ. *skopostь*, так как прил. **skopъ*, от которого оно было образовано, хотя и не встречается в старославянских рукописях, отмечено во многих списках разных изводов, в том числе и в восходящих к старославянским протографам. Среди них списки «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с др.-сербск. 1263 г. (Шест 189а 2), а также более поздние разных памятников [SJS III: 100; Срезн III: 398]. Встречается это прилагательное и в ср.-болг. списке ХрМ (л. 105'). Косвенным подтверждением наличия прил. **skopъ* в старославянском лексическом инвентаре является

также употребление образованного от него по продуктивной модели с суффиксом -ѣ- наречия скорѣ в Панд. Ант. XI в. [Срезн III: 398].

Также свободную членность мы предполагаем и для гапакса Супр *terplostь*. Несмотря на то, что в старославянских рукописях встречается только прил. *torľь*, от которого образовано достаточно частотное сущ. *torlota* (7 уп.), в старославянском языке, видимо, употреблялось и прил. **terľь*, так как оно многократно встречается в различных списках со старославянских протографов («Шестоднева» и «Богословия» Иоанна Экзарха, Изб 1073, Изб 1076 и др.)¹.

Сущ. *тѣдыlostь* в праславянский период было образовано от суффиксального прил. **тѣдыль*, производного с суффиксом -ы- от глагольного корня -тѣд- [ЭССЯ 20: 209–211]. В старославянском языке *тѣдыlostь* остается членным, так как ст.-слав. гл. *izmъzdati* [iz-тѣzd-a-ti] 'ослабеть' сохранял семантическую связь с *тѣдыlostь* 'медлительность, леность', но налгичне в старославянском лексическом инвентаре прил. **тѣдыль* 'вялый, медлительный', которое могло бы быть мотивирующим для сущ. *тѣдыlostь*, пока остается под вопросом: оно встречается в тексте древнейших списков Апостола (Христ и IIIIII) в чтениях Евр 5,11 и Евр 6,12, однако в других древнейших списках болгарского и сербского изводов — Слепч и Мат — употреблено «обновленное» с продуктивным суффиксом -iv- прил. **тѣдыlivъ* [тѣд-ыl-iv-ъ].

В сущ. *гъвynostь*, имеющем значение 'ревне, усердие' при переводе греч. ζήλος и значение 'зависть' при переводе греч. βασκανία, корень -гъвyn- вычленяется путем сопоставления с другими старославянскими лексемами, сохраняющими с ним семантические связи. В этих лексемах данный корень также вычленяется только при идентификации продуктивных аффиксов: прил. *гъвynivъ* [гъвyn-iv-ъ] 'ревностный, усердный' с суффиксом -iv-, сущ. *гъвynije* [гъвyn-ij-e] 'соперничество' с суффиксом -bj(e), гл. *гъвynovati* [гъвyn-ova-ti] 'стараться, стремиться; соперничать' и 'завидовать' с суффиксом -ova-, *рогъвynovati* [ро-гъвyn-ova-ti] 'ревновать, ревностно последовать' и др. Возможно, в старославянском лексическом инвентаре было существительное и без суффикса -ost(ь), но с тем же значением, а именно сущ.

¹ Праслав. прил. **terľь* считается древнее, чем **torľь*, так как последнее получило -o- из **toriti* [Фасмер IV: 44].

*гъвьль, так как оно отмечено в списке со старославянского протографа Гр. Наз. XI в. при переводе того же греч. ζήλος [Срезн III: 215; СлРЯ XI–XVII 22: 130]. В таком случае сущ. гъвьность по отношению к сущ. *гъвьль представляло собой пример «обновления» старой лексемы с помощью «яркого» суффикса -ost(ь).

Не совсем ясен вопрос о степени членности сущ. žalostь, которое в старославянских рукописях употребляется только со значением 'усердие, рвение' при переводе греч. ζήλος. Другие лексемы, вычленившие корень -žal-, в пределах старославянских рукописей обнаруживают семантику 'печаль, горя': žaliti и žalovati 'советовать, скорбеть', роžaliti si 'опечалиться', žаль 'могила' и др., т. е., как будто, не имеют семантических связей с žalostь 'усердие, рвение'. Однако сущ. žalostь в старославянском языке, наряду со значением 'усердие, рвение', имело, видимо, также и значение 'горе, печаль', так как встречается с этим значением в списках разных изводов различных произведений, восходящих к старославянским протографам: в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха, начиная с др.-сербск. 1263 г., при переводе греч. λύπη (Шест 184а 5; Шест-Бар 179а 11), в Изб 1073 (л. 255в 15–16) и др. (см. [SJS I: 591; Срезн I: 844]). Эти два значения ст.-слав. žalostь возникли, видимо, в результате смешения еще в праславянскую эпоху семантики двух глаголов — žalěti и želěti¹.

Так же, как и существительные с суффиксом -ot(a), существительные с суффиксом -ost(ь) на основе первичных прямых значений развивали переносные: slabostь 'слабость' — переносное значение 'наслаждение, блаженство'; světlostь 'свет, блеск, сияние' — переносное значение 'блеск, великолепие'; težostь 'тяжесть' — переносное значение 'тягость'; tixostь 'тихость' — переносное значение 'кротость, мягкость'.

Менее характерно для существительных с суффиксом -ost(ь) развитие конкретных значений: světoсть 'святость' → 'евхаристия (хлеб и вино причастия)' и 'святлище' (ἀγίασμα). В конкретном значении 'острие' употреблено при переводе греч. ἀκμή и сущ. ostromь (гапакс Супр), мотивированное прилагательным ostrь 'острый': ἐν αἷς ἐδέξατο τὰς τῶν ἥλων ἀκμάς — въ нюю же приа оstromь гвоздиннжж Супр 499,26².

¹ См. [Zubaty 1949: 129], где показана связь žalěti и želěti.

² Интересно, что образование от той же производящей основы ostr- с суффиксом -ot(a) ostromь, которое, хотя и не встречается в старославянских

Как видно из приведенного материала, условия функционирования суффиксов *-ost(ь)* и *-ot(a)* в старославянском языке были очень сходными. Было ли какое-либо различие в словообразовательных значениях этих суффиксов? Количество дошедших до нас старославянских текстов не позволяет надежно определить это различие, если таковое существовало. Мы фиксируем в старославянских рукописях несколько пар так называемых словообразовательных споннимов с суффиксами *-ost(ь)* и *-ot(a)*, что, казалось бы дает материал для сравнения: *čistostь — čistota*, *dobrostь — dobrota*, *pagostь — pagota*, *skorostь — skorota*, *světlostь — světlota*, *teğostь — teğota*, *tixostь — tixota*. Однако невозможно, например, уловить разницу в значениях лексем *pagostь* 'нагота' и *pagota* 'нагота', если первая является гапаксом Супр при переводе греч. ὑμνωσις (Супр 280,22), а вторая употреблена в Супр дважды при переводе того же греч. ὑμνωσις и греч. ὑμνότης (Супр 48,26 и 455,10). Различие в значениях (если оно существовало) гапаксов Супр *skorostь* 'скорость, быстрота' и *skorota* 'скорость, быстрота' тем более невозможно уловить, так как единственное в старославянских рукописях употребление сущ. *skorostь* — в адвербиализованной форме тв. пад., т. е. в значении 'быстро'. Все же следует отметить, что для существительных с суффиксом *-ot(a)* был более характерен процесс конкретизации значений. Ср., например, лексемы *pravostь* и *pravota*. Обе имеют значение 'правильность, справедливость', обе встречаются только в Спн и обе переводят греч. εὐθότης. Однако *pravota* употребляется только во мн. ч.: *виждь правоты* Пс 36,37 и *азь правоты сждж* Пс 74,3.

Вместе с тем нельзя не заметить продуктивности суффикса *-ost(ь)*, тогда как продуктивность суффикса *-ot(a)* в старославянском языке, как мы отмечали выше, сомнительна. В старославянских рукописях количество лексем, в которых суффикс *-ost(ь)* является словообразовательным формантом, больше, чем лексем, в которых словообразовательным формантом является суффикс *-ot(a)* (53 лексемы с

рукописях, отмечено в древнейшем списке 1263 г. сербского извода «Шестоднева» Иоанна Экзарха, также употреблено в нем в конкретном значении 'острие' при переводе греч. ἀκμή: Ταῖς γὰρ ἀκμαῖς τῶν ὀνύχων διασπαράξας τὴν μήτραν, οὕτω πρόεισιν, ὡς φασι — *с т р о т о ю к о н о г ѳ т н о ю п р о д р а в ѳ л о ж е . т и т а к о и з и д е т ь . ш к о ж е г л ѳ т ь . Шест 245а 18.*

суффиксом -ost(ь) и 31 лексема с суффиксом -ot(a)), при том, что количество лексем, производных от существительных с суффиксом -ost(ь), даже меньше, чем производных от существительных с суффиксом -ot(a) (18 лексем с суффиксом -ost(ь) и 21 лексема с суффиксом -ot(a)).

Как отмечалось в Главе I (с. 21–22), особое значение для характеристики продуктивности словообразовательной модели в старославянском языке имеет ее «открытость», т. е. возможность для образования новых слов и степень реализации этой возможности. В сфере книжной лексики указанием на то, что лексема является, скорее всего, новообразованием старославянского языка, может служить однократное ее употребление (гапакс) или низкая частотность. Однако частотность лексемы в сфере обиходной лексики зависит от содержания старославянских текстов. Среди существительных с суффиксом -ost(ь), как и среди существительных с суффиксом -ot(a), имеются и высокочастотные лексемы, и малочастотные, и гапаксы. Существительные с суффиксом -ot(a) предстают как «старые» лексемы, в прямом значении почти исключительно относящиеся к слою обиходной лексики, а частотность их зависит от содержания старославянских текстов (см. с. 116–117). В отношении же существительных с суффиксом -ost(ь) обращает на себя внимание малочастотность некоторых из них на фоне узуальности, «укорененности» в языке их «словообразовательных синонимов», т. е. образований от тех же основ, но с другими суффиксами. Так, если неупотребительность, например, гапакса Супр *xudostь* 'немошь, слабость' (перевод в Супр 203,28 греч. βραχύτης) еще можно объяснить содержанием старославянских текстов как не требующих более эквивалентов для перевода греч. βραχύτης, то, при наличии в старославянском лексическом инвентаре сущ. *čistota*, употребленного в старославянских рукописях 19 раз, в том числе и в значении 'непорочность, чистота' при переводе ἀγνεΐα, гапакс Супр *čistostь* 'непорочность, чистота' (перевод в Супр 29,10 греч. ἀγνεΐα) выглядит новообразованием. Также новообразованием выглядит, например, употребленный для перевода греч. ἀπλότης гапакс Супр *prostostь* 'чистосердечие', образованный от прил. *prostь* в переносном значении 'чистосердечный'. В силу своего специфического значения, связанного с христианской тематикой, а также «отступления» от словообра-

зовательной модели, новообразованием выглядит и единственное отсубстантивное существительное с суффиксом -ost(ь) — гапак Киев *ipokostь* ‘странствование по чужбине’, мотивированное пменем *ipokъ* ‘тот, кто живет один, одиночка’, функционировавшим в старославянском языке как существительное. Обращает на себя внимание и малочастотность лексемы *grьdostь* ‘надменность, гордыня’ (3 уп.) на фоне лексемы с суффиксом -уп(i) *grьdupi* (14 уп.) с тем же значением; малочастотность лексемы *dobrostь* (3 уп.), имеющей к тому же только «новое» значение ‘добродетель’, на фоне узуальной лексемы *dobrota* (36 уп.), имеющей как значение ‘добродетель’, так и «старое» значение ‘красота’. Новообразованием выглядит и гапак Супр *prostostь* со значением ‘чистосердечие’, мотивированный прил. *prostь* в переносном значении ‘чистосердечный’, на фоне более частотной лексемы с суффиксом -уп(i) *prostyti* со «старым» значением ‘свобода’, мотивированной прил. *prostь* в значении ‘свободный’.

Новообразованием выглядит также гапак Евх суц. *сѣломѡдрость* ‘здравомыслие, сдержанность’. Это — единственное в старославянских рукописях сложение, в котором суффикс -ost(ь) служит словообразовательным формантом. Несмотря на то, что эта лексема употреблена в тексте, к которому полностью соответствующий греческий оригинал пока не найден (Евх 9b 7–8)¹, мы считаем ее калькой греч. *σωφροσύνη* (ср. [сѣl-o-mѡdr-ost-ь] — [σω-φρο-σύν-η]). Более употребительной в старославянских рукописях калькой греч. *σωφροσύνη* являлось образование с суффиксом -ьj(e) *сѣломѡдрije* [сѣl-o-mѡdr-ij-e] (7 уп., в том числе 6 уп. в Евх), которое имело то же значение, что и *сѣломѡдрость*. На фоне лексемы *сѣломѡдрije* гапак Евх *сѣломѡдрость*, также как и гапак Клоц с тем же значением *сѣломѡдръstvije* (Клоц 8a б)², выглядят попытками древних книжников создать «более удачные» кальки, с более яркими значащими последовательностями фонем [ost] и [ьstv-ьj], чем в суффиксе -ьj(e).

¹ Текст *Ἀκολουθία εἰς ἀδελφοποιῶν πνευματικῆν*.

² В Супр этот текст *Πάντες τοίνυν προσέλθωμεν μετὰ τῆς προσηκούσης σωφροσύνης...* из Гомплии Иоанна Златоуста о предательстве Иуды переведен с помощью суц. *vъzdrъžanije* (Супр 420,9).

Суффикс -ьj(e)/ -ьj(ь), -ьj(a)

Суффикс -ьj(e) — самая распространенная словообразовательная морфема в старославянском языке для образования существительных с абстрактным и конкретным значением: она вычленяется в структуре около тысячи слов из употребляющихся в старославянских рукописях. Главным образом это — существительные среднего рода на -ьj(e). Образования мужского и женского рода, т. е. существительные на -ьj(ь) и -ьj(a), единичны. Суффикс -ьj(e) функционирует как в отыменном, так и в отглагольном словообразовании, демонстрируя разную степень продуктивности для разных моделей и семантических групп.

Наибольшую продуктивность суффикс -ьj(e) (позиционно -ij(e)) получил в отглагольном словообразовании. С его помощью существительные от глаголов образовывались настолько регулярно, что А. Вайан считал их входящими в глагольное спряжение (*lié à la conjugaison*) [Vaillant 1966: 122–124; Вайан 1952: 277]. Производящими в старославянском языке были основы страдательных причастий, поэтому при морфемном членении этих существительных мы отдельно вычленяем суффиксы причастий и суффикс -ьj(e). Однако многочисленные случаи образования существительных от непереходных глаголов, а также случаи «неправильного» образования (о которых будет сказано ниже) говорят о том, что в старославянском языке комплексы -enьj(e), -nьj(e), -tьj(e) уже начали складываться в качестве единых словообразовательных формантов.

Словообразовательное значение суффикса -ьj(e) в отглагольном словообразовании — название действия по мотивирующему глаголу. Исключения крайне редки — например, *prožebenje* ‘росток’ (от *prožebnŏti* ‘прорасти’); *oděnje* ‘одежда, одяние’ (от *oděti*) и *odějanje* ‘одежда, одяние’ (от *odějati*), синонимичные более древнему и более употребительному образованию *odežda* (47 уп.), и нек. др. Полагаем, что эти исключительные наименования конкретных предметов восходили к первоначальным наименованиям действий. Иллюстрации к такому развитию семантики находим в старославянских рукописях. Так, сущ. *zъdanje* (от *zъdati* ‘строить; создавать, создавать’) имеет в них значения как ‘сотворение, создание’, так и ‘постройка, здание’; *pitje* (от *pitŏ* ‘пить’) имеет значения как ‘питье’ (т. е. процесс), так и ‘напиток’; *gaspeŭje* (от *gaspeŭti* ‘распять

на кресте') — как значение действия 'распятие на кресте', так и $\sigma\tau\alpha\rho\acute{o}\varsigma$ 'крест', т. е. наименование самого креста.

Возможность свободного образования существительного с суффиксом - bj(e) от любого глагола приводила к появлению в старославянском языке лексем с одинаковыми словарными значениями, переводящими одно и то же греческое соответствие, но мотивированных глаголами, различающимися видом или залогом. Например, как $\text{lob}\acute{\text{z}}\text{anije}$ (от $\text{lob}\acute{\text{z}}\text{ati}$ 'поцеловать'), так и lobyzanije (от lobyzati 'целовать, лобзать') имели значение 'поцелуй, лобзание' и переводили греч. $\phi\acute{\iota}\lambda\eta\mu\alpha$; как $\text{pasy}\acute{\text{s}}\text{tanije}$ (от $\text{pasy}\acute{\text{s}}\text{tati}$ 'насыщать, кормить досыта'), так и $\text{pasy}\acute{\text{s}}\text{tenije}$ (от pasytiti 'насытить, накормить') имели значение 'насыщение' и переводили греч. $\acute{\alpha}\lambda\acute{o}\lambda\alpha\nu\sigma\text{is}$; $\text{rou}\acute{\text{s}}\text{tanije}$ (от $\text{rou}\acute{\text{s}}\text{tati}$ 'поощрять, побуждать, понуждать') и $\text{rou}\acute{\text{s}}\text{tenije}$ (от roustiti 'поощрить, побудить, понудить') имели значение 'усердие, готовность' и переводили греч. $\text{p}\rho\theta\nu\mu\acute{\iota}\alpha$; $\text{pac}\acute{\text{e}}\text{tije}$ (от $\text{pac}\acute{\text{e}}\text{ti}$ 'начать') и $\text{pac}\acute{\text{e}}\text{panije}$ (от $\text{pac}\acute{\text{e}}\text{pati}$ 'начинать') имели значение 'поступок, начинание' и т. п. Тонкие различия в значениях, как правило, не отражаются в русском эквиваленте, приведенном в старославянских словарях, но могут выявляться контекстно. Например, как $\text{rogub}\acute{\text{e}}\text{nije}$ (от $\text{rogub}\acute{\text{i}}\text{ti}$), так и rogubenije (от $\text{rogubn}\acute{o}\text{ti}$) имеют зафиксированное в словарях значение 'гибель' при переводе греч. $\acute{\alpha}\pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\alpha$ [Словарь 1994: 459, 460; SJS III: 87, 88] (т. е. лексически выраженного различия в значениях нельзя увидеть и в греческих оригиналах). Однако в соответствующих контекстах выявляется, что $\text{rogub}\acute{\text{e}}\text{nije}$ называет действие как внешнее воздействие на объект, а rogubenije — как имманентное действие субъекта. Ср.: $\mu\acute{\eta}\text{te } \tau\acute{o}\nu \theta\epsilon\acute{o}\nu \acute{\epsilon}\nu \nu\acute{\phi} \lambda\alpha\beta\acute{o}\nu \kappa\alpha\tau\acute{\alpha} \tau\acute{\eta}\nu \acute{\omega}\rho\alpha\nu \acute{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\eta\nu \mu\acute{\eta}\text{te } \tau\acute{\eta}\nu \acute{\alpha}\pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\alpha\nu \tau\acute{\eta}\varsigma \tau\omicron\sigma\alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma \acute{\alpha}\sigma\kappa\acute{\eta}\sigma\epsilon\omega\varsigma \acute{\epsilon}\nu\nu\omicron\sigma\acute{o}\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma...$ — ни бѣ на оумъ възъмъ въ часъ тѣ . ни погоубькнѣя толнкого въздръжанѣя и троудѣ . помысливъ Супр 525,27–28 и $\acute{\eta}$ $\text{p}\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omega\nu \tau\acute{\eta}\nu \sigma\omega\tau\eta\rho\acute{\iota}\alpha\nu \mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu \acute{\eta}\pi\epsilon\rho \tau\acute{\eta}\nu \acute{\alpha}\pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\alpha\nu \beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta...$ — въсѣхъ члкъ спсникъ паче . нежели погубению хоташтин . Супр 522,14¹.

¹ Наличие в отглагольных именах семантических нюансов, обусловленных структурой исходных глаголов, неоднократно исследовалось на материале русского и некоторых других славянских языков, однако вопрос требует, как кажется, дальнейшей разработки. Из последних работ укажем на статью С. М. Толстой [Толстая 2005].

На примере ряда мест из старославянских рукописей видно, как древний книжник при редактировании или даже просто при переписывании текста создавал отглагольный неологизм с суффиксом *-ь(е)*, — несмотря на наличие в старославянском лексическом инвентаре образованной от глагола другого вида лексемы с нужным значением. Так, например, в чтении Мт 9,4 в Сав находим инновацию — сущ. *romyš'lanije* (от гл. *romyš'lati* 'думать, обдумывать, размышлять'), которое переводит то же греческое соответствие *ἐνθυμήσις* и имеет то же значение 'мысль, помышление', что и сущ. *romyš'lenije* (от гл. *romyš'lititi* 'подумать, обдумать, рассудить'), которое употреблено в этом чтении в других старославянских евангельских кодексах. Ср.: καὶ εἶδὼς ὁ Ἰησοῦς τὰς ἐνθυμήσεις αὐτῶν εἶπεν... — и видѣвъ иѣ помышлѣннѣ ихъ рече . Зогр, Мар, Ас — видѣвъ же иѣ помышлѣннѣ ихъ рече имъ Сав. При этом следует отметить, что сущ. *romyš'lanije* широко употребляется в старославянских рукописях (53 уп.), а сущ. *romyš'lanije* — гапакс Сав.

Благодаря вариабельности в образовании форм страдательных причастий возможны были даже случаи образования существительных с разной морфемной структурой от одного и того же глагола, чему примером служат полные синонимы *vъskrъsenije* [*vъskrъs-enije*] и *vъskrъsnovenije* [*vъskrъs-nov-enije*], образованные от гл. *vъskrъsnoiti* [*vъskrъs-no-ti*]. Так как от глаголов с суффиксом *-no-* страдательные причастия и отглагольные существительные образовывались как с усечением этого суффикса, так и без усечения (с алломорфом *-nov-*, см. ниже), то, несмотря на наличие в старославянском языке высокочастотного сущ. *vъskrъsenije* 'воскресение (из мертвых)' (40 уп.), возможно было образование сущ. *vъskrъsnovenije* с тем же значением, которое употреблено лишь дважды в евангельском тексте тетра (в чтениях Мт 26,32 и Мт 27,53).

Для подавляющего большинства отглагольных существительных соответствующие мотивирующие глаголы обнаруживаются в пределах старославянских рукописей. Случаи отсутствия в них глагола следует объяснять скорее фрагментарностью дошедших до нашего времени собственно старославянских текстов, а не отсутствием искомого глагола в лексическом инвентаре старославянского языка. Так, исходя из фонда лексем, вошедших в словарь Словаря 1994, пришлось бы сущ. *dъхnovenije* 'дыхание' считать немотивированным, так как гл.

дѣхнѣти в нем отсутствует. Однако благодаря находке в 1975 г. на Синае утраченной части Синайской псалтыри (не учтенной Словарем 1994), обнаружился и соответствующий глагол дѣхнѣти (Дѣхнеть дѣхъ его (и пот)екътъ воды Пс 147,7 [Mareš 1997: 42]). Отсутствует в словнике Словаря 1994 и глагол грѣдити (сѣ) 'делать гордым; гордиться', мотивирующий сущ. грѣзденіе 'гордыня', однако наличие его в старославянском лексическом инвентаре не вызывает сомнений, так как он неоднократно встречается в апостольском тексте (I Кор 4,6; I Кор 8,1; I Кор 13,4) в древнейших списках разных изводов (Охр, Слепч, Христ, Шшш, Струм, Мат и др.).

В ряде случаев, при отсутствии в старославянских рукописях мотивирующего глагола, в них обнаруживаются глаголы с той же глагольной основой, но с другими префиксами. Так, в них нет глагола *въсплатити [vъs-plat-i-ti], который должен бы быть мотивирующим для сущ. въсплаštenіе [vъs-plašt-en-ije] 'отплата, расплата' (гапакс Евх), но есть глагол отъплатити [otъ-plat-i-ti] 'отплатить'; нет в них также глаголов *манѣти и *пананѣти, которые должны бы быть мотивирующими для сущ. мановеніе 'указание, мановение' (гапакс Ен) и сущ. панановеніе 'знак, мановение' (гапакс Супр), но есть глагол *романѣти 'подать знак'; нет в них глагола *кликнѣти, который должен бы быть мотивирующим для сущ. кликовеніе 'ликование' (гапакс Спн), но есть глагол въскликнѣти 'воскликнуть (радостно), возликовать' (как есть и сущ. въскликовеніе 'клики радости, восторга'); с другой стороны, нет глагола *въсклицати, который должен бы быть мотивирующим для сущ. въсклицаніе 'клики радости, восторга', но есть глагол клицати 'кричать', и мн. др. Представляется, что в таких случаях соответствующие глаголы могут быть «восстановлены» в лексическом фонде старославянского языка с высокой степенью вероятности.

Менее ясен способ образования нескольких существительных, вычленяющих в своей структуре два и более префиксов при отсутствии соответствующих глаголов. Так, для сущ. въспорлъзненіе [vъs-po-plъz-en-ij-e] 'оступание, скольжение' (перевод греч. ὀλισθημα) соответствующий глагол отсутствует, однако есть глагол порлъзнѣти сѣ [po-plъz-nѣ-ti] 'поскользнуться, споткнуться' (перевод греч. ὀλισθαίνειν), без префикса въз-. Являлся ли префикс въз- (алломорф vъs-) избыточным, или в старославянском языке был глагол *въспорлъзнѣти (сѣ)? Три префикса содержит гапакс Супр neupodaŋenіе [ne-u-po-daŋ-en-ij-e]

‘неблагодарность’ (перевод греч. ἀχαριστία) при наличии в старославянских рукописях только беспрефиксного глагола *dariti* ‘дарить, давать’. Для сущ. *rouvŕgъzєnije* [po-u-vŕgъz-en-ij-e] ‘скорбь, сокрушение’ соответствующий глагол **rouvŕgěsti* [po-u-vŕgěs-ti] отсутствует, а значение глагола с префиксом *u-* (без префикса *po-*) *uvŕgěsti* (наст. вр. *uvŕgъzъ*) Словарь 1994 определяет как ‘приоткрыть’. Однако значение в словаре указано контекстное, основное же значение лексемы можно было бы определить ближе к основному значению славянского корня как ‘вернуть’ — ср.: и малты *оувръзъ... затворивъ заключи двьри*. Супр 515,13 (Καὶ δὴ παρανοίξας... προσέρρηξεν τὴν θύραν). Следует подчеркнуть, что эти неясные случаи единичны, в то время как в сотнях примеров манифестируются прозрачные мотивационные отношения глагола и отглагольного существительного. Возможно, указанные лексемы целесообразно рассматривать как сугубо книжные образования, созданные путем несколько искусственного «наращивания» префиксов к уже существовавшим существительным.

Среди старославянских отглагольных существительных наиболее многочисленна группа лексем с комплексом *-єпј(e)* — в старославянских рукописях их насчитывается 354. Из них 285 существительных образованы от глаголов «на *-iti*» (т. е. от глаголов с глагольным суффиксом *-i-*): *avŕenije* от *aviti* (*se*) [вар. *javŕenije* от *javiti* (*se*)], *běšenije* от *běsiti se*, *blaženije* от *blažiti*, *blōždenije* от *blōditi*, *cěŕenije* от *cěliti*, *črěždenije* от **črěditi*¹, *dosazdenije* от *dosaditi*, *drōčєnije* от **drōčiti*², *glumŕenije* от *glumiti se*, *goŕenije* от *goniti*, *grabŕenije* от *grabiti*, *graždenije* от *graditi*, *grъždenije* от **grъžditi* (*se*), *хоždenije* от *hoditi*, *xuŕenije* от *xuliti*, *xvalenije* от *xvaliti*, *xуštenije* от **xytiti*³, *icěŕenije* от *icěliti*, *isxoždenije* от *isxoditi*, *iskušenije* от *iskusiti*, *isplъnenije* от *isplъniti*, *ispravŕenije* от

¹ Глагол **črěditi*, мотивирующий сущ. *črěždenije* ‘угощение, пир’, не встречается в старославянских рукописях, но со значением ‘насытить’ отмечен в Гр. Наз. XI в., а со значением ‘принять, угостить’ и в других церковнославянских рукописях [Срезн III: 1538].

² Глагол **drōčiti*, мотивирующий сущ. *drōčєnije*, не встречается в старославянских рукописях, но встречается глагол *udrōčiti* с префиксом *u-* (так же, как и сущ. *udrōčєnije*).

³ Глагол **xytiti*, мотивирующий сущ. *xуštenije*, не встречается в старославянских рукописях, но встречается глагол *roxytiti* с префиксом *po-*.

ispraviti и т. д. Как было отмечено С. М. Толстой, «в старославянском языке в дериватах от *i*-глаголов на *-еник* (*-юник*) представлено регулярное чередование сонорных, губных и переднеязычных по типу йотации: *r ~ r'*, *l ~ l'*, *n ~ n'*, *m ~ ml'*, *p ~ pl'*, *v ~ vl'*, *t ~ št'*, *d ~ žd'*, *s ~ š*, *z ~ ž*, *st ~ št'*, *zd ~ žd'*, *sl ~ sl'*, *zn ~ žn'*, *tr ~ štr'*» [Толстая 1996: 585].

Комплекс *-енъj(e)* имеют также существительные от глаголов с основой на согласный и с суффиксом *-пѣ*. От глаголов с суффиксом *-пѣ* существительные образовывались как с усечением суффикса, так и без усечения. Без усечения суффикса (с алломорфом *-пов-*) образованы: *dъznovenije* от *dъznŏti*, *dupovenije* от *dupŏti*, *dъxnovenije* от *dъxnŏti*, *kliknovenije* от **kliknŏti*, *manovenije* от *manŏti*, *pamanovenije* от **pamanŏti*, *plinovenije* от *plinŏti*, *pokypovenije* от **pokypnŏti*, *romenovenije* от *romenŏti*, *prikosnovenije* от **prikosnŏti* (*se*), *usĕknovenije* от *usĕknŏti*, *vъskliknovenije* от *vъskliknŏti*, *vъskrъsnovenije* от *vъskrъsnŏti*. С усечением суффикса образованы: *dviženije* от *dvignŏti*, *pavyčēnije* от *pavyknŏti*, *oslŕpenije* от *oslŕpnŏti*, *pogybenije* от *pogybnŏti*, *postiženije* от *postignŏti*, *prisēženije* от *prisēgnŏti*, *prozēbenije* от *prozēbnŏti*, *sъmгъzenije* от *sъmгъznŏti* (*se*), *usъpenije* от *usъnŏti*, *užasenije* от *užasnŏti* (*se*), *vъskrъsenije* от *vъskrъsnŏti*, *vъspropъzenije* от **vъspropъznŏti* (есть только *propъznŏti*, см. выше), *vъzdviženije* от *vъzdvignŏti*. Как видно из перечня, в образованиях с усечением суффикса представлено регулярное чередование заднебных *g ~ ž* и *k ~ ě*. Чередование *x ~ š* в пределах старославянских рукописей не представлено, так как глагольные основы на *-x-* в старославянском языке редки, но оно было возможно. От *dъxnŏti* [*dъx-pŏ-ti*], как указано выше, образовано без усечения суффикса сущ. *dъxnovenije* (Син, Супр), но в лексическом фонде старославянского языка, вполне вероятно, было и образование с усечением суффикса **dъšenije* [*dъš-en-ij-e*] (т. е. с чередованием *x ~ š*), так как сущ. *dъšenije* сохранилось в списках «Шестоднева» Иоанна Экзарха разных изводов — древнесербского и древнерусского (томъ же бѣ дъшѣнок дъшеник въ дшоу живоу Шест 220d 1–2; дъшеник бо животнок въдоуноу Шест 220d 6; дъшеніе бо живѣное въдоуноу Шест-Бар 225b 11). Сущ. *gŏzenije* ‘поршание, злословие’ свидетельствует, как будто, об образовании с чередованием *g ~ ž* от исходного глагола **gŏgnŏti* (*se*), однако ни в старославянских рукописях, ни в списках, восходящих к старославянским протограммам, такой глагол пока не отмечен. В то же время в старославянских рукописях широко

употребляется гл. *gogati se* 'глумиться, насмеяться' (43 уп.), а также сущ. *gogъ* 'осмеяние, насмешка' (Евх 1, Супр 2), прил. *gōzъpъ* 'издевательский, злобный (о смехе)' (Супр 2).

Такое же регулярное чередование заднебных представлено и в образовании существительных от глаголов с основами на согласный. Так как в формах инфинитива, кроме того, происходили закономерные фонетические изменения групп согласных на морфемном «шве» глагольной основы с глагольным суффиксом *-ti*, имеет смысл привести здесь полный перечень зафиксированных в старославянских рукописях образований с комплексом *-enъj(e)* от глаголов с основами на согласный: *boŋenije* от *brati* (*boŋo*), *čytenije* от *čisti* (*čyto*), *grebenije* от *greti* (*grebo*), *isēčenije* от *isēšti* (*sēko*), *izēdenije* от *izēsti*, *izobrētenije* от *izobrēsti*, *jadenije* от *jasti*, *koŋenije* от *klati* (*koŋo*), *napadenije* от *napasti*, *narečenije* от *narešti* (*nareko*), *nebrēženije* от *nebrēsti* (*nebrēgo*), *obrētenije* от *obrēsti*, *otъpadenije* от *otъpasti*, *otъrečenije* от *otъrešti* (*otъreko*), *otъsēčenije* от *otъsēšti* (*otъsēko*), *padenije* от *pasti*, *pomoženije* от *pomošti* (*pomogo*), *pouvrъženije* от **pouvrēsti* (есть только *uvrēsti*, *uvrъgo*), *prinesenije* от *prinesti*, *priobrētenije* от *priobrēsti*, *prorečenije* от *prorešti* (*proreko*), *raždeženije* от *raždešti* (*raždego*), *sēdenije* от *sēsti*, *sъbŋudenije* от *sъbŋusti* (*sъbŋudo*), *sъmъtenije* от *sъmъsti* (*sъmъto*), *sъnēdenije* от *sъnēsti*, *sъpasenije* от *sъpasti*, *sъrētenije* от *sъrēsti*, *sъžeženije* от *sъžešti* (*sъžejo*), *tečenije* от *tešti* (*teko*), *ujadenije* от *ujasti*, *vъrъženije* от *vrēsti* (*vrъgo*), *vъnesenije* от *vъnesti*, *vъpadenije* от *vъpasti*, *vъvedenije* от *vъvesti*, *vъznesenije* от *vъznesti*, *zakol'nenije* от *zaklati* (*zakol'o*).

Несколько существительных, образованных от глаголов с основой на корневой гласный, также имеют комплекс *-enъj(e)*, — но с «прокладкой» *-j-* или *-v-* на морфемном «шве» во избежание зияния: *bijenije* [*bi-j-en-ij-e*] от *biti*, *nemъvenije* [*ne-mъ-v-en-ij-e*] от *myti* с отрицательным префиксом *ne-*, *omъvenije* [*o-mъ-v-en-ij-e*] от *omyti*, *prikъvenije* [*pri-kъ-v-en-ij-e*] от *prikryti*, *umъvenije* [*u-mъ-v-en-ij-e*] от *umyti*, *zabъvenije* [*zabъvenije*] от *zabyti*.

Несколько меньшую, чем с комплексом *-enъj(e)*, но также большую группу составляют отглагольные существительные с комплексом *-nъj(e)* — в старославянских рукописях насчитывается 287 таких лексем. Это, главным образом, образования от глаголов с глагольными суффиксами *-a-*, *-ova-* (алломорф *-eva-*) и *-ě-*. От глаголов с суффиксом *-a-*: *alъkanije*, *bēžanije*, *bliscanije*, *blъstanije*, *brъsanije*, *čajanije*,

dajanije, dějanije, dělanije, dьganije, dostojanije, drěmanije, drъžanije, duhanije, gapanije, glagolanije, gněvanije, imanije, iskanije, iskopanije, ispovědanije, ispytanije, istrъganije, izbyčanije, izgъnanije, izvěštanije, kajanije, kazanije, klaňanije, kolěbanije, komъkanije, kopъčanije, lajanije, laskanije, lъstanije, lobъzanije, lobyzanije, mlyčanije, načnanije, načtъtanije и т. д., всего 212 лексем. От глаголов с суффиксом -ova- (-eva-): balovanije, besědovanije, bėsovanije, cělovanije, darovanije, izlěkovanije, lixovanije, mođrъstvovanije, naslědovanije, neryštevanije, neplištevanije, obradovanije, obьsrъdovanije, potrebovanije, proobrazovanije, sětovanije, slědovanije, strahovanije, tьkovanije, trěbovanije, vьlxvovanije, всего 21 лексема. От глаголов с суффиксом -ě-: bьděníje, gověníje, хотěníje, iměníje, istьlěníje, nedouměníje, neistьlěníje, nenaviděníje, nevěděnїje, neviděníje, odolěníje, pitěníje, ryčěníje, roxotěníje, povelěníje, předolěníje, přerъčěníje, přetrъpěníje, přezьrěníje, prividěníje, prozьrěníje, rasprьčěníje, razbolěníje, razuměníje, sěděníje, skrgьběníje, sьmьněníje, stьděníje, sьrazuměníje, sьtrъpěníje, sьvděníje, svьtěníje, trъpěníje, uvěděníje, velěníje, věděníje, viděníje, visěníje, vьzgrъděníje, vьzьrěníje, zapustěníje, zyčěníje, želěníje, всего 43 лексемы.

Несколько существительных с комплексом -nъj(e) образованы от глаголов с основой на корневой гласный: oděníje от oděti, pěníje от pěti, plъnїje от pluti, přédanije от přediti, prodanije от prodati, sěnїje от sěti, stanїje от stati, unynїje от unyti, vьstanije от vьstati, vьzdanije от vьzdati, znanije от znati.

Комплекс -tъj(e) сложился путем сочетания суффикса -j(e) с суффиксом -t- страдательных причастий. То, что в качестве производящей основы при образовании отглагольных существительных в старославянском языке использовалась, как правило, именно основа страдательных причастий, подтверждается группой существительных sьčїje 'сущность, существо' (от byti), šьstїje 'путешествие' (от iti), ošьstїje 'уход' (от otiti), prišьstїje 'приход, прибытие' (от priti), образованных на базе неупотребительных в старославянских рукописях форм страдательных причастий *sьčьtь, *šьstь, *ošьstь, *prišьstь. Существительные с комплексом -tъj(e) в старославянском языке относительно немногочисленны: помимо упомянутых выше, в старославянских рукописях насчитывается 31 лексема. Они образованы от глаголов с основой на корневой гласный, причем только восемь из них — от беспрефиксных глаголов: bytїje от byti, jeťїje от jeťi, pětїje от

pěti, pitije от piti, sětije от sěti, slutije от sluti, žitije от žiti, žrtije от žreči, žyti. 13 существительных образованы от префиксальных глаголов с теми же глагольными основами: izbytuje, zabytuje, otętuje, podętuje, priętuje, sęnetije 'снятие' (от sęneti 'снять'), sęnetije 'собрание; спнедрпон' (от sęneti sę 'сойтись, собраться'), vęzųtuje, prorętuje, vęspętuje, upitije, proslutije, prižitije. И еще 10 существительных образованы от префиксальных глаголов с другими глагольными основами: paęetije от paęeti и zaęetije от zaęeti, gasęetije от gasęeti и zaęetije от zaęeti, otvęstije от otvęsti (otvęzų), sęnitije 'сошествие' от sęniti 'спуститься' и sęnitije 'столкновение' от sęniti sę 'сойтись', ubitije от ubiti, umętije от umęti (umęzų), vęlitije от vęliti.

Образование существительных с суффиксом -ј(е) было подвержено разного рода контаминациям с другими суффиксальными комплексами. (В этом явлении мы видим еще одно подтверждение нашему представлению о восприятии древним книжником в качестве значимой части слова прежде всего яркой последовательности фонем.) Группа существительных žytije, oštije, prištije, а также šystvije, doštvtvije, išvtvije, paštvtvije, prištvtvije, sęštvtvije, vęštvtvije была рассмотрена Р. М. Цейтлин. Вслед за А. Меје и А. Вафаном, Р. М. Цейтлин считала лексемы с комплексом -tvј(е) результатом изменения отглагольных существительных на -tј(е) под влиянием существительных с «формантом -ьствик» [Цейтлин 1977: 136–137], т. е. результатом контаминации суффиксальных комплексов -tј(е) и -ьstvј(е). Под влиянием прил. mętvъ возник комплекс -tvј(е) в сущ. umętvје, синонимичном отглагольному сущ. umętije.

Сфера применения суффикса -ј(е) в отыменном словообразовании — это прежде всего композиты разного рода, т. е. двукорневые композиты и композиты с префиксами в качестве первого компонента.

Среди старославянских префиксально-суффиксальных образований с суффиксом -ј(е) имеются как ясно мотивированные лексемы, созданные на базе словосочетаний существительных с предлогами, так и лексемы, чья членимость в старославянском языке требует доказательств (например, oędije, см. с. 39–40). Есть и лексемы, с этимологической точки зрения образованные с помощью этого суффикса, но в старославянском языке уже, по-видимому, нечленные (например, oęavije в словосочетании oęavije tvoriti 'беспокоить, дождать'; этимологическую справку см. в [S-A: 235]).

В результате анализа путем сопоставления тождественных сегментов (корней и аффиксов) членность в старославянском языке обнаруживает довольно большая группа отыменных лексем с суффиксом -ь(е). Для большинства из них можно указать в качестве мотивирующего имени старославянское существительное. С префиксом *iz-* (алломорф *i-*): *ištēdije* 'потомство, порождение' (греч. γέννημα) от *čedo* 'дитя, ребенок'; с префиксом *na-*: *načējije* 'приговор, решение (суда)' от *rečь* 'речь, обвинение', *nasilije* 'насиле' от *silа* 'мощь, сила', *naslēdije* 'наследство, наследие' от *slēdь* 'след' (ср.: *vь slēdь* 'следом'), *nautrije* 'утро' от *utro* 'утро', *navečerije* 'канун (праздника)' от *večerь* 'вечер' (ср.: *na večerь* 'вечером'), *navodije* 'наводнение, поводок' от *voda* 'вода'; с префиксом *otь-*: *otьmьstije* 'отмщение' от *mьstь* 'мечь, мщение'; с префиксом *po-*: *podalije* 'расстояние' от *dalja* (в старославянских рукописях встречается только в составе адвербиализованной предложно-падежной формы *vь dalję* 'на расстоянии'), *rodēlije* 'добавление' (значение контекстное, в переводе греч. παράρρητον 'постороннее, побочное дело') от *dělo* 'дело, поступок', *rodružije* 'жена; супружество' от *drugь* 'друг; другой'¹, *porēdije* 'очередность' от *reďь* 'ряд; место' (ср. адвербиализованную предложно-падежную форму *po reďu* 'по порядку'), *posobije* 'помощь, содействие, союз (в борьбе)' (греч. συμμαχία) от **sobь*²; с префиксом *pri-*: *pričestije* 'сопричастность, соучастие' от *čestь* 'часть, доля'; с префиксом *sq-*: *sqglasije* 'антифон' (греч. ἀντιφώνια) от *glasь* 'напев в церковном песнопении'; с префиксом *u-*: *učestije* 'доля, участие' от *čestь* 'часть, доля'; с префиксом *vь-*: *vьzakonije* 'узаконивание, закон' от *zakonь* 'закон, установление'; с префиксом *vьz-* (алломорф *vьs-*): *vьskrilije* 'подол, край одежды' от *krilo* 'крыло' (ср. *vьskriliti* 'окрылить', перевод ἀναπτεροῦν), *vьзмьzdije* 'воздаяние, оплата' от *mьzda* 'плата, вознаграждение'.

¹ Оба значения ст.-слав. *drugь* восходят к этимологически единому праслав. **drugь* [ЭССЯ 5: 132].

² Сущ. **sobь* в собственно старославянских рукописях не встречается, но многократно употребляется в Изб 1073 (5 уп.). В произведениях Иоанна Экзарха встречаются и производные от него *sobьь*, *sobьstvo*. Корень *-sob-* вычленяется и в кругу лексем, отмеченных в старославянских рукописях — ср. гл. *sobiti* [*sob-i-ti*] 'быть одиноким' (Син).

Несколько лексем обнаруживают указывающую на наличие в их структуре определенного префикса и суффикса -ь(е) членность, но не мотивированность на уровне старославянского языка. Членность выявляется только путем сопоставительного анализа тождественных сегментов и установления актуальных для старославянского языка семантических связей у лексем, входящих в гнезда этимологически однокоренных слов. Так, суффикс -ь(е) и префиксы ob-, raz- и съ- выделяют три лексемы с корневым морфом -lič-: obličije [ob-lič-ije] 'образ, вид'¹, različije [raz-lič-ije] 'различие, разница; разнообразие', съličije [съ-lič-ije] 'сущность, ипостась' (перевод греч. ὁμοίωσις). Морф -lič- идентифицируется как корневой при сопоставлении с лексемами lice 'лицо; сущность, ипостась', dobroličьь 'красивый' (калька с греч. εὐειδής [εὖ-ειδ-ής]), obličati 'обличать; показывать' и мн. др., но в пределах старославянских рукописей и, видимо, старославянского языка имеются только алломорфы -lič- и -lic-, в то время как -lik- не встречается². Корневой морф -dob-, префикс ро- и суффикс -ь(е) вычленился в сущ. podobije [ro-dob-ije] 'подобие, образ'. Корневой морф -dob- выявляется при сопоставлении с лексемами idobь 'легко, удобно', podobati 'подобать, подходить', podoba (на podobь byti 'быть достойным', podobьь 'надлежащий; достойный; подобный', podobiti se 'уподобляться, быть подобным', podobiti 'изображать'³. Членимым, но немотивированным является и сущ. ugodije [u-god-ije] (в старославянских рукописях встречается

¹ ЭССЯ трактует *obličьje как производное от *obliь [ЭССЯ 28: 9], но ни в старославянских рукописях, ни в рукописях, восходящих к старославянским протограммам, лексема *obliь нам не встречалась.

² ЭССЯ указывает разное происхождение праслав. *liь I 'лицо человека и др.' и *liь III 'хоровод, ликование, хор и др.' [ЭССЯ 15: 106–107]. Однако в эпоху старославянского языка сближение семантики, в частности *liь III 'хоровод' → 'круг', могло привести к смешению этих корневых морфем. Ср. такие контексты: καταταγῆσαι ἐν τῷ χορῷ τῶν μοναζόντων — причастити сѧ въ ликъ мѧнишьскыи Евх 86b 24; ἐν τῷ χορῷ τῶν σῶν φίλων κατέταξας — въ ликъ твонхъ другъь вьради Супр 507, 18.

³ Сущ. podobije — в отличие от префигированного новообразования рѣpodobije 'святость, праведность, преподобие', созданного для передачи греч. ὁσιότης, — является, видимо, «старой» лексемой, входившей в праславянский лексический фонд (см. [Мурьянов 1977]).

только в словосочетаниях *ugodije tvoriti*, *ugodije sьtvoriti* 'угождать/удодить'), так как суц. *godъ* в старославянском языке было связано только с обозначением времени ('время; год'). Однако семантика 'годности, удодности' корневой морфемы *-god-* присутствует в ряде лексем: *godě byti* 'нравиться, подходить', *goditi* 'удовлетворять' и др. Также членным можно считать суц. *usgьdije* [*u-sgьd-ij-e*] 'готовность, горячее желанье (сделать что-л.)'. Корневой морф *-sgьd-* имеет сходную семантику в наречии *vьsesgьdъ* [*vьs-e-sgьd-ъ*] 'от всего сердца, всем сердцем', переводящем греч. *εἰλικρινῶς* 'целком, всецело' и — далее — обнаруживается в ряде лексем, подтверждающих членность суц. *sgьdьсе* [*sgьd-ьс-е*] 'сердце' — *milosgьdъ* [*mil-o-sgьd-ъ*] 'милосердный', *težьkosgьdъ* [*tež-ьк-o-sgьd-ъ*] 'жестокосердный, бессердечный', *žestosgьdivъ* [*žest-o-sgьd-iv-ъ*] 'жестокосердный, суровый', *sgьdoboľa* [*sgьd-o-boľ-a*] 'родня, родственники'. По-видимому, членным в старославянском языке было и суц. *ogьdije* (см. с. 39–40). В отношении же суц. *ogьdije*, этимологически также вычлняющего префикс *o-* и суффикс *-ij(e)*, при сопоставлении его со старославянским материалом можно говорить только о вычленении суффикса *-ij(e)*. Ср. *ogьzьnikъ* [*ogьz-ьnikъ*] 'тяжело вооруженный воин', где производящая основа *ogьz-* вычленяется при отождествлении суффикса *-ьnik(ъ)* как суффикса *nomina agentis*.

Ясную мотивированность и значения префикса, в семантическом аспекте близкие к значениям первого компонента двукорневого сложения, имели существительные с суффиксом *-ij(e)* и префиксами пространственной ориентации *rodъ* 'под', *prědъ* 'перед', *po-* 'по, при', *prі-* 'при', *y'*: *rodъgorije* [*rodъ-gor-ij-e*] 'подгорье', *rodъpožije* [*rodъ-pož-ij-e*] 'подножие', *rodъzemije* [*rodъ-zem-ij-e*] 'подземелье', *prědъdvorije* [*prědъ-dvor-ij-e*] 'передний двор', *prědъstolije* [*prědъ-stol-ij-e*] 'почетное место за столом', *romogije* [*ro-mog-ij-e*] 'поморье, приморье', *prіmogije* [*prі-mog-ij-e*] 'приморье'.

Следует отметить, что не всегда старославянские существительные, вычлняющие в своей структуре какой-либо префикс и суффикс *-ij(e)*, являются префиксально-суффиксальными образованиями с точки зрения словообразовательных процессов (т. е. не всегда суффикс *-ij(e)*, строго говоря, служит словообразовательным формантом) — в ряде случаев следует говорить о префиксации лексем, уже содержащих в своей структуре суффикс *-ij(e)*. Это, прежде всего,

образования с отрицательным префиксом *ne-*. Лишь несколько существительных с суффиксом *-ь(е)* и префиксом *ne-* можно рассматривать как префиксально-суффиксальные образования: *negazumije* 'неразумность' от *gazumъ* 'разум, ум', *nevěgije* 'неверие' от *věga* 'вера', *pezъlobije* 'беззлobie' от *zъloba* 'скверность, пакость; все плохое'. Большинство же лексем с префиксом *ne-*, имеющих в своей структуре суффикс *-ь(е)*, образованы путем префиксации лексем, содержащих этот суффикс. Это, главным образом, префиксация отглагольных существительных: *nebutije* 'небытие' (ср. *butije* 'существование, бытие'), *nečajanije* 'безнадежность, отчаяние' (ср. *čajanije* 'ожидание'), *neglagolanije* 'безмолвие, немота' (ср. *glagolanije* 'говорение, речь'), *neistylēnije* 'нетленность' (ср. *istylēnije* 'тление, разрушение'), *neplīštevanije* 'бесшумность, тишина' (ср. гл. *plīševati* 'беспокоиться, волноваться'), *perogoŋenije* 'прощение, ненаказание' (ср. гл. *rogoniti* 'проследивать'), *perokoŋenije* 'непослушание, непокорность' (ср. *rokoŋenije* 'покорность, смирение'), *neprēloženije* 'непреклонение' (ср. *prēloženije* 'превращение, изменение'), *nestrojenije* 'беспорядок' (ср. *strojenije* 'управление [в доме]'), *nesъmyslēnije* 'неразумность, неразумие' (ср. *съmysliti* 'быть в здравом уме, поступать разумно'), *nesъvoŋenije* 'неисполнение' (ср. *съvoŋenije* 'осуществление, совершение'), *nesъvčestanije* 'беспомощность' (греч. *ὀφουλία*, ср. гл. *съvčestati* 'советовать', греч. *συμβουλεύειν*), *nevědēnije* 'незнание, неведение' (ср. *vědēnije* 'знание'), *nevidēnije* 'слепота' (ср. *vidēnije* 'зрение'). Два существительных с префиксом *grě-* образованы также путем префиксации: *grěpladъnije* 'самый полдень'¹ от *pladъnije* 'полдень' и *grěrodobije* 'святость, праведность, преподобие' от *rodobije* (см. выше). Гапак Супр *съдуханиje* 'единодушие, единомыслие' образован путем префиксации от сущ. *духаниje* 'дыхание' явно под влиянием греческого соответствия *σύνπνοια* [*сум-пноиа*], и префикс *съ-* калькирует здесь греческий префикс *συν-* (алломорф *συμ-*).

Среди встречающихся в старославянских рукописях существительных с суффиксом *-ь(е)*, образованных префиксально-суффиксальным способом, довольно большую группу в 22 лексемы составляют существительные, вычлениющие в своей структуре

¹ Такое значение дается в старославянских словарях — см. [Словарь 1994: 548; SJS III: 470].

суффикс *-ь(е)* и префикс *bez-* (алломорфы *bez-*, *bes-*, *be-*). В отличие от праславянских образований «*bez-* + именная основа», которые «адекватны по самой своей сущности», но имели «тенденцию к субстантивации» (т. е. тенденцию к последующему суффиксальному образованию существительных на базе адекватных образований. — В.Е.) [ЭССЯ 2: 12], большая часть старославянских образований типа *bezragvǫdije* ‘несправедливость’ субстанциональна изначально. Семантический спектр этих лексем довольно широк и зависит от значения мотивирующих имен, а иногда и от значений греческих соответствий — в случаях расширения первоначального семантического объема славянских слов¹. Среди них лексемы и с сугубо абстрактными значениями (*bezakonije*, *besymǫgtije*), и со значениями определенных признаков, характеризующих человека (*bezylubije*, *bezbojaznije*), и с близкими к обстоятельству значениями ситуативной характеристики (*bezdvǫdije*, *bezmlǫvije*)².

Из 22 существительных с суффиксом *-ь(е)* и префиксом *bez-* только шесть включены в словарь ЭССЯ, и то лишь как возможные в праславянском [ЭССЯ 2: 12]. Это следующие лексемы: *bezьije* ‘бдение, бессонница’, *bezьnije* ‘пропасть, бездна’, *bezdvǫdije* ‘бездожде, засуха’, *bezgodije* ‘неблагоприятное время’, *bezmlǫvije* ‘безмолвие, тишина’, *bezumije* ‘неразумность, безрассудство’. Характерно, что все они образованы на базе безаффиксных (на уровне старославянского языка) имен *сънь* ‘сон’, **дъно* ‘дно’³, *дъждь* ‘дождь’, *годъ* ‘благоприятное время’, *млѣва* ‘шум; смятение’, *умъ* ‘разум, рассудок’, а в статьях ЭССЯ на *bezdvǫdije* и *bezgodije* отмечается, что, «несмотря на тождество семантической модели и словообразования» старославянских лексем и их греческих эквивалентов, «не

¹ Об операции расширения семантического объема славянского слова в целях передачи значения греческого см. в Главе I, с. 14, примечание 1.

² Значение ситуативной характеристики, присущее и русским лексемам типа *безводье*, было отмечено в последних И. Фужерон [Фужерон 2002: 53].

³ Сущ. *дъно* (< псл. **dvъno*) настолько широко известно в славянских языках [ЭССЯ 5: 174–175], что отсутствие его в собственно старославянских рукописях следует объяснять содержанием сохранившихся в них текстов. Это подтверждается и наличием сущ. *дъно* в «Шестоднев» Иоанна Экзарха — в его древнейшем списке 1263 г. сущ. *дъно* употреблено 9 раз.

вполне убедительно безоговорочное принятие идеи калькирования» и указывается на возможность «собственно славянского словопроизводства» [ЭССЯ 2: 24; 26]. В старославянских рукописях данные лексемы переводят греческие соответствия как с префиксом α -privativum (bezdъždije — ἀβροχία [ἄ-βροχία], bezgodije — ἀωρία [ἄ-ωρία]), так и без этого префикса (bežьnje — ἀγροπνία [ἀγρ-πν-ία]¹, bezmlъvije — στή, ἥσυχία, bezdъždije — наряду с ἀβροχία также и αὐχμός).

По этой модели с общим значением 'лишенность, отсутствие чего-либо, названного производящей именной основой' в старославянском языке образовывались существительные и на базе безаффиксных имен, и на базе аффиксальных: bespravъdije 'несправедливость' (греч. ἀδικία) от pravъda [prav-ъd-a] 'справедливость', besramije 'бесстыдство' (греч. ἀναίδεια, ἀναίσχυντία) от sramъ 'позор, срам', bestrastije 'отсутствие страданий' (греч. ἀπάθεια) от strastъ [stras-t-ъ] 'страдания', bestudije 'бесстыдство' (греч. ἀναίδεια) от studъ 'стыд', besъmъgtije 'бессмертие' (греч. ἀθανασία) от sъmъgtъ [sъ-mъg-t-ъ] 'смерть', beštedije 'бездетность' (греч. ἀτεκνία) от [čedo] 'дитя, ребенок', beštinije 'бесчинство, необузданность' (греч. ἀκαταστασία) от činъ 'порядок' (в том числе и перевод греч. κατάστασις²), beštystije 'бесчестие, посрамление' (греч. ἀτιμία) от čьstъ [čьs-t-ь] 'честь, почет, уважение', bezakonije 'нарушение закона, произвол' (греч. ἀνομία, ἀσέβεια) от zakonъ 'закон; установление'³, bezbojaznije 'бесстрашие' (греч. нет) от bojazнь [boj-a-zn-ь] 'боязнь, страх', bezъlobije 'беззлобность' (греч. ἀκακία) от zъloba [zъl-ob-a] 'скверность, пакость; все плохое', bezvѣtije 'безверие, неверие' (греч. нет) от vѣra 'вера'.

Несмотря на то, что приведенные лексемы в целом соотносятся с греческой лексикой, содержащей α -privativum (алломорфы α - и $\alpha\nu$ -), при более тщательном рассмотрении соотношения морфемных структур старославянских лексем с префиксом bez- и греческих с α -privativum обнаруживается, что в ряде случаев «калькируется» только префикс. То есть в этих случаях мы видим результат не

¹ Греч. ἀγροπνία [ἀγρ-πν-ί-α] является двукорневым сложением — ср. ἀγρέω [ἀγρ-έ-ω] 'ловить' и πνός [πν-ος] 'сон'.

² Ср. адвербализованную предложно-падежную форму bez činu: ve чиноу. нападам на сьрѣтъаиштал ко Супр 565, 19.

³ Сущ. zakonъ для старославянского языка рассматриваем как нечленимое.

прямого калькирования лексем, а скорее влияния языка греческих оригиналов на словообразовательный процесс в старославянском языке¹.

Сущ. *bestьlěnje* и *bezakopьnje* следует, видимо, рассматривать как образованные на базе адъективных основ. Прил. *tlěpъ(jь)* 'тленный', на базе которого образовано сущ. *bestьlěnje* [bes-tlěn-ij-e] 'нетленность' (греч. ἀφθαρσία), не встречается в старославянских рукописях, но есть в апостольском тексте (I Кор 15,53) и сохранилось в ряде более поздних списков (Толст — нет в Охр, Струм, Мат). Зафиксированную в Словаре 1994 в качестве единой словарной единицы «лексему» *bezakopєnje/bezakopьnje* со значением 'беззаконие, проступок' с точки зрения словообразования надо рассматривать, видимо, как две лексемы. Сущ. *bezakopьnje* [be-zakon-ьn-ij-e] 'беззаконие, проступок' (греч. ἄνομια, ἀνόμημα) образовано на базе прил. *bezakopьpъ* 'нарушающий законы' и широко употребляется в Спн (25 уп.). Еще более употребительно сущ. *bezakopєnje* (46 уп.), в котором представлена контаминация комплекса суффиксов *-ьпj(e)* (*-ьп-* + *-ьj-*) и комплекса суффиксов отглагольных существительных *-епj(e)* (см. выше), которые, видимо, уже не различались пшцом в произношении.

В гапаксе Супр *beštьstvije* наблюдается явление, похожее на рассмотренную выше контаминацию суффиксальных комплексов при образовании сущ. *šьstvije*, *došьstvije* и т. п. (см. с. 138), однако здесь происходит «наложение» суффиксального комплекса *-ьstvij(e)* на часть корня и суффикс мотивирующего существительного *šьсть* [šьs-tъ]. Р. М. Цейтлин указывала также на прил. *besčьstvьpъ* и глагол *pečьstvovati*, видя в этих гапаксах старославянских рукописей «одно из свидетельств распространённости формантов *-ьствик* и *-ьство* в языке СП [старославянских памятников. — В.Е.]» [Цейтлин 1977: 137]. Сущ. *beštьstvije* абсолютно синонимично «правильно образованному» существительному *beštьstije*, и словосочетание *beštьstvije sъvoriti* 'опозорить', в котором оно употреблено в Супр 328, 10–11, переводит то же греч. ἀτιμάζειν, что и словосочетание *beštьstije sъvoriti* в Супр 385,12.

Среди двухкорневых старославянских лексем, вычлениющих в своей структуре суффикс *-ьj(e)*, представлены лексемы с опорным компонентом как именного, так и глагольного происхождения.

¹ Более подробно о влиянии языка греческих оригиналов на процессы образования старославянских лексем с префиксом *bez-* см. в [Ефимова 2005].

Лексемы с опорным компонентом именного происхождения образованы суффиксально-сложным способом (т. е. суффикс -ь(е) является в них словообразовательной морфемой). В старославянских рукописях их насчитывается 24: *blagošťstije* 'набожность, благочестие' (ср. *šťstь* 'честь, почтение; набожность'), *blagodaŕije* 'польза, благодеяние' (ср. *darъ* 'дар'), *blagodušije* 'душевное спокойствие' (ср. *duša* 'душа'), *blagorodije* 'благородство (εὐγένεια)' (ср. *rodъ* 'род, происхождение', *blaga roda* 'человек благородного происхождения'), *blagovĕrije* 'набожность, благочестие' (ср. *vĕra* 'вера'), *bogošťstije* 'богобоязненность, набожность' (ср. *šťstь* 'уважение, почтение'), *bogorazumije* 'познание Бога' (ср. *razumъ* 'понимание, постижение'), *dobrošťstije* 'благочестие, набожность' (ср. *šťstь* 'честь, почтение; набожность'), *dobrorodije* 'знатность' (ср. *rodъ* 'род, происхождение', *dobra roda* 'человек благородного происхождения'), *dobrovonije* 'благоухание, аромат' (ср. *vonja* 'запах', *dobraja vonja* 'аромат, благовоние'), *jedьnoglasije* 'единодушие, согласие' (ср. *glasъ* 'голос, звук', *jedinĕть glasomъ* 'согласно, в один голос'), *meždumĕrije* 'промежуток времени' (ср. *mĕra* 'мера', *v rĕvuju mĕru* 'прежде всего'), *mežduramije* 'часть спины между лопатками' (ср. *ramo* 'плечо'), *meždurĕčije* 'Месопотамия' (ср. *rĕka* 'река'), *pravovĕrije* 'истинная вера' (ср. *vĕra* 'вера', *pravaja vĕra* 'истинная вера'), *soprotivovĕrije* 'встречный ветер' (ср. *vĕtrъ* 'ветер'), *velikolĕpotije* 'великолепие' (ср. *lĕpota* 'красота, великолепно'), *zъlovĕrije* 'безбожие' (ср. *vĕra* 'вера').

Только как поморфемные кальки с греческого могут быть объяснены лексемы *ĉelomŕdije*, *dъvodušije*, *ľubostranьije*, *slavoslovesije*, *sredudvorije*, *trĕstslavije*. Так, сущ. *ĉelomŕdije* 'здравомыслие' (компонент -ŕdigr- от *ŕdigrъ* 'мудрый') — калька греч. σωφροσύνη [σω-фро-сѹв-η], где первый компонент *ĉel-* калькирует греч. *σάος*, в соответствии со значениями которого, как отмечала Р. М. Цейтлин, формировались семантические особенности старославянских калек с компонентом *ĉel-* [Цейтлин 1977: 268; ср. также Фасмер IV: 297]; сущ. *dъvodušije* [dъv-o-duš-ije] 'сомнение' — калька греч. διψυχία [δι-ψυχ-ία] (ср. *δι-* (= *δισ-*) 'дважды, вдвое' и *ψυχή* 'душа'); сущ. *ľubostranьije* 'гостеприимство' (компонент -stranь- от *stranьpъ* 'чужеземец; путник, странник') — калька греч. φιλοξενία [φιλο-ξεν-ία]; сущ. *slavoslovesije* [slav-o-sloves-ij-e] 'прославление, славословие' (компонент -sloves- от *slovesa* 'слова, речь') — калька греч. δοξολογία

[doξ-o-лог-и-α] (ср. δόξα 'слава', λόγος 'слово'); сущ. srědudvorije 'внутренний двор' — калька греч. μέσσυλον [μέσ-αυλ-ον] (ср. μέσος 'средний, промежуточный; находящийся в центре', αὐλή 'двор'); сущ. tšeslavije 'тщеславие' — калька с греч. κενοδοξία [κεν-ο-δοξ-ί-α] (ср. κενός 'пустой, бессмысленный', δόξα 'слава').

Суффикс -ь(е) также является словообразовательным формантом в небольшой группе двукорневых лексем с опорным компонентом глагольного происхождения. В старославянских рукописях встречается шесть лексем с компонентом -lub- (от гл. lubiti): гапак Евх blodoľubije (греческий текст не найден), bratrolubije (греч. φιλαδελφία), človekolubije (греч. φιλανθρωπία), ništelubije (греч. φιλοπτωχία), stranьnoľubije (греч. φιλοξενία), гапак Евх vľxvoľubije (греческий текст не найден); одна лексема с компонентом -bor- (от гл. brati, bořo): bogoborije (греч. θεομαχία); одна лексема с компонентом -tvor- (от гл. tvoriti): čudotvorije (греческие тексты не найдены); одна лексема с компонентом -tър- (от гл. tърěti): slastotърije (греч. ἡδυστάθεια). Как видно из перечня, эти двукорневые лексемы представляют собой кальки греческих соответствий, причем в сложениях на базе гл. lubiti (так же, как и в сложениях на базе гл. lubiti с суффиксом -ь(ь), см. с. 82) наблюдается перемена мест компонентов в сравнении с греческими соответствиями, что объясняется структурой старославянской модели сложений, где компонент с глагольной семантикой должен быть опорным.

Остальные двукорневые лексемы со вторым компонентом глагольного происхождения можно рассматривать и как результат чистого сложения первого компонента с отглагольными существительными, и как результат образования отглагольных существительных от соответствующих двукорневых глаголов в случае наличия в старославянском языке последних. Для подавляющего большинства этих лексем словообразовательный процесс (и, как следствие, морфемная структура) были связаны с полным или частичным калькированием их греческих соответствий, либо полным или частичным калькированием греческих соответствий исходных глаголов: blagočinenije — εὐστάθεια, blagodatēnije — εὐχαριστία, (есть гл. blagodariti — εὐχαριστεῖν), blagodejanije — εὐεργεσία, εὐεργέτημα (есть гл. blagodejati — εὐεργετεῖν), blagoispytaniје, blagoizvolēnije — (есть гл. blagoizvoliti — εὐδοκεῖν), blagoqxanije — εὐωδία, blagorastvofenije,

blagoslovenije¹ — εὐλογία, εὐμένεια, blagoslovestvenije — εὐλογία (есть гл. blagoslovestnovati — εὐλογεῖν), blagoslovešenije — εὐλογία (есть гл. blagoslovesiti — εὐλογεῖν), blagosloveštenije — εὐλογία (есть гл. blagoslovestiti — εὐλογεῖν), blagosloveštv'lenije — εὐλογία (есть гл. blagoslovestviti — εὐλογεῖν), blagoslov'lenije — εὐλογία (есть гл. blagosloviti — εὐλογεῖν), blagoněšenije εὐλογία — (есть гл. blagoslovesiti — εὐλογεῖν), blagonošenije — εὐδοκία, εὐγνωμοσύνη (есть гл. blagonoliti — εὐδοκεῖν), bogoav'lenije — θεοφανεΐα, bogobošenije — θεομαχία, bogoslov'lenije — θεολογία (есть гл. bogosloviti — θεολογεῖν), bratosъtvofenije — ἀδελφοποιΐα, bratrotvofenije — ἀδελφοποιΐα, celomъdrovanije — τὸ σωφρονῆσαι (есть гл. celomъdrovati — σωφρονεῖν), čarodějanije, čudodějanije — θαυματουργία, čudoděnije — θαυματουργημα, čudotvofenije — θαυματουργία, dětogubl'enije, dlъgotv'pělije — μακροθυμία, dlъgotv'pěnije — μακροθυμία, dobrodějanije — εὐεργεσία, dobrogověnije — εὐλάβεια, dobrosъtvofenije — εὐποιΐα (есть гл. dobrosъtvoriti — εὐεργετεῖν, ἀγαθοποιεῖν и др.), grěchoradanije — παράπτωμα, grěxъradanije — παράπτωμα, inomyš'lenije — ὁμόνοια, jedinosaštije, kokotoglašenije — ἄλεκτοροφονία, kozьloglasovanije, kъrvnojadenije — αἱμοβόρον, kъrvnotočenije, kumirosluženije — εἰδωλολατρεία, kuryьnosъštije — τὸ ὁμοούσιον, kuroglašenije — ἄλεκτοροφονία, lixoimanije, lixojadenije — ἀδηφαγία, lъžesъvěděnije — ψευδομαρτυρία, lъbodějanije, lъboslyšanije — φιληκοΐα, malosъranije, mękъkolěganije, nizъxoždenije — κατάβασις (есть гл. nizъxoditi — καταβαίνειν), pakybytije — παλιγγενεσία, plodoprinošenije, plodъtvofenije — παιδοποιΐα, prělъbodějanije (есть гл. prělъbodějati), prěstъpoklětije, rъrvnovъzleženije — πρωτοκλισία, rъrvnovъzlěganije — πρωτοκλισία, rъkъorisanije — χειρόγραφον, sъrebrolъb'lenije — φιλαργυρία, skъrvnojadenije — μιαιφονία, stlęrotvofenije — πυργοποιΐα, studodějanije, tělorysanije — στηλογραφία, tožderoždenije — ὁμογενής, tvъsteglašenije — κενοφονία, velъdarovanije, vinodatije — οἰνοδοσία, vinopitije, vsesъtъže-nije — ὀλοκαύτωμα, zakonodanije, zakonopoloženije — νομοθεσία, zakonoprěstol'lenije, zeml'elěganije, zьlodějanije — τὸ κακοπραγεῖν (есть гл. zьlodějati), žitoměfenije — σιτομέτριον. Наличие или отсутствие исходных глаголов в пределах дошедших до нас старославянских рукописей можно считать во многом делом случая.

¹ О закономерности морфонологического чередования при образовании этой лексемы и однокоренных с ней см. [Толстая 1996: 586].

Следует также отметить, что некоторые из лексем, не калькирующих греческие соответствия в текстах, дошедших до нас в составе старославянских рукописей, могли также быть обязанными своим образованием влиянию языка греческих оригиналов. Так, гапак *кѣвотоѡенїе*, употребленный в чтении Л 8,43, не является калькой греч. *ῥῶσις αἵματος* (другие старославянские кодексы ближе следуют за греческим текстом: *ἐν ῥῶσει αἵματος* — в точении крѣве Мар, Зоґр, Ас), но очевидно возник под влиянием употребляемого во всех старославянских кодексах прил. *кѣвотоѡивъ*, калькирующего адъективно употребляемое греческое причастие *αἵμορροδῶν*. Такая сугубо книжная лексема, как гапак *благоспυтанїе*, не являющаяся калькой греческого соответствия *ἀκρίβεια* в тексте Зоґр-лл (старославянской рукописи, содержащей относительно поздний перевод), могла быть образована как калька в тексте более раннего, но не дошедшего в составе старославянских рукописей перевода. То же можно сказать и о лексеме *козьогласованїе*, нигде в пределах старославянских рукописей не встречающейся как перевод греческого композита *τραυφῶδία* (морфемной и семантической структуре которого она следует), но которая в трех апостольских чтениях (Рим 13,13; Гал 5,21; I Петра 4,3) в древнейших списках разных изводов, в том числе и в старославянском Ен (в Рим 13,13), употребляется как перевод греч. *κῆμος*.

Двукорневые лексемы *лицемѣнїе* 'лицемерие', *milosгѣдїе* 'милосердие, сострадание', *žestosгѣдїе* 'жестокосердие' с словообразовательной точки зрения являются производными с суффиксом -нї(е) от соответствующих имен адъективного характера *лицемѣгъ* 'лицемер', *milosгѣдъ* 'милосердный', *žestosгѣдъ* 'жестокосердный, суровый'¹. Возможно, суц. *bezumїе* и *bestudїе* также были образованы от архаичных имен

¹ Несмотря на «архаичный вид» лексем *milosгѣдъ* и *žestosгѣдъ* — с опорным компонентом именного происхождения -гѣд-, уже не встречающимся в несвязанном виде (см. выше, с. 74), — не исключается возможность их происхождения в результате калькирования: *milosгѣдъ*, возможно, калькирует лат. *misericors* или готск. *armahairts* (см. [ЭССЯ 19: 42], там же ссылка на А. Meïe [Meillet 1926: 41]), *žestosгѣдїе* — греч. *σκληροκαρδία* (ср. *σκληρός* 'жесткий; жестокий', *καρδία* 'сердце'). Однако, так как возможно и независимое образование этих лексем на славянской почве, этот вопрос требует, как кажется, дальнейшей разработки.

адъективного характера **bezumъ* и **bestudъ* (см. [ЭССЯ 2: 49, 46]), однако отсутствию в старославянских рукописях лексем **bezumъ* и **bestudъ* и вероятность влияния на образование лексем *bezumije* и *bestudije* их греческих соответствий в части «калькирования» префикса *α-* (ср. среди греческих соответствий для *bestudije* ἀναίθεια, для *bezumije* — ἄνοια, ἄγνοια и др.) говорят в пользу рассмотренной выше модели образования и для этих лексем.

С адъективными основами суффикс *-ј(е)* сочетается всего в нескольких старославянских лексемах, и для старославянского словообразования функционирование его как словообразовательного форманта при образовании существительных от прилагательных можно рассматривать как функционирование в малопродуктивной модели¹. Среди этих образований есть, однако, и довольно частотные (по меркам старославянского языка) лексемы. Ср.: *parasnije* (Супр 1, от *parasnъ*), *obilije* (9 уп, от *obilъ*), *obyštije* (Супр 1, от *obyštъ*), *ostrije* (2 уп, от *ostrъ*), *sъdravije* (34 уп, от *sъdravъ*), *veličije* (14 уп, от *velikъ*), *veselije* (43 уп, от *veselъ*). По этой же модели образован и гапакс Евх *gobъzije* (подробнее см. [Ефимова 1999 а: 72]). Как считают авторы ЭССЯ, праслав. сущ. *korije* 'копье' по происхождению представляло собой субстантивацию древнего прилагательного, образованного от корня *-кор-* [ЭССЯ 11: 40–41]. Сущ. *korije*, в котором суффикс *-ј(е)* идентифицируется путем сопоставления с другими лексемами, содержащими этот суффикс, уникально для старославянского словообразования, а актуальность семантических связей этой лексемы с глаголом *korati* 'копать; окапывать, обрабатывать землю' для старославянского языка сомнительна.

Обособленную группу в отыменном старославянском словообразовании с суффиксом *-ј(е)* составляют *collectiva*. Эти лексемы относятся к слою обыденной лексики, вошедшей в старославянский язык из народной славянской речи и, по большей части, малочастотной в старославянских рукописях вследствие содержания их текстов.

¹ Не так, видимо, для славянского словообразования вообще — ср., например, у А. Вайана, который при описании рассматриваемого суффикса эту модель ставит на второе место (после «collectifs») [Vaillant 1974: 394].

На старославянском матерпале словообразовательные пары четко прослеживаются в 14 случаях: *dǫbъ* 'дерево' — *dǫbije* 'деревья', *grozъ* 'виноградная гроздь' — *groznovije* 'виноградные грозди', *kamъ* (Gen. *kamene*) 'камень; скала' — *kamenije* 'каменя; скалы', *korень* (Gen. *korene*) 'корень' — *korenije* 'корни', *korina* 'куст' — *korinije* 'кустарник', *listъ* 'лист' — *listvije* 'листва, листья', *loza* 'виноградная лоза' — *lozije* 'виноградные лозы', *rozga* 'побег, ветвь' — *rozdije/razdije* 'побеги, ветви', *smokъva* 'смоковница' — *smokъvinije*¹ 'смоковницы', *trъpъ* 'терние, шп, колючка' — *trъnije* 'терние, сорное растение с шпами, колючками', *trъstъ* 'тростник; тростниковая палка, палочка' — *trъstije* 'тростник; солома из тростника', *trupъ* 'труп' — *trupije* 'трупы', *vѣja* 'ветвь' — *vѣjije* 'ветви', *vѣtvъ* 'ветвь' — *vѣtvije* 'ветви', *ъzъlъ* 'палка, прут' — *ъzъljije* 'палки, прутья'. Значение собирательности приобрела и лексема *ludije* 'люди, народ; миряне', первоначально форма мн. ч. Славянские *collectiva* переводят формы мн. ч. всех родов в греческом оригинале: *dǫbije* — τὰ δένδρα, *rozdije/razdije* — τὰ κλήματα, *trъnije* — αἱ ἄκανθαί, *ъzъljije* — αἱ ῥάβδοι, *trъstije* — οἱ κάλαμοι, *vѣtvije* — οἱ κλάδοι или τὰ κλάδη и др.

К данной группе относится также ряд существительных со значением собирательности — *brъselije*, *byljije*, *prъtije*, *гѣrije*, *stъblije*, *vгъbije*, *zelije*, — которые, однако, в пределах материала старославянских рукописей не составляют словообразовательных пар, подобных указанным выше. Сущ. *vгъbije* и *zelije* вычлениют суффикс *-bj(e)* путем сопоставления с однокоренными старославянскими лексемами. Ср.: *vгъbije* 'пвы, вербы' — *vгъbъnica* [vгъb-ъn-ic-a] 'Вербное воскресенье'; *zelije* 'овощи, зелень' — *zelenъ* 'зеленый'. Сущ. *brъselije* 'черепки', *byljije* 'травы, растения' (αἱ βοτάναι) и 'целебные травы' (φάρμακον), *prъtije* 'путья, розги', *гѣrije* 'репейник', *stъblije* 'солома, стебли' при сопоставлении только с лексикой, зафиксированной в Словаре 1994, пришлось бы признать нечленимыми, что противоречило

¹ Производящая основа сущ. *smokъvinije* [smokъv-in-ij-e] вычлениет еще и суффикс *-in-*, который в данном случае мог бы иметь значение сингулярности. Однако наличие сущ. **smokъvina*, известного по древнерусским памятникам [СлРЯ XI–XVII 25: 199], в старославянском лексическом инвентаре труднодоказуемо: в списках произведений, восходящих к старославянским протографам, нам оно не встречалось.

бы здравому смыслу. И действительно, можно с большой долей уверенности утверждать, что сущ. *byľь* ‘трава, растение’, от которого образовано собирательное *byľije*, присутствовало в лексическом инвентаре старославянского языка — оно употреблено в апостольском тексте в чтении Евр 6,7 (*земля бо... раждаючи б'ыльь бл'гоу*) и сохранилось в списках разных изводов — Христ, Слепч, Шпш, Мат. Встречается сущ. *byľь* и в «Шестодневе» Иоанна Экзарха (Шест 101а 13). Также с большой долей уверенности можно утверждать, что в лексическом инвентаре старославянского языка было сущ. *stьblo* ‘стебель’, так как оно многократно встречается в произведениях Иоанна Экзарха — как в «Богословии», так и в «Шестодневе» (Бог 357а, в Шест 12 раз [!]), т. е. в списках разных изводов. И. И. Срезневский отмечает в «Богословии» Иоанна Экзарха и сущ. *гѣрїѣ* (в значении ‘репейник’) [Срезн III: 222], однако Л. Садник восстанавливает лексему *гѣрїе* (Бог 162а 1)¹. Исходное для *grōtїe* сущ. *grōtь* в значении ‘побег’ встречается в Гр.Наз. XI в. [Срезн II: 1614].

Менее надежно на основании имеющихся данных восстанавливается в старославянском языке лексема **brьselь*, от которой образовано собирательное *brьselije*. Эта лексема была в праславянском [ЭССЯ 3: 56], но в книжном языке в значении ‘черепок’ известна только в позднем списке VT, а в Чуд.псл. XI в. — в значении ‘скрижаль’ [Срезн I: 183; СлРЯ XI–XVII 1: 341]. Некоторым подтверждением того, что сущ. **brьselь* все же было в старославянском языке, является употребление образованного от него с суффиксом *-ѣn-* прил. *brьselѣnъ* в Гр.Наз. XI в.: *стѣнѣнѣ брьселѣнѣнѣ* (л. 261) [Срезн I: 185]².

Надо полагать, что, хотя в старославянском языке *collectiva* были не очень многочисленны, все же в лексическом инвентаре древних книжников их было несколько больше, чем зафиксировано в

¹ СлРЯ XI–XVII отмечает также сущ. *гѣрїѣ* в значении ‘шпш, колочка’ в списке VT XIV в. [СлРЯ XI–XVII 22: 145].

² Не очень надежно восстанавливается в старославянском языке еще одна лексема с собирательным значением — **usnїe* [usn-ij-e] ‘кожа’, которое известно по др.-русск. списку Ефр.Сир. XIII в. [Срезн III: 1267]. О ее наличии в старославянском инвентаре как будто свидетельствует образованное от нее и неоднократно употребляющееся в евангельском тексте (Ас, Сав, Мар, Боян) прил. *usnїань* ‘кожаный’ — см. в Главе IV, с. 291.

дошедших до нас старославянских рукописях. Особенно это касается наименований в мире растений. Так, в «Шестодневе» Иоанна Экзарха употребляются *borije* (Шест 29b 15; 104a 2), *jelije* (Шест 88d 6; 104a 1), *orešije* (Шест 107a 9; 107a 15), *smokъvije* (Шест 86b 5; 106b 27; 107a 9), *sosnije* (Шест 88d 7; 104a 1; 109b 18), *topolije* (Шест 88d 11; 104a 5; 104c 7), *tisije* (Шест 104a 3)¹.

Лексемы *вгълїе* и *timěnje* первоначально, возможно, также имели значение собирательности, однако в старославянских текстах это значение уже не выявляется. Судя по значениям этих лексем и их исходных для них *вгъпа* и *timěno*, суффикс *-ьj(e)* являлся в лексемах *вгълїе* и *timěnje* избыточным, а его словообразовательное значение, соответственно, нулевым. Как *вгъпа*, так и *вгълїе* имели значение 'грязь' и переводили греч. *πηλός*; как *timěno*, так и *timěnje* имели значение 'ил, тина, грязь' и переводили греч. *ἴλος*. Разница была, скорее, в частотности этих слов (т. е. употребительности в старославянских рукописях): *вгълїе* встречается 22 раза, *вгъпа* — гапакс Евх; *timěnje* встречается по одному разу в Син и Евх, *timěno* — гапакс Син. Таким образом, *вгълїе* и *timěnje* можно рассматривать как «обновленные» лексемы по отношению к *вгъпа* и *timěno*.

Употребление суффикса *-ьj(e)* в качестве избыточного представляет собой одну из примечательных и интересных черт старославянского именной словообразования. Помимо указанных выше *вгълїе* и *timěnje*, «обновление» лексем с помощью этого суффикса наблюдается во многих других случаях, причем не только как обновление «старых» славянских лексем, но и как избыточная суффиксация старославянских лексем книжного характера. Ср.: гапакс Супр *penavistije* 'ненависть' при *penavistъ* 'то же' (4 уп.); *pečъstije* 'позор, бесчестие' (14 уп.) при *pečъstъ* 'то же' (7 уп.); *utgije* 'рассвет' (перевод греч. *ὄρθρος*) при *utro* 'рассвет' (также перевод греч. *ὄρθρος*); гапакс Супр *rametije* 'память' (перевод греч. *ὑπόμνησις*) при *rametъ* 'память' (81 уп., в том числе и перевод греч. *ὑπόμνησις*);

¹ См., например, такой текст из «Шестоднева»: все же доубик горѣ течааше . и дъгъок на вѣсость вѣсходе . клнѣ же и сосник . и борнѣ . и коупарси . и тиснѣ . агнеди кжѣ и тополнѣ . все дрѣво листвнѣмь шерастъ зеленѣвааше се . (Шест 103d–104a).

romošije 'помощь' (Супр 2, перевод греч. βοήθεια) при pomošь 'помощь' (54 уп., в том числе и перевод греч. βοήθεια); гапак Син qdolije 'долина' (перевод греч. κοιλάς) при qdolь 'то же' (также перевод греч. κοιλάς); гапак Син sьnije 'сновидение' (перевод греч. ἐνύπνιον) при sьпъ 'сон', 'сновидение' (68 уп., в том числе и перевод греч. ἐνύπνιον); гапак Супр vьzvitiје 'прибыль' при vьzvitiь 'проценты, лихва'; гапак Супр zabytiје 'забвение' (перевод греч. λήθη) при zabyть 'забвение' (также перевод греч. λήθη); žitiје 'жизнь, житие' (> 100 уп., перевод многих греческих соответствий, в том числе ζωή) при гапаксе Супр žiть 'жизнь' (перевод греч. ζωή). В пределах старославянских рукописей встречается только суц. с суффиксом -ij(e) znamenije 'отличительный знак' (> 100 уп.), вытеснившее исходное *zname в том же значении (см. [Ефимова 1999а: 72]).

Особенное распространение в старославянском языке получает удвоенная суффиксация посредством суффикса -ij(e) существительных с суффиксом -stv(o). Наличие в старославянских рукописях абсолютных синонимов на -stvo и -stvije привлекало внимание палеославистов с XIX в.¹ Р. М. Цейтлин считала их «словами-вариантами» и насчитывала в пределах старославянских рукописей 23 пары таких «слов-вариантов»: bogatstvo и bogatstvije, veličstvo и veličstvije, vladučstvo и vladučstvije, vľščstvo и vľščstvije, gospodstvo и gospodstvije, lixoimstvo и lixoimstvije, ločavstvo и ločavstvije, mьноžstvo и mьноžstvije, nevěždstvo и nevěždstvije, nevěřstvo и nevěřstvije, pečuvstvo и pečuvstvije, oтьčstvo и oтьčstvije, rijanstvo и rijanstvije, prazdnstvo и prazdnstvije, prišьlstvo и prišьlstvije, gazьnstvo и gazьnstvije, svьdětelstvo и svьdětelstvije, sьrebroľubstvo и sьrebroľubstvije, xodožstvo и xodožstvije, cesarstvo и cesarstvije, človekoľubstvo и človekoľubstvije, čuvstvo и čuvstvije, jeststvo и jeststvije. Отметив отсутствие стилистических отличий в употреблении лексем на -stvo и -stvije и проведя анализ их распределения по отдельным старославянским рукописям, Р. М. Цейтлин пришла к выводу, что в истории их употребления «следует различать несколько этапов: 1) язык первых др[евне]болг[арских] переводов (с преобладанием или исключительным употреблением слов на -ство);

¹ Достаточно полный анализ литературы по данному вопросу был дан Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 159–161].

2) моравский период с широким употреблением слов на **-ьствик** параллельно со словами на **-ьство**; 3) язык СП (старославянских памятников. — В.Е.), в которых часть слов на **-ьствик** носит архаичный характер... 4) язык ЦП (церковнославянских памятников. — В.Е.) западнославянского и восточнославянского ареалов, в которых увеличивается число слов на **-ьствик** сравнительно с древне- и среднеболгарскими памятниками. Обычно это слова специфически книжные» [Цейтлин 1977: 161]. С точки же зрения словообразования удвоенная суффиксация суффиксом **-ьj(e)** существительных с суффиксом **-ьstv(o)** представляет собой явление того же порядка, что и рассмотренные выше удвоенная суффиксация при образовании *penavistije* от *penavistь*, *rametije* от *rametь* и т. п. или «обновление» при образовании *utrije* от *utro*, *sznje* от *szь*.

Только с комплексом **-ьstvij(e)** (т. е. без «варианта» на **-ьstvo**) встречаются в старославянских рукописях лексемы *bezmlъvъstvije*, *blagodarъstvije*, *bratolъbъstvije*, *сѣломѡдръstvije*, *mъžebлаžъstvije*, *podobъstvije*, *synobožъstvije*. Р. М. Цейтлин считала, видимо, комплекс **-ьstvije** в них цельным самостоятельным «формантом» [Цейтлин 1977: 137], что вполне правдоподобно, так как эти гапаксы или малочастотные лексемы появляются в старославянских рукописях, содержащих относительно поздние переводы, — главным образом, в Супр (только *сѣломѡдръstvije* — гапакс Клоц и *podobъstvije* — гапакс Евх), т. е. тогда, когда комплекс **-ьstvij(e)** уже мог восприниматься древними книжниками как цельная и «яркая» словообразовательная морфема. Однако не исключено и наличие в старославянском языке неизвестных нам «вариантов» на **-ьstvo**, по воле случая не употребленных в текстах, дошедших до нас в составе старославянских рукописей.

Как отмечалось выше, образования с рассматриваемым суффиксом мужского и женского рода, т. е. на **-ьj(ь)** и **-ьj(a)**, в старославянском лексическом инвентаре единичны. На уровне старославянского языка безусловную членность имеют лишь следующие лексемы: *gvozdъjъ* ‘гвоздь’, где суффикс **-ьj(ь)** является избыточным (ср. *gvozdъ* с тем же значением); *bratъjъ* и *bratъjъa* ‘братство, братия’, где суффикс **-ьj(a)** имеет значение собирательности (ср. *bratъ* и *bratъgъ* ‘брат’); *svinъjъa* ‘свинья’ (ср. *svinъ* ‘свиной’, первоначальное значение собирательности у суффикса **-ьj(a)** здесь ставится под сомнение [Фасмер III: 579]);

utrija ‘рассвет’, где суффикс -ьj(a) может рассматриваться как избыточный (ср. *utro* с тем же значением). Остальные лексемы вычлениют суффикс только с этимологической точки зрения. В *droždija* ‘закваска, дрожжи’ (в старославянских рукописях только в форме мн. ч. *droždiję*) и *lędvija* ‘почки; внутренности’ (в старославянских рукописях только в форме мн. ч. *lędviję*) суффикс -ьj(a) первоначально, видимо, имел значение собирательности [ЭССЯ 5: 128; ЭССЯ 15: 49]; *čřęvijъ* ‘башмак’ ЭССЯ классифицирует как первоначальное прилагательное с данным суффиксом [ЭССЯ 4: 84]. Аналогичное образование на праславянском уровне можно предполагать для *vгabijъ* ‘воробей’ и *žřębijъ* ‘жеребий; доля, наследство’ — по крайней мере суффикс -ьj(ь) вычленяется в них при сопоставлении с материалом других славянских языков [Фасмер I: 352; Черных I: 166; Фасмер II: 47–48; Черных I: 306]. Только с этимологической точки зрения вычленяется суффикс -ьj(ь)/-ьj(a) в первоначальных прилагательных *zmijъ* и *zmija* ‘змея, змея’ [Фасмер II: 100; Черных I: 326].

Несмотря на малочисленность в старославянском языке образований с суффиксом -ьj(ь)/-ьj(a) мужского и женского рода, эти модели сохраняли некоторую продуктивность, так как под нее «подстраивались» заимствования: ср. *lęntijъ* ‘льняное полотенце’ < греч. *λέντιον* ‘то же’; *maijъ* ‘май (месяц)’ < греч. *μαῖος*; *kušija* ‘каша, кутья’ < ср.-греч. *κουκία* ‘бобы’ (мн. ч.).

Суффикс -ьstv(o)

Суффикс -ьstv(o) — один из самых распространенных при образовании существительных в старославянском языке: в старославянских рукописях насчитывается 226 лексем, содержащих морф -ьstv-, в 109 из них суффикс является словообразовательным формантом. Основная функция суффикса -ьstv(o) — образование *nomina abstracta*, однако, в отличие от рассмотренных выше суффиксов -уп(i), -от(a) и -ост(ь), образовавших *nomina abstracta* от адъективных основ, суффикс -ьstv(o) был полифункциональным: с его помощью образовывались существительные как от прилагательных, так и от существительных. Отмечено несколько случаев сочетания суффикса -ьstv(o) с глагольными основами, употреблялся суффикс -ьstv(o) и в сложениях

(т. е. в образовании существительных суффиксально-сложным способом). При присоединении к основам на конечный заднеязычный согласный суффикс *-ьstv(o)* вызывал чередования *g—ž*, *k—č*, *x—š*.

Наибольшую продуктивность суффикс *-ьstv(o)* развил в старославянском языке в отсу^бстан^тивном словообразовании — в старославянских рукописях насчитывается 66 существительных, образованных с помощью суффикса *-ьstv(o)* от основ существительных. При этом суффикс *-ьstv(o)* выступал в двух моделях: 1) образовании лексем от существительных со значением лица (основная функция) и 2) участие в «обновлении» бессуффиксальных (для старославянского языка) лексем или лексем с «невыразительными» суффиксами. Большинство *nomina abstracta*, образованных от существительных со значением лица, наблюдаются в старославянских рукописях в своем первичном значении, некоторые из них развивали и значение собирательности. В случаях «обновления» лексем в результате процедуры суффиксации значение оставалось тем же или — реже — лексема употреблялось с новым оттенком значения.

По данным Словаря 1994 от существительных со значением лица с помощью суффикса *-ьstv(o)* образована 51 лексема. Основное словообразовательное значение, которое сообщает суффикс *-ьstv(o)* деривату, можно определить как обозначение присущих данному лицу свойств или качеств, понимаемых очень широко, включая характерный для лица вид деятельности. Значение собирательности — вторично. В данной модели словообразования суффикс присоединяется к самым разным производящим основам — как славянским, так и греческого происхождения, как непр^оизводным (на уровне старославянского языка), так и аффиксальным (в том числе с продуктивными и непр^одуктивными аффиксами), как однокорневым, так и двукорневым. От непр^оизводных основ образованы *bratъstvo* 'братство' (от *bratъ* 'брат') и *bratrstvo* 'братство' (от *bratъ* 'брат'), *člověčstvo* 'человечество'¹ (от *člověkъ* 'человек'), *děvъstvo* 'девственность, чистота' (от *děva* 'дева, девственница'), *gospodъstvo* 'господство' (от *gospodъ* 'господин'), *mъžъstvo* 'мужество, отвага' (от *mъžъ*

¹ Первичное значение этой лексемы как обозначение свойств, присущих человеку, «просматривается» в адвербиальном сочетании *po člověčstvu* 'по-человечески'. Ср.: *καὶ ἀλοφύσκει σαρκί — и οὐμιαρᾶται πο чловѣчеству* Супр 11,15.

‘мужчина’), *nevěststvo* ‘брак, бракосочетание’ (от *nevěsta* ‘невеста’¹), *oĵymstvo* ‘войско’ (от *oĵymъ* ‘воин’), *otъčstvo* ‘род, поколение, семья; отечество’ (от *otъčь* ‘отец’), *sirotъstvo* ‘сиротство’ (от *sirota* ‘сирота’), *synovъstvo* ‘состояние, положение сына’ (от *synъ* ‘сын’ с «прокладкой» -ov-), *vľъčstvo* ‘колдовство’ (от *vľъхъvъ*² ‘колдун, волхв’), *ženъstvo* ‘женские свойства, особенности’ (от *žena* ‘женщина’). От аффиксальных основ образованы *blōdъnicъstvo* ‘проституция’ (от *blōdъnica* [blōd-ъnica] ‘блудница’), *čistitelъstvo* ‘священство, сан священнослужителя’ (от *čistitelъ* [čist-i-teľ] ‘священнослужитель’), *gubitelъstvo* ‘гибель (как результат деятельности лица)’ (от *gubitelъ* [gub-i-teľ] ‘губитель’), *hodatajъstvo* ‘заступничество, ходатайство’ (от *hodatajъ* [hod-atajъ] ‘заступник, ходатай’), *inočъstvo* ‘иночество, монашество’ (от *inokъ* [in-okъ] ‘тот, кто живет один, инок’), *mōčitelъstvo* ‘тирания’ (от *mōčitelъ* [mōč-i-teľ] ‘мучитель; тиран’), *neplodъstvo* ‘бесплодность’ (от *neplody* [ne-plod-y] ‘бесплодная женщина’), *oĵičъstvo* ‘родство’ (от *oĵika* [oĵ-ika] ‘родственник; родственница’), *poslušъstvo* ‘свидетельство’ (от *posluxъ* [po-slux-ъ] ‘свидетель’), *progočъstvo* ‘пророчество, прорицание’ (от *progočъ* [pro-гоčъ] ‘пророк, прорицатель’), *goditelъstvo* ‘природные свойства, природа’ (от *goditelъ* [god-i-teľ] ‘родитель; творец’), *starějъšinъstvo* ‘руководство, управление; чин, сан’ (от *starějъšina* [star-ějъšin-a] ‘глава, старейшина’), *strojitelъstvo* ‘управление, обязанности настоятеля’ (от *strojitelъ* [stroj-i-teľ] ‘управляющий, настоятель’), *svědětелъstvo* ‘свидетельство’ (от *svědětелъ* [sv-věd-ě-teľ] ‘свидетель’), *učitelъstvo* ‘поучение, наставление’ (от *učitelъ* [uč-i-teľ] ‘учитель’), *vľadyčъstvo* ‘власть, владычество’ (от *vľadyka* [vľad-yka] ‘правитель, владыка’), *vojинъstvo* ‘военная служба; войско’ (от *vojинъ* [voj-inъ] ‘воин’). К этому ряду, возможно, следует добавить и *kovarъstvo* ‘хитрость, коварство’ (от **kovarъ* [kov-aľ], см. выше, с. 87).

¹ Словарь 1994 дает для *nevěststvo* значение ‘брак, бракосочетание’, однако контекст этого гапакса Супр, переводящего в предложном сочетании *bez nevěststva* греч. прил. ἀνύμφευτος ‘не вступивший в брак’ (ἀνύμφευτος ἢ κόρη — без невестства дѣвица), указывает на мотивацию именно существительным *nevěsta*.

² При образовании сущ. *vľъčstvo* (как и лексем *vľъčьba*, *vľъčьskъ*) наблюдается редукция группы согласных с альтернативой *xv : šv : sv*, на что А. Ваиан указывает в [Vaillant 1974: 378].

Исходя из данных старославянских рукописей сущ. *balъstvo* 'лечение; лекарство', вне зависимости от его этимологии [ЭССЯ 1: 151], также следует считать мотивированным существительным со значением лица *balijъ* [bal-ij-ъ] 'врач', так как корень *-bal-*, кроме сущ. *balijъ*, вычлениют только отглагольное сущ. *balovanije* 'лечение' (гапак Евх при отсутствии в старославянских рукописях глагола **balovati*) и гл. *ubalovati* 'вылечить, исцелить'. Возможно, от наименования лица **proskurъ* 'развратитель' образован и гапак Супр *proskurъstvo* 'продажность' [?]¹, однако сущ. *proskurъ* известно нам только по списку Златоустрия XII в. [Срезн II: 1569; СлРЯ XI–XVII 20: 220].

От двукорневых основ образованы *čъpnogizъstvo* 'монашество' (от *čъpnogizъсь* [čъpn-o-giz-ъсь] 'монах'), *liceměъstvo* 'лицемерие' (от *liceměъ* [lic-e-měъ] 'лицемер'), *ľuboděъstvo* 'прелюбодейство' (от *ľuboděъ* [ľub-o-děъ] 'блудник'), *prěľuboděъstvo* 'прелюбодейство' (от *prěľuboděъ* [prě-ľub-o-děъ] 'прелюбодей'), *vojevodъstvo* 'должность военачальника' (от *vojevoda* [voj-e-voda] 'военачальник'), *zľoděъstvo* 'злодейство' (от *zľoděъ* [zľo-o-děъ] 'злодей'), *vъsedrъžitelъstvo* 'всевластие' (от *vъsedrъžitelъ* [vъs-e-drъž-i-teľ] 'вседержатель'). Довольно много в старославянских рукописях подобных образований и от существительных-гречизмов: гапак Ен *apostolъstvo* 'апостольство' от *apostolъ* 'апостол' (греч. ἀπόστολος), *dijakonъstvo* 'ектения; дьяконы' от *dijakonъ* 'дьякон' (греч. διάκονος), *episkurъstvo* 'епископство; епископы' от *episkurъ* 'епископ' (греч. ἐπίσκοπος), *ijerejъstvo* 'иерейство (сан)' от *ijerejъ* 'иерей, священник' (греч. ἱερεύς), *kъrstijanъstvo* 'христианство' от *kъrstijanъ* 'христианин' (греч. χριστιανός), *patriaršъstvo* 'патриаршество' от *patriarхъ* 'патриарх' (греч. πατριάρχης), *prezvuteъstvo* 'священство' от *prezvuteъ* 'священник' (греч. πρεσβύτερος), *ritorъstvo* 'красноречие' от **ritogъ* 'оратор' (греч. ῥήτωρ)², *anagnostъstvo* 'служба чтеца', возможно,

¹ Указанное старославянскими словарями значение 'продажность' [Словарь 1994: 526; SJS III: 375] не представляется бесспорным для единственного употребления этой лексики, где его можно определить и как 'разврат'. Контекст следующий: ἡ γὰρ τῶν νηπίων φύσις οὐκ οἶδε διαμηνᾶναι πανουργίαν — младеништѣ бо кстьство . не вѣстьтъ пронырнн ни проскоупства Супр 337,24.

² Судя по употреблению лексики *ritogъ* в апостольском тексте Деян 24,1, сохранившейся как в Христ, так и в Мат (т. е. в древнейших списках как

от *anagnostь (греч. ἀναγνώστης)¹. Сочетаемость словообразовательной морфемы с основами греческого происхождения всегда свидетельствует о ее высокой продуктивности в старославянском языке.

Остальные случаи образования существительных с суффиксом -ьstv(o) от существительных — это примеры «обновления» бессуффиксальных (для старославянского языка) лексем или лексем с «невыразительными» суффиксами при помощи яркого и продуктивного суффикса. Среди отмеченных в старославянских рукописях к ним относятся следующие лексемы: гапак Супр doвььstvo 'должное количество' (ср. сущ. doвьь, имеющее в своей структуре значений то же значение и переводящее то же греч. αὐτόρκεια), гапак Супр пергijaznъstvo 'злоба, зло' (ср. сущ. пергijazнь, имеющее в своей структуре значений то же значение и переводящее то же греч. πονηρία), сущ. пропугьство 'подлость, вероломство' (ср. сущ. пропугь с тем же значением), гапак Клоц razbojъstvo 'разбой' (ср. сущ. razbojъ с тем же значением), rodъstvo 'рождение; род; родословие' (ср. сущ. rodъ, имеющее в своей структуре значений такие же значения)², ubojъstvo 'убийство' (ср. сущ. ubojъ тем же значением и также переводящее греч. φόβος). Гапак Супр nevězъstvo 'неведение, незнание' тоже, видимо, является результатом «обновления» не встречающейся в

русского, так и сербского изводов), и наличию в Супр образованного от нее по регулярной модели прилагательного с суффиксом -ьsk- гитогьскъ, она входила в лексический фонд старославянского языка, хотя и не встречается в дошедших до нас старославянских рукописях. Однако нельзя вместе с тем не отметить тенденцию переводить греч. ρήτωρ славянскими лексемами: в Супр 400,1 ρήτωρ переведено как větiji, в тексте тропаря Петру и Павлу в древнейшей рукописи Охридского апостола ρήτωρ переведено как učiteľъ (кама ли цр̑ви не имѣ тебе оучителѣ Охр 110а 7, данные ГСКарт.).

Мотивирующее существительное для гапакса Супр anagnostъstvo в пределах старославянских рукописей также не встречается. И хотя грецизм anagnostъ отмечен в более поздних церковнославянских памятниках — см. [SJS I: 33; Срезн I: 22], возможно, этот гапак возник непосредственно при переводе греч. τὸν ἀναγνώστῶν τάξις как образование от греческого сущ. ἀναγνώστης 'чтец'.

² Образование с суффиксом -ьstv(o) от глагольной основы сущ. rodъstvo, во многом совпадающего по значению с сущ. rodъstvo, возможно, спровоцировано наличием отыменного образования.

старославянских рукописях лексемы *nevěžda с первоначальным праславянским значением 'незнание'¹. Результатом «обновления» лексемы *rěžogъ, не встречающейся в старославянских рукописях, но многократно отмеченной в списках VT с несохранившихся старославянских протографов [Срезн II: 1648]², следует считать, видимо, и сущ. rěžogъstvo 'высокомерие, надменность, гордость'.

Несколько пар лексем различаются по значениям. При образовании гапакса Супр veštъstvo 'материальная действительность, вещественность' имело место, возможно, помимо желания древнего книжника «обновления» лексемы veštъ, получившей в старославянском языке широкий спектр значений (в том числе и новых) — 'вещь, предмет; материя; сущность, суть и др.', также и закрепление за этой лексемой нового оттенка значения. Разные значения имеют сущ. tьgъ 'рыночная, торговая площадь' и образованное от него сущ. tьgъstvo 'торжество', хотя семантическая связь этих значений и «выводимость» второго из первого очевидна. Подобное соотношение значений наблюдается и у сущ. poroda 'рай' и образованного от него сущ. porodъstvo 'возрождение'³.

¹ Лексема *nevěžda лишь потом получила распространенное в славянских языках значение лица — в результате переноса значения с первоначального 'незнание' [ЭССЯ 25: 65].

² Наличие в старославянском лексическом инвентаре сущ. rěžogъ подтверждается и многократным употреблением образованной от него по регулярной модели с суффиксом -iv- прил. rěžogivъ в списках, восходящих к связанному с Преславской школой старославянским протографом, причем с различных произведений — 6 раз в Изб 1073, в ПрК (цитата Рим 1,30) и др.

³ Нет сомнений в том, что в старославянском языке гл. poroditi имел не только значение 'родить, породить', но и незафиксированное в старославянских рукописях значение 'возродить'. Последнее мы отмечаем у этого глагола в апостольском тексте I Петр 1,3 как в Христ, Шиш, так и в Мат, т. е. в древнейших списках как русского, так и сербского изводов. В пределах старославянских рукописей это значение отражено в отглагольном сущ. roždenije, которое помимо значения 'рождение' имеет и значение 'возрождение' (Клоц, Супр), а также и в образованном с суффиксом -ъstv(o) от глагольной основы сущ. poroždъstvo 'возрождение'. Об осмыслении сущ. poroda по народной этимологии как связанного с годъ см. [Фасмер III: 330], однако, возможно, оно не «производное от *rodъ*», а отглагольное от *poroditi*.

Как показывают приведенные примеры, значение в этих случаях у обоих членов «словообразовательной пары» либо одинаковое, либо различается оттенками, причем эти различия можно отнести и на счет развития семантики уже на базе существительных с суффиксом -ъstv(o), и даже отличий в значениях контекстных. Таким образом, собственно словообразовательное значение суффикса -ъstv(o) здесь можно считать нулевым.

Существительные, образованные от адъективных основ с суффиксом -ъstv(o), в старославянском языке встречаются в два раза реже (31 лексема), чем образованные с этим суффиксом от субстантивных основ (66 лексем). В отличие от суффиксов -ot(a) и -ost(ь), которые наблюдаются в сочетании, главным образом, с непронизводными основами, суффикс -ъstv(o) сочетается как с непронизводными основами, так и с основами, осложненными аффиксами; как с основами, осложненными непродуктивными суффиксами, так и с основами, осложненными продуктивными суффиксами. При этом семантика исходных прилагательных очень разнообразна. От прилагательных с непронизводными (на уровне старославянского языка) основами образованы: гапак Супр *viъstvo* 'неразумность' от *viъ* 'неразумный' (ср. более распространенное образование с суффиксом -ost(ь) *viъestъ*, встречающееся в Евх и Супр с тем же значением и переводящее то же греч. *μωρία*), гапак Евх *jedinъstvo* 'единство' от *jedinъ* 'общий, тот же', гапак Супр *mъdrъstvo* 'мудрость, рассудительность' от *mъdrъ* 'мудрый, рассудительный', (ср. гораздо более распространенное образование с суффиксом -ost(ь) *mъdrostъ*, встречающееся в большинстве старославянских рукописей с тем же значением и переводящее — в числе других соответствий — то же греч. *φρόνησις*), тьпоъstvo 'множество' от тьпогъ 'многий, многочисленный', гапак Супр *obъstvo* 'сообщество' от *obъ* 'общий, совместный', *gъdъstvo* 'глупость, безрассудство' от *gъdъ* 'глупый, безрассудный', гапак Супр *svetъrъstvo* 'необузданность, неистовство' от *svetъrъ* 'свирепый; дикий, неприрученный'.

Для ряда существительных этой группы мотивирующие их прилагательные не встречаются в старославянских рукописях, но восстанавливаются в лексическом инвентаре старославянского языка с высокой степенью вероятности. Гапак Супр *debelъstvo* 'полнота'

образован от прил. *debelъ, которого нет в старославянских рукописях, но оно многократно встречается в «Богословии» и «Шестодневе» Иоанна Экзарха, причем в списках разных изводов, а также 5 раз и в Изб 1073. Сущ. ходоѣство 'мудрость; хитрость; коварство' образовано от прил. *ходоѣ¹; гапакс Супр газыѣство 'различье, разнища' — от прил. *газыѣ, которое в пределах старославянских рукописей встречается только в адвербиализованной форме Асс. ср. р. газыѣно 'раздельно'². Только в адвербиализованных формах Асс. — либо ж. р. protivъ (в функции наречия и предлога), либо м. р. protivъ (в функции наречия), либо ср. р. protivъ (в функции предлога) — встречается в старославянских рукописях праславянское адъективное образование *protivъ (см. [Фасмер III: 383]), от которого образовано сущ. protivъство 'тирания, преследование'. Для гапакса Снн матеръство 'дряхласть' можно указать только праслав. *materъ³.

От аффиксальных прилагательных образованы: bogatъство 'богатство' от bogatъ [bog-at-ъ]⁴ 'богатый', гапакс Супр doblъство 'подвиг' от doblъ [dob-l-ъ] 'доблестный' (ср. образование с суффиксом -ost(ъ) и с тем же значением doblěstь), dostojъство 'достоинство' от dostojъпъ [do-stoj-ъп-ъ] 'достойный', dřexlъство 'скорбь' от dřexlъ [dřeχ-l-ъ] 'скорбный, печальный'⁵, govějъство 'набожность, благочестие' от govějъпъ [gověj-ъп-ъ] 'набожный, благочестивый', lqkavъство 'зло,

¹ О вероятности наличия в старославянском языке прил. *ходоѣ см. в [Ефимова 1999а: 73].

² В собственно адъективной форме прил. газыѣ многократно отмечено в списках со старославянских протографов — 5 раз в Изб 1073, в Изб 1076 л. 230,13, а также в других ц.-слав. списках (см. [SJS III: 599; Срезн III: 62]).

³ Для праслав. *materъ(ъ)/*matogъ(ъ), родственного лат. *matūrus* 'зрелый', ЭССЯ указывает огласовку *matogъ(ъ) как более старшую [ЭССЯ 17: 247]. Корень -mater/mator- (с двумя вариантами огласовок) на старославянском материале вычленяется в сущ. materъство при сопоставлении с гл. zamatorěti [za-mator-ě-ti] 'состариться'.

⁴ В старославянском языке прил. bogatъ 'богатый' еще вычленяло суффикс -at- на фоне прил. ubogъ 'очень бедный, нищий'.

⁵ Возможно, в старославянском языке были образования от основы dřeχl- и с суффиксами -ost(ъ) и -ot(a), но мы обнаружили их в списках со старославянских протографов пока только древнерусского извода [Срезн I: 738; СДЯ XI–XIV III: 96; СлРЯ XI–XVII 4: 367]; см. также Шест-Бар 1326 17.

коварство' от *lǫkavъ* [*lǫk-av-ъ*] 'очень плохой, коварный', *mladenstvo* 'младенчество' от *mladъ* 'младенческий' с наращением *-en-*, гапак Супр *nedostojъnъstvo* 'недостойность' от *nedostojъnъ* [*ne-do-stoj-ъn-ъ*] 'недостойный', *neistovъstvo* 'безумие, неистовство' от *neistovъ* [*ne-ist-ov-ъ*] 'безумный, неистовый', гапак Евх *obidъlivъstvo* 'несправедливость' от *obidъlivъ* [*obid-ъliv-ъ*] 'несправедливый', *rijanъstvo* 'пьянство' от *rijanъ* [*ri-j-a-n-ъ*] 'пьяный', *prazdъnъstvo* 'праздность; праздник' от *prazdъnъ* [*prazd-ъn-ъ*] 'пустой, незанятый, праздный', *prostranъstvo* 'пространство' от *prostranъ* [*pro-stra-n-ъ*] 'широкий, просторный' и *prostranъstvo* 'искренность, чистосердечие' от *prostranъ* 'искренний, чистосердечный'¹, *světъstvo* 'светлость' от *světъ* [*svět-ъ-ъ*] 'светлый, сверкающий' (ср. образования от той же основы с суффиксами *-ostъ* и *-ot(a)* со сходными значениями), *veličъstvo* 'большая величина; величие' от *velikъ* [*vel-ik-ъ*] 'большой; великий', *velijъstvo* 'необычайно большая величина' от *velijъ* [*vel-ij-ъ*] 'большой'. Два существительных образованы от адъективированных причастных форм: гапак Супр *blaženъstvo* 'блаженство' от *blaženъ* [*blaž-en-ъ*] 'счастливый, блаженный' (гл. *blažiti*), *trpělъstvo* 'терпение, терпеловость' от *trpělъ* [*trp-ě-l-ъ*] (гл. *trpěti* 'терпеть').

Относительно немногочисленные образования с суффиксом *-ъstv(o)* от глагольных основ для старославянского языка можно считать экспансией продуктивного суффикса в несвойственную ему сферу словообразования. В старославянских рукописях — это четыре лексемы, образованные от основ инфинитива, с «прокладками» после основ, оканчивающихся на гласный: *čujъstvo* [*ču-j-ъstv-o*] и *čuvъstvo* [*ču-v-ъstv-o*] от гл. *čuti* — с «прокладками» *-j-* и *-v-*, *dějъstvo* [*dě-j-ъstv-o*] от гл. **děti* с «прокладкой» *-j-*, *ubiъstvo* [*ubi-j-ъstv-o*] от гл. *ubiti* с «прокладкой» *-j-*, одна лексема, образованная от основы наст. вр.: *jestъstvo* от формы 3 л. ед. ч. *jestъ* глагола *byti*. Возможно, гапак Хил *nevědъstvo* — перевод греческого соответствия *ἄγνοια* с отрицательным префиксом *α-* — был образован на базе глагольного сочетания с отрицательной частицей *ne vědati* (ср. *nevězъstvo* и *nevěděníje*, также переводящие греч. *ἄγνοια*).

¹ В пределах старославянских рукописей прил. *prostranъ* в значении 'искренний, чистосердечный' встречается только в адвербиализованной форме Асс. ср. р. *prostrano* 'искренне, чистосердечно'.

С помощью суффикса *-ьstv(o)* был образован также ряд сложений. Суффиксально-сложным способом образованы сложения с опорным компонентом как именной, так и глагольного происхождения. На базе гл. *ľubiti* — *bratoľubьstvo*, *člověkoľubьstvo*, *сьrebroľubьstvo*, гл. *iměti* — *сętoimьstvo*, *lixoimьstvo*, гл. *ubiti* — *хгьstoubijьstvo*, на базе сущ. *rodь* образовано сущ. *dobrorodьstvo*, сущ. *boгь* — *мьnogoboгьstvo*, сущ. *věra* — *zьlověгьstvo*.

Большинство существительных с суффиксом *-ьstv(o)*, в том числе и явно новые, книжные лексемы, с словообразовательной точки зрения представляют собой самостоятельные старославянские образования, не являясь морфологическими кальками с греческих соответствий. Об этом свидетельствует наблюдаемое во многих случаях различие морфологических и словообразовательных структур соответствующих старославянских и греческих слов. Ср., например, сущ. *čistitelьstvo* [*čist-i-tel'ьstvo*], где производящая основа имеет суффикс деятеля *-tel'ь*, и его соответствие *ἱερῶσύνη* [*ἱερ-ω-σύνη*], где *-σύνη* — суффикс, образовывавший в греческом *nomina abstracta*; или сущ. *kovarьstvo* [*kov-ag-ьstvo*], где производящая основа имеет суффикс деятеля *-ag-*, и его соответствие *τρόπος* [*трѡп-ос*], не содержащее специфических словообразовательных суффиксов отглагольное существительное. Следует отметить также возможность соответствия старославянских существительных с суффиксом *-ьstv(o)* нескольким греческим лексемам. Так, *moгьstvo* соответствует греч. *ἀνδρεία*, *ἀριστεία* и *θρόσος*; встречающееся в старославянских рукописях пять раз *prokazьstvo* соответствует в них трем греческим лексемам *κακοουρία*, *τέχνη*, *ἐπιθεσία*; трижды употребленное в старославянских рукописях *prězogьstvo* соответствует трем греческим *ὑπερηφανία*, *θρόσος*, *περλερεία*. Как отмечала еще Р. М. Цейтлин, «греч[еские] соотв[етствия] слов на *-ьствик* и *-ьство* имеют самые разнообразные структуры, перевод осуществлялся по словам» [Цейтлин 1977: 156].

Вместе с тем в образовании ряда существительных с суффиксом *-ьstv(o)* нельзя не заметить влияния соответствующих слов из греческих оригиналов. Это прежде всего касается префиксальных образований. Гапаксы *Supr* *nečuvьstvo* и *nedostojьstvo* образованы путем префиксации от более распространенных *čuvьstvo* (*Supr* 3) и *dostojьstvo* (*Supr* 2, *Xпл* 1) в соответствии с греч. *ἀναίσθησις*

[ἀν-αισθησία] и ἀνάξιον [ἀν-άξιον] соответственно, префигированными отрицательным префиксом α- (алломорф ἀν-). Также и гапак Супр *perǝzognstvo* образован с отрицательным префиксом от сущ. *prǝzognstvo*, а префикс *pe-* также соответствует греч. α- в ἀκενόδοξον, — хотя в остальном морфемные структуры двукорневого композита ἀκενόδοξον [ἀ-κεν-ό-δοξ-ον] и ст.-слав. *perǝzognstvo* [pe-prǝ-zog-ъstv-o] с двумя префиксами не совпадают¹. Также путем префиксации префиксом *sz-* образован гапак Супр *szǝdǝjstvo* — от более распространенного *dǝjstvo* (Супр 2, Зогр-лл 1). При этом структура сущ. *szǝdǝjstvo* явно калькирует структуру его греческого соответствия, префиксального сущ. συνέργεια [συν-έργεια]². Гапак Супр *pezǝvǝtstvo* образован префиксально-суффиксальным способом от *szǝvǝt* — аналогично греческому префиксально-суффиксальному образованию с отрицательным префиксом α- ἀβουλία [ἀ-βουλ-ί-α] (от βουλή); сущ. *pezǝvǝtstvo* — от *vǝra* аналогично греч. ἀπιστία [ἀπιστία] (от πίστις); *pezǝvǝtstvo*, как указано выше, — в соответствии с греч. ἄγνοια. Изоморфны греческим соответствиям с α- privativum ἀθανασία и ἀθεία и префиксально-суффиксальные образования с суффиксом *-ъstv(o)* и префиксом *bez-* *bezъmъrǝtstvo* и *bezbožstvo*.

Кальками греческих соответствий являются несколько двукорневых лексем, образованных с суффиксом *-ъstv(o)* суффиксально-сложным способом. В сложениях на базе гл. *ǝubiti* (как и в других сложениях на базе гл. *ǝubiti*, см. с. 82, 147) наблюдается перемена мест компонентов в сравнении с греческими соответствиями, так как компонент с глагольной семантикой в старославянских сложениях должен быть опорным: греч. φιλαδελφία [φιλ-αδελφ-ί-α] —

¹ Ср. образования с суффиксом *-ъstv(o)*, в которых префикс *pe-* входил в производящую основу: *neistovstvo* [neistov-ъstv-o] (греч. μανία) от *neistovъ* (7 уп.), *perlodstvo* [perlod-ъstv-o] (греч. στειρώσις) от *perlody* (13 уп.), *perǝjaznstvo* [perǝjazn-ъstv-o] (греч. πονηρία) от *perǝjaznъ* (29 уп.). Сущ. *pezǝtstvo*, образованное от прил. *nezuty*, имеет соответствием греч. ἀπληστία с отрицательным префиксом α-, однако этот префикс обнаруживается уже в греческом соответствии прилагательного *nezuty* — ἀπληστος.

² В подобранном М. Капалдо греческом тексте гапак *szǝdǝjstvo* в Супр 197,7 соответствует греч. συνέργεια (см. цитируемое издание). В Словаре 1994 указано соответствие συναρισ по устаревшим данным К. Маѳера (см. [Meуer 1935: 242]).

bratolubstvo; греч. φιλανθρωπία [φιλ-ανθρωπ-ι-α] — človekolubstvo; греч. φιλαργυρία [φιλ-αργυρ-ι-α] — sьrebroľubstvo. Глагольное происхождение имеют также опорные компоненты лексем хгъstoubijstvo (от гл. ubiti) — греч. χριστοκτονία [χριστ-ο-κτον-ι-α] и lixoimstvo (от гл. iměti) — греч. πλεονεξία [πλεον-εξ-ι-α]. С опорным компонентом именного происхождения образованы dobrorodstvo — греч. εὐγένεια, тьпnogobožstvo — греч. πολυθεία, зьlověgstvo — греч. ἑτεροδοξία. Отметим, что если сущ. dobrorodstvo и тьпnogobožstvo являются семантически точными кальками своих греческих соответствий, то зьlověgstvo 'ложная вера, ересь' калькирует греч. ἑτεροδοξία с неполным соответствием семантических структур первых компонентов (ср. ст.-слав. зьль 'плохой' и греч. ἕτερος 'другой', т. е. ἑτεροδοξία буквально означало 'другое мнение').

Некоторые с лексем суффиксом -stv(o) калькируют те же греческие соответствия, что и лексем с суффиксом -bj(e), причем кальки с суффиксом -bj(e), как правило, более частотны, а иногда употребляются и в большем количестве рукописей, т. е. более «укорененны» в языке. Ср.: греч. ἄθανασία — гапакс Евх безьмгьtstvo и безьмгьtije (5 уп. в Евх, Клоц и Супр); греч. φιλαδελφία — гапакс Супр bratolubstvo и bratolubije (2 уп. в Евх); греч. φιλανθρωπία — človekolubstvo (4 уп. в Супр) и človekolubije (29 уп. в Евх, Клоц и Супр); греч. εὐγένεια — dobrorodstvo (3 уп. в Супр) и гапакс Супр dobrorodije; греч. πλεονεξία — гапакс Спн lixoimstvo и гапакс Зогр lixoimije; греч. φιλαργυρία — sьrebroľubstvo (3 уп. в Супр) и sьrebroľublenije (6 уп. в Клоц и Супр). Учитывая то, что суффиксу -bj(e) было более свойственно участие в суффиксальном оформлении калек, чем суффиксу -stv(o) (см. с. 147–148), образование калек с последним можно рассматривать как экспансию продуктивного и поливалентного суффикса -stv(o) в «сферу действия» суффикса -bj(e), как попытки древних книжников создать «более удачные» кальки, с более яркой значащей последовательностью фонем [stv], чем в суффиксе -bj(e).

Для формирования старославянского фонда книжной лексики было характерно образование от существительных с суффиксом -stv(o) глаголов с суффиксом -ova- (apostolstvo — apostolstvovati, děvstvo — dějstvovati и т. п.), что способствовало возникновению

комплекса *-ьstvova-*, начавшего функционировать как единый словообразовательный формант уже в эпоху существования старославянского языка. Всего в старославянских рукописях насчитывается 41 глагол с комплексом *-ьstvova-*¹: *apostolьstvovati*, *blagodarьstvovati*, *blagoslovesьstvovati*, *blagovєstьstvovati*, *bogoslovesьstvovati*, *цєlomьdrьstvovati*, *цєсарьstvovati*, *цєtvьrtьvlastьstvovati*, *цєvьstvovati*, *darьstvovati*, *dєjьstvovati*, *gobьzьstvovati*, *izbyтьчьstvovati*, *lєpьstvovati*, *likьstvovati*, *lьzєposlušьstvovati*, *lьzєsvєdєtelьstvovati*, *mьdrьstvovati*, *napastьstvovati*, *naslєdьstvovati*, *nevєzьstvovati*, *oqženosьstvovati*, *otьdesєtьstvovati*, *oqrodьstvovati*, *plodonosьstvovati*, *poslєdьstvovati*, *poslušьstvovati*, *pospєšьstvovati*, *prazdnьstvovati*, *prіšьstvovati*, *progočьstvovati*, *razьstvovati*, *starejьšьstvovati*, *stьdєjьstvovati*, *stьprazdnьstvovati*, *svєdєtelьstvovati*, *svєstьstvovati*, *vєrьstvovati*, *vьslєdьstvovati*, *zasvєdєtelьstvovati*.

Особо здесь следует отметить, что наличие в старославянском языке глагола с комплексом *-ьstvova-* не обязательно предполагало наличие в нем существительного с суффиксом *-ьstv(o)*, п, следовательно, наличие такого глагола не может служить основанием для «восстановления» соответствующего существительного с суффиксом *-ьstv(o)* в лексическом инвентаре старославянского языка. Так, совершенно очевидно, что, например, гапак Супр *oqženosьstvovati* 'охранять с оружием' (значение контекстное, но именно оно указано в Словаре 1994) был образован на базе словосочетания *positi oqžije* с помощью комплекса *-ьstvova-* как единого словообразовательного форманта в процессе калькирования греческого композита *δορυφορεῖν*, образованного, в свою очередь, на базе сущ. *τό δορυ* 'копье' и гл. *φορεῖν* 'носитъ'²; также с помощью комплекса *-ьstvova-* как

¹ Р. М. Цейтлин насчитывала 42 глагола этого типа за счет включения в их число глагола *vezьчьstvovati* [Цейтлин 1977: 158]. В данном глаголе отрезок *-ьst-* представляет собой большую часть производящей основы мотивирующего сущ. *чьсть*, однако, возможно, древним книжником именно яркая последовательность фонем [*ьstvova*] воспринималась здесь как значащая часть слова. В таком случае в этом глаголе можно усмотреть своеобразное наложение морфов, что оправдывает включение его в ряд старославянских глаголов с комплексом *-ьstvova-*.

² А. Достал на основании наличия гл. *oqženosьstvovati* «восстанавливал» сущ. **oqženosьstvo* [Dostal 1954: 201]. Однако, если следовать на этом принципе реконструкции старославянских лексем, с этим трудно согласиться,

единого словообразовательного форманта был образован гл. *vъslѣdъstvovati* 'следовать/последовать, идти/пойти вслед' — от наречия *vъslѣdъ* 'следом, сзади' (ср. образованный от того же наречия с помощью суффикса *-ova-* гл. *vъslѣdovati* с тем же значением), и т. п.

Видимо, в единый словообразовательный формант, начавший функционировать в качестве суффикса прилагательных тоже в эпоху существования старославянского языка, сложился и комплекс *-ъstvъn-*, — как результат довольно частого образования прилагательных с суффиксом *-ъn-* от существительных с суффиксом *-ъstv(o)*. Р. М. Цейтлин насчитывала в старославянских рукописях 19 прилагательных «на *-ъstvъnъ*», отмечая, что некоторые из них не имеют «соответствующих существительных» [Цейтлин 1977: 158]¹. Действительно, гапаксы Супр *bezdarъstvъnъ* и *svojevolъstvъnъ* в отсутствие существительных **darъstvo* и **volъstvo* должны были быть образованы с помощью форманта *-ъstvъn-*: *bezdarъstvъnъ* 'неблагодарный' — префиксально-суффиксальным способом от сущ. *darъ*, калькируя греч. *ἄχαριστος*, где *ἄ-*-privativum передается славянским префиксом *bez-*; *svojevolъstvъnъ* 'добровольный, по собственной воле' — суффиксально-сложным способом на базе сущ. *volъ* в качестве опорного компонента. Композит *dobrodarъstvъnъ* 'благодарственный' (гапакс Супр), калькирующий греч. *εὐχαριστήριος*, возможно, был

так как такое существительное в списках, восходящих к старославянским протограммам; нам пока не встречалось и вряд ли реально могло существовать.

¹ Правда, с конкретным перечнем этих лексем, указанным Р. М. Цейтлин, трудно согласиться. Так, Р. М. Цейтлин называет следующие прилагательные как не имеющие «соответствующих существительных»: *bezdarъstvъnъ*, *bezъsvъstvъnъ* (в Словаре 1994 дано *beъsvъstvъnъ*, с изменением группы согласных на морфемном шве), *dobrodarъstvъnъ*, *svojevolъstvъnъ*, *tvъveličъstvъnъ*, *jedъnojestъstvъnъ* и *jedinojestъstvъnъ*. Однако *bezъsvъstvъnъ*, *tvъveličъstvъnъ*, *jedъnojestъstvъnъ* и *jedinojestъstvъnъ* образованы от зафиксированных в старославянских рукописях существительных с суффиксом *-ъstv(o)* *ъsvъstvo* (Супр 3), *veličъstvo* (Син, Ен, Киев, Супр) и *jestъstvo* (Евх, Супр): *bezъsvъstvъnъ* — префиксально-суффиксальным способом, повторяя частично структуру греческого соответствия *ἀναίσθητος* [*ἀν-αίσθητ-ος*] с *ἄ-*-privativum; *tvъveličъstvъnъ*, *jedъnojestъstvъnъ* и *jedinojestъstvъnъ* — суффиксально-сложным способом на базе *veličъstvo* и *jestъstvo* в качестве опорных компонентов.

образован по аналогии с лексемой *blagodarъstvъnъ*, которая имела то же значение и также калькировала греч. *εὐχαριστήριος*. Здесь наблюдается характерная для книжников Преславской школы замена первого компонента композит *blago-* на компонент *dobro-*.

Малопродуктивные суффиксы

В предыдущих разделах, посвященных таким суффиксам, как *-in(a)*, *-ot(a)*, *-ost(b)*, мы отмечали, что продуктивность этих общеславянских суффиксов в старославянском языке, несмотря на довольно большое количество слов с ними в старославянских рукописях, может быть весьма ограниченной. Далеко не всегда высокую продуктивность демонстрируют в старославянском языке и другие продуктивные славянские суффиксы. Ряд суффиксов хорошо вычленяется в старославянских лексемах путем сопоставления их с однокоренными лексемами, в рамках старославянского лексического инвентаря могут обнаруживаться и «словообразовательные пары» с ясными отношениями мотивации, однако эти суффиксы не использовались активно древними книжниками для создания новых лексем. Непродуктивные и малопродуктивные суффиксы находим, как правило, в «старых» лексемах, относящихся к слою обыденной лексики, вошедших в старославянский язык из народной славянской речи. В зависимости от содержания текстов, «старые» лексемы могут демонстрировать как высокую, так и низкую частотность. «Укорененные» в языке, они «обрастают» производными от них лексемами, поэтому в старославянском языке употребляются группы однокоренных лексем, в которых непродуктивные и малопродуктивные суффиксы выступают не только как словообразовательные морфемы, но и как вычленяемые морфы. Как было показано в Главе II на примере лексем, содержащих восходящий к индоевропейскому суффиксу **-men-* элемент *-me/-men-* (см. с. 31 и сл.), лексемам с непродуктивными и малопродуктивными суффиксами была присуща разная степень членности: в одних лексемах суффикс определяется лишь с этимологической точки зрения, в других он вычленяется путем сопоставления с однокоренными словами — при сохранении между ними семантических связей, а для некоторых из них можно даже установить словообразовательные отношения мотивации.

Ряд малопродуктивных суффиксов обнаруживается в довольно больших группах встречающихся в старославянских рукописях лексем. Иногда можно определить и их основное словообразовательное значение в старославянском языке.

Словообразовательное значение семи существительных с суффиксом *-išt(ь)* определяется достаточно четко как название 'маленького (молодого) живого существа': *dětištъ* 'ребенок' (от *děti* 'дети, мн. ч. '); *grъlīcištъ* 'птенец горлицы' (от *grъlica* 'горлица'); *kozъlištъ* 'козленок' (от *kozъlъ* 'козел'); *mladeništъ* 'младенец' и *mladēništъ* 'то же', в которых суффикс *-išt(ь)* вычленяется при сопоставлении с лексемами *mladēнь* 'младенец' и *mladēньсь* 'то же'; *otrocištъ* 'мальчик, дитя' (от *otrokъ* 'то же'); *ryištъ* 'воробей', в котором суффикс *-išt(ь)* вычленяется при сопоставлении с лексемами *ryica* 'птица', *ryetельсь* 'птенец'; *gobičištъ* 'слуга', в котором суффикс *-išt(ь)* вычленяется при сопоставлении с лексемами *gobъ* 'раб; слуга', *gobota* 'рабство, неволя', *gobjъskъ* 'относящийся к слугам'.

Р. М. Цейтлин и другие авторы старославянских словарей рассматривают отрезок текста *kaग्रъlīcištъ* в чтении Л 2,24 в Зогр, Мар и Ас (как известно, древнейшие славянские рукописи — рукописи *scriptum continua*) в качестве старославянской лексемы, т. е. как существительное *kaग्रъlīcištъ* со значением 'птенец горлицы' [Цейтлин 1977: 195; Словарь 1994: 279; SJS II: 1]. Текст предлагается делить на слова следующим образом: *и дати жрътвъж по реченоумоу . въ законѣ гнѣ . дъва кагрълнчншта . дъва пьтѣньца голъбнна*. Р. М. Цейтлин считает при этом, что *kaग्रъlīcištъ* — двукорневое сложение и «глубокий архаизм» [Цейтлин 1977: 195]. Нам представляется, однако, более вероятным деление этого места на слова как *дъвака грълнчншта* (т. е. 'пару птенцов'), аргументированное А. Е. Супруном², тем более что греч. *τρυών* в этом чтении в Сав переводится как *grъlīcištъ*: *и дати жрътвъж по реченоумоу . въ законѣ гнѣ . ли ѣ грълнчница . ѣ пьтеньца . голъбнна* (Сав л. 139).

¹ О лексемах *mladēнь* и *mladēньсь* см. [Цейтлин 1977: 110–111].

² А. Е. Супрун справедливо указывает на лексему *дъвачьць* со значением 'близнец', употребленную в переводе Хроникки Георгия Амартола и образованную с суффиксом *-ьс(ь)* от слова **дъвацьк* [Супрун 1961: 33].

небольшое количество лексем с суффиксом *-ъсї(i)/-ъсї(i)* в собственно старославянских рукописях (встречаются, главным образом, в Супр), в практике книжников Преславской школы употребление их, видимо, было достаточно интенсивным: уже в результате исследования В. А. Погорелова 1914 г. стало очевидным, что довольно широкое распространение лексем «с окончанием *-чи*» в церковнославянских памятниках обязано протографам эпохи царя Симеона [Погорелов 1914: 13–16]. Это мнение разделяла и Р. М. Цейтлин, которая считала, что «эти слова вошли непосредственно из живой речи и связаны с восточноболгарским ареалом» [Цейтлин 1977: 124].

Определенное словообразовательное значение наименования действующего лица имеет суффикс *-ataj(ь)*, однако этот суффикс, восходящий к балто-славянскому **-tāje-*, обнаруживается всего в нескольких старославянских лексемах¹: *xodatajъ*, *isxodatajъ*, *rovodatajъ*, *pozodatajъ*, *gatajъ*. Из них, как отмечал еще А. Меїе, только суц. *gatajъ* имело общеславянское распространение [Meillet 1905: 390]. Вариант суффикса *-ataj(ь)* — чисто славянский и, как пишет Ж. Ж. Варбот, «должен быть результатом переразложения в древних именах, структурно тождественных позднему *зватаи*» [Варбот 1969: 133]. Суц. *isxodatajъ*, имеющее то же значение ‘ходатай, заступник’, что и более частотное и «укорененное в языке» суц. *xodatajъ* (ср. *xodatajiti*, *xodatajstvo*), являет пример избыточной префиксации префиксом *is-*, — возможно, под влиянием морфемной структуры с префиксом *про-* его греческого соответствия *πρόξενος* (ср.: *isxoditi* — *προέρχεται*, *isxazdati* — *προξενεῖν*, *istočiti* — *προέιναι*). В свою очередь результатом удвоенной суффиксации по отношению к суц. *isxodatajъ* является суц. *isxodatajъnikъ*.

Согласно словнику Словаря 1994, в старославянских рукописях встречается 31 существительное ср. р., образованное с суффиксом *-išt(e)* (варианты *-(i)lišť(e)/-(a)lišť(e)*): *blōdilište*, *сръкьвиште*, *gnojište*, *grebište*, *grobište*, *xranilište*, *isxodište*, *kapište*, *nyrište*, *qzilište*, *pokrovište*, *popъrište*, *pozorište*, *pribežište*, *pristanište*, *selište*, *sēdalište*, *sqđijište*, *sqđilište*, *sqđište*, *sъkrovište*, *sъnъmište*, *sъvętilište*, *tajlište*, *trębište*, *trъžište*,

¹ Согласно данным А. Вайана, этот суффикс в балтийских языках, в отличие от славянских, сохранил свою продуктивность [Vaillant 1974: 534].

uběžište, vrětište, vřlagařište, žilište, župište. Основное словообразовательное значение суффикса -išt(e) можно определить как обозначение 'места для чего-либо, вместилца'.

К этому же ряду мы считаем нужным отнести и лексему ргѣиште, т. е. рассматривать ее как существительное ср. р., несмотря на то, что старославянские словари подают ее как существительное м. р. в форме Nom. ргѣишь, т. е. с суффиксом -išt(ь) [Словарь 1994: 531; SJS III: 403]. Лексема ргѣиште употреблена в старославянских рукописях единственный раз в значении 'рубнице' при переводе греч. ῥακοδυτῶν (букв. 'одетый в лохмотья'), причем в форме, которая не позволяет установить ее род. Ср.: 'Ο δὲ τὸ εὐτελέξ τε καὶ ξένον τοῦ σχήματος ἰδὼν, καὶ ῥακοδυτοῦντα γηρόλεον, ὡς λήρου περιεφρόνεσεν — онъ же видѣвъ нъвъ такомъ ништи образѣ . и въ прѣтиштихъ старца . прѣовидѣ и . Супр 192,2–3. С другой стороны, во всех других лексемах с суффиксом -išt(ь), встречающихся в старославянских рукописях, этот суффикс имеет словообразовательное значение названия 'маленького (молодого) живого существа' (см. в данном разделе выше). Лексему ргѣиште как существительное ср. р. рассматривал и А. Ваиан [Vaillant 1974: 423].

Еще одна лексема с суффиксом -išt(e) — *solište — «восстанавливается» из названия местности дѣбъгъ solištъskaja 'Соляная долина' (Пс 59,2) — как мотивирующее существительное для прил. solištъskъ [solištъsk-ь]. Сущ. *solište хорошо объясняется в качестве производного от сущ. solъ 'соль' с типичным для лексем с суффиксом -išt(e) словообразовательным значением обозначения 'места для чего-либо, вместилца' (см. также с. 235).

Для ряда существительных с суффиксом -išt(e) можно установить словообразовательные отношения мотивации на основе доступного нам языкового материала. Существительными мотивируются сръкѣвиште 'языческий храм' (сръку в значении 'сборище, собрание народа'), gnojšte 'навозная куча' (gnojъ 'навоз'), pozorište 'арена, театр' (rozogъ 'зрелище; представление'), ргѣиште 'рубнице' (ргѣъ 'полотно'), sōdište 'судейское кресло' (sōdъ 'суд'), сънымиште 'место собраний' (сънымъ 'собрание'), trēbište 'языческий храм' (trēba 'жертва, жертвоприношение'). Если значением сущ. isxodište является не 'выход, исход' [Словарь 1994: 274; SJS I: 832], а 'место выхода, исхода' (ср.: Καὶ ἔσται ὡς τὸ ξύλον τὸ πεφυτευμένον παρὰ τὰς διεξόδους τῶν ὑδάτων —

и БЖДЕТЬ акты дрѣво сажденок при исходиштннхъ водѣ . Супр 352,26, цитата Пс 1,3), то его можно считать мотивированным сущ. *isxodъ* 'выход, исход'. К числу лексем, мотивированных существительными, относилось, возможно, и сущ. *pyžište* 'убежище, логово', если оно было мотивировано сущ. *пугь, которое встречается в значении 'башня, столп' в церковнославянских памятниках, однако довольно поздних [Срезн II: 482; СлРЯ XI–XVII 11: 453].

Лексемы с вариантами суффикса *-(i)liš(e)/-(a)liš(e)* в старославянском языке мотивируются, независимо от их реальной производности, глаголами: *blōdilište* 'место разврата' (*blōditi* в значении 'развратничать'), *xranilište* 'убежище, приют', также *ovoštynoje xranilište*¹ (*xraniti* 'охранять, оберегать', ср., однако, и сущ. *xranilo* со значением 'намордник'), *sēdalište* 'место для сиденья' (*sěsti, sēdō* 'сесть'), *sqdilište* 'судейское кресло' (*sqditi* 'судить'), *svētilište* 'святилище' (*svētiti* 'освятить/освящать', ср. однако, и сущ. *svētilo* с тем же значением 'святилище'), *tajilište* 'тайник, укрытие' (*tajiti* 'прятать, скрывать'), *vъlagalište* 'сума' (*vъlagati* 'вкладывать, класть'), *žilište* 'жилище' (*žiti* 'жить'). Видимо, реальными производящими основами в этих случаях могли быть основы перфектных причастий (см. также [Vaillant 1974: 425]).

С другой стороны, в старославянских рукописях несколько исходных и производных существительных с суффиксом *-iš(e)* имеют одинаковое значение, и последние, видимо, следует рассматривать как результат «обновления» лексем, т. е. суффиксального их оформления достаточной «яркой» словообразовательной морфемой, имеющей определенное значение. При этом большую частотность может иметь как суффиксально оформленное, так и суффиксально неоформленное существительное. Ср.: высокочастотное *grobъ* 'могила' (> 200 уп.) и *grobište* 'то же' (3 уп. в Ас и Супр) при переводе тех же греч. *μνημα* и *μνημεϊον*; гапак Супр *selište* 'место поселения, пребывания' и высокочастотное *selo* (> 100 уп.) в значении 'место поселения, пребывания'; высокочастотное *sъkrovnište* 'потайное место; кладовая, амбар' (67 уп.) и *sъkrovъ* 'потайное место' (4 уп.) при

¹ О семантических коннотациях словосочетания *ovoštynoje xranilište*, употребленного в Пс 78,1 при переводе греч. *ὄπωροφυλάκιον*, см. [Верещагин 2001: 209–218].

переводе того же греч. τὰ εἶλον (в том числе); высокочастотное тгъѣште 'торговая' площадь' (17 уп.) и тгъѣ 'торговая' площадь' (2 уп.) при переводе того же греч. ἀγορά.

Среди существительных с суффиксом -išt(e) изоморфности греческим соответствиям не наблюдается, за исключением «префиксальности» синонимов с префиксами pri- и u- priběžište 'прибежище, пристанище' и uběžište 'прибежище, убежище', переводящих также префиксальное греческое сущ. καταφυγή.

Суффикс -tv(a) образует в старославянском языке существительные исключительно от глаголов, и его словообразовательное значение можно было бы определить как сообщающее деривату значение номинации глагольного действия, если бы не конкретные значения ряда лексем. Возможно, конкретные значения вторичны, как это видно на примере значений сущ. žytva — 'жертвоприношение' и 'жертва' (от žyti 'приносить/принести жертву'). Значение номинации глагольного действия имеют лексемы kleŭva 'клятва, проклятие' (от kleŭti), lovŭtva 'охота, ловля' (от loviti), molŭtva 'просьба, мольба' (от moliti), gъvatva 'ломота, боль' (от gъvati, в старославянских рукописях встречаются только префиксальные образования от этого глагола gъvati и ugvati se), sъpastva 'спасение, избавление' (перевод греч. σωτηρία, от sъpasti), žetva 'жатва' (от žeti). Только с конкретным значением встречаются в старославянских рукописях britva 'бритва' (от *briti, отсутствующего в старославянских рукописях, но имеющего широкое распространение в славянских языках [ЭССЯ 3: 31]) и pastva 'пасущееся стадо' (от pasti). Сущ. želŭtva 'печаль, горе' вычлениет суффикс -tv(a) при сопоставлении с сущ. želŭ, имеющим то же значение 'печаль, горе', однако соответствующий глагол в старославянских рукописях не встречается.

Существительные с суффиксом -znŭ (ь) мотивировались глаголами и имели в старославянском языке значения наименования процессов или результатов действия. В старославянских рукописях встречается всего восемь лексем с основой на -i, образованных с помощью этого суффикса: bojati se 'бояться' — bojaznŭ 'боязнь, страх', bolŭti 'болеть' — bolŭznŭ 'болезнь', kajati se 'каяться' — kajaznŭ 'покаяние', rokaјati se 'покаяться/каяться' — rokaјaznŭ 'покаяние', priјati 'проявлять участие

к кому-л., благоприятствовать кому-л.' — *prjazнь* 'приянь, дружба', *žiti* 'жить' — *žizнь* 'жизнь'. В лексемах *kъzнь* 'коварный замысел, козни; способ, образ' и *kuzнь* 'коварный замысел, козни' суффикс *-zn(ь)* вычленяется при сопоставлении с однокоренным синонимичным (но безаффиксным) сущ. *kovъ* 'злой умысел, козни' и образованными от него гл. *kovati* в значении 'строить козни', сущ. *kovъnikъ* 'заговорщик'.

Производных лексем от существительных с суффиксом *-zn(ь)* насчитывается в старославянских рукописях даже больше: *bezbojaz-nije*, *bolѣzнь*, *kuzъnikъ*, *тъnogobolѣzнь* и др. (всего 11 лексем).

Существительные с суффиксом *-ьb(a)* имеют, главным образом, значения наименования действия. Независимо от реального происхождения этих лексем, большинство из них в старославянском языке семантически связано с глаголами, а некоторые ими мотивируются. Ср.: *icѣliti* 'излечить, исцелить' — *icѣlьba* 'излечение, исцеление', *moliti* 'просить, молить' — *molьba* 'просьба, мольба', *služiti* 'служить, обслуживать' — *služьba* 'обслуживание, услужение', *stradati* в значении 'страдать, мучиться' — *stradьba* 'страдание, мучение', *žlasti* (*žladq*) 'возместить/возмещать убыток' — *žladьba* 'ущерб, убыток'. Сущ. *alьšьba* 'пост' семантически связано с глаголом *alьkati* в значении 'поститься', но также было, видимо, семантически связано и с сущ. **alьš* 'голод', которое встречается в рукописях, восходящих к старославянским протографам, — «Богословши» Иоанна Экзарха (Бог 182 б), Панд. Ант. XI в. [Срезн. I: 19], и от которого образовано прил. *alьšьль*, употребляющееся в собственно старославянских рукописях в составе словосочетания *alьšьль byti* 'быть голодным'. Сущ. *сѣlьba* 'излечение, исцеление; лекарство' семантически связано с глаголом *сѣliti* 'лечить, исцелять', но также и с сущ. *сѣlу* 'излечение, исцеление'. Сущ. *sqđьba* 'суждение, решение; решение суда' (29 уп.) синонимично более частотному сущ. *sqđь* (> 100 уп.) в этом значении и, возможно, реально от него и было образовано, но семантически связано также и с глаголом *sqđiti* в значении 'осудить/осуждать'. Сущ. *vъšьba* 'колдовство' мотивируется существительным *vъхв* 'колдун, волхв'¹, однако, возможно, было семантически связано

¹ Об изменениях в группе согласных см. примечание 2 на с. 158.

также и с глаголом *vľsnoŕi*, который в старославянских рукописях встречается только в значении 'говорить косноязычно'.

В сущ. *lěšьba* 'лечение, исцеление' суффикс *-ьb(a)* вычленяется путем сопоставления с единственным в старославянских рукописях однокоренным отглагольным сущ. *izlěkovanije* 'излечение, выздоровление', однако гл. *lěčiti/lěčiti se* 'лечить/лечиться' был, возможно, в старославянском лексическом инвентаре, хотя нам встречался пока только в древнерусских списках ([Срезн II: 80; СДЯ XI–XIV IV: 463–464], а также в «Богословии» Иоанна Экзарха, л. 295 b).

Только отыменную производность в старославянском языке имели сущ. *družьba* 'дружба' — от сущ. *drugъ* 'сотоварищ, друг', ср. другое производное от него с суффиксом *-in(a)* *družina* 'сотоварищ'; гапакс Снн *stražьba* 'стража' — от более частотного синонимичного сущ. *straža* (25 уп.); *tatьba* 'кража, воровство, грабeж' — от *tatъ* 'вор, грабитель', *vrašьba* 'лечение, излечение' — от *vrašь* 'врач'. А. Ваиан считал сущ. *světьba* 'освящение' производным от глагола *světiti* 'освятить/освящать' с суффиксальным комплексом *-tьb(a)*, в котором видел смешение суффиксов *-tv(a)* и *-ьb(a)* («*élargissement du suffixe -iba, par substitution à -tva*») [Vaillant 1974: 383]. Однако для старославянского языка здесь скорее можно видеть отыменное образование, т. е. от прилагательного (причастия по происхождению) *světъ* 'святой', так же как и для синонимичного сущ. *světyni*, имеющего наряду со значением 'святость' значение 'освящение' (см. также с. 107).

На основании употребления в старославянских рукописях лексем *tajььba* 'тайна', *tajььbo* 'то же', *tajььbnikъ* 'лицо, посвященное в таинство, жрец' можно «восстановить» еще одно отыменное образование с суффиксом *-ьb(a)* — сущ. **tajььba* (ср. нар. *taji* 'тайно'). На наличие сущ. **tajььba* со значением 'тайна' в лексическом инвентаре старославянского языка указывает и употребление его в рукописи, восходящей к старославянскому протографу — Гр. Наз. XI в. [Срезн III: 912].

По старославянским рукописям известны лишь два образования с суффиксом *-ob(a)*, оба отыменные: высокочастотная лексема *zььbova* 'скверность, пакость; все плохое' (46 уп.), мотивированная прил. *zььbъ* 'плохой, дурной', и *otъbova* 'внутренности; живот', мотивированная наречием *otъbъ* 'внутри, внутрь'. Кроме того морфы *-ob-* и *-obl-* вычленяются в большом количестве производных от лексемы *zььbova*

(в старославянских рукописях их насчитывается 12) и в параллельном, менее частотном образовании с *i*-основой *zъlobъ* 'скверность', а также в производном от *q̄troba* прил. *q̄trobъny*.

Суффикс *-ьd(a)* выступает в качестве словообразовательной морфемы только в трех лексемах: *pravьda* 'справедливость' (> 100 уп.) от *pravъ* 'прямой, ровный', *vgažьda* 'вражда, злоба' (14 уп.) от *vragъ* 'враг', *gаpакс Супр страžьda* 'стража, караул' от *stražь* 'страж, караульный' (или, скорее, суффикс *-ьd(a)* выполняет здесь роль «обновления», т. е. суффиксального оформления, безаффиксного синонимичного сущ. *straža* 'стража, караул'). При этом лексема *pravьda* демонстрирует исключительную «укорененность» в языке: помимо высокой частотности (ср. синонимичные образования от этого корня *pravota* — 2 уп., *pravostь* — 5 уп.), она дает в старославянском языке множество производных — в старославянских рукописях насчитывается 16 производных от лексемы *pravьda*, содержащих морф *-ьd-*. Лексеме *vgažьda* по меркам старославянского языка также можно считать высокочастотной, морф *-ьd-* вычленяется и в производном от сущ. *vgažьda* глаголе *vgažьdovati* (7 уп.).

Создается также впечатление, что на основании употребления в Супр *gаpакс ргѣмьdivъ* (в словосочетании *ргѣмьdivъ byti* 'быть должным') можно «восстановить» старославянскую лексему **ргѣмьda* как образованную с суффиксом *-ьd(a)* от прил. **ргѣмъ* (в старославянских рукописях встречаются только наречия *ргѣмо* и *ргѣмь*). Однако лексема **ргѣмьda* в рукописях нам пока не встречалась, и, видимо, прил. *ргѣмьdivъ* было образовано сразу с суффиксальным комплексом *-ьdivъ* по аналогии с достаточно частотным прил. *pravьdivъ* (29 уп.)¹.

Фактическое отсутствие продуктивности у суффикса *-ьd(a)* при «укорененности» в языке двух лексем следует, возможно, объяснять его германским происхождением²: «чуждая» словообразовательная

¹ А. Валян считал, что прил. *ргѣмьdivъ* является искажением прил. *pravьdivъ*, которое «получилось потому, что переписчик спутал наречие *ргѣмь* с синонимичным наречием *pravъ*» [Vaillant 1974: 493].

² О германском происхождении суффикса *-ьd(a)* см. [Vaillant 1961: 215–216; Vaillant 1974: 493].

морфема не могла выдержать конкуренции в старославянской словообразовательной системе при наличии в ней суффиксов *-ot(a)*, *-ost(b)*, *-bstv(o)* с тем же словообразовательным значением.

Всего в двух старославянских существительных встречается суффикс *-izn(a)* — в гапаксе Супр *glavizna* 'суть (дела), главное' и в сущ. *ukozizna* 'оскорбление, поношение'. Лексема *glavizna* образована от сущ. *glava* 'голова', лексема же *ukozizna* представляет собой, возможно, «обновление», т. е. суффиксальное оформление, синонимичной лексеме *ukogъ* и семантически связана с глаголом *ukogiti* 'оскорбить, опозорить'. Происхождение этого периферийного для старославянской морфемки суффикса А. Вайан объяснял как «славянское образование на *-na* к типу заимствованных прилагательных на **-i(d)zī < готск. -eigs¹*» [Vaillant 1961: 211–214]. Р. М. Цейтлин к образованиям с суффиксом *-izn(a)* причисляла и сущ. *trizna* 'награда', считая, что в его значение, как и в значение двух других старославянских лексем на *-izn(a)*, суффикс «вносит в отвлеченное значение слов, с ним образованных, также и оттенок усиления» [Цейтлин 1977: 180]².

Суффикс *-ък(ъ)* (варианты *-тък(ъ)* и *-пък(ъ)*) вычленяется в 15 существительных м. р.: *besgamъkъ* 'бесстыдник', *četvгътъkъ* 'четверг' (*velikъzъ četvгътъkъ* 'четверг Страстной недели'), *izbътъkъ* 'остаток, излишек', *izbътъkъ* 'избыток, излишек', *pačътъkъ* 'начало', *nedostatъkъ* 'недостаток, нехватка', *opгъsътъkъ* 'пресный хлеб', *ostanъkъ* 'остаток', *ostatъkъ* 'остаток', *paťтъkъ* 'пятница', *poslědъkъ* 'конец', *pribътъkъ* 'прибыль, польза', *szpletъkъ* 'плетение' (в словосочетании *szpletъkъ rečъ* 'плетение словес', переводе греч. λόγων καλλιηξία), *szvitъkъ*

¹ А. Вайан указывал на плохо засвидетельствованные *udobiznŭ, gobiznŭ* (ср., однако, с удвоенной суффиксацией **udobiznyъ* в Изб 1073, л. 206а 14–15). В старославянском лексическом инвентаре было, возможно, прил. **gobъszъ* 'обильный, богатый', встречающееся в переводе VT [Срезн I: 530].

² А. Вайан относил лексему *trizna* к словам неясного происхождения (*d'origine obscure*) [Vaillant 1974: 629]. Много в семантике и этимологии слов. **trizna* прояснило исследование В. Н. Топорова [Топоров 1979а], которое не решает, однако вопроса о членимости этой лексемы в языке старославянском. О семантике этого слова см. также [Мурынов 1988: 54–56].

‘(книжный) свиток’, *šрькъ* ‘роза’. Как видно из перечня, разброс семантики этих существительных очень велик, и определить словообразовательное значение суффикса *-ъкъ(ь)* в старославянском языке, видимо, невозможно.

Несмотря на то, что по происхождению суффикс существительных *-ъкъ(ь)*, как и суффикс *-ъкъ-* прилагательных, представляет собой расширение **-ko* основ на **-u-* [Vaillant 1974: 305, 459], ряд старославянских существительных с вариантами суффикса *-ъкъ(ь)* и *-пъкъ(ь)* мотивируется глаголами: *izbyti* ‘остаться’ → *izbyтъкъ* ‘остаток, излишек’; *pačeti* ‘начать’ → *pačetyтъкъ* ‘начало’; *nedostati* ‘недостать, не хватить’ → *nedostatyтъкъ* ‘недостаток, нехватка’; *ostati* ‘остаться’ → *ostanyтъкъ* ‘остаток’ и *ostatyтъкъ* ‘остаток’; *prbyti* ‘присоединиться’ → *prbytyтъкъ* ‘прибыль, польза’; *szplesti* ‘сплести’ → *szpletetyтъкъ* ‘плетенне’; *szviti* ‘свернуть, скатать’ → *szvityтъкъ* ‘(книжный) свиток’.

От порядковых числительных с суффиксом *-ъкъ(ь)* образуются названия дней недели: *četvryтъ* ‘четверый’ → *četvryтъкъ* ‘четверг’; *petъ* ‘пятый’ → *petyтъкъ* ‘пятница’.

В суц. *besgamъкъ* ‘бесстыдник’ суффиксом *-ъкъ(ь)* вычленяется путем сопоставления с суц. *sgamъ* ‘позор, срам’ и другими однокоренными лексемами (*sgamiti*, *sgamľati*, *sgamъль*, *sgamълѣ*), однако путь реального образования этой лексемы не ясен. Возможно, она является результатом «обновления», т. е. суффиксального оформления архаичного праславянского сложения **besgamъ*, образованного по типу праславянских сложений **beznoгъ*, **bezuxъ* и мн. др. [ЭССЯ 2: 10 и сл.]. Суц. *lixotyтъкъ* ‘избыток, излишек’, возможно, является производным от суц. **lixota* (см. выше на с. 119–120).

Суц. *poslědyтъкъ* ‘конец’ в старославянском языке семантически близко к наречиям *poslědy* ‘впоследствии, позже’ и *poslědi* ‘то же’ и, возможно, ими мотивируется.

Суц. *slanutyтъкъ* ‘турецкий (или бараний) горох’ А. Валян считает образованием с вариантом суффикса *-тъкъ(ь)* [Vaillant 1974: 303]. Однако круг старославянских однокоренных лексем здесь не совсем ясен. Наиболее вероятно, видимо, мотивация прилагательным *slanъ* ‘соленый’ [S-A: 303].

Если исходить из материала, зафиксированного в дошедших до нас старославянских рукописях, существительные *oprěsnъкъ* ‘пресный хлеб’ и *šрькъ* ‘роза’ приходится считать нечленимыми. Прил. *prěsnъ*

со значением 'новый, недавний' засвидетельствовано в списке Псалтыри XIV в., однако в других списках — наречие *sekratъ* 'только что' [SJS III: 482]. Вместе с тем, как справедливо указывает А. Валян, в качестве славянских лексем сущ. *orgěsnъkъ* и *širъkъ* являются образованиями с суффиксом *-ъk(ъ)* от прил. *rgěsnъ* и сущ. *širъ* соответственно [Vaillant 1974: 303; 304].

С этимологической точки зрения с суффиксом *-ъk(ъ)* образовано также ст.-слав. *rešъkъ* 'песок', однако в старославянском языке суффикс в этой лексеме уже, видимо, не вычленился.

Соотносительный с суффиксом *-ъk(ъ)* суффикс *-ъk(a)* существительных ж. р. в старославянских рукописях встречается всего в трех лексемах: *klětka* 'каморка, хижина', *kotъka* 'якорь', *tetka* 'тетка'. Сущ. *klětka* (5 уп. в Супр) — производное от более частотного и известного также и по евангельскому тексту сущ. *klětъ* с тем же значением. Таким образом, сущ. *klětka* можно считать «обновлением», т. е. суффиксальным оформлением сущ. *klětъ*. Лексемы же *kotъka* и *tetka* на старославянском материале этот суффикс не вычлениют, но, как было показано в Главе II, ввиду общеславянского распространения исходных лексем **kotъ* 'кот' и **teta* 'тетка', суффикс *-ъk(a)*, несомненно, осознавался древним книжником как значащая часть слова, т. е. как словообразовательная морфема (см. с. 38–39).

Префиксы

Префиксация в старославянском языке не была таким актуальным способом словообразования существительных, как суффиксация. Содержащиеся в морфемной структуре старославянских существительных префиксы большей частью являются не морфами словообразовательных морфем, но морфами префиксальных глаголов, от которых были образованы эти существительные. Таковы префиксы большого числа отглагольных существительных с транспозиционным словообразовательным значением с суффиксом *-ьj(e)* — типа *isělenije* от *isělitī*, *isxoždenije* от *isxoditi*, *rogybenije* от *rogybnōti*, *usěknovenije* от *usěknōti*, *vъskliknovenije* от *vъskliknōti*, и мн. др. (см. выше, с. 130–138). Таковы префиксы бессуффиксальных отглагольных существительных

(*o-*, *a-*, *i-*основ) с транспозиционным словообразовательным значением, например, *isrovědъ* ‘исповедание (веры)’ от *isrovědati* в значении ‘исповедовать, признавать’, *izměna* ‘обмен, замена’ от *izměniti* в значении ‘заменить, обменять’, *ograda* ‘ограда, загородка’ от *ograditi* ‘оградить, огородить’, *rodvigъ* ‘борьба’ от *rodvignŭti se* в значении ‘вступить в бой’, и др. Глагольными следует, видимо, признать и префиксы в многочисленных бессуффиксальных существительных, соотносительных с глаголами как в системе старославянского языка, так и по происхождению, например, *parokъ*, *otokъ*, *ozrakъ*, *oblakъ*, *rokrovъ*, *gazbojъ*, *szpědъ*, и мн. др. Также не словообразовательные морфемы представляют префиксальные морфы во всех образованных от префигированных глаголов суффиксальных существительных — как с продуктивными, так и с малопродуктивными или непродуктивными суффиксами, типа *ispravitelъ* ‘вождь’ от *ispraviti* в значении ‘направить’, *vъziskatelъ* ‘тот, кто судит’ от *vъziskati* ‘взыскать/взыскивать’, *ubijstvo* ‘убийство’ от *ubiti* ‘убить, умертвить’, *pačetъkъ* ‘начало’ от *pačeti* ‘начать’, *szpletъkъ* ‘плетение’ от *szplesti* ‘сплести’, и мн. др. В редких случаях морфы глагольного происхождения обнаруживаются в структуре отадъективных и отсубстантивных существительных — типа *dostojъnstvo* ‘достоинство, честь’ от *dostojъnъ* ‘достойный’, *rozogatajъ* ‘зритель’ от *rozogъ* ‘зрелище’.

Наиболее частотным в старославянском языке был отрицательный префикс *ne-*: Словарь 1994 отмечает около тысячи лексем, содержащих морф *-ne-* (хотя не во всех лексемах он является словообразовательным формантом, часто входя в производящую основу). Префикс *ne-* участвовал как в префиксальном, так и в префиксально-суффиксальном образовании старославянских существительных. Обладая «универсальностью» в смысле взаимодействия со всеми знаменательными частями речи, он мог присоединяться к уже существующим словам, образуя маркированный член оппозиции с отрицательным компонентом. Результатом префиксации уже существующих лексем являлись, например, *nezъloba* ‘беззлость, беспорочность’ (ср. *zъloba* ‘скверность, пакость; все плохое’), *neknъzъnikъ* ‘неученый человек’ (ср. *knъzъnikъ* ‘знаток закона, книжник’), *neglagolanije* ‘безмолвие, немота’ (ср. *glagolanije* ‘говорение, речь’), и мн. др. Как префиксально-суффиксальные образования можно рассматривать *nezъlobije* ‘беззлостие’ (от *zъloba*), *negazumije*

‘неразумность’ (от *gazumь* ‘разум, ум’), *nevěrije* ‘неверие’ (от *věra* ‘вера’)¹.

В ряде старославянских лексем, относящихся к слою «старой» славянской лексики, обнаруживаются префиксы *pa-*, *pa-*, *sq-*, *q-*, которые индоевропейцами признаются континуатами древних сугубо именных вариантов глагольных префиксов. В некоторых случаях здесь можно говорить о таком древнем виде префиксации имен, который как способ словообразования представлял собой фактически чистое сложение (что дает основание описывать префиксацию с данным префиксами как сложение; см., например, [Vaillant 1974: 757–765]). Данный вид префиксации имен характерен тем, что при нем, как и при чистом сложении, не меняется принадлежность второго (опорного) компонента к определенной словоизменительной парадигме. Как отмечала Р. М. Цейтлин, при такой префиксации различие между префиксом и первым компонентом сложения, представляющим собой корневую морфему, состоит лишь в степени их семантической насыщенности [Цейтлин 1977: 190–191].

В отношении префикса *pa-* Р. М. Цейтлин, посвятившая в свое время специальное исследование его функционированию в славянских языках, писала, что «семантическое значение ее (т. е. приставки *pa-*, — В.Е.) как словообразовательного элемента все более и более стирается» [Цейтлин 1954: 206]. Из употребляющихся в старославянских рукописях лексем только три существительных, образованных с помощью этого префикса, вычлениют его путем сопоставления с однокоренными словами. Это бессуффиксальное сущ. *paǫba* ‘гибель, пагуба’ (и производные от него *paǫbьль*, *paǫbьникъ*) при сопоставлении с *gubiti* ‘губить, уничтожать’, *gubiteljъ* ‘губитель’ и мн. др.; а также два существительных с суффиксом *-t-* — *paǫmьtь* ‘память’ (и производные от него *paǫmьtivъ*, *paǫmьtije*) при сопоставлении с *romьněti* ‘помнить, вспоминать’, *romьněti* ‘вспомнить, помянуть’, *romьnati* ‘вспоминать, поминать’ (и мн. др.) и *paǫziti* ‘пажить, пастбище’ при сопоставлении с *ziti* ‘жить’, *zito* ‘хлеб’, *zitiьль* ‘жизненный’ и ‘хлебный’ (и мн. др.). В сущ. *paǫcina* ‘паутина’, однокоренном с

¹ Подробнее о лексическом выражении отрицания с помощью префикса *ne-* в старославянском языке см. [Ефимова 2005]; там же и литература вопроса.

незафиксированным в старославянских рукописях сущ. *раѡкъ 'паук', в отсутствие семантических связей с однокоренными по происхождению словами префикс ра- можно вычленил уже только при этимологическом анализе [ESJS 10: 625]. Вопрос о наличии префикса ра- в сущ. ракость 'вред, обида, несправедливость' (и в производном от него ракостьникъ) даже с этимологической точки зрения не ясен, так как в отношении этой лексемы нет однозначного этимологического решения [ESJS 10: 622].

Префикс пра- в основном своем виде в собственно старославянских рукописях встречается только в лексеме прагѣдъ 'прадед, предок'. В варианте этой лексемы прѣдѣдъ выступает префикс рѣ-, который обнаруживается также в лексеме рѣотць 'праотец, предок'. Как считал А. Вайан, префикс рѣ- в старославянском языке являлся вторичным по отношению к префиксу пра- [Vaillant 1974: 759]. Достаточно надежно восстанавливается в старославянском лексическом инвентаре также лексема *рѣродитель, так как в Супр встречается образованное от нее с суффиксом -ьл- прил. рѣродительь 'унаследованный', а сама лексема употреблена в апостольском тексте в чтении II Тим 1,3 в древнейших списках Охр и Шшш (в Христ и Мат — вариант прагродительь). Надо полагать, что реально в лексический инвентарь старославянского языка входило несколько больше лексем с префиксом пра-. Так, в «Богословии» Иоанна Экзарха встречаем прил. прагатерьь (л. 286а), образованное от лексемы *прагати/прагатерь.

Префикс съ- в ряде старославянских лексем сохраняет свое исконное словообразовательное значение, которое Р. М. Цейтлин определяла как присоединительное значение 'с, вместе', равнозначное значению глагольного префикса и предлога съ во всех славянских языках [Цейтлин 1959: 236; 241]. Таковы существительные сърѡгъ 'парная упряжка', съсѣдъ 'сосед' и образованное от него femininum с суффиксом -уѣ(i) съсѣдуѣи 'соседка'. То же значение префикса можно усмотреть в отглагольном сущ. съмьнѣнїе 'сомнение'¹. В других случаях лексемы с префиксом съ- переводят греческие лексемы с префиксом ἀντι-, имеющим значение 'противоположности' (более

¹ А. Вайан считал гл. съмьнѣи (се) деноминативом от *съмѣнѣ [Vaillant 1974: 761].

распространенное для этого префикса), но значение 'ответности, взаимности'. Таковы префиксально-суффиксальное сущ. *soglasije* 'антифон', точно соответствующее морфемной структуре греч. *ἀντιφώνια*; синонимы сущ. *сръжь* 'противник' и «обновленное» с суффиксом *-ьник(ъ)* сущ. *сръжьникъ* 'то же' — греч. *ἀντίδικος*; *сростать* 'противник, неприятель, враг' — греч. *ἀντίπαλος* и образованное от него прил. *сростатьнь* 'вражеский, неприятельский' — греч. *ἀντικείμενος*; *сротивникъ* 'противник, неприятель, враг' — греч. *ἀνταγωνιστής*, *ἀντικείμενος*, *ἀντίπαλος*; *сротивије* 'сопротивление' — греч. *ἀντίθεσις*; *сротивонѣтрије* 'встречный ветер' — греч. *ἀντανεμία*.

С префиксом *φ* в старославянских рукописях отмечено всего три существительных: *φдолъ* 'должна', в котором префикс вычленяется путем сопоставления с однокоренными наречиями *dolu* 'вниз', *dolě* 'внизу' и прил. *долъль* 'нижний'; образованное от него с суффиксом *-ь(е)*, «обновленное» *φдоліе* с тем же значением 'должна'; образованное от местоименной основы префиксально-суффиксальное с суффиксом *-ic(a)* *φsobica* 'мятеж, возмущение'. Словообразовательное значение префикса *φ* в этих лексемах определить уже, видимо, не представляется возможным.

Актуальность в старославянском языке сохраняет префиксально-суффиксальный способ словообразования. Основная масса префиксально-суффиксальных старославянских существительных — это существительные с суффиксом *-ь(е)*. Как было показано выше (с. 138 и сл.), среди этих образований имеются как созданные на базе словосочетаний существительных с предлогами ясно мотивированные лексемы, так и «старые» славянские лексемы, с этимологической точки зрения образованные префиксально-суффиксальным способом с помощью этого суффикса, но в старославянском языке уже, по-видимому, нечленимые, и лексемы, чья членимость в старославянском языке требует доказательств. Старославянские рукописи дают примеры взаимодействия суффикса *-ь(е)* с префиксами *iz-* (*ištēdije*), *na-* (*narčēje*, *nasilije*, *naslēdije*, *navečerije* и др.), *otъ-* (*otъmъstije*), *po-* (*podalije*, *podēlje*, *podružje*, *porēdije* и др.), *pri-* (*pričēstije*), *sq-* (*sqglasije*), *u-* (*učēstije*), *vъ-* (*vъzakonije*), *vъz-* (*vъskrilije*, *vъzъмъzdije*). Наиболее же распространены префиксально-суффиксальные существительные с суффиксом *-ь(е)* и префиксом *bez-*, среди

которых имеются и «старые» лексемы, представленные в праславянском лексическом фонде (типа *besъnje*, *bezdnije*, *bezdzdije*), и новообразования старославянского языка¹.

Некоторое количество лексем, образованных префиксально-суффиксальным способом, обнаруживается среди существительных с другими суффиксами. Соответствующими предложно-падежными сочетаниями мотивированы существительные с префиксом *bez-* и комплексом *-ъnik(ъ)*: *besxgъmъnikъ* ‘человек без крова’ (ср. *bes xrama*), *bezgradъnikъ* ‘человек без родины’ (ср. *bez grada*), *bezmyzdъnikъ* ‘бессребреник’ (ср. *bez myzdy*). Сущ. *bestudъnikъ* ‘бесстыдник’ и *bezumъnikъ* ‘неразумный человек’ также мотивированы предложно-падежными сочетаниями (*bez studa* ‘без стыда’ и *bez uma* ‘без ума’ соответственно), но опосредствованно, т. е. реально они образованы от прилагательных с суффиксом *-ъn-* *bestudъnъ* ‘бесстыдный’ и *bezumъnъ* ‘неразумный’ (подробнее см. выше, с. 52). На базе предложно-падежного сочетания *bez studa* образовано и существительное с суффиксом *-ъs(ъ)* *bestudъsъ* ‘бесстыдник’ (где морф *be-* — алломорф префикса *bez-*). Эта лексема — гапак Супр, единственное в пределах старославянских рукописей существительное с суффиксом *-ъs(ъ)* данной структуры — представляется результатом экспансии очень продуктивного суффикса *-ъs(ъ)* в образовании по несвойственной для него модели.

На базе предложно-падежного сочетания с префиксом *po-* *po neděľě* ‘за воскресеньем’ образовано с помощью комплекса *-ъnik(ъ)* сущ. *poneděľъnikъ* ‘понедельник, т. е. день, следующий за воскресеньем’.

В двух старославянских лексемах префикс *bez-* взаимодействует с суффиксом *-ъstv(o)*. Одна из них — гапак Супр *besъmъgtstvo* ‘бессмертие’, созданная, видимо, преславскими книжниками с использованием продуктивного суффикса *-ъstv(o)* несмотря на наличие в старославянском языке более употребительной лексемы с тем же значением, но с суффиксом *-ъj(e)* *besъmъgtije*. Вместе с тем суффикс *-ъstv(o)* находим во взаимодействии с префиксом *bez-* и в лексеме *bezosъstvo* ‘бесстыдство’, — возможно, довольно архаичной, так как она употребляется в чтении Л 11,8 стабильно во всех старославянских евангельских кодексах.

¹ Подробнее о префиксально-суффиксальных существительных с суффиксом *-ъj(e)* см. выше, с. 138 и сл.

Архаичный вид имеет и сущ. *besramъкъ* 'бесстыдник', в котором префикс *bez-* взаимодействует с суффиксом *-ъкъ(ъ)*.

Суффикс *-ic(a)* обнаруживается в трех префиксально-суффиксальных образованиях. В двух из них — *prĕgōdъnica* 'псалтырь (музыкальный инструмент)' и *vъzglavъnica* 'изголовье, подушка' — суффикс выступает уже, видимо, как единый комплекс *-ъnic(a)*. Сущ. *prĕgōdъnica* [prĕ-gōd-ъnica] членится в старославянском языке при сопоставлении с сущ. *gōsly* (< праслав. *gōd-sly*), мн. ч. *gōsli* 'струнный инструмент'; сущ. *vъzglavъnica* [vъz-glav-ъnica] членится при сопоставлении с сущ. *glava* 'голова' (см. с. 101). Сущ. *q̄sobica* [q̄-sob-ica] 'мятеж, возмущение' вычленяет корневой морф местоименного происхождения *-sob-* [q̄-sob-ica] при сопоставлении с сущ. **sobъ* (см. примечание 2 на с. 139), гл. *posobovati* 'сохранять, держать при себе', нареч. *osobъ* 'отдельно, особо' и др.

Особую проблему представляет префиксация старославянских существительных под влиянием морфемной структуры их греческих соответствий, — главным образом, лексем с префиксами *συν-* и *ἀ-*.

Такое влияние обнаруживается при словообразовательном анализе ряда существительных, содержащих префикс *съ-* и суффиксальный комплекс *-ъnik(ъ)*. В некоторых существительных с комплексом *-ъnik(ъ)*, таких, как *събогъникъ*, *съдѣjствъникъ* и под., префикс *съ-* является частью производящей основы (*събогъникъ* образовано от прил. *събогъль*, которое, в свою очередь мотивировано существительным *събогъ*; *съдѣjствъникъ* — от сущ. *съдѣjstvo*). В отличие от этих случаев, префикс *съ-* в существительных *съпросѣшъникъ*, *сърiцѣстъникъ*, *съргiишъникъ*, *съstольникъ*, соответствующий префиксу *συν-* в словах греческого оригинала, является как бы лишним, искусственно добавленным в подражание греческому слову, так как в старославянском лексическом инвентаре существовали слова с тем же значением, но без этого префикса. Так, *съпросѣшъникъ* 'помощник', переводящее греч. *συνεργός*, употребляется в Супр наряду с сущ. *просѣшъникъ*, имевшим то же значение; *сърiцѣстъникъ* 'соучастник' переводит в Супр греч. *συκοινωνός* и *συγκληρονόμος* (где *συγ-* — алломорф морфемы *συν-*), хотя в старославянских рукописях было довольно широко распространено сущ. *рiцѣстъникъ* с тем же значением (21 уп.), переводящее греч. *κοινωνός* и *μέτοχος*. Сущ. *съstольникъ* также переводит в Супр

греческие слова с префиксом συν- — σύνεθρος и συνκόθεθρος, и хотя сущ. *stolъnikъ* не встречается в дошедших до нас старославянских рукописях, вероятность наличия его в старославянском языке высока, так как оно обнаруживается в древнейших славянских списках XI–XII вв. со старославянских протографов, при том, что это списки разных произведений и принадлежат как древнерусскому, так и болгарскому изводам [Срезн III: 518; SJS IV: 168] (что увеличивает вероятность принадлежности лексемы лексическому фонду старославянского языка)¹. Сущ. *srъgimъnikъ* ‘соучастник’ дважды встречается в Супр в соответствии с греч. *συνμέτοχος* (где *συν-* — алломорф морфемы *συν-*). Значение ‘соучастник’ имеет и греч. *μέτοχος*, без префикса *συν-*, но префиксальное в свою очередь (*μέτ-οχος*). Следовательно, ст.-слав. *srъgimъnikъ* [srъgimъnikъ] формально повторяет дупрефиксную структуру греч. *συνμέτοχος* [συν-μέτ-οχος]. При этом сущ. *rgimъnikъ*, хотя и не встречающееся в пределах старославянских рукописей, известно по древнейшим спискам со старославянских протографов и отмечено нами в списках с разных произведений: в «Похвале Кириллу и Мефодию» Климента Охридского [Христова 1994: 208], в «Богословии» Иоанна Экзарха (4 уп.), в Изб 1073 (2 уп.). Таким образом, образование лексем *srъprosreъnikъ*, *srъgicъstъnikъ*, *srъgimъnikъ*, *srъstolъnikъ* наглядно подтверждает наш тезис о стремлении древних книжников создавать лексемы с морфемным составом, наиболее приближенным к морфемному составу греческого соответствия, даже при наличии в их распоряжении старославянских книжных слов с нужным значением.

Калькирующим греческий префикс *συν-*, хотя и не «лпшним», а добавляющим к сущ. **vъzdъgъznikъ* семантику ‘совместности’, представляется и префикс *srъ-* в сущ. *srъvъzdъgъznikъ* ‘сподвижник, тот, кто вместе с кем-либо ведет жизнь аскета’. Сущ. *srъvъzdъgъznikъ* — гапакс Зогр-лл, употребленный для перевода греч. *συνασκούμενος*, лексема же **vъzdъgъznikъ*, хотя и не встречается в пределах старославянских рукописей, известна по ряду древнерусских списков, восходящих к

¹ Характерно ошибочное написание в древнейшем Охридском списке Апостола хорошо, видимо, знакомого древнему книжнику слова *stolъnikъ* вместо непонятого для него *stolъnikъ*: Ѡ stolъnikъ философъ при переводе τῶν Στοϊκῶν φιλοσόφων (Деян 17,18).

старославянским протографам, с различных произведений — Изб 1076 (л. 223об 3–4), Панд. Ант. XI в. п др. [Срезн I: 356; СлДЯ XI–XVII II: 52]

Видно, не обошлось без греческого влияния и при создании сущ. *съstavъникъ* ‘заступник, защитник’, гапакса Клоц (Клоц 11b 11), переводящего греч. *συνήγορος*. Формально, казалось бы, производящую основу для этого существительного могло дать сущ. *съstavъ* (Евх, Супр) или гл. *съstaviti* (Син, Евх, Супр). Однако семантика этих слов далека от значения сущ. *съstavъникъ* ‘заступник, защитник’: *съstavъ* имеет значения ‘существо, организм’, ‘ипостась’ и ‘элемент, первоначало, т. е. στοιχεῖον’, а гл. *съstaviti* — ‘образовать, устроить, составить’. Очевидно, семантика ‘заступничества’, связанная в греческом оригинале со значением речи (ср. однокоренные с *συνήγορος* ‘букв. говорящий заодно’ глаголы ἀγοράζωμαι, ἀγορεύω, приобретенные в греческом значении глаголов речи [Frisk 1: 13–14]), в ст.-слав. *съstavъникъ* шла от значений гл. *staviti*, видовая пара которого *stavlati* показывает в пределах старославянских рукописей значение ‘наставлять, поучать’ в соответствии с греч. *πείθειν, ἐλέγχειν* (Супр 203, 14–15; 508, 20). Таким образом, префикс *съ-* в сущ. *съstavъникъ* также оказывается калькирующим префикс *συν-* при переводе *συνήγορος* греческого оригинала, а корневая морфема *-stav-* — корневую морфему *-αγορ-*, претерпевшую на почве греческого языка развитие семантики от ‘связанного с (рыночной) площадью’ к ‘публичной речи’ (в том числе и ‘речи защитника’).

Семантика ‘совместности’ префикса *и-* в сущ. *udvogъникъ* ‘тот, кто живет вместе, рядом; *перен.* спутник’, гапаксе Супр, обязана, видно, семантике префикса *συν-* в греческом соответствии *σύννοκος*. Формально источником производящей основы для *udvogъникъ* мог бы считаться не зафиксированный в пределах старославянских рукописей гл. **udvogiti* *se*. Однако, судя по его значению в других древнейших славянских рукописях (см. [Срезн III: 1148]) и значению его видовой пары — глаголу *udvatati se* ‘пребывать, находиться’, употребленному в тексте Зогр (перевод греч. ἀυλιζεσθαι), этот глагол не имел семантики ‘совместности’. С другой стороны, ст.-слав. префикс *и-*, хотя и гораздо реже, чем префикс *съ-*, использовался древними книжниками для перевода греч. префикса *συν-*. Ср., в частности, в ряде глаголов: *ugnĕtati* — *συνθλίβειν, συμπνίγειν* (где

сум- — алломорф морфемы *συν-*), *uvęzati*, *uvęzпoti* — *συλλαμβάνειν* (где *συλ-* — алломорф морфемы *συν-*), *uslaždati* — *συνήδειν*, *utęštati* — *συνέχειν*, *utękпoti* — *συναντάν*.

Влияние морфемной структуры греческого соответствия нельзя не заметить и в употреблении префикса *рѣдѣ-* при образовании такого существительного-гапакса Супр, как *рѣдѣбогъникъ* ‘борец на переднем крае’ (Супр 99,27–28), где префикс *рѣдѣ-* переводит префикс *про-* в греч. *πρόμαχος*. Однако в этом случае в лексическом фонде старославянского языка в результате, скорее всего, параллельного калькирования возникла своеобразная словообразовательная пара: *рѣдѣбоготи* → *рѣдѣбогъникъ*, так как, хотя гл. *рѣдѣбоготи* не встречается в старославянских рукописях, он отмечен в соответствии с греч. *προπολεμεῖν* (где *рѣдѣ-* также переводит префикс *про-*) в Гр.Наз. XI в., рукописи, восходящей к старославянскому протографу [Срезн II: 1634], а в списке XII в. «Лествицы Иоанна Лествичника» — и в соответствии с греч. *πρόμαχος* (в причастной форме *πρѣдѣбоρούще*) [СлРЯ XI–XVII 18: 178].

Нельзя отрицать и влияния греческой лексики, содержащей *ἀ-*privativum, на образовании старославянских существительных с префиксом *bez-* (алломорфы *bes-* и *be-*)¹. Видимо, не случайно пять из шести зафиксированных в пределах старославянских рукописей лексем с префиксом *bez-* и комплексом *-ьникъ* соответствуют субстантивно употребляемым греческим прилагательным с *ἀ-*privativum: *besxгamьникъ* [*bes-xгamьникъ*] ‘человек бес крова’ — *ἄοικος*, *bestudьникъ* [*be-studьникъ*] ‘бесстыдник’ — *ἄφρων*, *bezakopьникъ* [*be-zakopьникъ*] ‘тот, кто преступает законы, преступник’ — *ἄνομος*, *bezgradьникъ* [*bez-gradьникъ*] ‘человек без родины’ — *ἄπολις*, *bezmyzdьникъ* [*be-zmyzdьникъ*] ‘бессребреник’ — *ἀνάργυρος* (алломорф *ἀν-*). И только гапакс Клоц *bezumьникъ* [*bez-umьникъ*] ‘неразумный человек’ переводит греч. *πανόθλιος* ‘букв. глубоко несчастный’, а не лексему с начальным отрицательным префиксом, хотя вполне возможно, что употребление лексемы *bezumьникъ* в Клоц не было первичным (на что указывает также значение, как кажется, скорее контекстное), а результат калькирования греческого соответствия с префиксом *ἀ-*

¹ Подробнее о характере этого влияния см. в [Ефимова 2005]; там же и литература вопроса.

ἄρρων либо ἀρρώνων остался в той части старославянских текстов, которая до нас не дошла.

Более проблематична констатация непосредственности греческого влияния в образовании ряда существительных с комплексом -ьник(ъ) и отрицательным префиксом *не-*. Так, в сущ. *nedožьnikъ* 'больной' и гапаксе Супр *nenavistьnikъ* 'ненавистник', переводящих греч. ἄρρωστος и μισάνθρωπος соответственно, префикс *не-* не связан с влиянием греческих соответствий (хотя в ἄρρωστος начальное α- и является отрицательным префиксом): формально образованные от прил. *nedožьъ* и *nenavistьъ*, они мотивированы славянскими существительными *nedožь* 'болезнь' и *nenavistь* 'ненависть'. В образовании же гапаксов Супр *nekъnižьnikъ* 'неученый человек' и *nepričestьnikъ* 'непричастный к чему-либо человек' греческий префикс α- сыграл, видимо, свою роль: в обоих случаях мы имеем дело с чистой префиксацией, так как префикс *не-* «добавлен» к высокочастотным (по меркам старославянского языка) существительным *knъižьnikъ* 'знарок закона, книжник' (< 100 уп.) и *pričestьnikъ* 'соучастник, сопричастник; участник' (21 уп.). Переводят же в Супр гапаксы *nekъnižьnikъ* и *nepričestьnikъ* греческие лексемы с отрицательным префиксом α- ἀγραμμάτος (букв. 'неграмотный') и ἄμοιρος (букв. 'лишенный доли') соответственно.

Влияние морфемной структуры греческих соответствий обнаруживается и в образовании ряда существительных с префиксом *не-* и суффиксом *-ьstv(o)*. Путем префиксации образованы гапаксы Супр *nečuvьstvo* и *nedostojьnъstvo* — от более распространенных *čuvьstvo* (Супр 3) и *dostojьnъstvo* (Супр 2, Хл 1) в соответствии с греческими префиксированными отрицательным префиксом α- ἀναίσθησία [ἀν-αίσθησία] и ἀνάξιον [ἀν-άξιον] соответственно. Также и гапакс Супр *peržezogьstvo* образован с отрицательным префиксом от сущ. *peržezogьstvo*, а префикс *не-* также соответствует греч. α- в ἀκενόδοξον — хотя в остальном морфологические структуры двукорневого композита ἀκενόδοξον [ἀ-κεν-ό-δοξ-ον] и ст.-слав. *peržezogьstvo* [не-рѣ-зог-ьstv-o] с двумя префиксами не совпадают¹. Префиксально-

¹ Ср. образования с суффиксом *-ьstv(o)*, в которых префикс *не-* входил в производящую основу: *neistovьstvo* [neistov-ьstv-o] — греч. μανία — от *neistovъ* (7 уп.), *neplodьstvo* [neplod-ьstv-o] — греч. στείρωσις — от *neplogy*

суффиксальным способом образован гапак Супр *nesvĕtŕstvo* — от *svĕtŕ*, аналогично греческому префиксально-суффиксальному образованию с α -privativum $\acute{\alpha}\beta\omicron\upsilon\lambda\acute{\iota}\alpha$ [$\acute{\alpha}$ -βουλ-ί-α] (от βουλή); сущ. *nevĕtŕstvo* — от *vĕra* аналогично греч. $\acute{\alpha}\pi\iota\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$ [$\acute{\alpha}\pi\iota\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$] (от πίστις); *nevĕdŕstvo* — в соответствии с греч. $\acute{\alpha}\gamma\upsilon\omicron\alpha$.

Путем префиксации префиксом *sv-* образован гапак Супр *svdĕjŕstvo* — от более распространенного существительного с суффиксом *-stv(o)* *dĕjŕstvo* (Супр 2, Зогр-лл 1) в соответствии со структурой греческого соответствия, префиксального сущ. $\sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ [$\sigma\upsilon\nu$ -έργεια]¹. Также явно под влиянием греческого соответствия с префиксом $\sigma\upsilon\nu$ - $\sigma\upsilon\mu\pi\nu\omicron\iota\alpha$ [$\sigma\upsilon\mu$ -πνοια, алломорф $\sigma\upsilon\mu$ -] образован путем префиксации префиксом *sv-* гапак Супр *svduxanĭje* 'единодушие, единомыслие' — от сущ. *duxanĭje* 'дыхание'.

Префигированные существительные, образованные под влиянием морфемной структуры греческих соответствий с другими префиксами, единичны. К ним следует, возможно, отнести гапак Евх *vŕstavitelŕ* 'создатель'. Образование этой лексемы объясняется стремлением древнего книжника — при наличии в старославянском языке слов со значением 'создатель', не калькирующих греческие соответствия (ср. *svzŕdateŕ* — $\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\varsigma$, *svdĕtelŕ* — $\delta\eta\mu\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\acute{o}\varsigma$, *obŕetĕlŕnikŕ* — $\epsilon\upsilon\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$), — приблизиться к префиксальной морфемной структуре греческого соответствия, ср.: $\acute{\epsilon}\phi\epsilon\upsilon\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$ ([$\acute{\epsilon}\phi$ -ευρ-ε-τής], где $\acute{\epsilon}\phi$ - — алломорф префикса $\acute{\epsilon}\pi\iota$ -) — *vŕstavitelŕ* [*vŕ*-stav-i-telŕ]. Таким же стремлением приблизиться к префиксальной морфемной структуре греческого соответствия $\pi\rho\acute{\delta}\xi\epsilon\nu\omicron\varsigma$ можно объяснить и образование с префиксом *iz-* гапакса Супр *izxodatajŕ*. Последнее имеет то же значение 'заступник; ходатай', что и непрефигированное сущ. *xodatajŕ*, т. е. префикс

(13 уп.), *neprijaznŕstvo* [*neprijazn*-stv-o] — греч. $\kappa\omicron\nu\eta\rho\acute{\iota}\alpha$ — от *neprijaznŕ* (29 уп.). Сущ. *nesytŕstvo*, образованное от прил. *nesytŕ*, имеет соответствием греч. $\acute{\alpha}\pi\lambda\eta\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$ с отрицательным префиксом α -, однако этот префикс обнаруживается уже в греческом соответствии прилагательного *nesytŕ* — греч. $\acute{\alpha}\pi\lambda\eta\sigma\tau\omicron\varsigma$.

¹ В подобранном М. Капалдо греческом тексте гапак *svdĕjŕstvo* в Супр 197,7 соответствует греч. $\sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ (см. цитируемое издание). В Словаре 1994 указано соответствие $\sigma\upsilon\nu\alpha\rho\iota\varsigma$ по устаревшим данным К. Майера (см. [Meyer 1935: 242]).

iz- в сущ. *isxodatajъ* является избыточным, добавленным к уже существовавшей лексеме, возможно, под влиянием морфемной структуры с префиксом *про-* его греческого соответствия (ср.: *isxoditi* — *προέρχεται* и др., *isxazdati* — *προξενεῖν*, *istočiti* — *προτείναι*).

Глава IV

Словообразовательная морфемика старославянского прилагательного

В сфере словообразования старославянского прилагательного, как и старославянского существительного, основным способом являлась суффиксация. Довольно высокую продуктивность показывает также сложение и сложение в сочетании с суффиксацией.

Морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы

Прилагательные, словообразовательный формант которых в эпоху старославянского языка проявлял себя как «йотовое» морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы, представляют древний тип слова с суффиксом *-j-*. В индоевропейском языке этот тип был релевантен для имени вообще — как для существительного, так и для прилагательного [Meillet 1905: 375 et suiv.]. Йотовый элемент, игравший огромную роль в индоевропейском, а потом и праславянском словообразовательном механизме — при образовании компаратива, причастий активного залога, как составной элемент целого ряда вторичных («сложных» или «составных») суффиксов, в роли морфемной прокладки, — выступал здесь в своем чистом виде.

Согласно нашим подсчетам, в старославянских рукописях употребляется 73 прилагательных данного типа, которые обнаруживают следующие морфонологические чередования согласных в исходе производящей основы: *n - n̄, r - r̄, l - l̄, m - ml̄, p - pl̄, v - vl̄, d - žd̄, t - št̄, s - š̄, g - ž̄, k - č̄, z - ž̄, c - č̄, dr - ždr̄*.

Индоевропейский тип прилагательных с суффиксом *-j-* был, видимо, довольно регулярным. Некоторые индоевропейцы и в отношении славянских языков склонны рассматривать его как регулярный — в

качестве заменителя генитива соответствующих существительных. Так, А. Мейе отмечал: «Les suffixes *-je-* et *-ije-* fournissent une partie des adjectifs, qui servent en slave de substitués au génitif» [Meillet 1905: 375]. Н. С. Трубецкой и вовсе считал, что в славянских языках прилагательные этого типа, наряду с притяжательными прилагательными других типов, принадлежат к парадигме склонения одушевленных существительных — подобно тому, как причастия принадлежат к парадигме склонения глаголов [Трубецкой 1987: 220].

В эпоху старославянского языка данная модель образования прилагательных оставалась открытой для создания новых лексем, а словообразовательный формант, соответственно, — живым, однако словообразовательная активность его ограничивается образованием прилагательных от названий лиц, животных и имен собственных. Некоторая словообразовательная активность наблюдается также в образовании прилагательных от географических названий. Поскольку формант проявлял себя неодинаково в разных семантических группах, рассмотрим каждую группу отдельно.

«Старые» лексемы этого типа, почерпнутые древними книжниками из народной славянской речи и принадлежащие к слою обыденной лексики старославянского языка, сосредоточены в группе прилагательных, образованных от названий животных. Среди прилагательных, встречающихся в старославянских рукописях, эта группа насчитывает 10 лексем: *jelenъ* ‘олений’, *kozyъ* ‘козлий’, *ogyъ* ‘орлиный’, *osyъ* ‘ослиный’, *ovyъ* ‘овечий’, *ovyъ* ‘бараний’, *velьbozъdъ* ‘верблюжий’, *jaгытъпнъ* ‘вьючного животного’, *junъ* ‘молодого быка’ образованы от соответствующих существительных *jelenъ* ‘олень’, *kozyъ* ‘козел’, *ogyъ* ‘орел’, *osyъ* ‘осел’, *ovyъ* ‘овца’, *ovyъ* ‘баран, овен’, *velьbozъdъ* ‘верблюд’, *jaгытъпнъ* ‘вьючное животное’, *junъ* ‘молодой бык’. К этой группе следует отнести и прил. *govęzъdъ*, которое в старославянских текстах употребляется только в составе словосочетания *govęzъda žila* ‘плеть’¹. Сущ. **govędo*, от которого оно было образовано, в старославянских рукописях не встречается, но оно было широко распространено во всех славянских языках [ЭССЯ 7: 74; Срезн I: 533–534]. Эта лексема принадлежала к слою обыденной

¹ Словосочетание *govęzъda žila* переводит греческий композит *βοῦνευρον* — ср.: *βοῦς* ‘бык, вол, корова, тур, буйвол’, *νεῦρον* ‘сухожилие’.

лексики, и отсутствие ее в собственно старославянских рукописях может быть объяснено содержанием их текстов, что и подтверждается, например, многократным употреблением лексемы *govędo в «Шестоднев» Иоанна Экзарха — см. Шест 98с 4; 138а 6; 138а 6; 176с 21; 222b 25 (см. также [Срезн I: 533–534; СДЯ XI–XIV II: 344; СлРЯ XI–XVII 4: 54]).

О том, что данная модель оставалась в старославянском языке открытой для образования новых прилагательных от названий животных, свидетельствует прил. *inoгозь*, дважды использованное в тексте Псалтыри при переводе греч. *μονοκεράτου*. Это прилагательное образовано от двукорневого сложения *inoгозь* 'единорог', также употребленного в псалтырном тексте и калькирующего греческое двукорневое сложение *μονόκερος* [ударение так!] (Греч. *μονοκεράτου*), название мифического и мистического в христианской традиции животного *единорога*, которое, видимо, не могло относиться к слою обыденной лексики, вошедшей в старославянский язык из народной славянской речи.

Словообразовательное значение прилагательных этой группы определяется как сообщение им значения индивидуальной принадлежности или значения неиндивидуальной принадлежности. Значение индивидуальной принадлежности в старославянских рукописях встречается чаще: *о̀тѣ керѣтѣмъ монокерѣтѣмъ* — отъ рогъ *инорожь* Пс 21,22 Син; *нозѣ елені* Пс 17,34 Син; *о... гласѣ елені* Супр 224,12; *орѣлѣ юность* Пс 102,5 Син; *на жрѣвати осли* И 12,15 Зогр, Мар, Ас, Сав; *въ одеждахъ овъчахъ* Мт 7,15 Зогр, Мар; *віодѣ криѣмъ — снѣгы овъня* Пс 28,1 Син; *Ѡ власть вельбѣждѣ* Мт 3,4 Ас, Сав; *власты вельбѣжди* Мк 1,6 Зогр, Мар, Ас, Сав, Боян; *снѣ ѣрьмнича* Мт 21,5 Мар, Ас (в Сав — род. п. существительного: *парьмнича*) и др. Реже встречается значение неиндивидуальной принадлежности, например: *крѣвь юнѣча и козьла* Супр 483,21; *віодѣ монокерѣтѣмъ — снѣ (н)норожь* Пс 28,6 Син. Надо полагать, что эти прилагательные могли иметь значение индивидуальной принадлежности или неиндивидуальной принадлежности в зависимости от контекста. Ср. контекстные значения индивидуальной принадлежности (1) и неиндивидуальной принадлежности (2) прил. *овъсь*: 1) *Ѡс ѡрѣва провѣтѣмъ* — ѣко агньци овъчин Евх Зб 11; 2) *овѣжъ крѣвьѣжъ* Супр 417,16; *на овъчи жпѣли*¹ И 5,2 Зогр, Мар,

¹ Пруд в Иерусалиме, по вопросу о точном местоположении которого мнения расходятся.

Ас. Ср. также контекстные значения неиндивидуальной принадлежности (1) и индивидуальной принадлежности (2) прил. *junьsь*: 1) *мыса юнъча* Пс 49,13; 2) *отъ оужасенья юнъча* — т. е. 'от ужаса, в который поверг присутствующих молодой бык' — Супр 565,30.

Прилагательные с другими формантами от лексем этой группы в старославянских рукописях не употребляются. Исключение составляет гапакс *осъльскъ*, который, видимо, следует считать новообразованием, созданным с помощью «яркого» суффикса *-ьск-* для перевода греч. словосочетания (б) *μύλος ὀνικός* 'мельничный жернов'² в чтении МТ 18,6: *жръновъ... осъльскы* (Мар). Отсутствие словообразовательных синонимов для прилагательных этой группы свидетельствует о том, что рассматриваемые прилагательные, относившиеся к слою обыденной лексики и вошедшие в старославянский язык из народной славянской речи, были широко распространенными и укоренившимися в ее узусе. Невысокая частотность большинства из них в старославянских рукописях объясняется содержанием их текстов.

Наиболее многочисленные группы прилагательных с данным формантом составляют прилагательные, образованные от названий лиц и имен.

От названий лиц образованы: гапакс Супр *blaznyñsь* 'богохульника', *sěsaŕь* 'принадлежащий владыке, кесарю', 'царский' и 'императорский', *člověsь* 'человеческий', *děviсь* 'девичий, девственный', *dijavolь* 'дьявольский', гапакс Супр *episkuplь* 'епископский', гапакс Супр *faraonь* 'фараонов', гапакс Евх *faraušь* 'фараонов', гапакс Супр *gospodiñь* 'господский, господина', *grěšniсь* 'грешника', гапакс Супр *igumeñь* 'игумена', *kyęžь* 'правителя, властителя, начальника спанноги', *lovьsь* 'охотничий', *mateŕь* 'материнский', *mladьniсь* 'младенческий', *mčєniсь* 'мученика', *otěsь* 'отцовский, отчий, отца', гапакс Супр *piskuplь* 'епископский', *pravьdiñsь* 'праведника', *proroсь* 'пророческий, пророка', гапакс Евх *protivniсь* 'противника, врага', *skъdьniсь* 'принадлежащий гончару', гапакс Супр *tomitelь* 'мучителя', гапакс Клоц *tvogьsь* 'творца, создателя', *učeniсь* 'ученика', гапакс Супр *vьdoviсь* 'вдовый'.

Как видно из приведенного перечня, в данной группе (в старославянских рукописях насчитывается 26 таких прилагательных)

² Греч. *ὀνικός* имеет значение 'ослиный'. Ср. греческое соответствие прилагательного *осъль* — *ὄνον*, Gen. от сущ. *ὄνος* (И 12,15).

много гапаксов. Встречаются и лексемы, образованные от грецизмов: *dijavoŭ* от *dijavoŭ*, греч. *δίαβόλος* [ESJS 3: 132], *episkupŭ* от *episkupŭ* и *riskupŭ* от *riskupŭ*, греч. *ἐπίσκοπος* [ESJS 3: 166], *faraoŭ* от *faraoŭ* и *farauŝ* от *faraoŝ*, греч. *φαραών*, вариант *φαραώ* [ESJS 3: 169], *igumeŭ* от *igumeŭ*, греч. *ἡγούμενος* [ESJS 4: 239]. Это говорит о том, что данная модель была «живой» и достаточно продуктивной в старославянском языке при образовании прилагательных от названий лиц. Обращает на себя внимание также и то, что мотивирующими для многих прилагательных здесь выступают существительные с продуктивными суффиксами — с суффиксом *-(ьп, en)-ik(ъ)*: *blaznъničь* от **blaznъnikъ* [*blazn-ьп-ik-ъ*]¹, *grěšъničь* от *grěšъnikъ* [*grěš-ьп-ik-ъ*], *mъčeničь* от *mъčeničь* [*mъč-en-ik-ъ*], *pravъdъničь* от *pravъdъnikъ* [*pravъd-ьп-ik-ъ*], *protivъničь* от *protivъnikъ* [*protiv-ьп-ik-ъ*], *skъdъničь* от *skъdъnikъ* [*skъdъl-ьп-ik-ъ*], *učeničь* от *učeničь* [*uč-en-ik-ъ*]; с суффиксом *-ьс(ь)*: *lovъь* от *lovъь* [*lov-ьс-ь*], *mladъьь* от *mladъьь* [*mladъь-ьс-ь*], *tvogъь* от *tvogъь* [*tvog-ьс-ь*]; с суффиксом *-ic(a)*: *děvičь* от *děvica* [*děv-ic-a*], *vъdovičь* от *vъdovica* [*vъdov-ic-a*]; с суффиксом *-tel(ь)*: *tomitelъ* от *tomitelъ* [*tomi-tel-ъ*]). Именно в том, что большинство этих продуктивных суффиксов (за исключением *-tel(ь)* в лексеме *tomitelъ*) восходят по происхождению к и.-е. суффиксу **-k(o)*, следует видеть причину наличия в этой группе относительно большого количества лексем, оканчивающихся на *-ьь*, — факт, подмеченный М. Пржикрыловой [Příkrýlová 2001: 433].

Так же, как и прилагательные, образованные от названий животных, прилагательные от названий лиц могут иметь значение индивидуальной принадлежности или значение неиндивидуальной принадлежности. Значение индивидуальной принадлежности в старославянских рукописях встречается чаще: *повелѣнниа цѣсаря* Супр 260,2; *отъ ржкы фарауѣ* Супр 179,9–10; *отъ работы фарауѣ* Евх 5b 5; *господини мѣста* Супр 365,24; *игоумена молитвы* Супр 273,25; *на лице княже* Супр 74,15; *мати мѣченича* Супр 96,9; *оубѣштаниа*

¹ Сущ. **blaznъnikъ*, от которого образовано прил. *blaznъničь*, нам не встречалось ни в старославянских рукописях, ни в более поздних списках памятников, восходящих к старославянским протографам. Аргументацию мотивированности прил. *blaznъničь* именно существительным *blaznъnikъ* см. у Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 90].

кнѣжа Супр 163,11; отъ рѣкоу кнѣжоу Супр 162,21; прѣстоѣниѣ . противьнича Евх 56а 17; въ рѣцѣ томитѣли Супр 225,10; творьча мѣдрости – τῆς τοῦ δημιουργοῦ σοφίας – Клоц 10а 7–8; везоумѣ оученича Клоц 3б 8; трепезы въдовнича – τὴν τράπεζαν τῆς χήρας – Супр 395,26 и др. Реже встречается значение неиндивидуальной принадлежности: отъ сѣти ловьча – ἐκ παγίδος θηρευτῶν – Пс 90,3 в Снн и Супр 70,23; на дѣшѣ праведничѣ Пс 93,21 Снн.

Особый интерес для понимания распределения функциональной нагрузки на словообразовательные морфемы при становлении словообразовательной системы в сфере старославянского прилагательного представляет тот факт, что довольно часто в старославянских рукописях прилагательные этой группы используются как собственно относительные, без оттенка притяжательности в значении. В таких случаях они, как правило, переводят не генитив существительных в греческом оригинале, а греческие прилагательные. Ср.: отъ рѣкоу човѣчю (т. е. от руки Иосифа, индивидуальная принадлежность) Евх 38б 20 и ἡ ἀνθρώπινη φύσις – члѣчь родъ Евх 2б 14 'род человеческий'; τῆς παρθένου (т. е. Марии, индивидуальная принадлежность) τὴν κοιλίαν – дѣвничѣ жтробѣ Супр 240,4 и μήτρα παρθενική (т. е. 'девственное') – чрѣво дѣвичѣ Супр 250,11; ἐκ τῆς καταδυναστείας τοῦ διαβόλου – отъ насильѣ дѣвоулѣ Евх 62б17 и διαβολική δυναστεία – дѣвоулѣ сила Клоц 10б 10.

Иногда переход к собственно относительному значению трудно уловим и явствует лишь из широкого контекста, понимаемого современным исследователем не без помощи греческого оригинала. Ср., например: ἐν τοῖς τῶν μητέρων στήνεσις 'в материнских грудях', букв. 'в грудях матерей' – въ матерехѣ прьсехѣ Супр 397,21 и ἐκ τῆς μητρικῆς θηλῆς 'от материнской груди' – отъ матера съса Супр 384,15; плн: ἐν τοῖς οἴκοις τῶν βασιλέων 'в царских дворцах' – въ домохѣ ц[ѣса]рихѣ Мт 11,8 Зогр, Мар, Ас и ἐπὶ τὰ βασίλεια 'в царский дворец' – въ полатѣ цѣсара Супр 199,2, где различие значений очень тонко и в русском переводе исчезает.

Большая часть прилагательных от названий лиц (16 лексем) является единственными употребляющимися в старославянских рукописях прилагательными, образованными от данных основ. Не имеют словообразовательных синонимов прилагательные blaznyničь, faraušь, gospodińь, grěšnyičь, igumeńь, kыпѣзь, lovьсь, mladnyčь, oтьсь, piskupľь,

pravъdъnъcъ, progocъ, protivъnъcъ, tomitelъ, tvorgъcъ, ucъenъcъ, vъdovъcъ. Однако наряду с другими прилагательными этой группы употребляется ряд образованных от тех же основ прилагательных с суффиксами -ov-, -ev-, -ъsk- и -ъnъ-.

Словообразовательные синонимы к рассматриваемому типу с суффиксом -ov-/ev-, несмотря на открытость рядов при образовании прилагательных от названий лиц с этим суффиксом (см. ниже, в разделе о суффиксе -ov-/ev-), редки. Три прилагательных с суффиксом -ov- dijavolovъ 'дьяволов', faraonovъ 'фараонов', skъdъlъnikovъ 'принадлежащий гончару' синонимичны прилагательным dijavolъ, faraonъ, skъdъlъnъcъ в значении индивидуальной принадлежности. Ср., например, в чтении Мт 27,7: село скждельниче Ас — село скждельниково Зогр, Мар.

Прилагательное с суффиксом -ov- (с алломорфом -ev-) cъsafevъ синонимично в значении индивидуальной принадлежности прилагательному cъsaфъ, но образовано от варианта лексемы с основой на мягкий согласный cъsaфъ. Словарь 1994 дает одну словарную статью на сущ. cъsaфъ, не обособляя вариант этого слова с несмягченным согласным конца основы cъsaфъ [Словарь 1994: 774]. Тем не менее в старославянских рукописях употребительны оба варианта. Ср.: *отъ бѣ цѣра нашего* Евх 5b 21; *тѣ βασιλεῖ* — *цѣсароу* Супр 64,14 и др.¹ Надо полагать, что прилагательные cъsaфъ [cъsaфъ-ъ] и cъsaфъскъ [cъsaфъ-ъskъ-ъ] образовывались от основы варианта лексемы cъsaфъ, тогда как прилагательное с суффиксом -ov- cъsafevъ было образовано от основы варианта cъsaфъ. Прил. cъsafevъ гораздо менее частотно, чем прил. cъsaфъ. Ср.: cъsaфъ — 44 уп., cъsaфъскъ — 18 уп., cъsafevъ — 4 уп.

Единственный словообразовательный синоним к прилагательным этой группы с суффиксом -ъnъ-, отмеченный в старославянских рукописях — прил. materъnъcъ 'материнский' (5 уп.), который употребляется наряду с прил. materъ 'то же' (4 уп.). Тенденции в различии распределения этих прилагательных не улавливаются. Ср. в чтении

¹ Таким же образом Словарь 1994 дает одну словарную статью на глагол cъsafevatъ, тогда как в старославянских рукописях, наряду с cъsafevatъ, употребляется и вариант cъsafovati: *цѣсароули* Супр 158,5 и 435,23. Вариант cъsafovati отмечен и в др.-русс. списке Гр. Наз. XI в. со старославянского протографа [Срезн III: 1461].

Мт 19,12: *ис чръва мѣтерѣ* Сав, *и-чръва мѣринѣ* Ас, Мар. Скорее всего, древний, но еще употребительный тип слова, представленный в *mateřь*, постепенно замещался прилагательным с более ярко материально выраженным суффиксом *-ыѣ* *mateřьыѣ*.

Более распространены словообразовательные синонимы к прилагательным этой группы с суффиксом *-ыск-*. Шесть прилагательных — *сѣсарыскъ* 'принадлежащий властелину, относящийся к властелину, царский, императорский', *чловѣчыскъ* 'человеческий, относящийся к человеку', *дѣвичыскъ* 'девичий, девственный', *епіскурыскъ* 'епископский', *мѡченичыскъ* 'мученический; мученика', *пргоочыскъ* 'пророческий, пророков' — образованы от тех же основ, что и прилагательные с морфологическим чередованием согласных. Они могут быть синонимичны как в притяжательном, так и в собственно относительном значении. Ср. в притяжательном значении: *τῷ κελεύματι τοῦ βασιλέως* — повелѣннѣ *цѣсарѣ* Супр 260,2 и *φιλιὸν βασιλέως* — *цѣсарыскыѣ* *любвѣ* Супр 50,8 (т. е. расположение, «любовь» конкретного властителя); в притяжательном значении: *μάρτυρος... μήτηρ* — *матѣ* *мѡченичѣ* Супр 96,9 и *ἄνα τῶν μαρτύρων* — *съ* *мѡченичыскыѣ* *тѣлеса* Супр 66,20; в собственно относительном значении: *ἐπὶ τὰ βασίλεια* — *въ* *полатыѣ* *цѣсарѣ* Супр 199,2 и *πορφύραν βασιλικήν* — *вагърѣннѣж* *цѣсарыскѣ* Супр 7,2; в собственно относительном значении: *μήτρα παρθενική* — *чръво* *дѣвичѣ* Супр 250,11 и *παρθενικήν... μήτραν* — *дѣвичыскаѣ*... *ложесна* Евх 4b 11. Все же притяжательное значение чаще было свойственно члену синонимической пары, характеризующемуся морфологическим чередованием согласных. Ср.: *ἐκ τοῦ παραδείσου... τοῦ ἐπισκόπου* — *из* *града* *епіскоупыѣ* Супр 233,15–16 (в тексте речь идет о конкретном епископе, покровителе св. Артемона) и *τὸν τῆς ἐπισκοπῆς... θρόνον* — *епіскоупыскыѣ* *столъ* Супр 187,22–23; *σύνοδος ἐπισκόπων* — *съворъ* *епіскоупыскыѣ* Супр 201,2; *ἡ σύνοδος* — *съворъ* *епіскоупыскыѣ* Супр 202,29; *τῆ ἀρχιερωσύνη* — *епіскоупыскыѣ* *саномъ* Супр 293,23–24. Из значений принадлежности прилагательным с суффиксом *-ыск-* чаще было свойственно значение неиндивидуальной принадлежности. Ср.: *εἰς ὄνομα προφήτου* — *въ* *имѣ* *пророче* Мт 10,41 Зогр, Мар, Ас, Сав и *λόγοις προφητῶν* — *словеса* *пророчыскыѣ* Супр 346,17. Вместе с тем следует подчеркнуть, что распределение этих

значений не было жестким в старославянском языке, как иногда считают ([Vaillant 1974: 448] и др.).

Наиболее убедительно о том, что в старославянском языке «йотовое» морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы было «живым» и продуктивным словообразовательным формантом, свидетельствует группа прилагательных, образованных от имен собственных. Словообразовательное значение таких прилагательных — значение индивидуальной принадлежности. В старославянских рукописях эта группа насчитывает 21 лексему: *alasŭŕь*, *agoŕь*, *avijaŕь*, *avgaamŕь*, *avrilijaŕь*, *dioklitijaŕь*, *xuzaŕь*, *ijakovŕь*, *ionadavŕь*, *konstantiŕь*, *makedoŕь*, *markiaŕь*, *matusaŕь*, *nevŕftalimŕь*, *paŭŕь*, *pilaŕŕь*¹, *salaŕь*, *simoŕь*, *solomoŕь*, *taraŕь*, *zavuloŕь*. Все эти прилагательные имеют производящую основу греческого происхождения. Большинство лексем малочастотны, 9 лексем (*alasŭŕь*, *avrilijaŕь*, *dioklitijaŕь*, *xuzaŕь*, *ionadavŕь*, *makedoŕь*, *markiaŕь*, *salaŕь*, *salaŕь*) являются гапаксами старославянских рукописей. Высокочастотных прилагательных (даже по меркам старославянского языка) мало: *agoŕь* (9 уп.), *konstantiŕь* (18 уп.), *simoŕь* (5 уп.), *solomoŕь* (6 уп.), *zavuloŕь* (8 уп.). Почти для половины этих прилагательных (10 лексем: *alasŭŕь*, *avijaŕь*, *xuzaŕь*, *ionadavŕь*, *makedoŕь*, *matusaŕь*, *nevŕftalimŕь*, *salaŕь*, *taraŕь*, *zavuloŕь*) в словнике Словаря 1994 не имеется формально мотивирующих слов. Так, если для прил. *agoŕь* формально мотивирующим было имя *agopŕь*, то имени **ionadavŕь* в дошедших до нас старославянских рукописях нет. Его могло и не быть во всей совокупности когда-то существовавших старославянских текстов, а прил. *ionadavŕь* — гапакс, употребленный в Пс 70,1 (Спн), — могло быть образовано переводчиком прямо в процессе перевода греческого текста непосредственно от основы имени Ἰωνὰδός (в субституции славянских звуков

¹ Субстантивированная полная (определенная) форма ж.р. *pilaŕŕaja* этого прилагательного, образованного от имени *pilaty*, используется для названия жены Пилата. Субстантивация полных форм прилагательных для обозначения особ женского пола и, в частности, названия жен такими прилагательными, образованными от имени мужа, — явление, хорошо известное по древнерусским рукописям. В старославянских рукописях также встречается в той же роли субстантивированная полная форма ж.р. *uŕŕijŕaja* прилагательного с суффиксом *-in-* *uŕŕijŕь*, образованного от имени собственного *uŕŕijь* (см. ниже).

ionadav-). То же можно предполагать и в отношении других немотивированных прилагательных. Прилагательные *avijańь*, *xuzańь*, *salańь*, *taġańь* образованы от имен, оканчивающихся в греческом тексте Евангелия на гласную («альфу») — Ἀβιά, Χουζᾶ, Σαλά, Θάρα соответственно. Таким образом, можно предполагать, что прилагательные *avijańь*, *xuzańь*, *salańь*, *taġańь* были образованы путем прибавления к этим греческим именам, использованным в качестве производящих основ, мягкого согласного -ń¹. Если учесть, что наиболее частотные прилагательные этого типа — *agońь*, *konstantińь* (ср. константиńь градъ 'Константинополь'), *simońь*, *solomońь*, *zavulońь* — имели в конце основы -ń-, можно предполагать, что показатель -ń- и воспринимался древними книжниками как примета притяжательных прилагательных этого типа при образовании их от имен собственных².

В пяти случаях от тех же основ, от которых имеются прилагательные, характеризующиеся йотовым морфонологическим чередованием согласных, в старославянских рукописях зафиксированы прилагательные с суффиксом -ov-. Малочастотные прилагательные

¹ О своем наблюдении, что в данные прилагательные «вставляется согласная н», писал В. А. Погорелов уже в работе 1930 г. [Погорелов 1930: 20]. М. Бродовская-Гоновская «извлекала» из прилагательных *avijańь*, *xuzańь*, *salańь*, *taġańь* самостоятельный «суффикс -nъ» [Brodowska-Honowska 1960: 171–172] (т. е. -ń(ь)?), для чего, как кажется, нет оснований, так как такой словообразовательной морфемы не было: суффикс -n(ь), непродуктивный в старославянском языке, встречается в нескольких старославянских существительных (*branjь*, *kaznjь* и др.); суффикс -n- прилагательных, также непродуктивный в старославянском языке, вычленяется в нескольких лексемах с *o*-основами (*slanjь*, *želězňь* и др.), и только в лексеме *otъvъgьlь*, членность которой в старославянском языке вызывает сомнения, — с *i*-основой. Однако этот суффикс не образует прилагательных притяжательных. Другую процедуру образования этих прилагательных (а именно от восстановленных имен собственных **avijańь*, **xuzańь*, **salańь*, **taġańь*) предположил Р. Мароевич [Мароевич 1983: 48] (см. также в [Мароевич 1989: 127]). Однако реальный словообразовательный процесс проходил, видимо, без этого «дополнительного шага».

² М. Пржикрылова справедливо отмечает, что среди прилагательных, образованных от имен собственных с помощью суффикса -jь-, наибольшее число оканчивалось на -ńь [Přikrylová 2001: 430–431].

авгаатовъ и іѣкововъ появляются в тексте тетра (авгаатовъ — в чтении Л 3,34 в Зогр и Мар, а затем также и 1 раз в Евх, іѣкововъ — в том же чтении в Зогр и Мар) и выглядят новообразованиями по сравнению с высокочастотными и употребляющимися в большинстве старославянских рукописей прилагательными авгаамѣ (39 уп.) и іѣковѣ (51 уп.). По сравнению с прил. агоновъ (3 уп.) более употребительно и прил. агоѣ (9 уп.). С другой стороны, прилагательные с суффиксом -ov- рѣлатовъ (5 уп.) и сімоновъ (12 уп.) несколько более частотны, чем рѣлаѣтъ (2 уп.) и сімоѣтъ (5 уп.). В целом создается впечатление, что при образовании прилагательных от имен собственных суффикс -ov- был более конкурентоспособным: 93 лексемы в старославянских рукописях с суффиксом -ov- (см. ниже) versus 21 лексемы рассматриваемого типа. Однако при образовании прилагательных от имен собственных йотовое морфонологическое чередование согласных в качестве словообразовательного форманта тоже было довольно продуктивным. Это подтверждается тем, что почти все лексемы этой группы относились к слою книжной лексики, создаваемой в процессе перевода греческих текстов на славянский, характерным наличием многочисленных гапаксов и образованием прилагательных непосредственно от слов, взятых переводчиком (или редактором) в греческом тексте оригинала.

К слою книжной лексики, создаваемой в процессе перевода греческих текстов на славянский, принадлежат и прилагательные, образованные от географических названий. При том, что наиболее употребительным суффиксом для образования таких прилагательных в старославянском языке был суффикс -ъsk- (см. ниже), в старославянских рукописях насчитывается шесть прилагательных от географических названий, словообразовательным средством в которых является йотовое морфонологическое чередование согласных: егѣмиѣ, іѣрусалимѣ, кѣрестѣ, сіуамѣ, сіоѣ, совалѣ. Мотивирующие существительные для гапаксов кѣрестѣ и совалѣ в пределах старославянских рукописей не зафиксированы, и, видимо, эти гапаксы образованы непосредственно от основ, взятых из греческого текста. Ср.: εἰς τὴν Κυρῆστῶν πόλιν — въ кѣрестинѣ градѣ Супр 218,9; τὴν Συρίαν Σαβῆλ — соуринѣ совалѣ Пс 59,2 Спн.

Другие прилагательные этой группы — егѣмиѣ, іѣрусалимѣ, сіуамѣ, сіоѣ — образованы от старославянских грецизмов: егѣмиѣ — название гор 'Ερμόν; іѣрусалимѣ — город Ἱερουσαλὴμ; сіуамѣ —

название селения Σιλωάμ; *siōpъ* — название горы Σιών. Прилагательные *егътииѣ*, *iĵerusaliml'ъ*, *siluaml'ъ*, *siōiъ* встречаются в старославянских рукописях наряду с прилагательными от тех же основ с суффиксом *-ъsk-* и могут быть им совершенно синонимичны. Например, употребление в тексте тетра (Зогр и Мар) прил. *siluamъskъ* можно объяснить как замену слова «старого типа» *siluaml'ъ* прилагательным с более «современным» и ярким суффиксом *-ъsk-* — замену, вообще характерную для языка тетров. Ср. в чтении И 9,7: **въ кнѣлі сілуам'і** Ас — **въ кнѣлі сілоуамъсцѣ** Зогр и Мар. То же можно сказать и о замене прил. *егътииѣ* на прилагательное с суффиксом *-ъsk-* *егътииѣskъ* при цитировании Пс 132,3 в Евх. Ср.: **роса еръмоуиѣ** Снн — **роса еръмоуиѣска** Евх 9а 12–13. С другой стороны, то же значение 'иерусалимский', что и прил. *iĵerusalimъskъ* с суффиксом *-ъsk-* (8 уп.), имеет гапакс Супр *iĵerusaliml'ъ*. Ср.: **дъштери елѣскы** Л 23,28 Зогр — **дъшти иероусалима** Супр 337,4. Возможно, в данном случае создание древним книжником (переводчиком или переписчиком Супр) гапакса *iĵerusaliml'ъ* объясняется желанием подчеркнуть притяжательное значение этой лексемы, которое, видимо, больше связывалось в его сознании с типом прилагательного, характеризуемого морфонологическим чередованием в исходе основы, чем с типом прилагательного с суффиксом *-ъsk-*.

Помимо синонимичных прилагательным *iĵerusaliml'ъ* и *siōiъ* прилагательных с суффиксом *-ъsk-* *iĵerusalimъskъ* и *siōiъskъ*, в старославянских рукописях употребляются прилагательные с суффиксом *-ov-* от тех же основ — *iĵerusalimovъ* (1 уп.) и *siōnovъ* (10 уп.). Учитывая то, что для суффикса *-ov-* не было характерным использование его при образовании прилагательных от географических названий (см. ниже в разделе о суффиксе *-ov-*), прил. *iĵerusalimovъ* и *siōnovъ* можно рассматривать как экспансию очень продуктивного в старославянском языке суффикса *-ov-* на «территорию» суффикса *-ъsk-*. Возможно, с помощью суффикса *-ov-* переводчик хотел подчеркнуть притяжательный оттенок в значении. Ср.: **τὰ ἀγαθὰ Ἱεροουαλήμ** — **блага иерѣмова** Евх 8а 2; **τῆ θυγατρὶ Σιών** — **дъщери сионовѣ** Мт 21,5 в Мар.

К группе прилагательных, образованных от географических названий, примыкает прил. *oblašъ*, употребляемое в старославянском языке субстантивированно в значении 'мрянин'. По мнению А. Вайана, оно образовано от сущ. *oblastъ* в значении 'область, край'

с чередованием *st* – *š* ([Vaillant 1974: 432], см. также [Фасмер III: 102–103]). В таком случае пзначальное значение несубстантивированного прилагательного, незафиксированное в старославянских рукописях, должно бы было быть ‘принадлежащий к области, провинциальный’.

Словообразованпе прилагательных с помощью йотового морфонологического чередования согласных в исходе производящей основы с другой семантикой, не относящейся к названиям лиц, животных, имен собственных и географических названий, находится на периферии словообразовательной системы старославянского языка, представляя собой остатки состояния славянской словообразовательной системы в более раннюю эпоху¹.

А. Мейе относил к рассматриваемому типу слов прилагательные *viъ* ‘неразумный’, *suъ* (в старославянских рукописях только в адвербиализованной форме ср. р. ед. ч. *suje* ‘тщетно’), *šujъ* ‘левый’, *tuъ* (в старославянских рукописях только в адвербиализованной форме ср. р. ед. ч. *tuie* ‘даром’), *peъ* ‘пеший’ [Meillet 1905: 378–380], однако в старославянском языке у этих прилагательных уже не было однокоренных слов, при сопоставлении с которыми можно было бы выделить словообразовательный формант.

Морфемное членение путем сопоставления однокоренных лексем можно провести у прилагательных *lъzъ*, *dobъ*, *pegъbъ*, хотя нельзя указать мотивирующих слов. Высокочастотное прил. *lъzъ* ‘лживый’ (50 уп.) вычленяет корневой морф *-lъz-* того же корня, что и морф *-lъg-* в глаголе *lъgati* ‘лгать’, однако сущ. **lъga*, основу которого можно было бы считать производящей для прил. *lъzъ*, в старославянских рукописях не встречается².

Прил. *dobъ* (написания в рукописях *добѣли* и *добѣни*) ‘доблестный, мужественный’ сохраняет семантическую связь с рядом однокоренных старославянских слов, в частности с наречиями *udobъ* [u-dob-ъ] ‘удобно, легко’, *udobъnѣ* [u-dob-ъn-ѣ] ‘удобно, легко’. Этимологически

¹ М. Пржикрылова в своей статье о старославянских прилагательных с суффиксами *-jъ* и *-ъjъ* их вообще не упоминает [Přikrylova 2001].

² Ср., однако [Варбот 1969: 70], где высказывается предположение об образовании прил. *lъzъ(jъ)* от сущ. *lъzъ*, которое, впрочем, тоже не встречается в старославянских рукописях.

в прил. *dobľъ* корень тот же, что и в прил. *dobъ* [ЭССЯ 5: 40]. Возможно, в некоторых случаях *добни* могло иметь значение суперлатива, соотносительного с *dobъ*, ср. в Супр: *μόρτυς ἄριστος* (суперлатив от *καλός*) — *свьѣдѣтель добни* Супр 277,26 и через строку *μόρτυς... καλός* — *свьѣдѣтель... добрын* Супр 277,28. Однако свидетельств о регулярности такого соотношения у нас недостаточно.

Гапакс Евх *пегьбѣ* 'несгибающийся, негнущийся', сложение с префиксом *пе-*, вычленяет корневой морф *-гьбѣ-* на фоне однокоренных слов *газгьпѣти* [*gaz-gъ-pъ-ti*] 'раскрыть, развернуть', *сгьгьпѣти* [*szъ-gъ-pъ-ti*] 'согнуть, свернуть, сложить', *сгьгьбати* [*szъ-gъbъ-a-ti*] 'согнуть', *сугубь* [*su-gubъ*] 'вдвое, вдвойне' и др.

Прил. *проць(жь)* и *въздѣ* употребляются в старославянских рукописях наряду с прилагательными без данного форманта, но имеющими те же значения. Прил. *проць(жь)* 'остальной' широко распространено в старославянских рукописях (66 уп.). Вместе с тем в Супр неоднократно встречается и *прокъ(жь)* (8 уп.) в том же значении, но без данного форманта. Также не очень ясно словообразовательное значение этого форманта в прил. *въздѣ* 'бодрый' на фоне значения прил. *вьдгъ* 'бодрый', от которого оно образовано. Эта пара демонстрирует уникальное для старославянского языка чередование групп согласных *dg* — *ždъ*. В пределах старославянских рукописей встречается только одно употребление прил. *въздѣ* — в Супр 550,21: *въждреж дшеж*, где контекст, к тому же в отсутствие подобранного греческого оригинала, не дает возможности судить о разнице значений *вьдгъ* и *въздѣ* (ср. в Мт 26,41: *дхъ ... въдръ* Зогр, Мар, Ас, Сав).

Видимо, аналогичным образом с помощью рассматриваемого форманта было образовано и прил. *безумѣ* 'неразумный, безрассудный' — от незафиксированного в старославянских рукописях праславянского сложения адъективного характера **bezumъ* (о лексеме **bezumъ* см. [ЭССЯ 2: 49]).

Мотивирующее существительное можно указать для прил. *дѣнь* 'однодневный' (Л 2,44 Зогр, Мар), образованного от сущ. *дѣнь* 'день'. Сущ. **roludънь* 'полдень' от которого должен бы был быть образован гапакс Снн прил. *roludънь* 'полуденный' (*δαμονίου μεσημβριου* — *демона полоудьнѣго* Пс 90,6), в старославянских рукописях не встречается, но встречается «симметричное» образование *rolupошь* 'полночь' (*ἔψαλλον μέχρη μεσονυκτίου* — *помах до полоуношти* 'пелн до полуночи' Супр 70,26).

Суффикс -ьј-

Тип прилагательных с суффиксом -ьј- (позиционно > -ij-) также восходит к эпохе индоевропейского языка, когда этот суффикс являлся, видимо, вариантом рассмотренного выше суффикса -j-. По мнению А. Мейе, выбор варианта *-yo- или *-iyо- в индоевропейском зависил от количества предшествующего слога [Meillet 1905: 377], но в рассматриваемую нами эпоху это распределение уже не было актуальным. В старославянском языке суффикс -ьј-, в отличие от «йотового» морфонологического чередования согласных, был малопродуктивным: 11 встречающихся в старославянских рукописях прилагательных с данным суффиксом — это «старые» славянские прилагательные, относящиеся к слою обывденной лексики: *božjь* 'божий', *kučjь* 'петуший, петушинный', *lvъjь* 'львиный'¹, *otročjь* 'отроческий', *ritjь* 'питьевой', *ryšjь* 'собачий, песий', *rabjь* 'рабий; рабский', *govjь* 'то же', *skotjь* 'относящийся к скоту', *veljь* 'большой', *vražjь* 'вражий, вражеский'.

Безусловную членность имеют прилагательные *božjь*, *kučjь*, *lvъjь*, *otročjь*, *ritjь*, *ryšjь*, *rabjь*, *govjь*, *skotjь*, *vražjь*, мотивированные соответствующими существительными *bogъ* 'бог', *kučъ* 'петух', *lvъ* 'лев', *otrokъ* 'отрок', *ritje* 'питье, напиток'², *ryšъ* 'собака, пес', *gabъ* 'раб', *govъ* 'то же', *skotъ* 'скотина, домашнее животное', *vragъ* 'враг'.

В прил. *veljь* 'большой' суффикс -ьј- вычленяется путем сопоставления с синонимичным прил. *velikъ* (*vel-ik-ъ*) 'большой' и другими однокоренными лексемами с корнем *-vel-*, в том числе наречем *velъmi* (*vel-ъmi*) 'очень, весьма', связанного с семантикой «большого размера» [Ефимова 1989: 116–117].

В прил. *divjь* [*div-ij-ъ*] элемент -ij- ощущался, видимо, как значащая часть слова — примета прилагательного. Однако с синхронной точки зрения лексему *divjь* следует рассматривать как

¹ Для праславянского языка *lvъ является германизмом [ЭССЯ 17: 105], однако для старославянского языка — это лексема, попавшая в литературный язык из народной славянской речи.

² Этимологически прил. *ritjь* образовано, конечно, от причастия *ritъ*, однако в словообразовательной системе старославянского языка мотивируется существительным *ritje*.

членящую не полностью: хотя этимологически *divijь* «нельзя отрывать от гнезда **diviti...* и родственных» [ЭССЯ 5: 36], в старославянском языке семантика *divijь* 'дикий' и *diviti se* 'удивляться' разведена уже очень сильно и не удастся обнаружить связующего звена: прил. *dikъjь* (*di-k-ъjь*) 'дикий', вычленивший этимологически суффикс -k- подобно тому, как суффикс -v- вычленяется в *divij-ь* (*di-v-ij-ь*) [ЭССЯ 5: 30; Черных I: 253], не встречается не только в классических старославянских, но и в обследованных нами рукописях, восходящих в старославянским протограммам, а данные, на которые ссылается ЭССЯ как на «русс.-цслав.» (т. е. на [Срезн I: 665–666]), относятся к довольно позднему периоду и могут иметь чисто русское происхождение. В старославянском же языке корень -*div-* с семантикой 'дикости' и корень -*div-* с семантикой 'удивления' проявляют себя как разные неделимые корни.

Считается, что тип славянских прилагательных с суффиксом -*ъj-*, так же, как и тип прилагательных с «йотовым» морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы, — «прежде всего тип прилагательных принадлежности» ([Vaillant 1974: 434]; см. также [Meillet 1905: 377]). Однако реально в классических старославянских рукописях значения прилагательных с суффиксом -*ъj-* колеблются от «притяжательности» до «собственно относительности» в зависимости от контекста. (Заметим, что этот факт очень важен для понимания распределения функциональной нагрузки на словообразовательные морфемы при становлении словообразовательной системы старославянского языка в сфере прилагательного.)

Только в качестве притяжательных со значением индивидуальной принадлежности встречаются прилагательные *kuŕijь* 'петуший, петушинный' (2 уп.), *otročijь* 'отроческий, детский' (1 уп.), *ryšijь* 'собачий, песий' (3 уп.): до коуриѣ въспѣтиѣ, по коурии въспѣтии Евх 48b; βέλη νηπίων — стрѣлы отрочиа Супр 88,10 (ср.: βέλος νηπίων — стрѣлы младенец в Пс 63,8 Спн); ἐκ χειρὸς κυνός — из-држкы пѣсъя Пс 21,21 Спн, а также 2 раза в названии вида насекомых пѣсна моухы (неструктурная калька с греч. κυνόμυα).

А. Меёе [Meillet 1905: 377], а за ним и SJS [SJS II: 123] включали в лексический инвентарь старославянского языка также прил. *lisijь* 'лисий' — как использованное переписчиком в результате непонимания греческого имени собственного Λυσίαχος в тексте Супр

74,30 («Житие 40 севастиийских мучеников») в сочетании **опашь лисниа**, будто бы со значением 'лисий хвост', т. е. в качестве притяжательного прилагательного со значением индивидуальной принадлежности. Однако, если исходить из варианта греческого оригинала этого жития, подобранного М. Капалдо, где имя гонителя христиан дано не как *Λυσίαχος*, а как *Λυσίας*, можно думать, что ошибки переписчика не было, а был закономерный перевод прямой речи мученика Домна. В таком случае лексема **лисниа** в тексте Супр 74,30 — имя собственное. Ср.: *καὶ ἡ οὐρὰ Λυσίας ὁ δοῦξ ὁ σὺν σοί. Ὑμεῖς οἱ δύο ὑπηρεταὶ ἐστὲ τοῦ σατανᾶ. — а опашь лисниа доуксъ . ниже съ тобоюж. ва оба слоузъѣ сотонинъѣ ., т. е. 'а прихвостень Лисий, воевода, тот, что с тобой! Вы оба слуги Сатаны!'¹.*

Прил. **львиъ** 'львиный' могло бы быть употреблено как притяжательное со значением индивидуальной принадлежности, но единственное его употребление в пределах старославянских рукописей имеет значение, которое следует расценить скорее как собственно относительное: **ровъ львини** (*ὁ λάκκος τῶν λεόντων*, т. е. «ров со львами» в Супр 502,4). Также скорее как значение собственно относительного прилагательного следует определить и значение прил. **скотиъ** 'относящийся к скоту' в единственном его употреблении в Евх 1046 20: **кръвь скотниж**.

Прил. **рабийъ** 'рабий; рабский' употребляется в старославянских рукописях как собственно относительное, главным образом в сочетании **рабини образъ** (*δοῦλου μορφῆ*). И только в Евх За 15–16 его значение можно определить как значение индивидуальной принадлежности: **длань рабиниж** (*τὴν τοῦ δοῦλου παλάμην*). Также в качестве собственно относительного в сочетании **робини образъ** встречается и прил. **говийъ** (1 уп.).

Прил. **вражйъ** 'вражеский, вражий' довольно частотно (21 уп.) и встречается, главным образом, в качестве притяжательного со значением индивидуальной принадлежности (например, *ἀπὸ φωνῆς ἔχθροῦ* — **утъ гласа вражьѣ** Пс 54,4 Снн). Однако в ряде контекстов оно может быть определено и как собственно относительное: **повѣднлъ еси в'снж снаж вражниж** Евх 296 1. Ср. также в фигуральном

¹ По поводу этой ошибки SJS Г. Кайпергом была опубликована целая статья [Keipert 1978].

употреблении при калькировании сочетаний с лексемой *πρόσωπον*: *ἀπό προσώπου ἐχθροῦ* – *отъ лица вражиѣ* Евх 926 15 = Пс 60,4 Спн.

Высокая частотность прилагательного *βοϋίης* ‘божий’ (> 800 уп.) обусловлена, конечно, содержанием старославянских текстов. Чаше оно употребляется как притяжательное со значением индивидуальной принадлежности (*тѣло бжїе* Евх 69а 15; *прѣдъ очима бжїима* Евх 68а 7 и мн. др.), но в ряде контекстов и как собственно относительное – ср.: *законъ бжїи* Мт 15,6 Зогр, Мар; *завѣтъ божи* Супр 386,29; *отъ бжїи надежда* Супр 105,5 и др. В сопоставительной конструкции прил. *βοϋίης* может быть противопоставлено прилагательному с суффиксом *-ης*. Ср., например, в Слове Епифанния Кипрского на погребение тела Христова в Клоц, где содержанием является противопоставление еврейского народа и язычников, «цесарей» Пилата и Ирода, а словосочетанию *бжїю тѣлоу*, соответствующему греч. прил. *θεόσωμος*, противопоставлено прил. *σκотънжж*: *Καὶ οἱ μὲν κτηνόθυτοι, οἱ δὲ θεόσωμον θυσίαν προσέφερον* – *и ови скотънжж жрътвж . ови же бжїю тѣлоу жрътвж приношаахж* Клоц 13b 19 (ср. то же место гомилли в Супр 450,21–22: *нюден же съвазаште агньца закала’хж . а нже отъ поганъ въ плать бога* .).

Рассмотренные выше прилагательные с суффиксом *-ης* сохраняли в старославянском языке прозрачные словообразовательные мотивационные связи, и семантика их развивалась, видимо, по мере необходимости передачи содержания греческого текста от «притяжательности» к «относительности». Однако такие прилагательные, как *velijъ* и *divijъ* в эпоху старославянского языка уже не являлись мотивированными, и их значение уже не связывалось с семантикой «притяжательности». Эти лексемы употреблялись как качественные прилагательные. По меркам старославянского языка они обнаруживают достаточно высокую частотность: *velijъ* – > 200 уп., *divijъ* – 19 уп. Все же, несмотря на «качественность» значений этих прилагательных, сравнительная степень от них, видимо, не образовывалась: сравнительная же степень от *divijъ* в старославянских рукописях не встречается, сравнительная же степень *velicajъ*, относительная по значению с *velijъ*, образована от синонимичного прил. *velikъ*.

Прил. *pitijъ* ‘питьевой’ имеет значение собственно относительного. Хотя это гапак Супр (Супр 549,12), его отсутствие в других рукописях может объясняться содержанием текстов (т. е. отсутствием

потребности в его употреблении), тогда как значение этого прилагательного говорит о его принадлежности к слою обыденной лексики.

По характеру употребления прилагательных с другими суффиксами, образованными от той же производящей основы, что и прилагательные с суффиксом *-ьj-*, можно заметить стремление древних книжников к замене некоторых из этих «старых» лексем прилагательными с более «яркими» суффиксами (т. е. с суффиксами, содержащими более выразительную последовательность фонем, чем суффикс *-ьj-*). Так, наряду с высокочастотным прил. *воѣжь* (> 800 уп.) в старославянских рукописях 3 раза употреблено прил. *воѣзьскъ* с продуктивным суффиксом *-ьск-*. Все три случая приходятся на Супр, т. е. на рукопись, включающую относительно более поздние переводы. В двух контекстах (Супр 8,12 и Супр 155,6) образование прилагательного с суффиксом *-ьск-* можно объяснить стремлением древнего книжника разграничить употребление прилагательного *воѣжь*, значение которого должно относиться только к христианскому Богу¹, от прилагательного, значение которого относится к богам языческим — в Супр 8,12 речь идет о Гере: *тѣс ѿтрѣс тѣм ѿбѣм — матери вожьскыа*; в Супр 155,6 речь идет о жертвах языческим богам: *отъ жрътвъ вожьскыихъ*. Однако в контексте примера Супр 345,12, в Слове Иоанна Златоуста, содержащем аллюзию на евангельскую притчу о засохшей смоковнице (Мт 21,19 и сл.), речь идет об Иисусе Христе: *и тоу авику смокты съхнѣаше . слово чловѣчьско нъ дѣло божьско .*

Из прилагательных, образованных от основы *vrag-*, в кругу сохранившихся до наших дней старославянских рукописей встречается только прил. *vraǰьj* (21 уп.). Однако попытки создания прилагательного от этой основы с суффиксом *-ьск-*, несомненно, были, так как в Супр находим гапакс *vraǰьsky* [*vraǰь-sk-y*] 'вражески', т. е. наречие, образованное от незафиксированного в старославянских рукописях прилагательного с суффиксом *-ьск-* **vraǰьskъ*. Само прил. *vraǰьskъ* встречается в «Богословии» Иоанна Экзарха (т. е. в памятнике, восходящем к старославянскому протографу): *тѣм ѿлѣрѣсѣм тѣс тѣм ѣхврѣм ѡцѣвнѣс — отъложено мьсти вражьскыа Бог 97b.*

¹ Ср. помету в Словаре 1994: «только о едином боге» [Словарь 1994: 98].

Прил. *gabijь*, образованное от основы *gab-*, употреблялось, как отмечалось выше, главным образом как собственно относительное. Тем не менее в Супр 262,4 находим гапакс *gabьскъ* (*gab-ьsk-ъ*) 'рабский' с суффиксом *-ьsk-*. Сходна и сочетаемость — ср.: **рабин образъ** (δούλου μορφῆ) — **рабъскомъ чиномъ** (τάξει δουλικῆ). Возможно, древний книжник употреблением суффикса *-ьsk-* стремился разграничить перевод греч. Gen. δούλου и греч. прил. δουλικός. В Супр встречается и наречие *gabьsky* 'рабски, как раб', образованное от этого прилагательного.

От основы *lv-* образованы три старославянских прилагательных: *lvijь*, *lvonь* и *lvьскъ*. Прилагательное с суффиксом *-ov-* *lvonь* со значением индивидуальной принадлежности 'львиный, льва' — наиболее частотно (6 уп.) и отмечено в разных рукописях (Син, Евх и Супр), что говорит о том, что в качестве притяжательного прилагательного оно стало вытеснять свой синоним *lvijь*. А для перевода в Супр греч. λεοντιαός 'львиный' в переносном значении 'сильный, мощный' древний книжник закономерно создал гапакс с суффиксом *-ьsk-* — прил. *lvьскъ*: ῥῆσιν... λεοντιαίαν πρὸς τὰς ἐναντίας δυνάμεις — глаголь... **лввьскъ къ противнѣнымъ силамъ** Супр 464,14.

Стремление древних книжников к созданию новых лексем с продуктивными суффиксами вместо прилагательных с как бы «стертым» суффиксом *-ij-* наиболее отчетливо проявилось в создании гапакса Супр *govijьскъ* 'рабский, относящийся к рабам' (Супр 562,12). Это еще один пример «удвоенной аффиксации», характерной для старославянской лексики: при том, что в языке существовали прилагательные *gabijь* и *govijь*, древний книжник создает прил. *govijьскъ* [*gov-ij-ьsk-ъ*] с тем же значением, но с добавлением к основе прилагательного *gov-ij-ь* «яркого» суффикса *-ьsk-* в той же функции, что и суффикс *-ij-*.

Как уже отмечалось, все рассмотренные выше прилагательные с суффиксом *-ij-* — это «старые» славянские лексемы, принадлежащие к слою быденной лексики, семантика которых развивалась по мере необходимости от «притяжательности» к «относительности». Однако в единичных старославянских неологизмах, образованных на базе сочетаний Gen. имени с предлогом *bezъ* и калькирующих греческие соответствия в части префикса греческий α -privativum, результат сложения флексии *-i-* Gen. имени с *-i-*основой и местоименной формы

жь формально совпал со старым суффиксом -ѣј(ь) (позиционно -ѣј- > -іј-), тем самым как бы «оживляя» этот суффикс. Таковы прил. *beštystijь* [be-štyst-ij-ь] 'непочитаемый, не пользующийся почетом', перевод греч. ἄτιμος в Мт 13,57 (Зогр, Мар), а также гапак Супр прил. *bezъgatijь* [bezъ-gat-ij-ь] 'мирный, без войны', перевод греч. ἀπολάμνητος (Супр 324,22).

Суффикс -ьї-

В старославянских рукописях употребляется 10 прилагательных с суффиксом -ьї-. По происхождению славянский суффикс -ьї- представляет собой расширение суффикса -јї- [Vaillant 1974: 444], и прилагательные с этим суффиксом связаны своим значением посесивности с прилагательными, рассмотренными в двух предыдущих параграфах. Основное словообразовательное значение суффикса -ьї- — сообщение прилагательному притяжательного значения индивидуальной принадлежности — имеют прилагательные *bratъьї* 'брата' и *bratъьї* 'то же', *drugъьї* 'друга', *gospodъьї* 'господский; господень', *vladуьї* 'владыки, правителя', образованные соответственно от существительных *bratъь* 'брат', *bratъь* 'то же', *drugъь* 'друг', *gospodъь* 'господин; Господь', *vladука* 'правитель, владыка'. Притяжательное значение неиндивидуальной принадлежности имеют прилагательные *matеьї* 'материнский' и *vѣтрььї* 'ветров (род. п.)', образованные соответственно от существительных *matі* (*mater-*) 'мать' и *vѣтрьь* 'ветер'. Возможность образования притяжательного прилагательного *vѣтрььї* от сущ. *vѣтрьь* 'ветер' объясняется персонификацией последнего: *хѣдъи на крилу вѣтрью* Пс 103,3 Син (см. также [Vaillant 1974: 444]).

Со значением, отклоняющимся от притяжательного, по старославянским рукописям известны всего три прилагательных с суффиксом -ьї- — *smokъьї*, *svъзъьї* и *ѳomatосъьї*. Гапак Сав в чтении Мт 24,32 *smokъьї*, образованный от сущ. *smoky* (*smokъь-*) 'плод смоковницы, винная ягода', употреблен субстантивно в форме ж. р. *smokъьїа* в значении 'смоковница'. Лексема *smokъьїа* совершенно синонимична сущ. *smokъьница* (образованию от прил. *smokъьнь* с суффиксом -ic(a) при мотивации также существительным *smoky*), которое находим в этом чтении в других старославянских кодексах.

Лексема *съвѣзъь* употребляется в старославянских рукописях тоже только субстантивно в значении 'узник' и синонимична тоже употребляемому субстантивно причастию *съвѣзапъ* от глагола *съвѣзати* 'заключить в оковы'. В старославянском языке имелось и однокоренное существительное с данной семантикой — *съвѣзъ* в значении 'оковы', однако образование лексемы *съвѣзъь* было, видимо, все-таки отглагольным, так как в сущ. *съвѣзъ* наблюдается другой вокализм корня¹.

Прил. *ѳумиатосъь* 'кадилный, из кадилницы', гапакс Супр, служит показателем продуктивности суффикса -ъь- в старославянском языке, так как здесь он присоединяется к основе греческого происхождения. Лексема *ѳумиатосъь* была образована, видимо, непосредственно от греческого слова *ѳумιάτος*, так как грецизм **ѳумиатосъ*, который мог бы быть исходным для этого прилагательного, в старославянском лексическом инвентаре неизвестен.

Суффикс -ov-/-ev-

Основное словообразовательное значение суффикса -ov- (алломорфы -ov- и -ev-) в старославянском языке, в отличие от значений других старославянских продуктивных суффиксов прилагательных, определяется довольно четко как притяжательное значение индивидуальной принадлежности. Славянский суффикс -ov- в старославянском языке развил необычайно высокую продуктивность. Книжный характер большинства прилагательных с данным суффиксом очевиден из того факта, что из 133 прилагательных на -ovъ, отмеченных в старославянских рукописях, только 11 лексем (*avorovъ*, *gromovъ*, *istovъ*, *jugovъ*, *lvovъ*, *pastuxovъ*, *severovъ*, *skodybnykovъ*, *svrasovъ*, *trъnovъ*, *zъpnykovъ*) образованы от славянских основ. С алломорфом -ev- от славянских основ также образована небольшая часть прилагательных: 8 из 32-х, из них пять (*mošitelevъ*, *prêdaditelevъ*, *goditelevъ*, *svrasitelevъ*,

¹ На материале древнерусского языка по письменным источникам Ж. Ж. Варбот указывает целый ряд отглагольных образований с суффиксом -ьнь — помимо *свѣзънь* также *закладънь* 'перебежчик?', *заложник?*, *плетьнь*, *попгъльнь* 'извив', *порубънь* 'обрубок', *приходънь* 'пришелец, чужеземец', *опашънь* (к опашати 'обмахать') [Варбот 1969: 79].

učitel'evъ) — от существительных с суффиксом -tel'(ь), и только dъždєvъ, vgaбєvъ и zmijєvъ образованы от «старых» славянских лексем с непронизводными (для старославянского языка) основами.

Среди прилагательных, образованных от славянских основ, несколько лексем не обнаруживают собственно притяжательного значения¹. Две из них — avogovъ 'яворовый (платановый)' и tьnovъ 'терновый' — образованы от названий растений. В текстах, сохранившихся в старославянских рукописях, прил. avogovъ характеризует само растение, как бы входя в его название, что проводится греческим оригиналом (ἐπὶ δένδρου πλατάνου — Джгѣ... аворовѣ Супр 18, 10), а tьnovъ синонимично прилагательному с суффиксом -ѣп- от той же основы (в чтениях Мк 15,17 и И 19,5 тьновъ вѣньць в Зогр, Мар и Ас, тьнѣнъ вѣньць в Сав). Ограниченность группы прилагательных, образованных от названий растений, двумя лексемами, объясняется, видимо, содержанием дошедших до нас старославянских рукописей, и в лексическом инвентаре старославянского языка их могло быть больше. Так, в переводах VI, дошедших до нас лишь в более поздних списках, но в том числе и в древнейшем Григоровичевом паримейнике конца XII — начала XIII вв., находим также прил. ogѣhovъ 'ореховый' [SJS II: 556; Срезн II: 711]. В процессе перевода греческого текста на славянский по типу данных прилагательных было образовано и прил. savekovъ в названии кустарника: φυτὸν σαβέκ — гтьмъ savekovъ (ср. приведенное выше ἐπὶ δένδρου πλατάνου — Джгѣ... аворовѣ). Надо полагать, что этот гапак Евх был создан древним книжником с помощью суффикса -ov- непосредственно от слова σαβέκ в греческом оригинале как от производящей основы.

¹ Некоторые лингвисты (М. Бродовская-Гоновская, Н. П. Зверковская и др.) усматривают на этом основании существование двух славянских суффиксов прилагательных -ov- разного происхождения. В частности, Н. П. Зверковская пишет, что общеславянский суффикс -ov- отсубстантивных прилагательных «следует отделять... от древнейшего суф. -*ov- в прилагательных типа *истовъ, готовъ, суровъ*, который восходит к н.-е. суф. -*wo-» [Зверковская 1986: 38]. В любом случае мы согласны с предположением М. Пржикрыловой, что первоначально славянский суффикс -ov- не имел посессивной функции, а был просто деривационным суффиксом, сочетавшимся с *и-основами. Посессивное же значение суффикса — генетически вторично [Прикрилова 1997: 28–29].

Прил. *istovъ* [ist-ov-ъ], в котором суффикс *-ov-* представляет собой расширение, аналогичное наблюдаемому в местоименных прилагательных *какovъ* [kak-ov-ъ], *такovъ* [tak-ov-ъ] и др., встречается в старославянских рукописях наряду с прил. *istъ*(ь). Последнее употребляется в них как в местоименном значении 'тот самый, именно тот', которое являлось изначальным [Топоров 1958: 80–86], так и в знаменательном значении 'настоящий, истинный' и 'точный'. Прил. *istovъ* 'настоящий, истинный' и 'правдивый' синонимично прил. *istъ* в его знаменательном значении и с синхронной точки зрения являет собой очередной пример «обновления» «старой» лексики ярким суффиксом *-ov-*. Ср.: *исток... покаиник* Супр 529,9 — *истовок пока'ник* Супр 362,18. Тем не менее очевидно, что прил. *istovъ* в его знаменательном значении «укоренилось» в славянской речи до первых переводов Св. Писания, так как уже в евангельском тексте образованное от него с отрицательным префиксом прил. *neistovъ* показывает развитие семантики по направлению к значению качественного прилагательного 'безумный': *и неистовъ естъ* (καὶ μαίνεται) И 10,20 Зогр, Мар, Ас; *ѣко неистовъ естъ* (ὅτι ἔξέστη) Мк 3,21 Зогр, Мар.

Среди образованных от славянских основ с суффиксом *-ov-* прилагательных имеются также и лексемы с притяжательным значением индивидуальной принадлежности, которое в старославянском языке стало основным словообразовательным значением этого суффикса. Это, главным образом, образования от наименований лиц.

К основам, оканчивающимся на твердый согласный, присоединялся алломорф *-ov-*: *pastuxovъ* 'пастуха', *skъдыlnikovъ* 'принадлежащий гончару', *спъsarovъ* 'спасителей, относящийся к спасителю', *жениховъ* 'женхх'. К этому ряду следует отнести также и прилагательные *jugovъ* в значении 'южного ветра' и *ггошовъ*, для которых притяжательное значение индивидуальной принадлежности становится возможным, как справедливо отмечает М. Пржикрылова, благодаря персонификации мотивирующих существительных [Прикрилова 1997: 28]¹. Заметим, что от *jugъ* в значении 'юг (как страна)' образуется прилагательное с суффиксом *-ъsk-* *južъskъ* 'южный': *црѣца южъскаа* Мт 12,42 Зогр. (Ср.: *възвъ'танник югово* Супр 349,13, где южный ветер,

¹ В своих наблюдениях о персонификации лексики *jugъ* М. Пржикрылова следует за В. Вондраком [Vondrák 1924: 524].

jugъ, выступает как деятель.) В то же время прил. sěverovъ приобретает собственно относительное значение 'северный': ребра sѣверова Пс 47,3 Спн (имеется в виду северный склон горы Сион). Прил. gromovъ встречается только в составе словосочетания сына громава (дв.ч.), калькирующего греч. υἱὸ βροντῆς (Мк 3,17 Зогр, Мар).

Основная масса старославянских прилагательных с суффиксом -ov- имеет производящую основу греческого происхождения. Они образовывались либо от старославянских существительных-грецизмов, уже «укоренившихся» в языке, либо непосредственно в процессе перевода от основы греческого соответствия в тексте оригинала.

Группу прилагательных на -ovъ от наименований лиц, характеризующихся производящей основой греческого происхождения, в старославянских рукописях составляют 14 лексем: arxangelovъ 'архангелов, архангела', arxiegovъ 'первосвященника, архиерея', dijavolovъ 'дьяволов', duksovъ 'воеводы', fagaonovъ 'фараонов, фараона', fariseovъ 'фарисея', fariseovъ 'фарисея', xristosovъ 'Христов, Христа', хгъstosovъ 'Христов, Христа', хгъstovъ 'Христов, Христа', iġemonovъ 'правителя', patriarxovъ 'патриарха', sunagogovъ 'принадлежащий архисинагогу', tektonovъ 'плотников'. Для всех этих прилагательных в словнике Словаря 1994 имеются мотивирующие существительные: arxangelъ (греч. ἀρχάγγελος), arxiegejъ (греч. ἀρχιερεὺς), dijavolъ (греч. διάβολος), dukсъ (греч. δοῦξ), fagaonъ (греч. φαραώ), farisejъ (греч. φαρισαῖος), xristosъ (греч. Χριστός), хгъstosъ (греч. Χριστός), хгъstъ (греч. Χριστός), iġemonъ (греч. ἡγεμών), patriarxъ (греч. πατριάρχης), sunagogъ (греч. συναγωγός или συναγωγή), tektonъ (греч. τέκτων) соответственно. Данная группа существенно пополняет группу прилагательных, образованных от наименований лиц со славянскими основами, — pastuxovъ, skodьbnikovъ, sьrasovъ, žepixovъ. Суффикс -ov- в виде алломорфа -ov- присоединяется к производящей основе греческого происхождения, как правило, без изменения твердого конечного согласного (arxangel-ъ — arxangel-ov-ъ, fagaon-ъ — fagaon-ov-ъ и др.), либо, в случае окончания производящей основы на -j-, с усечением производящей основы (arxiegej-ъ — arxiege-ov-ъ, farisej-ъ — farise-ov-ъ). Без усечения -j- производящей основы используется алломорф суффикса -ev- (см. ниже). К этому ряду причисляем и прил. kesarovъ 'кесарев', образованное от варианта лексемы kesarъ с

твердым конечным согласным производящей основы — в отличие от прил. *kesareŭ* (см. ниже)¹.

Основное словообразовательное значение суффикса *-ov-* у всех лексем этой группы — значение индивидуальной принадлежности. Следует отметить, что некоторые словарные толкования могут ввести в заблуждение, создавая впечатление, что прилагательное имеет не только притяжательное, но и собственно относительное значение, так как при переводе старославянских текстов на русский язык тонкие оттенки в значениях могут утрачиваться. Так, например, для прил. *fariseovъ* и *fariseovъ* Словарь 1994 указывает значения (в одной словарной статье для обеих лексем) не только 'фарисеев', но и 'фарисейский' [Словарь 1994: 758]. Контексты в старославянских рукописях дают следующее. Л 7,36: *εις τὸν οἶκον τοῦ φαρισαίου* (т. е. 'в дом фарисея') — **въ домъ фарисѣовъ** Зогр, Мар, фарисеов' Ас; Л 7,37: *ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ φαρισαίου* (т. е. 'в доме фарисея') — **въ храмнѣ фарисѣовѣ** Зогр, Мар, фарисеовѣ Ас; Супр 391,9: *εις τὴν οἰκίαν τοῦ φαρισαίου* (т. е. 'в доме фарисея') — **въ домоу фарисеовѣ**; Супр 393,4: *τοῦ φαρισαίου τὸ φρόνημα* — **фарисеовѣ съмысль**. Что касается последнего случая, то здесь прил. *fariseovъ* употреблено в том месте одной из гомплий Супр, в котором речь идет об определенном фарисее, пригласившем Иисуса на обед, и лексема **съмысль** (τὸ φρόνημα) здесь обозначает тайное, невысказанное вслух суждение фарисея о том, что, если бы Иисус был пророком, то он знал бы, что прикасающаяся к нему женщина является грешницей. То есть и в этом случае прилагательное имеет значение индивидуальной принадлежности.

То же можно сказать и в отношении, например, прил. *kesarovъ*. Словарь 1994 указывает не только значение 'кесарев', но и 'императорский' [Словарь 1994: 284]. Контексты в старославянских рукописях дают следующее. Мт 22,20: *ἡ εἰκὼν αὐτοῦ καὶ ἡ ἐπιγραφή... Καίσαρος* (т. е. 'изображение это и подпись... кесаря') — **образъ и**

¹ Ст.-слав. лексема *śesaŭ* (вариант *śesagъ*) обычно считается заимствованной из латинского, возможно, через посредство готского [Фасмер IV: 291; ESJS 2: 93]. Однако непосредственным источником заимствования лексемы с начальным *к-* *kesaŭ* (вариант *kesagъ*) следует, видимо, считать все же греч. *καῖσαρ* (см. в [ESJS 5: 308]).

написание... кесаровъ Мар; в синоптическом чтении Мк 12,16: ἡ εἰκὼν αὐτῆ καὶ ἡ ἐπιγραφή... Καίσαρος — образъ съ и написание... кесаровъ Мар; в синоптическом чтении Л 20,24: εἰκόνα καὶ ἐπιγραφήν... Καίσαρος — образъ и написание... кесаровъ Мар; Мк 12,17: субстантивированно τὰ Καίσαρος (т. е. 'то, что принадлежит кесарю') — кесарова (мн. ч.) Мар; Супр 104,17: τῷ δόγματι τοῦ Καίσαρος (т. е. 'постановлению [приказу] кесаря') — заповѣди кесаровѣ; Супр 106,17: евангельская цитата из Мк 12,17 — субстантивированное кесарово. Т. е. во всех контекстах в старославянских рукописях прил. Kesa-говъ имеет значение индивидуальной принадлежности 'кесарев, кесаря'.

То, что в группе прилагательных, образованных от наименований лиц, число отмеченных в старославянских рукописях лексем с производящей основой греческого происхождения превышает число прилагательных со славянскими основами, говорит об очень высокой продуктивности суффикса -ov- в старославянском языке при образовании прилагательных в этой сфере номинации.

Используется также суффикс -ov- и при образовании прилагательных от названий животных, главным образом, — от названий животных с основами греческого происхождения. Как было показано в предыдущих параграфах, «старые» славянские прилагательные от названий животных — это прилагательные, характеризующиеся морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы (типа *jeleńь*) и прилагательные с суффиксом -ьj- (типа *kurjь*). От славянских наименований животных с суффиксом -ov- образованы только два прилагательных — с алломорфом -ov- *lvovъ* 'льва'¹ и с алломорфом -ev- *zmjevъ* 'змѣя (Gen.), зменный'. От названий же животных с производящими основами греческого происхождения в старославянских рукописях употребляются четыре прилагательных: *aspidovъ* 'зменный, гадючий' от *aspida* (греч. ἀσπίς, Gen. ἀσπίδος [ἀσπίδ-ος]), *exidьnovъ* 'гадючий' от *exidьna* (греч. ἔχιδνα [ἔχιδν-α])²,

¹ Для праславянского языка *lvъ является германизмом [ЭССЯ 17: 105], однако для старославянского языка — это лексема, попавшая в литературный язык из народной славянской речи.

² Именно в сильной тенденции к экспансии суффикса -ov-/-ev- при образовании прилагательных от основ греческого происхождения в другие семантические группы следует видеть причину образования прил. *aspidovъ* и

Kitovъ 'китовый' от Kity (греч. κῆτος [кѣт-ос]). Гапак Син erodovъ 'цапли' (Пс 103,17) был образован, видимо, непосредственно в процессе перевода от основы греч. ἐρωδιός (Gen. ἐρωδιός), так как суш. *erodъ или *eroda в старославянских рукописях не употребляется. Не встречалось нам пока существительное, которое могло бы быть мотивирующим для прил. erodovъ, и в списках, восходящих к старославянским протографам¹.

Наибольшую продуктивность суффикс -ov- показывает при образовании прилагательных со значением индивидуальной принадлежности от имен собственных. Как и у рассмотренных выше прилагательных, образованных с йотовым морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы, не для всех прилагательных данной группы мотивирующие имена собственные обнаруживаются в словнике Словаря 1994.

Мотивирующие имена можно назвать для следующих 55 прилагательных на -ovъ: adamovъ – adamъ, aleksandrovъ – aleksandrъ, aminadavovъ – aminadavъ, amosovъ – amosъ, andreonъ – andrejъ, andreovъ – andrějъ, apolonovъ – apolonъ, aramovъ – aramъ, aronovъ – aronъ, artemidovъ – artemida, asafovъ – asafъ, avraamovъ – avraamъ, davydovъ – davydъ, efremovъ – efremovъ, eliakimovъ – eliakimъ, epochovъ – epochъ, esromovъ – esromъ, faresovъ – faresъ, filipovъ – filipъ, theodorovъ – theodogъ, ханаановъ – ханаанъ, ijakovovъ – ijakovъ, ijeseovъ – ijesejъ, ijudovъ – ijuda, ioanovъ – ioanъ, iosifovъ – iosifъ, iosiovъ – iosijъ или iosija, irodovъ – irodъ, isaakovъ – isaakъ, isusovъ – isusъ, kleorovъ – kleopa, kononovъ – kononъ, lazarovъ – lazаръ, lotovъ – lotъ, melchisedekovъ – melchisedekъ, moseovъ – mosijъ, mosšovъ – mosijъ, naasonovъ – naasonъ, natanovъ – natanъ, naumovъ – naumъ, ovidovъ – ovidъ, ravylovъ – ravylъ, petrovъ – petrъ, pilatovъ – pilatъ, pionovъ –

exidyovъ с этим суффиксом, а не во влиянии варианта лексемы м. р. aspidъ, зафиксированного в списках паримийника конца XIII – начала XIV вв., как предполагает (правда, не очень уверенно) М. Пржикрылова [Пржикрылова 1997: 26–27].

¹ Интересно, что в более поздних списках Псалтыри ἐρωδιός переводится прилагательным erodijevъ, т. е. вариантом лексемы, образованным с алломорфом суффикса -ev- при субституции славянских звуков без усечения греческой основы, но добавленном -j-: ἐρωδι-ος – erodij-evъ (см. [SJS I: 582]).

pioňь, salmonovъ – salmonъ, saulovъ – saulъ, savinovъ – savinъ, semeonovъ – semeonъ, simonovъ – simonъ, sumeonovъ – sumeonъ, voozovъ – voozъ, zakъxeovъ – zakъxejъ, zevedeovъ – zevedejъ, zinonovъ – zinonъ. Как видно из перечня, в большинстве случаев алломорф суффикса -ov- присоединяется без изменения твердого конечного согласного производящей основы (adamъ – adam-ovъ и др.), либо, в случае окончания производящей основы на -j-, с усечением -j- производящей основы (anъdrejъ – anъdre-ovъ, anъdrějъ – anъdrě-ovъ, ijesejъ – ijese-ovъ, iosijъ – iosi-ovъ, zakъxejъ – zakъxe-ovъ, zevedejъ – zevede-ovъ). Прил. moseovъ и mosěovъ можно считать образованными от основ косвенных падежей (род. п. mose-a и mosě-a).

Для 39 прилагательных на -ovъ Словарь 1994 не фиксирует мотивирующих имен собственных. Так же, как и в группе прилагательных от имен собственных, образованных с йотовым морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы, в этих случаях либо мотивирующие имена собственные для них имелись в переводах эпохи старославянского языка, но не встречаются в сохранившихся до наших дней старославянских рукописях, либо эти прилагательные, – что, видимо, случалось чаще, – могли быть образованы прямо в процессе перевода непосредственно от основ греческих имен собственных в тексте оригинала (с субституцией славянских звуков). Это следующие лексемы: adavovъ, albfeovъ, arfaksadovъ, asuovъ, avimelexovъ, elmodanovъ, eposovъ, eslimovъ, everovъ, falekovъ, filistionovъ, hamovъ, iaredovъ, igovъ, isaavovъ, kadъmovъ, kainanovъ, kasamovъ, koreovъ, korěovъ, kosamovъ, lamexovъ, lavaanovъ, maatovъ, mainanovъ, mattatovъ, meleannovъ, paanġeovъ, пахоговъ, паѳеовъ, ragavovъ, rufovъ, semeinovъ, seuxovъ, sevugovъ, simovъ, sitovъ, timeovъ, vaalovъ.

Алломорф суффикса -ev-, о котором иногда пишут как о самостоятельном суффиксе (см., например, в [Прикрилова 1997: 25]), присоединялся к производящим основам, имеющим в исходе мягкий согласный. По данным старославянских рукописей, помню -j- это были согласные ĭ, í, ŋ, ċ, а также группа žd.

От существительных со значением лица с алломорфом -ev- образованы 8 прилагательных – пять с суффиксом tel'(ь): močitel'evъ 'властелинов' от močitel' в значении 'тиран, властелин'; pġdaditel'evъ

‘предателя (Gen.)’ от **prědaditeľ*¹; *goditeľevъ* ‘прародительский’ от *goditeľ* ‘родитель’; *srъpasiteľevъ* ‘спасителей’ от *srъpasiteľ* ‘спаситель’; *učiteľevъ* ‘учителей’ от *učiteľ* ‘учитель’; а также *vračeъ* ‘врача (Gen.)’ от *vračъ* ‘врач’; *česařeъ* ‘владыки (Gen.)’, *властелинна (Gen.)* от *česařъ* ‘властелин, владыка’; *kesařeъ* ‘кесарев, императорский’ от *kesařъ* ‘кесарь, (римский) император’. От названий животных с этим алломорфом образовано только одно прилагательное: *zmijeъ* ‘змея (Gen.)’, *зменный*’ от *zmijъ* ‘змея, змий, змея’. Единичны образования от существительных других семантических групп. Одно — от славянской производящей основы: *dyžděъ* от *dyždъ* [dyždъ-ь] ‘дождь’. Одно — *kranijeъ* — в составе словосочетания *kranijevo město* < греч. *κρανίου τόπος*, где *τόπος* закономерно переведено на славянский как *město*, а при образовании прил. *kranijeъ* производящей основой послужила непосредственно часть основы греческого сущ. *κρανίου* ‘верхняя часть головы’ (т. е. *κρανι-* с добавлением *-j-* при субституции славянских звуков > *kranij-*)². Еще одно прилагательное — *izdraiľevъ* — образовано от названия народа *izdraiľъ* (*izdraiľ-ь*, греч. *Ἰσραήλ*). Последнее, впрочем, примыкает к группе прилагательных от имен собственных, так как название народа *Ἰσραήλ* образовано от имени собственного *Ἰσραήλ*.

Как и при образовании прилагательных с алломорфом *-ov-*, наибольшую продуктивность этот суффикс показывает при образовании прилагательных от имен собственных: 20 лексем из 32-х с алломорфом *-ev-* в старославянских рукописях: *adъdijeъ*, *anъdrějeъ*, *arijeъ*, *faniuľevъ*, *iannějeъ*, *ijezeķijil’evъ*, *ilijeъ*, *ioanajeъ*, *ioanaňevъ*, *ioaňevъ*, *isaijeъ*, *maleleiľevъ*, *mattatajeъ*, *mattatijeъ*, *melyxijeъ*, *nirijeъ*, *noevъ*, *risijeъ*, *salatiľevъ*, *zorovaveľevъ*. Для 9 из них известны мотивирующие имена собственные: *anъdrějъ* [anъdrějъ-ь] — *anъdrějeъ*, *arijъ* [arijъ-ь] — *arijeъ*, *ijezeķijъ* (греч. *Ἰεζεκιήλ*) — *ijezeķijil’evъ*, *ilija* [ilij-a] — *ilijeъ*, *ioanъ* [ioanъ-ь] — *ioaňevъ*, *isaija* [isaij-a] — *isaijeъ*, *noe* [no-e, греч. *Νῶε*] — *noevъ*, *salatiľъ* [salatiľъ-ь] — *salatiľevъ*, *zorovaveľъ* [zorovaveľъ-ь] —

¹ О вероятности наличия лексемы *prědaditeľ* в лексическом инвентаре старославянского языка см. [Цейтлин 1977: 106].

² Греч. *κρανίου τόπος*, как известно, само является переводом названия холма Голгофы.

zogovaveŕevъ. Заметим, что для производящих основ греческого происхождения при субституции славянских звуков характерно добавление -j- в исходе: Ἀνδρέας (Ἀνδρέ-ας) – андрѣ-ь, Ἄρειος (Ἄρει-ος [‘ari-os]¹) – аrij-ь, Ἠλίας (Ἠλί-ας) – ilij-a. Для 11 прилагательных – adъdijevъ, fanuil’evъ, iannĕjevъ, ioanajevъ, ioanaĕevъ, maleleil’evъ, mattatajevъ, mattatijevъ, melxijevъ, nigijevъ, risijevъ – в словнике Словаря 1994 мотивирующие имена собственные отсутствуют. Эти прилагательные образованы, видимо, непосредственно от греческих основ в процессе перевода, т. е. в процессе «текст → текст». При этом часто в греческом тексте основа имени имеет в исходе букву ι («иоту»). В таком случае при субституции славянских звуков наблюдается добавление -j-: Ἀδδί – adъdi-j-evъ, Ἰαννάι – iannĕ-j-evъ, Ματταθί-ας [Pape 1870: 872] – mattati-j-evъ, Μελχί – melxij-evъ. Добавляется -j- в исходе основы и к другим звукам: Ἰωάνά-v – ioana-j-evъ, Ματαθά – mattata-j-evъ, Ῥησά – risi-j-evъ.

На примере зафиксированных в старославянских рукописях прилагательных с алломорфом -ev- еще более отчетливо, чем на примере прилагательных с алломорфом -ov-, видна манера древних книжников образовывать прилагательные непосредственно от греческих основ при переводе греческого текста оригинала. На это, кроме отсутствия в словнике Словаря 1994 мотивирующих имен собственных для 11 таких прилагательных, указывает и случай с образованием прил. ijezekijil’evъ: при наличии в тексте Син (п, следовательно, в старославянском лексическом инвентаре) грецизма – мотивирующего имени собственного ijezekijъ (Пс 64,1), которое образовано от основы греч. Ἰεζεκιήλ с усечением (т. е. [iĕzeki-]), прил. ijezekijil’evъ, употребленное в Ен (т. е. в более поздней, чем Син, старославянской рукописи), образуется непосредственно от греческой основы Ἰεζεκιήλ- без усечения.

Для образования прилагательных от географических названий в старославянском языке использовался, главным образом, суффикс -ъsk- (см. ниже). Тем не менее в старославянских рукописях встречаются шесть прилагательных, образованных от географических названий, и с суффиксом -ov-. Все они – лексемы книжного характера с

¹ В византийском греческом ει, а также η, η, οι, υ, υι совпали в произношении с ι – явление, известное под названием «иотаизма».

производящими основами греческого происхождения: *damaskovъ*, *efremovъ*, *ijerusalimovъ*, *ioгъdanovъ*, *kisovъ*, *sionovъ*. Из них только *sionovъ* встречается в старославянских рукописях многократно¹, остальные прилагательные этой группы малочастотны. Прил. *efremovъ* дважды встречается в Пс 77: в стихе 67 как образованное от имени собственного *efremъ* (*и колѣна ефремова не избѣра*), а в стихе 9 как образованное от названия города *efremъ*: **Снѡвѣ ефремовѣ** (вм. *ефремовѣ*) 'сыны Ефремовы' Син (ср. *дѣти сионова*)². Гапакс *ioгъdanovъ*, хотя и образован от названия реки *ioгъdanъ*, имеет притяжательное значение индивидуальной принадлежности, являя собой еще один пример персонификации: *τὴν εὐλογίαν τοῦ Ἰορδάνου* – **вѣговение Иеръданово** Евх 5а 1–2. Значительно более частотно прилагательное от той же производящей основы с суффиксом *-ъsk-* *ioгъdanъskъ* (19 уп.). Также притяжательное значение индивидуальной принадлежности имеет и гапакс Евх *ijerusalimovъ*: *ὅπως ἴδῃ τὰ ἀγαθὰ Ἱερουσαλὴμ* – **да оузърить благаа иерѣмова** Евх 8а 20 (ремниисценция Пс 127,5; в Син: *Ὅ οузъриси благаа иерѣмовъ*). Прилагательное от той же производящей основы с суффиксом *-ъsk-* *ijerusalimъskъ* встречается в старославянских рукописях 8 раз. Гапакс *kisovъ* употреблен в Пс 82,10 в составе названия канала: *ἐν τῷ χειμάρρῳ Κίσων* – **въ потоцѣ кисовѣ** Син. Очевидно, что это прилагательное было создано прямо в процессе перевода греческого текста «по потребности», непосредственно от усеченной греческой основы [*Κίσ-ων*]. Прил. *damaskovъ* употреблено дважды – в календарях Ас и Ен в контексте *episkurъ damaskovъ*.

¹ Следует, видимо, учесть, что название горы Сион в сознании древнего книжника было не столько географическим, сколько символизировавшим – в качестве обозначения города Давидова – царство Божие на земле и на небе. В евангельском и псалтырном тексте прил. *sionovъ* встречается только в словосочетании *дѣти sionova* 'дщерь Сионова' (перевод греч. *θυγάτηρ Σιών* в Мт 21,5; И 12,15 и Пс 9,15). В кругу старославянских рукописей прил. *sionovъ* употреблено еще и в Слове Епифания Кипрского на погребение Христова (Клоц и Супр) – там оно как бы входит в название города Давидова: *ἐν Σιών τῇ πόλει τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου* – **въ сионовѣ градѣ . цѣрѣ вѣанкаго Клоц 13b 24 = Супр 450,29**. Помимо прил. *sionovъ* в Син употребляется также прил. *sionъskъ* с суффиксом *-ъsk-* от той же производящей основы (Пс 47,3; 47,12 и 136,3).

² Словарь 1994 дает прил. *efremovъ* как единую словарную единицу.

Прилагательного с суффиксом *-ъsk-*, которое было бы образовано от названия города *damaskъ*, в старославянских рукописях нет. Не исключено, что это объясняется фонетическими причинами — неблагозвучностью и труднопроизносимостью на близком расстоянии двух групп *-sk-* в прил. **damaskъskъ*, если бы такое было образовано¹.

Рассмотренный материал показывает, что в целом образование прилагательных с помощью суффикса *-ov-* от географических названий выглядит как экспансия высокопродуктивного суффикса в несвойственную ему сферу. О том, что для суффикса *-ov-* в старославянском языке была характерна экспансия в функциональные сферы других суффиксов, говорит и гапакс Сав в чтении Мт 22,19 *Кѣпъsovъ* — прилагательное, образованное от грецизма *Кѣпъъ* (греч. κήρυκος) 'налог, подать'. В других старославянских кодексах — Ас и Мар — употреблено прил. *Кѣпъьльъ* с суффиксом *-ьп-*: *скълазъ киньсовъы* Сав — *скълазъ кинъьтъны* Мар, Ас.

Суффикс *-in-*

Основное словообразовательное значение суффикса прилагательных *-in-* в старославянском языке определяется почти так же четко, как словообразовательное значение суффикса *-ov-/-ev-*: для подавляющего большинства прилагательных с этим суффиксом — это сообщение прилагательному притяжательного значения индивидуальной принадлежности. Лишь в некоторых случаях можно отметить значение неиндивидуальной принадлежности, причем значения индивидуальной и неиндивидуальной принадлежности может иметь одна и та же лексема. Группа прилагательных с суффиксом *-in-* гораздо менее многочисленна, чем группа прилагательных с суффиксом *-ov-/-ev-*: в старославянских рукописях насчитывается только 37 прилагательных,

¹ Следует отметить, что суффикс *-ъsk-* в старославянском языке вообще редко присоединялся к основам, имеющим в исходе *-s-*: из 222 прилагательных с суффиксом *-ъsk-*, отмеченных нами в старославянских рукописях, только три образованы от производящей основы, оканчивающейся на *-s-*: *efesъskъ* [efes-ъsk-ъ], *nebesъskъ* [nebes-ъsk-ъ] и *persъskъ* [pers-ъsk-ъ], а также наречие *ръььskъy* [ръььsk-y].

образованных с помощью суффикса *-in-*. Очевидно, это объясняется тем, что сфера применения суффикса *-in-* в образовании от славянских основ ограничивалась существительными м. р. и ж. р. со старыми основами на *ā* и *ī*¹. Вместе с тем суффикс *-in-* обладал в старославянском языке достаточно высокой продуктивностью, о чем свидетельствует частая сочетаемость его с производящими основами греческого происхождения: из 37 прилагательных с суффиксом *-in-* только 9 лексем образованы от славянских производящих основ². Среди последних, наряду со «старой» славянской лексикой обыденной сферы употребления — *golqbinь*, *igьinь*, *pergjazninь*, *osyletinь*, *gabyinь*, *smokьvinь*, *vojevodinь*, *zvětinь*, — наблюдаем и прилагательное книжного характера *bogorodičinь*, гапакс Ас при переводе греч. τῆς θεοτόκου (Gen.; см. с. 104–105). Остальные старославянские прилагательные с суффиксом *-in-* имеют производящие основы греческого происхождения.

Больше всего прилагательных с суффиксом *-in-* — 20 лексем — образовано от имен собственных: *theoninь* (от *theta*, греч. Θεών [Pape 1870: 504]), *θominь* (от *theta*, греч. Θωμάς), *xuzəaninь* [*xuzəan-in-ъ*] (от греч. Χουζᾶ), *ijemenijinь* [*ijemenij-in-ъ*] (от греч. Ίεμενί), *ijudinь* (от *ijuda*, греч. Ἰούδα), *ilijinь* [*ilij-in-ъ*] (от *ilija* [*ilij-a*], греч. Ἰλία), *ioninь* (от *iona*, греч. Ἰωνᾶς), *irodijadinь* [*irodijad-in-ъ*] (от *irodija*, Gen. *irodijady* [*irodijad-y*], греч. Ἡρωδιάς, Gen. Ἡρωδιάδος [*Ἡρωδιάδ-ος*]),

¹ Кроме того, два прилагательных из отмеченных в старославянских рукописях образованы от старых основ на согласный: *osyletinь* от *osyle* и *smokьvinь* от *smoku*.

² В старославянском языке имеется также ряд существительных с довольно широким спектром значений — *gostinica* 'постоялый двор, гостиница', *gostinьsь* 'широкая дорога, улица', *gostinьnica* 'постоялый двор, гостиница', *gostinьnikь* 'содержатель постоялого двора, гостиницы', — производящей базой для которых в праславянском служило притяжательное прил. **gostinь* [*gost-in-ъ*], образованное от сущ. *gostь* [*gost-ь*], которое «рано и многократно субстантивировалось в форме м. и ж. р.» [ЭССЯ 7: 65]. Наличие прил. *gostinь* 'принадлежащий гостю' в лексическом фонде старославянского языка тоже очень вероятно, так как оно встречается «Богословии» Иоанна Экзарха (Бог 318b), а также в более поздних церковнославянских рукописях, иногда со значением, далеким от первоначального значения притяжательного прилагательного [SJS I: 427; Срезн I: 567].

isaijъnъ [isaij-in-ъ] (от isaija [isaij-a], греч. Ἰσαΐας), iulijanъnъ (от iulijana, греч. Ἰουλιανή), kaiafъnъ (от kaiafa, греч. Καϊάφα), levъgъijъnъ [levъgъij-in-ъ] (от levъgъijъ [levъgъij-ъ], греч. Λεβίς), manasijъnъ [manasij-in-ъ] (от manasijъ [manasij-ъ] или manasija [manasij-a], греч. Μανασσής), marijъnъ [marij-in-ъ] (от marija [marij-a], греч. Μαρία), mosijъnъ [mosij-in-ъ] (от mosijъ [mosij-ъ], греч. Μωσής), pionijъnъ [pionij-in-ъ] (от pionijъ [pionij-ъ], греч. Πιόνιος), susijъnъ [susij-in-ъ] (от греч. Χουσί), urijъnъ [urij-in-ъ] (от urija [urij-a], греч. Οὐρίας)¹, varaxijъnъ [varaxij-in-ъ] (от греч. Βαραχίου), zaharijъnъ [zaharij-in-ъ] (от zaharija [zaharij-a], греч. Ζαχαρίας). Как видно из приведенного перечня, прилагательные этой группы образовывались либо от старославянских имен собственных с основами греческого происхождения (грецизмов), либо непосредственно от основ соответствующих греческих имен в тексте оригиналов с субституцией славянских звуков. При этом, если от греческой лексемы бралась в качестве производящей основа, оканчивающаяся на гласный (точнее, на гласную букву, так как ориентация древнего книжника была прежде всего на письменный текст), для производящей основы в старославянском прилагательном характерна субституция комплекса -ij-. Ср.: ѿѣмѣнъ [ѿѣменij-in-ъ], Μανασσής — manasijъnъ [manasij-in-ъ], Μωσής — mosijъnъ [mosij-in-ъ] и др. Не очень понятно наращение производящей основы в гапаксе Зогра хузѣанъ [хузѣан-in-ъ], образованном от греч. Χουζᾶ. Возможно, здесь имела место контаминация суффикса прилагательных -in- с суффиксом существительных -ѣn(inъ)/-j)an(inъ) при переосмыслении незнакомого еврейского имени как наименования жителя какой-либо местности или города (ср. также мнение о влиянии в этом случае суффикса -aninъ М. Бродовской-Гоновской [Brodowska-Honowska 1960: 72]).

От наименований лиц — как со славянскими производящими основами, так с основами греческого происхождения — образовано семь прилагательных: ameturmnijъnъ 'халифов' от ameturmniъ (греч. ἄμετορμνής 'халиф'), bogorodiciъnъ 'богородицын' от bogorodica

¹ Субстантивированная полная форма ж.р. urijъnaja этого прилагательного используется в старославянских рукописях для названия жены Урри — явление, аналогичное названию жены Пилата pilaštaja, о котором уже упоминалось (см. примечание 1 на с. 203).

‘Богородица’, *farisejъnъ* ‘принадлежащий фарисею’ от *farisejъ* ‘фарисей’ (греч. *φαρισαῖος*), *perġjaznъ* ‘дьявольский, злого духа; злой’ от *perġjaznъ* ‘злой дух, дьявол’, *gabyūnъ* ‘принадлежащий рабыни’ от *gabyū* ‘рабыня, невольница’, *sotoninъ* ‘сатанинский, дьявольский’ от *sotona* ‘сатана, дьявол’ (греч. *Σατανᾶς*), *vojevodinъ* ‘правителя, владыки (Gen.)’ от *vojevoda* в значении ‘правитель, владыка’. Четыре прилагательных образованы от наименованнй живых существ: *golŏbinъ* ‘голубки (Gen.)’, *голубицы (Gen.)*’ от *golŏbъ* ‘голубь’, *osyŏtinъ* ‘ослиный’ от *osyŏ*, Gen. *osyŏte* [*osyŏt-e*] ‘осел, ослик’, *zmijinъ* ‘зменный, змея (Gen.)’ от *zmijъ* ‘змея, змея’ или *zmija* ‘то же’, *zvětinъ* ‘зверя (Gen.)’, *зверинный*’ от *zvěть* ‘зверь’.

Несколько прилагательных с суффиксом *-in-* образовано от существительных, не составляющих какой-либо семантической группы: *igъlinъ* ‘иглы (Gen.)’, *игольный*’ от **igъla* ‘игла’¹, *matoninъ* ‘мамоны (Gen.)’ от *matona* ‘мамона, имущество’ (греч. *μαμωνᾶς*), *smokъvinъ* ‘смоковный, фиговый’ от *smoku*, Gen. *smokъve* [*smokъv-e*] и *smokъvi* [*smokъv-i*] ‘смоковница’, *reġikostijinъ* от названия праздника *reġikostija* (греч. *Πεντηκοστή*), *golgotinъ* от названия холма *golgota* (греч. *Γολγοθά*), *sinainъ* от названия горы *sina* (греч. *Σινᾶ*).

Прилагательных, образованных с помощью других суффиксов от тех же производящих основ, что и прилагательные с суффиксом *-in-*, немного. Совершенно синонимичны прилагательные с суффиксами *-in-* и *-ov-* *farisejъnъ* и *farisejovъ*, а также *ijudinъ* и *ijudovъ*, однако прилагательные с суффиксом *-ov-* более употребительны: *ijudinъ* встречается в старославянских рукописях 8 раз, а *ijudovъ* — 16 раз и в большем количестве старославянских рукописей, включая текст Евангелия-апракос и Псалтыри, в которых прил. *ijudinъ* не отмечено; *farisejovъ* встречается в старославянских рукописях 5 раз, включая текст Евангелия-апракос, а *farisejъnъ* является гапаксом Супр. От имени *mosijъ* прилагательные с суффиксом *-ov-* (варианты с алломорфами *-ov-* и *-ev-*) тоже гораздо более частотны, чем гапакс Супр *mosijinъ*, мотивированный тем же именем собственным. Однако в этом случае используются разные варианты производящей основы:

¹ Сущ. **igъla*, принадлежащее к слою обыденной лексики, широко распространено в славянских языках [ESJS 4: 239]. Отсутствие его в старославянских рукописях следует объяснять, очевидно, содержанием их текстов.

moseovъ [mose-ov-ъ] образуется от варианта основы [mose-], mosěovъ [mosě-ov-ъ] — от варианта основы [mosě-] (см. в предыдущем разделе), а mosijinъ — от варианта основы с субституцией комплекса -ij-.

Употребление прилагательного с суффиксом -in- zmijinъ ограничено Супр (5 уп.), где оно используется и со значением индивидуальной принадлежности, и со значением неиндивидуальной принадлежности. Ср.: idv... toû drákonos — **идъ зминнъ** в Супр 484,10 и toû oríwdeis plhγás — **зминнѣмъ азъ** в Супр 430,14. Прилагательное с суффиксом -ev- от той же основы zmijevъ несколько менее частотно (3 уп.), но встречается в разных старославянских рукописях — Спн, Евх и Хил. А прил. zmijinъ с суффиксом -in- от той же основы — гапакс Спн, который тоже имеет притяжательное значение индивидуальной принадлежности: κατὰ τὴν ὁμοίωσιν τοῦ ὄφεως — **по образу зминию** Пс 57,5¹.

Словообразовательное значение индивидуальной принадлежности имеет и употребленное дважды в Евх прилагательное с суффиксом -in- golfinъ, которое образовано от той же производящей основы, что и прилагательное с суффиксом -in- golfinъ: ἐν εἴδει περιστερῶς — **въ видѣньи голжини** (Евх За 20, сходно в Евх Зб 12). В то же время прил. golfinъ употреблено со значением неиндивидуальной принадлежности: **дѣва пѣтѣнца голженна** в Л 2,24 в Зопр, Мар, Ас и Сав. Однако, как уже отмечалось выше, одно и то же прилагательное с суффиксом -in- могло иметь в старославянских текстах как значение индивидуальной принадлежности, так и значение неиндивидуальной принадлежности. Ср.: toû diabólou... ἐπιβουλὴν — **сотонино поученик** в Супр 517,16 и **прѣльсть въсж сотонинж** в Супр 525,8 (греческий текст не найден).

Разница в значениях прилагательных, образованных с разными суффиксами от той же производящей основы, заметна при сравнении прилагательных с суффиксом -in- farisejinъ и vojevodinъ с прилагательными с суффиксом -sk- farisejskъ и vojevodskъ. Если прил. farisejinъ и vojevodinъ (оба — гапаксы Супр) употребляются в качестве притяжательных со значением индивидуальной принадлежности, то прил. farisejskъ — со значением неиндивидуальной

¹ В Словаре 1994 прил. zmijinъ и zmijinъ даются в одной словарной статье в качестве единой лексической единицы.

принадлежности и как собственно относительное, а гапакс Супр vojvodьскъ — как собственно относительное прилагательное (см. в следующем разделе).

Суффикс -ьск-

Группа прилагательных с суффиксом -ьск- — вторая по многочисленности в старославянском языке после прилагательных с суффиксом -ьп-. Всего в старославянских рукописях насчитывается 243 слов, содержащих морф суффикса -ьск-¹. Из них 222 лексемы — это прилагательные, образованные с помощью суффикса -ьск-, и, кроме того, 21 наречие на -ьску. Для 8 наречий на -ьску — хrabььску, latinььску, ѡrodььску, рьььску, gumььску, вѣтььску, vseličььску, vražььску — исходные прилагательные с суффиксом -ьск- в старославянских рукописях не встречаются, но, возможно, некоторые из них входили в лексический инвентарь старославянского языка (особенно это касается прилагательных *xrabььскъ, *latinььскъ, *vražььскъ, см. с. 324).

По данным старославянских рукописей, суффикс -ьск- присоединялся к производящим основам, оканчивавшихся на следующие согласные: d, t, s², z, p, b, v, г, f, l, l', m, n, њ, j, k (с чередованием k – ě), c (с чередованием c – ě), g (с чередованием g – ž), x (с чередованием x – š), k. Есть также единичные образования от существительных с основами, оканчивавшимися на š (oblaš-ьск-ь), ž (mqž-ьск-ь), št (solist-ьск-ь).

Старославянские прилагательные с суффиксом -ьск- — это прежде всего прилагательные, образованные от географических названий и названий племен и народов: из 222 лексем, отмеченных в старославянских рукописях, 101 лексема образована от названий стран, областей, городов, рек и т. п. и 20 лексем образованы от названий племен и народов. При этом следует отметить, что иногда в старославянских словарях прилагательные, образованные от названий

¹ При окончательном подсчете за отдельные лексемы считаем такие варианты, как, например, arhierěьскъ и arhierěььскъ, которые в Словаре 1994 подаются в качестве единой словарной единицы.

² На [s] производящие основы оканчивались редко — см. примечание 1 на с. 227.

разных географических объектов, подаются в одной словарной статье в качестве единой лексической единицы. Так, в качестве единой лексической единицы дается прил. *ioгьdanьскъ*, образованное от названия реки Иордан (ср.: *εις τὰ Ιορδάνεια ρείθρα* – вѣ *iorданьскыѧ воды* – Супр 496,13–14) и прил. *ioгьdanьскъ*, в старославянском тексте входящее в название страны (ср.: *приде вѣ всѣхъ странѣхъ iорданьскыхъ* ‘проходил по всей окрестной стране Иорданской’ [спинодальный перевод]), хотя в греческом оригинале *ἦλθεν εἰς πᾶσαν τὴν περιχώρον τοῦ Ιορδάνου* – ‘прошел по всем окрестностям Иордана’ – имеется в виду, возможно, река Иордан). Также в одной словарной статье в качестве единой лексической единицы Словарь 1994 подает ряд прилагательных, образованных от названий и стран, и народов. Например, *ijudejьскъ* и *ijudějьскъ*, образованные соответственно от вариантов названия страны *ijudeja*, *ijudėja* ‘Иудея’ и вариантов названия представителя народа *ijudejь*, *ijudějь* ‘иудей, еврей’, поданы в качестве единой лексической единицы, хотя и с разделенными значениями. Впрочем, не всегда в старославянском тексте можно четко определить, от названия страны или народа образовано каждое конкретное прилагательное. Ср., например: *τῆς τῶν Ῥωμαίων... ἐκκλησίας* ‘*букв. церкви римлян*’ – *црѣкви римьстѣни* – Супр 119,18 и *ἐν τῇ... ἐκκλησίᾳ... Ῥώμης* ‘*букв. церкви Рима*’ – *црѣкви римьстѣни* – Супр 121,7.

Еще больше доля прилагательных, образованных от географических названий и названий племен и народов, была среди прилагательных с суффиксом *-ьск-* на начальном этапе становления старославянского языка. Если мы обратимся к данным евангельского и псалтырного текста, то увидим, что там таких прилагательных 66 из 95. Это прилагательные, образованные от названий стран: *aravijьскъ* (от *aravija*, греч. Ἀραβία), *daгьmanуѡаньскъ* (от греч. Δαλμανουθά), *galilejьскъ* (от *galileja*, греч. Γαλιλαία) и *galilějьскъ* (от *galilėja*, греч. Γαλιλαία), *xanaаньскъ* (от *xanaань*, греч. Χαναάν), *xananejьскъ* и *xananejьскъ* (греч. Χαναανίος ‘ханаанский’), *idumějьскъ* (от *idumėja*, греч. Ἰδουμαία), *ijudejьскъ* (от *ijudeja*, греч. Ἰουδαία) и *ijudějьскъ* (от *ijudėja*, греч. Ἰουδαία), *ioгьdanьскъ* (от *ioгьdanь*, греч. Ιορδάνης), *surijьскъ* и *surьскъ* (от *surija*, греч. Συρία), *vasanьскъ* (от греч. Βασάν), *vavulonьскъ* (от *vavulonь*, греч. Βαβυλών); областей: *dekarolьскъ* (от *dekarоль*, греч. Δεκάπολις), *ġenisaretьскъ* (от греч. Γεννησαρέτ), *ġeonьскъ* (от *ġeona*, греч. γέεννα), *južьскъ* (от *jugь* в значении ‘юг [как

страна]'), magdalanьскъ и magdalinьскъ (судя по фонетическому облику, непосредственно от греч. Μαγδαλάν в Мт 15,39, хотя в Сав Μαγδαλάν в том же чтении и переведено существительным mogdalamb'), oгъmуньскъ (от греч. Ἐρμωνίμ), samarejьскъ и samarьскъ (от samarija, греч. Σαμάρεια), straxotьскъ, straxonitьскъ и traxonitьскъ (от греч. Τραχόνιτις); городов: aleksandrьскъ (от alexsandrija, греч. Ἀλεξάνδρεια), amasijьскъ (от amasija, греч. Ἀμάσεια), ankurьскъ (от греч. Ἀγκυρα), gadarinьскъ (от греч. Γάδαρα, производящая основа была взята от греч. οἱ Γαδαρηνοί [Γαδαρην-οἱ], названия жителей этого города), gomogьскъ (от греч. Γόμορρα), ijerusalimьскъ (от ijerusalimъ, греч. Ἱερουσαλήμ), Kesarijьскъ (от Kesarija, греч. Καισάρεια), Kurinějьскъ (от греч. Κυρήνη или Κυρηναία; производящая основа была взята либо от варианта Κυρηναία [Κυρηναί-α], либо от греч. οἱ Κυρηναῖοι [Κυρηναί-οι], названия жителей этого города), nazaretьскъ (от nazaretъ, греч. Ναζαρέθ), pinevьgитьскъ (от pinevi, греч. Νινευί; при этом производящая основа была взята от греч. οἱ Νινευῖται [Νινευῖτ-αι], названия жителей этого города), gimьскъ и gumьскъ (от gimъ), selomьскъ (от греч. Σελάμ), sidonьскъ (от sidonъ, греч. Σιδών), sodomьскъ (от sodoma, греч. Σόδομα), tarьsisьскъ (от греч. Θαρσίς), tiverijadьскъ (от tiverija, греч. Τιβέριας; при этом в качестве производящей основы была взята, видимо, основа греч. Γεν. Τιβεριάδος [Τιβεριάδ-ος]), turьскъ (от turъ, греч. Τύρος), vidьsaidьскъ (от vidьsaida, греч. Βηθσαϊδά), vityleemьскъ (от vityleemъ, греч. Βηθλεέμ), zmuгьньскъ (от zmuгьна, греч. Σμύρνα); гор: eleonьскъ (от eleonъ, греч. ἑλαιών), livanьскъ (от livanъ, греч. Λίβανος), sinajьскъ (от sina, греч. Σινά), sionьскъ (от sionъ, греч. Σιών); рек и водоемов: iorьdanьскъ (от iorьdanъ, греч. Ἰορδάνης), kedrьскъ (от греч. Κεδρών), siluamьскъ (от siluamъ, греч. Σιλωάμ), veličьскъ (от *velica). Как видно из перечня, почти все эти прилагательные образованы либо от старославянских географических названий, представляющих собой существительные с основой греческого происхождения (грецизмы), либо непосредственно от греческих слов из текста оригиналов (с субституцией славянских звуков) в процессе перевода на славянский. Иногда в реальный процесс создания прилагательного с суффиксом -ьск- могло быть включено греческое слово даже тогда, когда в лексическом фонде создававшегося в ходе переводов языка уже имелось соответствующее старославянское существительное (грецизм), о чем свидетельствуют нередкие случаи

выбора производящей основы не от старославянской, а от греческой лексемы. Необходимо здесь также отметить характерную особенность славянского перевода — тенденцию географические названия-существительные, особенно арамейского происхождения, переводить не существительными, а сочетаниями прилагательного с суффиксом *-ьsk-* с существительными *strana*, *zemlja*, *prědělъ*, *gradъ*, *gradъsь*, *gěka*. Например, в Мк 8,10: ἦλθεν εἰς τὰ μέρη Δαλμανουθά *'букв. пришел на территорию [области] Далмануфа'* — *приде въ странъ дальмануѳаньскы* Зогр, Мар; в Мт 14,34: ἦλθον εἰς τὴν γῆν [ἐπὶ τὴν γῆν εἰς] Γεννησαρέτ *'букв. пришли в край Геннисарет'* — *придоша на земьѣ Геннисаретъскѣ* Зогр, Мар, Ас (в Сав же в результате справки с греческим текстом, Γεννησαρέτ переведено существительным: *придѣ въ земьѣ Геннисаретѣ*); в Мт 15,39: ἦλθεν εἰς τὰ ὄρια Μαγδαλάν — *приде въ прѣдѣлы . магдаланьскы* Зогр, Мар (в Сав же в результате справки с греческим текстом Μαγδαλάν переведено существительным: *прѣнде въ прѣдѣлы могъдаламъ*); в Л 2,4: ἀνέβη δὲ καὶ Ἰωσήφ... ἐκ πόλεως Ναζαρέθ *'букв. отправился же и Иосиф... из города Назарета'* — *възиде же і-осифъ . отъ... града назаретъска* Зогр, Мар, Ас, Сав; в И 7,42: ἀπὸ Βηθλεὲμ τῆς κώμης... *'букв. из Вифлеема, того селения...'* — *от витлеемъскааго грѣца...* Мар, Зогр, Ас (в Сав же в результате справки с греческим текстом Βηθλεὲμ переведено существительным: *отъ вифлеомы вси...*); ἐκέλευσεν αὐτοὺς τῇ ἐπιούσῃ εἰς τὸν ποταμὸν Τίγριν εὐρεθῆναι — *повелѣ на оутрѣна на рѣцѣ тигръстѣ да сѣ обра штѣтъ* Супр 59,30–60,1 и др.

Основы славянского происхождения единичны: *juž-ьsk-ъ* (от *jug-ъ* 'юг'), *veličьskъ* (от **velic-*а, названия реки Велицы). Также славянского происхождения производящая основа в прил. *solīštьskъ*, использованном в названии местности *dьbrъ solīštьskaja* 'Соляная долина' при переводе греч. *φάραγξ τῶν ἁλῶν* (Пс 59,2). Сущ. **solīšte*, основа которого могла быть производящей при образовании прил. *solīštьskъ* [*solīšt-ьsk-ъ*], в старославянских рукописях не встречается, но оно восстанавливается как производное ср. р. от сущ. *solъ* 'соль' с суффиксом *-išt(e)*, имевшим в старославянских лексемах словообразовательное значение 'место для чего-л., вместилще' (см. выше, с. 173–174).

Одиннадцать прилагательных образованы от названий племен и народов: *amorēьskъ* (от греч. τῶν Ἀμορραίων [Ἀμορραίων]), *aravьskъ* (от греч. τῶν Ἀράβων [Ἀράβων]), *edemьskъ* (от греч. τῶν

Ἐδάμ), еліньскъ (от елінь, греч. Ἑλλην), етіорьскъ (от етіорєні [мн.ч., етіор-єн-і], греч. οἱ Αἰθίοπες, или непосредственно от основы греч. τῶν Αἰθίοπων [Αἰθίοπ-ων]), еврејскъ (от еврејь, греч. Ἑβραῖος, или непосредственно от основы греч. τῶν Ἑβραίων [Ἑβραί-ων]), еврејскъ (от греч. τῶν Ἑβραίων [Ἑβραί-ων]), ġerġesijьскъ и ġerġesinьскъ (от ġerġesini [мн.ч.], греч. οἱ Γερουσηνοὶ [Γερουσην-οἶ]), гръцьскъ (от гръкъ), samarěньскъ (от samarěninь [samar-єn-in-ъ], греч. Σαμαρίτης, житель области Σαμάρεια). Еще четыре прилагательных — ijudeјьскъ, ijudeјьскъ, ġimьскъ, ġumьскъ — со словообразовательным значением ‘относящийся к племени или народу’ Словарь 1994 (как и SJS) дает в тех же словарных статьях, что и прилагательные со значением ‘относящийся к стране’ и ‘относящийся к городу’. Так же, как и прилагательные с суффиксом -ьsk- от географических названий, прилагательные от названий племен и народов образовывались, по большей своей части, либо от основ старославянских названий греческого происхождения, либо непосредственно от основ греческих слов. Не связано таким образом с греческим соответствием только прил. гръцьскъ (синоним прил. еліньскъ), образованное от праславянского заимствования гръкъ [grъk-ъ] (< лат. *graecus*) [ЭССЯ 7: 163]. Прил. samarěньскъ образовано от производящей основы samar-єn-, хотя и греческого происхождения, но уже распространенной славянским суффиксом -єn(inь). Интересно, что прил. samarěньскъ употреблялось наряду с samareјьскъ и samarьскъ, образованными от основы греческого происхождения в названии области samarġja (греч. Σαμάρεια), разделяя, таким образом, образование со словообразовательным значением ‘относящийся к племени или народу’, подчеркнутым «специализированным» славянским суффиксом (см. выше раздел о суффиксе -єn(inь)/-(j)anin(ъ), с. 93 и сл.), и образования со значением ‘относящийся к стране, области’.

Гораздо менее многочисленны в евангельском и псалтырном тексте группы прилагательных с суффиксом -ьsk-, образованных от существительных с другой семантикой. Несколько прилагательных со значением ‘относящийся к какому-либо месту’ (в широком смысле) семантически близки к прилагательным от географических названий, но, в отличие от последних, образованы от существительных с производящими основами славянского происхождения: morьскъ ‘морской, моря (Gen.)’ (от mor-є), nebesьскъ ‘небесный’ (от nebes-a), polьскъ

‘полевой’ (от *poľ-e*), *vъseŕenъskъ* ‘всемирный, вселенский’ (от *vъseŕen-aĵa*), *zemъskъ* и *zeml’ъskъ* ‘земной, земли (Gen.)’ (от *zeml’a*), а также образованное префиксально-суффиксальным способом *rodъnebesъskъ* ‘поднебесный’ (от *nebes-a*). Налицо этих чисто славянских образований и дало, видимо, основание для использования суффикса *-ъsk-* при образовании многочисленных прилагательных от географических названий, потребность в которых была обусловлена содержанием переводимых греческих текстов.

Пятнадцать прилагательных образованы от названий различных действующих лиц: *arxierejъskъ* (от *arxierej-ъ*), *arxierějъskъ* (от *arxierěj-ъ*), *běsovъskъ* (от *běs-ъ*), *člověčъskъ* (от *člověk-ъ*), *dětъskъ* (от *dět-i* [мн. ч.]), *farisejъskъ* (от *farisej-ъ*), *farisějъskъ* (от *farisěj-ъ*), *gospodъskъ* (от *gospod-ъ*), *ijerejъskъ* (от *ijerej-ъ*), *ijerějъskъ* (от *ijerěj-ъ*), *ludъskъ* (от *lud-iĵe* [мн. ч.]), *mōžъskъ* (от *mōž-ъ*), *proročъskъ* (от *prorok-ъ*), *sadukejъskъ* (от *sadukej-ъ*), *žepъskъ* (от *žep-a*). Среди них как образования от славянских производящих основ — *běsovъskъ*, *člověčъskъ*, *dětъskъ*, *gospodъskъ*, *ludъskъ*, *mōžъskъ*, *proročъskъ*, *žepъskъ*, так и от основ греческого происхождения — *arxierejъskъ*, *arxierějъskъ*, *farisejъskъ*, *farisějъskъ*, *ijerejъskъ*, *ijerějъskъ*, *sadukejъskъ*. Два прилагательных представляют собой прозвища, образованные от основ греческого происхождения: *iskariotъskъ* [*iskariot-ъsk-ъ*] (от греч. Ἰσκαριώτης [Ἰσκαριώτ-ης] или Ἰσκαριώθ) и *rontъskъ* [*ront-ъsk-ъ*] (от греч. Πόντιος [Πόντ-ιος]). Отметим при этом отсутствие в старославянском языке прилагательных с суффиксом *-ъsk-* от имен собственных, столь характерное для образований с суффиксом *-ov/-ev-* и с чередованием согласных в исходе производящей основы.

Несколько прилагательных с суффиксом *-ъsk-*, употребленных, в евангельском и псалтырном тексте, не входят в названные семантические группы. Это упоминавшееся выше в связи с сопоставлением с *osъlъ* прил. *osъlъskъ*, а также прил. *plъtъskъ* [*plъt-ъsk-ъ*] (от *plъt-ъ* ‘тело’) и прил. *psalъmъskъ* [*psalъm-ъsk-ъ*] (от *psalъm-ъ* ‘псалом’). Функцию суффикса *-ъsk-* в прил. *vъsĵačъskъ* [*vъsĵač-ъsk-ъ*], образованном от местоименного прил. *vъsĵakъ*, можно рассматривать в качестве «обновления» последнего с помощью продуктивного суффикса. Это прилагательное употреблено в псалтырном тексте в субстантивированной форме ср. р. мн. ч. *vъsĵačъskaja* в значении ‘вселенная, мир’ при переводе греч. τὰ σύμπαντα: отъвръзъшю же тебѣ рѣкѣ

всѣчъскаа . испънѣнѣ съ благості — Пс 103, 28. Такое употребление, наряду с употреблением в прямом значении 'всякий, всяческий', наблюдается и в более поздних переводах. Ср.: Παράδισος, εἰπέ μοι, τὸν πάντα κρατοῦντα — **рѣци ми того ли прѣдаеши** **ниже всѣчъскаа одръжить** Клоц 4b 32-33. Встречается в евангельском тексте также прил. **житѣйскъ** — в значении 'земной, мирской (в противоположность духовному)': **счастъми житенскъыми** в Л 8,14; **печальми житенскъыми** в Л 21,34.

По мере становления и развития старославянского языка в процессе создания дальнейших переводов греческих текстов на славянский расширяется и сфера применения суффикса -ъск- при образовании прилагательных от существительных. Если прилагательные с суффиксом -ъск- от наименований предметов в евангельском и псалтырном тексте были единичны, то в старославянских рукописях, содержащих более поздние переводы, насчитывается 29 лексем, образованных от наименований различных предметов и явлений. Доля прилагательных с суффиксом -ъск-, образованных от названий лиц, в старославянских рукописях, содержащих более поздние, чем Евангелия и Псалтырь, переводы, уже сопоставима с долей прилагательных от географических названий и названий племен и народов.

Продолжение процесса образования новых прилагательных с суффиксом -ъск- от географических названий и названий племен и народов также отражается в старославянских рукописях, содержащих более поздние переводы. В них находим 44 неизвестных по евангельскому и псалтырному тексту прилагательных, образованных от географических названий — городов: **aleksandrijъскъ**, **amidъскъ**, **antioxijъскъ**, **aramijъскъ**, **dekarolitъскъ**, **efesъскъ**, **xalkidonъскъ**, **xersonъскъ**, **ikonijъскъ**, **ikonъскъ**, **izdrailitъскъ**, **kanagalilejъскъ**, **kolonijъскъ**, **komанъскъ**, **lampsacъскъ**, **laodikijъскъ**, **momsujestijъскъ**, **nanzijанъскъ**, **nikaеонъскъ**, **nikomidijъскъ**, **nikejъскъ**, **savraitъскъ**, **sevastijъскъ**, **skѳоролъскъ**, **solunъскъ**, **srѣмъскъ**, **vinъzantijъскъ**; **деревни хумианъскъ**; стран и областей: **afrikъскъ**, **armenъскъ**, **arzaninъскъ**, **asijъскъ**, **dalъmatъскъ**, **frugiъскъ**, **isavrъскъ**, **kapadokijъскъ**, **Iudijъскъ**, **matъbrijъскъ**, **palestinъскъ**, **tavrъскъ**, **vuzantijъскъ**; острова **Kypъскъ**; пролива **elispontъскъ**; реки **tigrъскъ**; горы **egъmunъскъ**. Семь неизвестных по евангельскому и псалтырному тексту прилагательных образованы от названий племен и народов: **armenijъскъ**, **kolasajъскъ**, **persъскъ**, **ramenъскъ**, **sracinъскъ**,

vuzantijъskъ, židovъskъ. Как и в евангельском или псалтырном тексте, прилагательные этого типа образовывались, по большей своей части, либо от старославянских названий с основами греческого происхождения, либо непосредственно от греческих слов. «Исключения» составляют прил. sracinъskъ и židovъskъ, для которых мотивирующие старославянские названия племен sracini [sracin-i] и židove [židov-e] (židovi [židov-i]) не восходят непосредственно к соответствиям в греческом тексте (см. [Фасмер II: 53; III: 561]). Среди прилагательных, значение которых указывает на образование их от названий племен и народов, наряду с ясными случаями (persъskъ [pers-ъsk-ъ] от persi [pers-i] *мн. ч.*, sracinъskъ [sracin-ъsk-ъ] от sracini [sracin-i] *мн. ч.*), некоторые лексемы, возможно, реально образованы от производящих основ названий стран. Так, для гапакса Супр арменijъskъ [арменij-ъsk-ъ], употребленного в тексте вѣзантинстни же и арменинстни от[р]оци (перевод греч. οἱ τε Βυζαντιῶν καὶ Ἀρμενίων παῖδες) в Супр 278,26, соответствующего названия народа в старославянских рукописях не встречается. В Изб 1073, рукописи, восходящей к старославянскому протографу, употреблено сущ. арменiъ [армен-in-ъ] с другой основой, т. е. армен- (Изб 1073 266а 9). Вместе с тем в старославянских рукописях встречается название страны арменija [арменij-a], чья основа, видимо, и послужила для образования прил. арменijъskъ. Для гапакса же Супр vuzantijъskъ [vuzantij-ъsk-ъ] в старославянских рукописях не встречается не только соответствующего названия народа, но и названия страны. Тем не менее хотя бы в отношении названия страны можно предполагать, что оно было в лексическом инвентаре старославянского языка, так как встречается в Изб 1073. Вместе с тем это название не было «укорененной» в языке лексемой, так как не только ее орфография, но и грамматический облик ее колебался: в Изб 1073 имеются два употребления — в 262г 12–13 лексема византии *м. р.* и в 264в 23–24 лексема византиа *ж. р.* При таких обстоятельствах возможно, что реально прил. vuzantijъskъ было тоже образовано непосредственно от основы греческого соответствия Βυζαντιῶν [Βυζαντι-ῶν].

В старославянских рукописях, отражающих более поздние, чем Евангелия и Псалтырь, переводы, значительно пополняется группа прилагательных с суффиксом -ъsk-, образованных от наименований различных лиц, которая в евангельском и псалтырном тексте

насчитывала всего 15 лексем. Появляются 42 лексемы от наименований действующих лиц и 5 лексем от наименований, которые можно назвать «группами лиц»: *anġelskь* [anġel-ьsk-ь] (от *anġelъ* [anġel-ь], греч. ἄγγελος [ἄγγελ-ος]), *apostolskь* [apostol-ьsk-ь] (от *apostolъ* [apostol-ь], греч. ἀπόστολος [ἀπόστολ-ος]), *arxanġelskь* [arxanġel-ьsk-ь] (от *arxanġelъ* [arxanġel-ь], греч. ἀρχάγγελος [ἀρχάγγελ-ος]), *blōdъnikъskь* [blōdъnikъ-ьsk-ь] (от *blōdъnikъ* [blōdъnik-ь]), *boľarъskь* [boľar-ьsk-ь] (от *boľare* [boľar-e, мн.ч.]), *božъskь* [bož-ьsk-ь] (от *bogъ* [bog-ь]), *česarъskь* [česar-ьsk-ь] (от *česarъ* [česar-ь]¹), *čъpnъskь* [čъpnъ-ьsk-ь] (от *čъpnъсь* [čъpnъсь-ь]), *čъpnogizъskь* [čъpnogizъ-ьsk-ь] и *čъpnogizъskь* [čъpnogiz-ьsk-ь] (от *čъpnogizъсь* [čъpnogizъсь-ь]), *demonъskь* [demon-ьsk-ь] (от *demonъ* [demon-ь], греч. δαίμων), *děvičъskь* [děvič-ьsk-ь] (от *děvica* [děvic-a]), *eragъskь* [eragъ-ьsk-ь] (от *eragъхъ* [eragъх-ь], греч. ἔπαρχος [ἔπαρχ-ος]), *episkurъskь* [episkur-ьsk-ь] (от *episkurъ* [episkur-ь], греч. ἐπίσκοπος [ἐπίσκοп-ος]), *eretičъskь* [eretič-ьsk-ь] (от *eretikъ* [eretik-ь], греч. αἰρετικός [αἰρετικ-ός]), *inočъskь* [inoč-ьsk-ь] (от *inokъ* [inok-ь]), *izęšъtničъskь* [izęšъtnič-ьsk-ь], *jezycъskь* [jezycъ-ьsk-ь] (от *jezyci* [jezyc-i], мн.ч. в значении 'иноплеменники, язычники'), *kъstijanъskь* [kъstijan-ьsk-ь] (от *kъstijani* [kъstijan-i], мн.ч., греч. οἱ χριστιανοί [χριστιαν-οί]), *mōčeničъskь* [mōčenič-ьsk-ь] (от *mōčeničъ* [mōčenič-ь]), *mъnišъskь* [mъniš-ьsk-ь] (от *mъnixъ* [mъnix-ь]²), *nečlověčъskь* [nečlověč-ьsk-ь] (от *nečlověčъ*), *perrijaznъskь* [perrijazn-ьsk-ь] (от *perrijaznъ* [perrijazn-ь] в значении 'злой дух, дьявол'), *oblašъskь* [oblaš-ьsk-ь] (от *oblašъ* [oblaš-ь]), *oъmъskь* [oъmъskь] (от *oъmi* [oъm-i], мн.ч.), *patriaršъskь* [patriarš-ьsk-ь] (от *patriarxъ* [patriarx-ь], греч. πατριάρχης [πατριάρχ-ης]), *roganъskь* [rogan-ьsk-ь] (от *roganinъ* [rogan-in-ь], мн.ч. *rogan-i), *prezvuterъskь* [prezvuter-ьsk-ь] (от *prezvuterъ* [prezvuterъ], греч. πρεσβύτερος [πρεσβύτερ-ος]), *gabъskь* [gab-ьsk-ь] (от *gabъ* [gab-ь]), *gatъničъskь* [gatъnič-ьsk-ь] (от *gatъnikъ* [gatъnik-ь]), *ritorъskь* [ritor-ьsk-ь], *robijъskь* [rob-ij-ьsk-ь], *roditelъskь* [roditelъ-ьsk-ь] (от *roditelъ* [roditelъ-ь]), *sotoninъskь* [soton-in-ьsk-ь], *sōdijъskь* [sōdij-ьsk-ь] (от *sōdijъ* [sōdij-ь]), *staręjšinъskь* [staręjšin-ьsk-ь]

¹ О происхождении ст.-слав. лексемы *česarъ/česarъ* см. примечание 1 на с. 220.

² Ст.-слав. лексема *mъnixъ*, видимо, восходит не непосредственно к греч. μοναχός, а к заимствованию из др.-в.-нем. *munih* [Фасмер II: 633].

(от *starějŕšina* [*starějŕšin-a*]), *strastŕničeskŕ* [*strastŕnič-ŕsk-ŕ*] (от *strastŕnikŕ* [*strastŕnik-ŕ*]), *svętiteŕskŕ* [*svętiteŕ-ŕsk-ŕ*] (от *svętiteŕŕ* [*svętiteŕ-ŕ*]), *ubiteŕŕničeskŕ* [*ubiteŕŕnič-ŕsk-ŕ*], *vŕadyčeskŕ* [*vŕadyč-ŕsk-ŕ*] (от *vŕadyka* [*vŕadyk-a*]), *vlasteŕskŕ* [*vlasteŕ-ŕsk-ŕ*] (от *vlasteŕŕ* [*vlasteŕ-ŕ*]), *vŕŕŕskŕ* [*vŕŕŕskŕ*] (от *vŕŕxvŕ* [*vŕŕx-v-ŕ*]), *vojevodeŕskŕ* [*vojevodeŕ-ŕsk-ŕ*] (от *vojevoda* [*vojevodeŕ-a*]), *vračevskŕ* [*vračev-ŕsk-ŕ*], *zŕlodeŕskŕ* [*zŕlodeŕ-ŕsk-ŕ*] (от *zŕlodeŕŕ* [*zŕlodeŕ-ŕ*]), *žŕgčeskŕ* [*žŕgčeskŕ*] (от *žŕgčŕ* [*žŕgč-ŕ*]).

Как видно из приведенного материала, среди прилагательных этой семантической группы имеются как образования от существительных со славянскими производящими основами, так и от существительных с основами греческого происхождения (*anđeŕskŕ*, *apostoleŕskŕ*, *arhanđeŕskŕ*, *demonŕskŕ*, *epaŕŕŕskŕ*, *episkupŕskŕ*, *eretičeskŕ*, *krŕstijanŕskŕ*, *patriarŕŕskŕ*, *prezŕvuteŕskŕ*, *ŕitorŕskŕ*, *sotoninŕskŕ*). Такая способность создавать неологизмы свидетельствует, несомненно, о высокой продуктивности суффикса *-ŕsk-* при образовании прилагательных и с данной семантикой. Для подавляющего большинства этих прилагательных мотивирующие их существительные зафиксированы в старославянских рукописях. Нет в них мотивирующих существительных только для прил. *izeŕŕničeskŕ*, *ŕitorŕskŕ* и *ubiteŕŕničeskŕ*. Для прил. *ŕitorŕskŕ* [*ŕitorŕsk-ŕ*], которое встречается в старославянских рукописях в составе сочетания *ŕitorŕskaja xytroŕ* (греч. *ŕŕtorikŕ*), мотивирующим должно бы быть сущ. **ŕitorŕ* (греч. *ŕŕtor*). Его принадлежность к лексическому инвентарю старославянского языка можно предполагать с высокой долей вероятности, так как оно встречается в переводе Апостола (Деян 24,1) и зафиксировано в древнейшем списке XII в. — Христ. От этого существительного образовано также и существительное с суффиксом *-ŕstv(o)* *ŕitorŕstvo* (*ŕŕtoręia*) (см. примечание 2 на с. 159). Относительно сущ. **izeŕŕnikŕ*, которое должно бы быть мотивирующим для прил. *izeŕŕničeskŕ*, Р. М. Цейтлин писала, что оно «восстанавливается» как старославянская лексема со значением, которое «непосредственно соотносится со значением ст.-слав. гл. *изати* 'изъять, выбрать, собрать'» [Цейтлин 1977: 91]¹. Хотя сущ. **izeŕŕnikŕ* не встречалось нам в рукописях, восходящих к старосла-

¹ Ср. с мнением А. Вайана, который как исходную лексему для прил. *izeŕŕskŕ* и *izeŕŕničeskŕ* восстанавливает прил. **izeŕŕ* (*izeŕŕti*) с суффиксом **-tŕi* (как в *piŕŕ*, *tiŕŕ*) [Vaillant 1974: 433].

вянским протографам, возможно, это объясняется недостаточным объемом обследованного нами материала. Прил. *izęstъ* многократно употребляется в списках, восходящих к старославянским протографам, однако в значении, соотносительном с греч. *ἄριστος, πανάριστος* [Срезн I: 1086; Christianus 2001: 75]; в том же значении отмечаем его и в ср.-болг. списке ХрМ (42; 125'). Сущ. **ubitel'ьnikъ*, которое должно бы быть мотивирующим для прил. *ubitel'ьničeskъ*, также не встречалось нам в рукописях, восходящих к старославянским протографам. В образовании прилагательных *govijьskъ*, *soptonьskъ* и *vgačevьskъ* наблюдается процедура «удвоенной аффиксации».

В старославянских рукописях, отражающих более поздние, чем Евангелия и Псалтырь, переводы, расширяется и экспансия суффикса *-sk-* на образование прилагательных от существительных, не входящих в определенные семантические группы. Мы насчитываем 25 таких прилагательных, не известных евангельскому и псалтырному тексту: *adьskъ* [ad-sk-ъ] и *adovьskъ* [ad-ov-sk-ъ] (от *adъ* [ad-ъ] 'ад', греч. *ἄδης* [ἄδ-ης]), *baňьskъ* [baň-sk-ъ] (от *baňa* 'баня'), *branьskъ* [bran-sk-ъ] и префиксально-суффиксальное *probranьskъ* [pro-bran-sk-ъ] (от *branъ* 'борьба, битва'), *evanġelьskъ* [evanġel-sk-ъ] и *evanġelijьskъ* [evanġelij-sk-ъ] (от *evanġelije* 'евангелие', греч. *εὐαγγέλιον*), *gradьskъ* [grad-sk-ъ] (от *gradъ* 'город'), *idolьskъ* [idol-sk-ъ] (от *idolъ* 'идол'), *lunьskъ* [lun-sk-ъ] (от *luna* 'луна'), *mirьskъ* [mir-sk-ъ] (от *mirъ* 'мир, вселенная'), *musicijьskъ* [musicij-sk-ъ] 'занимающийся музыкой' (от греч. *μουσική* [μουσик-ή] 'музыка' или *μουσικός* [μουσик-ός] 'музыкант', греческий оригинал текста не найден), *oprěsnьčьskъ* [oprěsnьč-sk-ъ] (от *oprěsnьčъ* [oprěsnьč-ъ] 'пресный хлеб'), *pustynьskъ* [pustyn-sk-ъ] (от *pustyni* 'пустыня'), *gajьskъ* [gaj-sk-ъ] (от *gajъ* 'рай'), *razbojьskъ* [razboj-sk-ъ] (от *razbojъ* 'разбой, убийство (с целью грабежа)'), *trojičьskъ* [trojič-sk-ъ] (от *trojica* 'Троица'), *tyogьskъ* [tyog-sk-ъ] (от *tyogъ* 'ад, преисподняя', греч. *τάρταρος*), *vojьskъ* [voj-sk-ъ] (употреблено в Евх 19а 1 субстантивированно в форме ж.р. ед.ч. *vojьska* в значении 'война', от *voji* [voj-i] 'войско' [мн. ч.]), *zadadьskъ* [zadad-sk-ъ] 'западный' (от *zadadъ* 'запад').

Два прилагательных — *koňьskъ* и *lvььskъ* — образованы от названий животных *koň* и *lvь* соответственно, к ним примыкает и прил. *zvětinьskъ*. Только два прилагательных — *kondačьskъ* [kondač-sk-ъ] (от греч. *Κανδάκης* [Κανδάκ-ης]) и *markianьskъ* [markian-sk-ъ] (от

греч. *Μαρκιανός* [*Μαρκιαν-ός*]) — образованы от имен собственных. При этом прил. *markiānъskъ* употребляется для названия ереси: *τῆς αἰρέσεως τῶν Μαρκιανιστῶν* — *въѣрты маркианьскыа* (Супр 141,10–11) — в отличие от прил. *markiānъ* со значением индивидуальной принадлежности, переводящего греч. *Μαρκιανου* (Gen.) в *τῆς Μαρκιανου... βασιλείας* — *маркианна цѣсарьства* (Супр 279,3).

Словообразовательное значение прилагательных с суффиксом *-ъsk-* колеблется от притяжательного значения индивидуальной принадлежности (например, *λοῦνηςκαα красота* ‘красота луны’ в Супр 475,14; *ἐν ὕδασιν Ἰωρδάνου* — *въ иорданьскыхъ водахъ* ‘в водах Иордана’ Супр 467,3; *πλοῦτῳ δὲ καὶ περιφανείᾳ γένους* — *богатствомъ же и слоутникъ родительскыимъ* ‘богатством же и известностью родителей’ в Супр 278,20 и др.) до значения качественного прилагательного (например, *λύτα βο и нечловѣчьска сжшта* ‘пбо бывши жестокими и бесчеловечными’ в Супр 210,13; *καὶ πολὺς ὁ θυμὸς καὶ θηριώδης* — *и многа ярость звѣринъска* ‘сильный и «зверский» гнев’ в Супр 85,9–10 и др.). Наиболее частыми являются значения неиндивидуальной принадлежности (например, *ω како прѣштеньк архиренско* . *възъмжти апостольскы тржты* ‘О! Как архиерейские угрозы смутили апостольские ряды!’ в Супр 471,22 и 23) и собственно относительные значения (например, *δι’ ἐμπειρίαν πολεμικῆν* — *за браньскыж хытрость* ‘за военное искусство’ в Супр 84,30; *ἐκ μνήματος εἰδωλικῶν* — *из гроба идолъскааго* ‘из языческой гробницы’; *μченичьскыа страсти* — *τὰ μαρτυρικὰ ἔλαθλα* — Супр 54,8 и др.). Однако следует снова подчеркнуть, что распределение словообразовательных значений по словообразовательным морфемам в сфере прилагательных не было жестким в старославянском языке. Как и в группе прилагательных с морфонологическим чередованием в исходе производящей основы, так и в группе прилагательных с суффиксом *-ъsk-* не только спектр словообразовательных значений был широк, но и одно и то же прилагательное могло использоваться в тексте как с притяжательным, так и с относительным значением. Ср., например, употребление лексемы *arxangelъskъ* в роли притяжательного прилагательного: *ἀρχήλαςцини лица* ‘лица архангелов’ в Евх 4а 15 (в греч. букв. ‘череда архангелов’: *οἱ τῶν ἀρχαγγέλων χοροί*) и в роли относительного прилагательного: и глаголъ етеръ крѣпокъ . и архангельскъ . и воеводьскъ ‘и

речь эта сильная и свойственная архангелу и полководцу' (в греч. употреблены даже суперлативы прилагательных: καὶ ῥῆσιν τινα ἰσχυράν ἀρχαγγελικωτάτην καὶ στρατηγικωτάτην) Супр 464,13–14.

Изложенный материал показывает, что старославянские прилагательные с суффиксом *-ъск-* в подавляющем своем большинстве — лексемы книжного характера, создававшиеся в процессе переводов греческих текстов на славянский. Именно в этом процессе суффикс *-ъск-* развил большую продуктивность и значительно расширил сферу своего применения с точки зрения семантики мотивирующих существительных.

О книжном характере большей части прилагательных по высокой продуктивности в старославянском языке суффикса *-ъск-* особенно ярко свидетельствует его сочетаемость с производящими основами греческого происхождения. Процент производящих основ греческого происхождения не так высок, как в типе прилагательных с суффиксом *-ов-* (см. выше, с. 216 и сл.), но тоже очень велик: 145 прилагательных из 222 имеют производящие основы греческого происхождения. При этом наблюдается такое явление, как возможность вариативности этих основ — т. е. при одинаковом значении лексем и переводе ими одного и того же слова греческих оригиналов используются разные варианты основ. Укажем на следующие случаи: *aleksandrijъскъ* и *aleksandrъскъ*, *aravijъскъ* и *aravъскъ*, *arxierejъскъ* и *arxierějъскъ*, *armenijъскъ*, *armenъскъ* и *gaměньскъ*, *dekarolitъскъ* и *dekarolъскъ*, *evangelъскъ* и *evangelijъскъ*, *evrejъскъ* и *evřejъскъ*, *farisejъскъ* и *farisějъскъ*, *galilejъскъ* и *galilějъскъ*, *gerъgesijъскъ* и *gerъgesinъскъ*, *xanapъскъ*, *xanapejъскъ* и *xanapejъскъ*, *ijerejъскъ* и *ijerějъскъ*, *ijudejъскъ* и *ijudějъскъ*, *ikonijъскъ* и *ikonъскъ*, *magdalanъскъ* и *magdalинъскъ*, *rimъскъ* и *rumъскъ*, *samarejъскъ* и *samarъскъ*, *straxotъскъ* и *traxonitъскъ*, *surijъскъ* и *surъскъ*. Такое варьирование производящих основ свидетельствует, безусловно, о том, что эти лексемы были еще как бы «неустойчивыми», создавались древними книжниками буквально «по потребности» в процессе перевода или переписывания с протографа¹.

¹ Наличие этого явления создает определенные трудности для современного исследователя: какие из встречающихся в старославянских рукописях различных написаний прилагательных с суффиксом *-ъск-* следует считать лексическими вариантами (и разными лексемами), какие — фонетическими

О высокой продуктивности и конкурентоспособности суффикса *-ьск-* свидетельствует и участие его в процедуре «удвоенной аффиксации», что проявилось при образовании прилагательных *adovъskъ* [ad-ov-ъsk-ъ], *robijъskъ* [rob-ij-ъsk-ъ], *sotoninъskъ* [soton-in-ъsk-ъ], *vračevъskъ* [vrač-ev-ъsk-ъ], *zvěrinъskъ* [zvěr-in-ъsk-ъ]. Такие образования подтверждают наше представление о том, что в сознании древнего книжника важным было использование именно выразительного, «яркого» аффикса как значимой части слова — в данном случае «приоритетного» суффикса *-ьск-*. Так, прилагательные *adovъ* [ad-ov-ъ] и *adovъskъ* [ad-ov-ъsk-ъ], так же как и образованное с двойной аффиксацией, но с суффиксом *-ьп-*, прил. *adovъpъ* [ad-ov-ъp-ъ], имеют одинаковое значение ‘адов, адский’ при переводе одного и того же греч. ἄδου (Gen.). Однако прил. *adovъ* довольно частотно (22 уп.) и встречается во многих старославянских рукописях, а прил. *adovъskъ* и *adovъpъ* выглядят новообразованиями с наращиванием продуктивных суффиксов: оба прилагательных встречаются только при переводе гомилии Елифания Кипрского на погребение Христова, дошедшей до нашего времени, как известно, в двух старославянских рукописях — Клоц и Супр, а именно *adovъskъ* в Клоц 13а 25 = Супр 449,26–27 и Супр 459,12, а *adovъpъ* в Клоц 13а 32–33 = Супр 450,2. То же можно сказать и в отношении прил. *robijъskъ*. В старославянском лексическом инвентаре были прилагательные *gabijъ* [gab-ij-ъ] и *robijъ* [rob-ij-ъ] со значением ‘относящийся к рабам’, образованные с помощью суффикса *-ьj-* (для древнего книжника уже, видимо, мало

вариантами одной лексемы, а какие — объяснять особенностями старославянских орфографических норм. Например, *ijudejъskъ* и *ijudějъskъ* мы считаем разными единицами, так как они образованы от разных производящих основ существительных *ijudeja* [ijudej-a] и *ijuděja* [ijuděj-a] соответственно, хотя и переводят одно и то же слово греческого оригинала (либо τῆς Ἰουδαίας, либо Ἰουδαίος). В то же время разное написание прил. *dalъmanuфанъskъ* в Мк 8,10 в Зогра как *дальмануфанъскы*, а в Мар как *дальмануфтанъскы* свидетельствует, видимо, только о разном написании одной и той же лексемы. Специально отметим, что эти трудности сказываются и на подсчете количества прилагательных с суффиксом *-ьск-* в старославянских рукописях, тем более, что в Словаре 1994 лексические варианты, которые мы считаем отдельными лексемами, подаются, как правило, в одной словарной статье в качестве одной лексической единицы.

выразительного) от *gabъ* и *gobъ* соответственно¹. Эти прилагательные встречаются в нескольких старославянских рукописях — Клоц, Евх, Супр. Тем не менее в Супр находим и гапакс с двумя суффиксами (-*bj-* и -*ьsk-*) *gobjъskъ* — с тем же значением 'относящийся к рабам', но с добавленным «приоритетным» суффиксом -*ьsk-*. Так же гапаксом Супр является прил. *sotoninъskъ*. Прил. *sotoninъ* [*soton-in-ъ*] со значением 'сатанинский, дьявольский', образованное с суффиксом -*in-* от *sotona*, многократно встречается в Евх и Супр (9 уп.). Однако в тексте Супр 516,28 находим прил. *sotoninъskъ* с тем же значением 'сатанинский, дьявольский', но с двумя суффиксами (-*in-* и -*ьsk-*). Прилагательные *vgačevъ* [*vgač-ev-ъ*] и *vgačevъskъ* [*vgač-ev-ьsk-ъ*] — оба гапаксы Супр. В этих употреблениях можно уловить разницу в значениях: если *vgačevъ* при переводе греч. *τοῦ ἰατροῦ* в Супр 414,5 имеет значение индивидуальной принадлежности (врачево... сѣгрѣшеник), то *vgačevъskъ* при переводе греч. *τῶν ἰατρῶν* в Супр 430,14 имеет значение неиндивидуальной принадлежности (врачевѣстни отроци). Видимо, наращиванием суффикса -*ьsk-* на прил. *vgačevъ* переводчик (или редактор) хотел подчеркнуть разницу в значениях греч. *τοῦ ἰατροῦ* и *τῶν ἰατρῶν*. Подобное стремление разграничить значения можно усмотреть и в образовании гапакса Супр *zvĕrinъskъ* [*zvĕr-in-ьsk-ъ*] 'зверский' при наличии прил. *zvĕrinъ* [*zvĕr-in-ъ*] 'зверный'.

Вместе с тем в прил. *bĕsovъskъ* [*bĕs-ov-ьsk-ъ*] элемент -*ov-* следует, видимо, считать, как и во многих других лексемах с элементами -*ov-* и -*ev-*, асемантической «прокладкой»², так как наличие прил. *bĕsovъ* с суффиксом -*ov-* в старославянском лексическом инвентаре вызывает сомнения. Оно было отмечено И. И. Срезневским в «Слове о полку Игореве» [Срезн I: 221] (так же и в [СлРЯ XI—XVII 1: 155]), но, как известно, этот памятник к старославянским протографам не восходит. СДЯ XI—XIV фиксирует несколько случаев употребления прил. *bĕsovъ* в древнерусских списках начиная с конца XIII в.,

¹ В старославянских словарях лексемы *gabъ* и *gobъ* (так же как и *gabijъ* и *gobjъ*) поданы в качестве единой лексической единицы в одной словарной статье [Словарь 1994: 563; 564; SJS II: 539; 541].

² В старославянских рукописях у сущ. *bĕсъ* наблюдаются признаки склонения по основам на *ĭ*. Так, в Супр форма Gen. Pl. *bĕсъ* встречается 8 раз, но и форма *bĕsovъ* встречается 4 раза.

однако их можно расценить и как более поздние инновации. Нет оснований образование прил. *běsovъskъ* возводить к и глаголу *běsovati* [běs-ova-ti], хотя этот глагол встречается в «Богословии» Иоанна Экзарха (Бог 336 b), а образованное от него сущ. *běsovanije* [běsova-n-ij-e] отмечено и в Супр (7 ул.), так как все функционирование суффикса *-ъsk-* связано со словообразовательной мотивацией существительными, и, в частности, прил. *běsovъskъ* мотивировано существительным *běсъ*. Видимо, роль такой же асемантической прокладки имеет элемент *-ov-* и в прил. *židovъskъ* [židov-ъsk-ъ], но в этом случае следует считать, что он уже имеется в производящей основе мотивирующего сущ. *židovinъ*, мн. ч. *židove* [židov-e] и *židovi* [židov-i]. Сущ. без элемента *-ov-* *židъ* в старославянских рукописях не встречается, хотя сущ. *židovinъ* по меркам старославянского языка очень частотно (74 ул.), и это говорит в пользу того, что элемент *-ov-* в данном случае изначально был включен в славянское заимствование (видимо, < итал. *giudeo* [Фасмер II: 53]). И. И. Срезневский отмечает сущ. *židъ* в довольно ранних списках (начиная с XII в.) со старославянских протографов [Срезн I: 871], но эти случаи могли быть и морфологическими инновациями древнерусских списков.

Суффикс *-ъn-*

Для образования прилагательных в старославянском языке чаще всего использовался суффикс *-ъn-*: в старославянских рукописях насчитывается 733 прилагательных, образованных с помощью этого суффикса. Кроме того, морф *-ъn-* обнаруживается еще в 350 лексемах, принадлежащих разным частям речи, так как прилагательным с суффиксом *-ъn-* (как в праславянском, так и в старославянском языке) было свойственно служить словообразовательной базой для создания новых лексем. В этом состоит существенное отличие суффикса *-ъn-* от рассмотренных выше словообразовательных формантов прилагательных — морфонологического чередования согласных в исходе производящей основы, суффиксов *-ъj-*, *-ov-*, *-ev-*, *-in-*, *-in-*, *-ъsk-*, — при помощи которых образовывались прилагательные, лишь в единичных случаях (за исключением наречий на *-ъsku* от прилагательных с суффиксом *-ъsk-*, которых в старославянских рукописях насчитывается до

21 лексемы) вовлекавшиеся в дальнейший словообразовательный процесс. Основная масса старославянских прилагательных с суффиксом *-ьп-* образована от существительных с конкретным и абстрактным значением; образования от наименований лица единичны и представляются исключениями¹. Нет образований и от имен собственных и географических названий.

Суффикс *-ьп-* присоединялся, главным образом, к производящим основам славянского происхождения. Немногочисленные образования от существительных с основами греческого происхождения говорят об открытости данной модели образования прилагательных, но не характерны для нее. Это следующие лексемы: *аегьпъ* от *аегь* 'воздух' (греч. *ἀήρ*), *агуьпъ* 'из алоэ' от *агуь* 'алоэ' (греч. *ἀλοή*), *елиньпъ* — гапакс *Μαρ*, субстантивированно 'грек' — от *елинь* 'грек' (греч. *Ἕλληνας*), *хризъмъ* от *хризма* 'мазь, масло' (греч. *χρῖσμα*), *кадилъпъ* и *канъдилъпъ* от *kadilo* 'ладан, фимнам' и *канъdilo* 'лампада' соответственно (ср.-греч. *κανδήλα* или *κάνδηλον*), *миръпъ* от *миро* 'миро' (греч. *μύρον*), *пардьпъ* от *пардъ* 'нард' (греч. *νάργος*), *гусальпъ* от *gusalie* ж. р. мн. ч. 'Троицын день' (ср.-греч. *ρουσάλια* — первоначально 'праздник роз'), *сѣботъпъ* от *сѣбота* 'суббота' (ср.-греч. **σάββατον*), *змгъпъпъ* от *змгъпа* 'смирна' (греч. *σμίρνα*). Лексемы *хризма*, *kadilo*, *gusalie*, *сѣбота* проникли, видимо, в славянскую речь до создания библейских переводов: *хризма*, начиная с евангельских и псалтырных текстов, переводит не греч. *χρῖσμα*, а греч. *μύρον*; *kadilo*, начиная с псалтырного текста переводит не греч. *κάνδηλον*, а греч. *θυμίαμα*; *gusalie* и *сѣбота* заимствованы, возможно, не прямо из ср.-греч. *ρουσάλια* и ср.-греч. **σάββατον*, а через латинское посредство [Фасмер III: 520; III: 792].

Круг словообразовательных значений прилагательных с суффиксом *-ьп-* охватывает широкий спектр относительных значений.

¹ Гапакс *Хил губительпъ* 'губительный', образованный от сущ. *губитель* 'губитель'; гапакс *Евх съдѣтельпъ* 'творческий, создательный', образованный от сущ. *съдѣтель* 'создатель, творец'; гапакс *Супр близьпъпъ* 'двойной, двойственный', образованный от употребляемого в старославянских текстах только в качестве прозвища сущ. *близьпъ* 'Близец', и нек. др. (см. ниже). Прил. *словѣсьпъ* — неологизм, образованный от сущ. *словѣкъ*, — появилось в Супр, видимо, в результате ошибки писца (см. с. 22).

В основном — это собственно относительные значения разных оттенков, например: талантѣнаѣ притѣча 'притча о талантах' Супр 375,30; со значением вещества или материала: въ... кожьнѣж ризѣ Супр 470,8; кѣко же вѣаше оу него коумирь . сѣребръны и златѣ Супр 6,28–29; со значением индивидуальной принадлежности: новорасѣ маслѣнѣ Пс 127,3 Спн; въ колесничнѣѣмъ таканиѣ 'в состязании колесниц' Супр 565,1. В некоторых случаях прилагательные с суффиксом -ѣн- имеют — как периферийное — и притяжательное значение индивидуальной принадлежности: нѣ глѣбнѣ глѣбнѣ (оу тоу лѣккоу тоу бѣоунов) 'ни глубины ямы (конкретной)' Супр 367,17; на вѣсходѣ сѣннѣѣмъ 'на верхнем этаже башни (конкретной)' Супр 247,23. Нередко в старославянских рукописях прилагательные с суффиксом -ѣн- употребляются как качественные, что, как правило, является следствием развития семантики самих этих прилагательных. Ср., например, значение 'раскаленный' у прил. огньѣ: жгѣе огньѣ (Пс 17,13 Спн) или въ пешть огньѣж (Мт 13,5 Зогр, Мар, Сав) при пламѣ огньѣнѣ 'пламя огненное' (Супр 565,29); или, например, развитие переносного значения 'пагубный' у прил. роторѣж (от сущ. роторъ 'потоп'): глѣ потопнѣнѣж 'пагубные речи' (Пс 51,6 Спн). В некоторых случаях, при использовании суффикса -ѣн- в удвоенной суффиксации, качественное значение прилагательного могло быть первоначальным: лѣжѣж 'ложный' от лѣжъ 'ложный'; ѣкѣвѣж 'очень плохой, коварный, лукавый' от ѣкѣвѣ 'очень плохой, коварный, лукавый' и др.

По происхождению суффикс -ѣн- является расширением индоевропейского суффикса *-nī*, присоединявшегося к основам на *-i-*. Однако сформировавшийся таким образом суффикс еще в эпоху праиндоевропейского языка распространился в своем употреблении на другие основы [Vaillant 1974: 451]. В старославянском языке при образовании прилагательных с суффиксом -ѣн- от других бывших основ наблюдаются чередования согласных в исходе производящих (новых) основ: *g – ž; k – č; c – č; x – š*.

Для большинства прилагательных с суффиксом -ѣн- можно указать в пределах старославянских рукописей существительные, от которых они образованы. При этом в некоторых случаях мы считаем возможным пренебречь небольшими семантическими расхождениями в словарных толкованиях мотивированного и мотивирующего слова,

поскольку, как уже отмечалось выше, корпус старославянских лексических единиц не только неизвестен современному исследователю в полном объеме, но и сами лексические единицы известны не во всем объеме их значений.

Группа прилагательных с суффиксом *-ьп-*, образованных от существительных с бывшими *-i-* основами, не самая многочисленная — в старославянских рукописях насчитывается всего 53 лексемы, что, видимо, объясняется количеством существительных с бывшими *-i-* основами в лексическом фонде старославянского языка по отношению к существительным с другими основами. Более чем для трети прилагательных, образованных от существительных с бывшими *-i-* основами, производящие основы далее не членимы, т. е. они образованы от непронизводных (для старославянского языка) существительных: *blědъpъ* ‘болтливый’ (от *blědy* ‘болтовня’), *boľьpъ* ‘больной’ (от *boľь* ‘больной’), *čęstъpъ* ‘неполный’ (от *čęstь* ‘часть, доля’), *ľьstъpъ* ‘соблазнительный’ и субстантивированно в ср.р. *ľьstьnoje* ‘обман’ (от *ľьstь* ‘соблазн’ и ‘обман’), *mědъpъ* (от *mědъ*), *mysъpъ* (от *mysъ*), *pošъpъ* (от *pošъ*), *pľьtъpъ* ‘телесный’ (от *pľьtъ* ‘тело’), *pъtъpъ* (в старославянских рукописях только в сочетании *šьstьvije pъtъnoje* ‘путешествие’ — от *pъtъ* ‘путь, дорога’), *pъstъpъ* ‘из земли, из праха’ (в старославянских рукописях только переносно ‘земной, тленный’ — от *pъstъ* ‘земля, прах’), *gatъpъ* (в старославянских рукописях только субстантивированно в м.р. ‘неприятель, враг’ — от *gatъ* ‘война’), *skъbъpъ* (от *skъbъ*), *solъpъ* (от *solъ*), *vešъpъ* (от *vešъ*), *vъsъpъ* (от ‘весь деревня, село и др.’), *zvěpъpъ* (от *zvěpъ*).

Возможно, к этой же группе относились несколько прилагательных, реально образованных еще в праславянском языке и вошедших в старославянский лексический инвентарь из народной славянской речи. Среди них прил. *drobъpъ* ‘мелкий’, которое вычленяет суффикс *-ьп-* на фоне однокоренных глаголов *drobiti*, *gazdrobiti*, *šьdrobiti*, встречающихся в старославянских рукописях. Однако предполагаемое мотивирующее сущ. **drobъ* не отмечено ни в старославянских рукописях, ни в обследованных нами памятниках, восходящих к старославянским протографам. В праславянском лексическом фонде существовали параллельные соотносительные образования разных основ — **drobъ*, **droba*, **drobъ* [ЭССЯ 5: 117; 119–121]. В праславянском от существительного с *-i-* основой **ostь* было образовано и прил.

ostъpъ, в старославянских рукописях встречающееся только в субстантивированной форме м. р. со значением 'острие'. В старославянском языке ostъpъ вычленяет суффикс -ьп- на фоне однокоренных ostъrъ [os-tr-ъ] 'острый', osla [os-l-a] 'оселок, ὄσλον' и др., однако сущ. *ostъ, существовавшее в праславянском и известное по западнославянским языкам со значением 'острие, шпш' [Фасмер III: 167], ни в старославянских рукописях, ни в обследованных нами памятниках, восходящих к старославянским протограммам, не встречается. Возможно, от существительного с -i-основой *сьтъ (название червя, вариантное к более известному *сьгвь) в праславянском было образовано и ст.-слав. прил. сътъпъ 'красный' (такое направление словообразования указано в [ЭССЯ 4:150]). Однако, учитывая характерное для старославянского языка явление удвоенной суффиксации, здесь можно предполагать и образование от прилагательного *сьтъ(ь), которое «можно рассматривать как первонач[альное] бессуффиксальное прилаг[ательное] архаич[ного] типа» [ЭССЯ 4: 149]. Ни *сьтъ, ни *сьтъ(ь) как старославянских рукописях, так и в обследованных нами памятниках, восходящих к старославянским протограммам, не встречаются.

Служащие производящими для прилагательных с суффиксом -ьп- основы, восходящие к бывшим основам на -i-, большей частью (32 лексемы из 53) сами являются производными. От осложненных суффиксами основ образованы blagostъpъ 'добрый, милостивый' (от blagostъ 'доброта, милость'), bolѣzъpъ 'больной; болезненный (связанный с болью)' (от bolѣzъ 'болезнь; боль'), гапак Супр сѣlitel'ьпъ 'целительный, исцеляющий, врачующий' (от сѣlitel'ь 'исцелитель, врач'), съstъpъ 'почтенный, достойный и др.' (от съstъ 'честь, почет и др.'), dobl'estъpъ 'доблестный' (от dobl'estъ 'доблесть'), хyтrostъpъ 'искусный, умелый' (от хyтrostъ 'искусность, мастерство'), krotostъpъ 'исполненный кротости' (от krotostъ 'кротость'), milostъpъ 'относящийся к милостыни' (от milostъ в значении 'милостыня'), moъtъpъ (byti) 'быть способным, быть в состоянии' (от moъtъ 'мощь, сила' < *mog-t-ъ, для старославянского — алломорф суффикса -ъt-), obitel'ьпъ '(годный) для жилья' (от obitel'ь 'жилище'), peсal'ьпъ 'печальный, опечаленный' (от peсal'ь в значении 'печаль'), peсъtъpъ 'печной' (от peсъtъ в значении 'печь' < *pek-t-ъ, для старославянского — алломорф суффикса -ъt-), peсъpъ 'песенный, песнопенный (Gen.)' (от peсъpъ в значении 'песнопение'), pustoъpъ 'пустой, суетный' (от pustoъ

‘пустословие’), *radostьnъ* ‘веселый’ (от *radostь* ‘радость, веселье’), *slastьnъ* ‘приятный, сладостный’ (от *slastь* ‘наслаждение, удовольствие’), *stepenьnъ* (в старославянском только в сочетании *рѣспъ stepenьnaja* — как названии псалмов, певшихся первоначально на ступенях иерусалимского храма, от *stepenь* ‘ступень’), *strastьnъ* ‘несущий страдания, боль; мученический’ (от *strastь* ‘страдания; мученичества, мученическая смерть’), *užastьnъ* ‘потрясенный, пораженный; ужасающий’ (от *užastь* ‘изумление, испуг; ужас’), *žitьnъ* ‘жизненный’ (от *žitь* ‘жизнь’), *žizньnъ* ‘жизнетворящий’ (от *žizнь* ‘жизнь’). От осложненных префиксами основ образованы *isprovědьnъ* (в старославянском только в сочетании *isprovědьnъ byti* ‘признаться, исповедоваться’, от *isprovědь* ‘снец. исповедание веры’), *pešьstьnъ* ‘безбожный, нечестивый’ (от *pešьstь* ‘безбожность, нечестивость’), *nemošьtьnъ* ‘бессильный, немощный’ (от *nemošьtь* ‘бессилие, немощь’), *roхotьnъ* ‘наслаждения (Gen.); похотливый’ (от *roхotь* ‘желание, влечение; похоть’), *snědьnъ* ‘съестной’ (от *snědь* ‘пища, еда’). От осложненных префиксами и суффиксами основ образованы *nenavistьnъ* ‘ненавидящий, ненависти (Gen.)’ (от *nenavistь* ‘ненависть’), *rogubělьnъ* ‘гибели (Gen.), погибели (Gen.)’ (от *rogubělь* ‘гибель, погибель’), *rokažaznъnъ* ‘покаянный, покаяния (Gen.)’ (от *rokažaznъ* ‘покаяние’), *rověstьnъ* ‘относящийся к повествованию’ (от *rověstь* ‘повествование’), *prěmōdrostьnъ* ‘премудрости (Gen.)’ (от *prěmōdrostь* ‘премудрость’), *smьrtьnъ* ‘смертный; смертельный, смертоносный’ (от *smьrtь* ‘смерть’), *svěstьnъ* ‘сознательный, осознанный’ (от *svěstь* ‘сознание, мысль’). Прил. *pričestьnъ* ‘причастный’ образовано, видимо, от сущ. *pričestь*, которое не встречается в собственно старославянских рукописях, но употреблено в «Богословии» Иоанна Экзарха при переводе греч. κληρουχία¹ (см. далее, с. 262).

Прилагательных с суффиксом *-ьnъ*, образованных от существительных с бывшими *-a-* основами, в старославянском языке было значительно больше: в старославянских рукописях встречается 102 таких прилагательных м. р. и ж. р. Два прилагательных, образованных от названий лиц (оба м. р.), выглядят исключениями: гапакс Рыл

¹ Ср. текст: καὶ σωτήρ, εἰς τὴν ἐπηγγελμένην τοῖς πνευματικῶς τῷ θεῷ λατρεύουσι κληρουχίαν εἰσήγαγεν, ... — и спѣтъ . въ овѣщанюю причастъ въведе . иже дхѡвнѣ бѡѣ слоужаѣтъ ... Бог 329 б.

junotъль 'юношеский' от junota 'юноша' и гапак Супр uboъььль 'смертоносный' от uboъьса 'убийца'. Остальные прилагательные этой группы образованы от конкретных и абстрактных существительных с производящими основами славянского происхождения.

Примерно для половины прилагательных, образованных от существительных с бывшими *-a-* основами, производящие основы являлись непронизводными (для старославянского языка): bѣдъль 'трудный; бедный' (от bѣda 'принуждение; беда, бедствие'), вьгьльль 'созданный из грязи' (от вьгьла 'грязь'), вьгьльль 'грозовой, бурный' (от вьга 'буря, гроза'), душьль 'имеющий душу; душевный' (от duša 'душа'), главьль, гапак Супр в сочетании glavьноје мѣсто при переводе греч. κρανίου τόπος, где κρανίου — Gen. от τὸ κρανίου 'верхняя часть головы' (от glava 'голова'), глиньль 'глиняный' (от *glina¹), гогьль 'горный' (от goga 'гора'), грозьль 'страшный, грозный' (от groza 'ужас'), хвальль 'достойный хвалы; благодарственный' (от xvala 'восхваление; благодарность'), ятьль 'ямы (Gen.)' (от jama 'яма'), jazвьль 'раны (Gen.); раненый' (от jazva 'ранение, порез'), гапак Клоц kъevetъль 'клеветнический' (от kъeveta 'клевета'), гапак Супр kotoгьль 'сварливый' (от kotoга 'ссора'), козьль 'кожаный' (от koža 'кожа, шкура'), красьль 'красивый' (от krasa 'украшение'), лѣдвьльль 'почечный' (от лѣдвьѣ [мн. ч.] 'почки'), loзьль 'виноградный' (от loza 'виноградная лоза'), мѣжьль 'связанный с муками, мучениями; мучительный' (от мѣжа 'мука, мучение'), позьль 'ножной, ног (Gen.)' (от пога 'нога'), рѣньль 'пенистый, пенящийся' (от рѣну [ж. мн.] 'пена'), плѣвьль 'мякинный' (от плѣва 'мякина, полова'), рѣсьль 'речной' (от рѣка 'река'), ризьль 'относящийся к (верхней) одежде' (от riza '(верхняя) одежда'), рѣсьль 'относящийся к руке, ручной' (от рѣка 'рука'), сильль 'сильный, крепкий; могущественный' (от sila 'сила, мощь; могущество'), slavьль 'достойный славы; торжественный; великолепный' (от slava 'слава, известность; хвала; великолепие, блеск'), слъзьль 'слезный, слез (Gen.)' (от slъza 'слеза'),

¹ Суц. *glina 'глина', имеющее общеславянское распространение (см., например, в [ЭССЯ 6: 125–126]), в старославянских рукописях не встречается. Оно отмечено в ряде списков со старославянских протографов, однако в наиболее старших XII–XIII вв. — в варианте gnila [SJS I: 407; Срезн I: 519; 524; СДЯ II: 335] (ср. болг. диал. *гнила* и *гнила*).

страньль 'чужой; отчужденный; странный, необычный' и субстантивированно в м. р. 'чужеземец, чужестранец' (от strana 'сторона; страна; чужие племена'), svobodьль 'свободный, вольный' (от svoboda 'свобода'), tьньль 'грязный, илстый' (от tьna 'грязь, ил'), тьмьль 'темный, неосвещенный' (от тьма 'тьма, темнота'), тѣсьль — в старославянских рукописях только субстантивированно тѣсьпаја 'дождевая вода' (от тѣса 'дождь'), трѣвьль 'жертвенный, принесенный в жертву' (от трѣба 'жертва'), трѣвьль 'покрытый травой' (от трѣва 'трава'), трѣвьль 'трубный' (от трѣба 'труба'), тьсестьль 'тысячный; тысячелетний' (от тьсеста 'тысяча'), vesньль 'весенний' (от vesna 'весна'), вѣвьль 'веры (Gen.); верный, преданный; достоверный; верующий' и гапак Супр вѣговьль 'веры (Gen.)' (от вѣга 'вера; религия'), вьньль 'являющийся причиной; виноватый' и вьновьль 'виновный, виноватый' (от вьна 'причина; вина'), вльвьль 'волн (Gen.)' (от вльва 'волна'), водьль 'водный, водяной' (от voda 'вода'), воъль 'добровольный, умышленный' (от воъа 'воля; стремление'), земьль 'земной; земли (Gen.), страны (Gen.); почвы (Gen.)' (от zemъa 'земля, мир; страна; почва'), зьмьль 'зимний; холодный' (от зьма 'зима; холод'). В 33 прилагательных производящие основы осложнены суффиксами: альсььль 'относящийся к посту, связанный с постом' (от альсьба 'пост'), сѣлььль 'целебный, целительный' (от сѣльба 'излечение; лекарство'), дѣгавьль 'лесной' (от дѣгава 'роща, дубрава'), дгъзавьль 'могущественный, державный' (от дгъзава 'держава, власть'), глѣбьль 'глубинный; *перен.* адский' (от глѣбина 'глубина'), истьньль 'настоящий, истинный' (от istьna 'истина, истинность'), гапак Евх клѣтвьль 'клятвенный' (от клѣтва 'клятва'), гапак Супр колесньль 'повозки, колесницы (Gen.)' (от колесньца 'повозка, колесница'), масльль 'оливковый, маслины (Gen.)' (от maslina 'маслина, олива'), мокротьль 'мокрый, влажный' (от *mokrota, см. с. 119), молитвьль 'просительный; молитвы (Gen.)' (от molitva 'просьба; молитва'), гапак Супр ѣговьль 'брюшной, кишечный' (от ѣгова 'живот'), pastвьль 'пригодный для пастбы' (от pastvina 'пастбище'), рестьль 'пещерный, пещеры (Gen.)' (от рестьера 'пещера'), рьсеньль 'пшеничный, хлебный' (от рьсеньца 'пшеница, хлеб'), гапак Евх пластьль 'полотнища, полотно (Gen.)' (от пластьница 'полотнище, полотно'), гравьль 'справедливый, праведный; истинный, правильный' (от гравьда 'справедливость; истина, правда'), габотьль 'рабский,

невольничий' (от *rabota* 'рабство, неволя'), гапакс *Ен sluzььль* 'относящийся к служению, службе' (от *sluzьba* в значении 'служение, служба'), гапакс *Мар smokъьньсьль* 'смоковничный' (от *smokъьница* 'смоковница'), *sujetьль* 'ничтожный, суетный' (от *sujeta* 'тщета, суетность'), *tegotьль* 'отяжелевший' (от *tegota* 'тяжесть'), *тъьньсьль* 'тюремный' (от *тъьница* 'тюрьма'), *trojьсьль* 'относящийся к Троице' (от *trojica* 'Троица'), *тъьтетьль* 'тщетный, суетный' (от *тъьteta* 'ущерб, вред'), *влъььль* 'колдовской' (от *влъььба* 'колдовство'), *вгацььль* 'лечащий, лечащий' (от *вгацььба* 'лечение, врачевание'), *жѣьньль* 'жатвенный' (от *жѣьва* 'жатва'), *жъьвьль* 'жертвенный' (от *жъьва* 'жертва; жертвоприношение'); наличие в производящей основе -j- в эпоху старославянского языка проявлялось как чередование согласных: *купъль* 'торговый' от *купъа* 'торговля', *пождьль* 'насилованный; нужный, необходимый' от *пожда* 'насилие; надобность, необходимость' и *пуждьль* от *пужда* 'то же', *ришьль* 'исполненный блаженства' от *риша* (*гаььская* или *рогодььая*) 'райские кущи, обитель блаженства'. К этой же группе следует, видимо, отнести прил. *гофуьль* 'горчичный', образованное от **gofuša* [ESJS 3: 191]; последнее, однако, не зафиксировано ни в старославянских рукописях, ни в обследованных нами памятниках, восходящих к старославянским протограммам. Также не зафиксировано и сущ. **tajььба*, которое, судя по структуре субстантивированных прилагательных ср. р. *tajьььль* 'тайна' и ж. р. *tajьььна* 'тайна', должно бы дать производящую основу для их образования. В 13 прилагательных из отмеченных в старославянских рукописях производящие основы осложнены префиксами: *одеждьль* 'одежды (Gen.)' (от *одежда* 'одежда'), *отъьадьль* 'терпимый, легкий' — в старославянских рукописях только в форме компаратива *отъьадьье* (от *отъьада* 'освобождение'), *рагубьль* 'пагубный' (от *рагуба* 'гибель, пагуба'), *робѣдьль* 'победный, победоносный' (от *робѣда* 'победа'), *родобьль* 'подобный; надлежащий; достойный' (от *rodoba*), *рохваьль* 'похвальный; благодарственный' (от *рохва* 'восхваление; благодарность'), *ролььль* 'полезный' (от *ролььа* 'польза'), *рогодьль* 'райский' (от *roroda* 'рай'), *ротрѣьль* 'нужный, необходимый; надлежащий' (от *ротрѣьа* 'надобность, нужда; польза'), *рарѣдьль* 'багровый, пурпурный' (от *рарѣьда* 'пурпур'), *утѣьль* 'утешающий' (от *утѣьа* 'утешение'). Производящие основы для прилагательных *гаспальньль* 'относящийся к расщелине, ущелью' (от *гаспальна* 'щель, трещина') и

ukogizъnъ ‘оскорбительный, позорный’ (от ukogizъ ‘оскорбление, поношение’) осложнены суффиксами и префиксами.

Два прилагательных из зафиксированных в старославянских рукописях образованы от существительных с бывшими *-ī*-основами: *pustynъ* ‘пустыни (Gen.); пустынный’ (от *pustyni* ‘пустыня’) и *svętynъ* ‘святой, священный’ (от *svętyni* ‘святость’). Восемь прилагательных — от существительных с бывшими *-ŭ*-основами: *сѣлънъ* ‘исцеляющий, лечащий’ от *сѣлу* (Gen. *сѣлѣве*) ‘исцеление, излечение’; *сѣкълъ* ‘церковный, церкви’ от *сѣкълу* ‘храм; церковь’; *кѣвълъ* ‘кровавый, крови’ от *кѣвълъ* ‘кровь’; *кѣнѣнъ* ‘книжный, книги’ от *кѣнигу* ‘книга’; *любълъ* ‘любимый’ и *любѣнъ* ‘любовный, любви’ от *любѣ* (род. п. *любѣве*) ‘любовь’; *перлѣдъ* ‘неплодный, бесплодный’ от *перлѣду* ‘бесплодная (женщина)’; *смокѣнъ* ‘смоковничный’ от *смокѣ* (род. п. *смокѣве*) ‘смоковница’. Девять — от существительных с бывшими основами на согласный: *врѣменъ* от *врѣмѣ*; *дѣнъ* ‘дневной, однодневный’ и с «прокладкой» *-ev-* *дѣневъ* ‘дневной, ежедневный’ от *дѣнъ* ‘день’; *небесънъ* ‘небесный’ от *небо* (род. п. *небесе*) ‘небо’; *писменъ* ‘писанный’ от *писмѣ* ‘буква; письмена, текст’; *пламѣнъ* ‘огненный’ от *пламѣ* ‘пламя’; *племѣнъ* ‘родовой, племенной’ от *племѣ* ‘род, племя’; *словесънъ* ‘относящийся к слову; словесный’ от *slovo* (род. п. *slovese*) ‘слово’; *тѣлесънъ* ‘телесный, тела’ от *тѣло* (род. п. *тѣлесе*) ‘тело’; *врѣменъ* ‘временный, переходящий’ от *врѣмѣ* ‘время, период’. *дѣнъ* ‘дневной, однодневный’ и с «прокладкой» *-ev-* *дѣневъ* ‘дневной, ежедневный’ (от *дѣнъ* ‘день’), *дѣждъ* ‘дождевой’ (от *дѣждъ* ‘дождь’)

Больше всего прилагательных с суффиксом *-nъ* образовано от существительных с бывшими *-o-* основами: в старославянских рукописях их 149. Производящие основы примерно для двух третей этих прилагательных являлись в старославянском языке непронизводными: *блзънъ* ‘подверженный ошибкам, заблуждающийся’ (от *блзънъ* ‘соблазн, искушение’), *блѣдънъ* ‘распутный, развратный’ (от *блѣдъ* ‘блуд, разврат’), *бракънъ* ‘свадебный, брачный’ (от *бракъ* ‘свадьба, брак’), *свѣтънъ* ‘покрытый цветами’ (от *свѣтъ* ‘цветок’), гапакс *Евх* *чисълънъ* ‘отпущенный, определенный (о времени)’ (от *число* ‘число’), *сѣвълънъ* ‘живота; плотский’ (от *сѣво* ‘живот, чрево’), *судълънъ* ‘чудесный, дивный’ (от *судо* ‘чудо’), *дивълънъ* ‘удивительный’ (от *диво* ‘чудо’), *дълънъ* ‘должный’ (от *дълънъ* ‘долг’), *домовълънъ* (в старославянских

текстах только в сочетании *pristavl'enije domovъnoje* 'управление домом' (от *domъ* 'дом, жилище'), *dovolvъ* 'достаточный' (от *dovolъ* 'достаток'), *drěvъnъ* 'дерева, деревьев (Gen.)' (от *drěvo* 'дерево'), *drъždъnъ* 'дождевой' (от *drъždъ* 'дождь'), *gаpакс Супр gадъnъ* 'перен. мерзкий, отвратительный' (от *gадъ* 'ползающее животное'), *gněvъnъ* 'гневный' (от *gněvъ* 'гнев'), *gnojъnъ* 'покрытый язвами, гнойный' (от *gnojъ* 'язва, гнойная рана'), *gnosъnъ* и *gnusъnъ* 'гнушный, отвратительный' (в старославянских текстах только в этом переносном значении, от **gnosъ* и **gnusъ* 'пьявка, ἡ βδέλλα' соответственно¹), *grěxovъnъ* 'грешный, греховный' (от *grěxъ* 'грех, проступок'), *grobъnъ* 'могильный; преисподний' (от *grobъ* 'могила'), *gromъnъ* 'громовой' (от *gromъ* 'гром'), *xladъnъ* 'прохладный; освежающий' (от *xladъ* 'прохладный ветер; прохлада'), *xlěbъnъ* 'хлебный; для хлеба' (от *xlěbъ* 'хлеб'), *jezucъnъ* 'болтливый; языческий, чужеземный' (от *jezucъ* 'язык (речь)', *jezuci* 'чужеземцы, язычники'), *koпъnъ* 'конский, лошадиный' (от *koпъ* 'конь, лошадь'), *krъstъnъ* 'крестный, креста' (от *krъstъ* 'крест, σταυρός'), *kvасъnъ* (в старославянских текстах только в словосочетании *jeza kvасъnaja* 'заболевание, возникшее от питья заквашенного напитка' (от *kvасъ* 'заквашенный напиток'), *lětъnъ* 'временной' (от *lěto* 'время'), *lъbъnъ* (в словосочетании *město lъbъnoje* 'Лобное место', от **lъbъ*²), *lоzъnъ* 'лесной, дубравный' (от *lоzъ* 'роща, лес'), *měсєцьnъ* 'лунный' и 'месячный' (от *měсєць* 'луна; месяц [календарный]'), *miгъnъ* 'мирный, спокойный' (от *miгъ* 'мир, покой'), *miгъnъ* 'светский, мирской' (от *miгъ* 'мир, вселенная, свет'), *mlěсьnъ* 'молочный' (от *mlěko* 'молоко'), *mracъnъ* 'темный, мрачный' (от *mracъ* 'мрак'), *mrazъnъ* 'морозный' (от *mrazъ* 'мороз'), *pacъlъnъ* 'главный, первый' (от

¹ Сущ. **gnosъ* и его фонетический вариант **gnusъ* в дошедших до нас собственно старославянских текстах не встречаются, однако вероятность их наличия в старославянском лексическом инвентаре высока: сущ. **gnosъ* встречается в тексте «Шестоднева» Иоанна Экзарха (Шест 117с 7), вариант **gnusъ* — в тексте МшДек XII/XIII в. (л. 28,46) [Christians 2001: 46]. В переносном значении 'гнушность, мерзость, βδέλυμα' сущ. **gnusъ* отмечано в Панд.Ант. XI в., рукописи, восходящей к старославянскому протографу [Срезн I: 526].

² Сущ. **lъbъ* в собственно старославянских рукописях не встречается, но со значением 'верхняя часть головы' употребляется в тексте в тексте «Шестоднева» Иоанна Экзарха (Шест 227а 25).

паце́ло ‘начало’), педо́чьпъ ‘больной; вызывающий болезнь’ (от педо́чь ‘болезнь’), обла́чьпъ ‘облачный, тучн’ (от oblakъ ‘облако, туча’), обра́чьпъ ‘вид, образ; символ’ (от obgazъ ‘символический; вида, образа’), осу́чьпъ ‘укусный; кислое вино’ (от осу́чь ‘укус; кислое вино’ < лат. acetum [Фасмер III: 177]), огы́чьпъ ‘огня; огненный’ (от ogybъ¹ ‘огонь’), ово́чьпъ (в старославянских текстах только в словосочетании ово́чь-поје хранилиште ‘сарай в саду’, от ovošte ‘фрукты’), огы́льпъ ‘краеугольный’ (от ogyль ‘угол’), oродъпъ ‘неразумный, глупый’ (от orodъ ‘глупец, дурак’), рьсу́чьпъ ‘полный смолы, со смолой’ (от рьсу́чь ‘смола’), плодъпъ ‘плодородный’ (от plody ‘плод’), роко́чьпъ ‘спокойный’ (от rokojъ ‘спокойствие’), постъпъ ‘постный’ (от postъ ‘пост’), ротъпъ ‘потный’ (от rotъ ‘пот’), го́чьпъ ‘издевательский, злобный’ (от gočъ ‘осмеяние, насмешка’), селъпъ ‘полевой; луговой’ (от selo ‘пашня, поле; пастбище’), сыгебъпъ ‘серебряный’ (от сыгебo ‘серебро’), сунъпъ ‘башни (Gen.)’ от sunъ ‘башня’, ту́чьпъ ‘жирный’ (от tukъ ‘жир’), и др. Образование прилагательных духо́вьпъ ‘относящийся к духу; духовный’ (от dixъ ‘дух’) и пла́чевъпъ (в старославянских текстах только в словосочетании odoль пла́чевъпаја ‘юдоль скорби’, от пла́чь ‘плач’) следует рассматривать, видимо, как образование с «прокладкой» -ov-/-ev-.

Производящие основы, осложненные аффиксами, встречаются реже: бо́жьствъпъ ‘божественный’ (от božstvo ‘божественность’), сивъствъпъ ‘воспринимаемый органами чувств’ (от šivstvo ‘орган чувств’), дѣжьствъпъ ‘действующий’ (от dējstvo ‘действие’), дѣвъствъпъ ‘девственный’ (от děvstvo ‘девственность’), jestъствъпъ ‘природный; сущностный’ (от jestъstvo ‘естество, субстанция; сущность, природа’), го́дъствъпъ ‘родственный, кровный’ (от goďstvo ‘рождение’), гапакс Хил губите́льпъ ‘губительный’ (от gubiteljъ ‘губитель’), гапакс Евх съдѣтеле́льпъ ‘творческий, созидательный’ (от съdētelъ ‘создатель, творец’), гапакс Супр близньсълъ ‘двойной, двойственный’ (от bliznъsъ ‘Близнец’), гапакс Супр сгы́къвиштепъ ‘языческих храмов’ (от сгы́къвиште ‘языческий храм’), капи́сьпъ в словосочетании сгы́къвиште капи́сьпоје ‘языческий храм’ (от kapište ‘идол’), životъпъ ‘жизни (Gen.); животный, звериный’ (от životъпъ ‘жизнь; живое существо, зверь’),

¹ Сущ. огонь в старославянском языке принято считать принадлежащим к склонению по -о-основам мягкой разновидности, формы же от -i-основы — не архаичными, а вторичными [Kurz 1972: 140–146].

ostatъсььпъ 'оставшийся, остальной' (от ostatъкъ 'остаток'), męteзььпъ 'мятежный' (от męteзьь 'мятеж, смятение'), otъgoсььпъ 'прощенный' (от otroкъ¹), rodъvизъьпъ 'старательный, усердный', субст. м. р. 'борец' (от rodъvigъ 'борьба; аскетическая жизнь'), zazoъgъьпъ 'подозрительный' (от zazoъgъ 'подозрение'), и нек. др.

Мотивирующие существительные с -о- основами обнаруживаются, как правило, в пределах старославянских рукописей. Наличие в старославянском лексическом инвентаре нескольких лексем, в них не встречающихся, можно предполагать с определенной степенью вероятности, так как они употребляются в списках, восходящих к старославянским протографам. Так, суц. *zъbъ 'зуб', от которого образовано прил. zъbъьпъ 'зубной', широко известно в слав. языках и употребляется в списках, восходящих к старославянским протографам: в «Богословии» Иоанна Экзарха (Бог 333а), в Изб 1073 (лл. 101г 8; 103в 7; 146г 14; 146г 20; 208б 13); в Изб 1076 (лл. 169об 7; 189,13), см. также [СДЯ XI–XIV III: 404; СлРЯ XI–XVII 6: 66]. Суц. *stъrъьпъ, от которого образовано прил. stъrъьпъьпъ 'кривой, искривленный', дважды употребляется в Изб 1073 в переносном значении 'оборот (речи)². Суц. *угокъ 'назначение', от которого образовано прил. угосььпъ 'определенный, назначенный', многократно встречается в Изб 1076 (лл. 123,12; 237,13; 237об. 1; 250об. 4) и в Изб 1073 (лл. 82г 14; 93б 9–10).

Довольно большое число старославянских прилагательных с суффиксом -ьп- семантически соотносятся с глаголами, особенно с префиксальными: сърасъьпъ 'спасительный, спасающий' — сърасiti 'спасти, избавить'; iskusъьпъ 'испытанный, опытный; искушенный' — iskusiti 'испытать, испробовать; ввести в искушение', и т. п. Словообразовательной базой для таких прилагательных в старославянском языке служили отглагольные имена с бывшей -о-основой, то есть: сърасъь 'спасение, избавление' — сърасъьпъ 'спасительный, спасающий'; iskusъь 'искус, испытание; искушение' — iskusъьпъ 'испытанный, опытный; искушенный', и т. п. На то, что в старославянском языке основной словообразовательной моделью для таких прилагательных было

¹ О соотношении семантики otъgoсььпъ и otroкъ см. [Ефимова 1997: 25].

² Ср. тексты: разоумъькеть стъrъьпъьчъ словесъьчъма Изб 1073 200 г 3; мѣдрость прѣзърѣти въ словесъхъ лежащъхъ . и въ стъrъьпъьтѣхъ рѣчьчънихъ . Изб 1073 202б 28–29.

образование именно от имени, а не от глагола, указывает в некоторых случаях корневой вокализм: *potěšti* 'потечь' — *potokъ* 'поток; ручей' — *potočьсь* 'потока, ручья *род. п.*'; *sъbrati* 'собрать (в одном месте)', *sъbirati* 'собирать' — *sъбогъ* 'собрание; общество; вселенский собор и др.' — *sъбогьль* 'совместный, всеобщий' (*sъбогьлаја* *сгьку* 'вселенская церковь'); *sъkryti* 'скрыть, спрятать; утаить' — *sъkrovъ* 'потайное место; тайник' — *sъkrovьль* 'потайной, тайный, скрытый'. Однако противопоставленность именного корневого вокализма глагольному свидетельствует лишь о времени реального возникновения отглагольного имени, т. е. о том, что унаследованное старославянским языком отглагольное имя, противопоставленное по корневому вокализму глаголу, возникло, скорее всего, в раннюю эпоху праславянского языка, так как на протяжении истории праславянского языка унаследованная от праиндоевропейского противопоставленность по корневому вокализму имени и глагола сменялась тенденцией к тождеству корневого вокализма [Meillet 1905: 198–199; Варбот 1969: 182–184]. Тем не менее модель образования от глаголов имен с нулевым суффиксом (т. е. с бывшими *-o-* и, реже, *-a-* основами) была очень актуальной для старославянского языка. Поскольку очевидно, что далеко не все такие имена встречаются в старославянских рукописях и зафиксированы в Словаре 1994, укажем на некоторые из них по тексту «Богословия» Иоанна Экзарха: *obratъ* (187a), *podragъ* ('подражание, *μῦθῶς*' 302a; 304a), *postigъ* (60a; 60b), *postopъ* (76a), *pouvgъzъ* (315a), *prěrojasъ* (166a), *prěovъ* (326a), *prěrězъ* (182a), *prěstopъ* (217a; 161b; 204a и др.), *prětvoгъ* (182a), *prēmьнь* (217a; 355b) и *prēmьna* (137a; 142a), *prēmьna* (193b от *prēmьnъti*), *prěgrada* (145a), *prьcъть* (348b), *prikosъ* (193a; 253b от *prikosnъti*), *prilogъ* (221a), *primězъ* (336a), *prizovъ* (161b; 270b от *prizъvati*), *zastopъ* (146a; 221a) и др. Среди них такие новообразования, как *proustavъ* (214a; 214b от *proustaviti*), *proobrazъ* (256b от *proobrazovati*) и др. В ряде случаев содержащие производящую основу, от которой образованы прилагательные с суффиксом *-ьль-*, отглагольные имена встречаются в старославянских рукописях. Помимо указанных выше, это: *isxodьль* (в старославянских рукописях только в сочетании *кьнигу isxodьльнујь* 'Исход, Вторая книга Моисея') от *isxodъ* 'выход, исход; Исход, Вторая книга Моисея'; *paгocъль* 'особый' от *paгokъ* 'вынесение приговора, решение' (о семантических связях между словами этого корня см. [Ефимова

1997]); *rodvižьnъ* ‘старательный, усердный’, субст. м. р. *rodvižьnъ(jь)* ‘борец’ от *rodviгъ* ‘борьба’; *rotoсьnъ* от *rotoкъ*; *rotoryнъ* от *rotory*; *съmysьnъ* от *съmysь*, *сърасьnъ* ‘спасительный, спасающий’, субстантивированное в форме ср. р. *сърасьноје* ‘спасение’ от *сърась* ‘спасение, избавление’; *ukoгьnъ* ‘позорный, постыдный и др.’ от *ukoгь* ‘оскорбление, поношение, унижение’; *ustavьnъ* (в старославянских рукописях только адвербиально по *ustavьnujemu* ‘по обычаю, обычным способом’) от *ustavъ* ‘то, что установлено, определено и др.’; *въходьnъ* от *въходь*; *въсѣдьnъ* ‘относящийся к причащению’ от *въсѣдъ* ‘причащение’; *въстоцьnъ* ‘восточный’ от *въстокъ* ‘восток’; *zapadьnъ* ‘западный’ *zapadъ* ‘запад’; *zazogьnъ* ‘подозрительный’ от *zazogъ* ‘подозрение’. Для ряда других подобных прилагательных с суффиксом *-ьn-* мотивирующие их имена в старославянских рукописях не встречаются, однако вряд ли было бы правильным всегда в таких случаях говорить о непосредственном образовании этих прилагательных от глаголов. Иногда соответствующие отглагольные имена обнаруживаются в памятниках, восходящих к старославянским протограммам, и, следовательно, можно говорить о высокой вероятности их принадлежности к лексическому фонду старославянского языка¹. Так, в пределах круга старославянских рукописей для прил. *izboгьnъ* ‘избранный’ можно указать только семантически соотносительные глаголы *izbъgati*, *izbigati* и отглагольное сущ. *izbъganije*, однако многократное употребление сущ. *izboгь* ‘выбор’ в памятниках, восходящих к старославянским протограммам, в том числе в «Богословии» Иоанна Экзарха (5 уп.) и Устюжской кормчей XIII в. [SJS I: 721], говорит в пользу того, что и в старославянском языке прил. *izboгьnъ* образовывалось от сущ. **izboгь*. Таким же образом обнаруживаются мотивирующие существительные для прил. *prѣходьnъ* (*prѣходь* в Изб 1073 встречается 4 раза), *prѣstorьnъ* (*prѣstorь* в Изб 1073 встречается 8 раз, в Бог — 6 раз), *gaskoьnъ* (*gaskoь* в ПрК 2,21–22), *uгосьnъ* (*uгось* в Изб 1073

¹ В отношении старославянского языка было бы, видимо, ошибочным следовать установке, из которой исходит Н. П. Зверковская при описании древнерусских прилагательных с суффиксом *-ьn-*: «В тех случаях, когда соответствующее корневое существительное не зафиксировано в памятниках или недостаточно мотивирует прилагательное семантически, производное условно можно отнести к девербативам» [Зверковская 1986: 30].

936 9–19; 82г 14), *zagradьъ* (*zagrada* в хорватском глаголическом списке служебника XIV в. и более поздних др.-русс. списках [SJS I: 634; Срезн I: 907]). Ср., например: *лювьѣж ти раскольнааго оума мѣслии твоихъ* (Супр 500,15) — *блюдѣте раскола* (ПрК 2,21–22). Возможно, таким же образом по той же модели от имен образовывались прил. *объходьъ*, *оофдьъ*, *осторьъ*, *потрѣсьъ*, *рѣгосьъ*, *прилѣрьъ*, *прозогьъ*, *гаспустьъ*, *въскрѣсьъ*. Для нескольких прилагательных, в пределах корпуса лексики, зафиксированной в старославянских рукописях, семантически соотносительных с глаголами, также можно предполагать скорее отыменное образование, чем отглагольное. Так, *приѣстьъ* ‘причастный’ семантически соотносится с *приѣстити* ‘сделать соучастником’, однако здесь скорее значение глагола выводится из значения прилагательного, а не наоборот (ср. образованное от *приѣстьъ* сущ. *приѣстникъ* ‘соучастник’). В то же время в «Богословии» Иоанна Экзарха — памятнике, восходящем к старославянскому протографу, находим сущ. *приѣсть* (Бог 329b), от которого, возможно, и было образовано прил. *приѣстьъ*. Для прил. *угодьъ* ‘угодный’, семантически соотносящегося с глаголом *ugoditi* ‘угодить’, мотивирующим, возможно, было сущ. *ugodije* (в старославянских рукописях только в составе словосочетания *ugodije tvoriti/sъtvoriti* ‘угождать’). Для прил. *въгодьъ* ‘угодный’ мотивирующим могло быть сущ. **въgodije*. Последнее отмечено в ряде ранних списков Евангелия (Мк 15,15 в Мст XI/XII вв., в Юр 1119 г. и др.), однако прямых доказательств, что это существительное входило в старославянский лексический инвентарь, а не являлось чисто древнерусской инновацией, пока мы не имеем.

С другой стороны, несколько прилагательных с суффиксом *-ьл-*, возможно, все же мотивировались в старославянском языке глаголами: *алѣсьъ* (*alъkati*, но также, возможно, и существительным **alъсь*, см. с. 177), *dostojьъ* (*dostojiti*), *govѣьъ* (*govѣti*), *мѣдьъ* (*mѣditi*), **перодьъ* (в старославянских рукописях известно только образованное от него наречие *perodьно*), *poustьъ* (*poustiti*), *прилѣзьъ* (*prilezati*), *сѣтьъ* (*sѣtovati*), *възможьъ* (*vъzmošti*), *жѣдьъ* (*žѣdati*).

Экспансия суффикса *-ьл-* в сферы словообразования прилагательных от других частей речи проявилась и в ряде отнаречных образований: *исконьъ* ‘исконный’ (от *iskoni* ‘с (самого) начала’), *обношьъ* ‘всенощный’

(от *obnoŝь* 'всю ночь'¹), *otъpодъль* 'тамошний'² (от *otъpодъ* в значении 'в дальнейшем'), *vyinъль* 'постоянный' (от *vyinъ* 'постоянно'), *vykuryль* 'совместный' (от *vykury*, или *vykuryь*, или *vykuryь* 'вместе'), *protivъль* 'противоположный; враждебный' (от *protivъ* 'напротив'), *ŝprotivъль* 'противный, противоположный' (от *ŝprotivъ* 'напротив, против').

Наречием *tajj* 'тайно; скрытно' мотивировались в старославянском языке прил. *tajъль* 'тайный, сокровенный', хотя по происхождению оно представляло собой результат «обновления» прил. **tajъ* суффиксом -ьл- (см. примечание 2 на с. 316). Возникшее в результате такой же операции от прил. **rozdъ* прил. *rozdъль*, в старославянских рукописях известно только в значении 'медлительный, неторопливый', семантически «разошедшемся» со значением наречия *rozdъ* 'поздно'.

Суффикс -ьл- обнаруживается также в большом количестве в двух корневых прилагательных: в старославянских рукописях их насчитывается 143 лексемы. С словообразовательной точки зрения эти лексемы представляют собой результат разных способов словообразования и разной степени влияния на их образование их греческих соответствий.

Рассмотрим, например, 18 прилагательных с первым компонентом *blago-*. В ряде случаев здесь следует говорить о калькировании греческих соответствий. Особенно это очевидно, когда старославянские лексемы образованы путем чистого сложения, а их греческие соответствия с первым компонентом *eû-* переводятся также и однокорневыми прилагательными. Так, в Супр на месте *eûŝeβjъs* находим как *blagoŝьстьль* 'набожный, благочестивый' (Супр 341,3-4; 506,18), так *ŝьстьль* с тем же значением (Супр 188,13-14); на месте *eûlрoŝbeктoс* (в апостольской цитате из II Кор 6,2) находим как

¹ Наречие *obnoŝь* не выделяется старославянскими словарями в отдельную словарную статью. Ср., однако, например, употребление *obnoŝь bytj* в соответствии с гл. *διανυκτερεύειν* в таком тексте: *καὶ ἦν διανυκτερεύων ἐν τῇ προσευχῇ τοῦ Θεοῦ* — *и бѣ об ношть въ молитвѣ бжѣи* Л 6,12 Зогр, Мар.

² Старославянские словари дают для прил. *otъpодъль* контекстное значение 'тамошний' [SJS II: 608; Словарь 1994: 432] при определении дальнейшей, загробной жизни, т. е. значение *otъpодъль* — 'загробный, дальнейший'. Ср. текст: *сѣдѣтель . сѣставляемоу . и пакы раздроушаемоу . животоу семоу . житю отънждноуемоу* . Евх 64а 14-15.

blagorpiimicъьль ‘благоприятный, удобный’ (Супр 356,8), так и piimicъьль с тем же значением (Супр 356,11–12), в Евх еὐπρόσδεκτος переводится и как piijetъьль (Евх 95а 10–11)¹; еὐάρεστος в Супр переводится и как blagorpijetъьль ‘угодный, приятный’ (Супр 91,23–24), и как ugodъьль с тем же значением (Супр 514,11)²; в Евх же еὐάρεστος передается как blagovъgodъьль ‘угодный, приятный’ (Евх 60а 14) при наличии прил. vъgodъьль с тем же значением (Супр 219,27 в соответствии с греч. πρέπων). Несомненно, что создавая такие композиты как blagocъьтььль, blagorpiimicъьль, blagorpijetъьль, blagovъgodъьль при наличии в старославянском лексическом инвентаре однокорневых прилагательных, древние книжники стремились максимально приблизить старославянскую лексему к ее греческому соответствию воспроизведением морфемной структуры последнего в части первого компонента сложения.

Как калькирование греческих композитов с использованием старославянской словообразовательной модели для оформления старославянских лексем специальным суффиксом прилагательных -ьп- следует рассматривать образование следующих двукорневых прилагательных: blagololъьль ‘имеющий крепкие ноги’ — греч. εὐσκελής (ср. gololъьль ‘голень’ — греч. σκέλος в И 19,31–33 в Зогр, Мар, Ас, Сав); blagololъьль ‘прекрасный’ — греч. εὐπραγής (единственное употребление в пределах старославянских рукописей — в Евх 56b 18–19 в соответствии с наречием «на -ως» εὐπραγῶς от εὐπραγής); blagorpiležъьль [blag-o-pri-lež-ьпъ] ‘усердный’ — греч. εὐπάρεδρος [εὐ-пάρ-εδрос]; blagoobrazъьль ‘добропорядочный, почтенный, благообразный’ — греч. εὐσχήμων. Прил. blagoobrazъьль в Евх употребляется также и как соответствие греч. εὐπρεπής (Евх 7b 3–4), однако в старославянский лексический фонд оно вошло, видимо, как калька именно греч. εὐσχήμων, так как при переводе εὐσχήμων употребляется уже в евангельском тексте (Мк

¹ Интересно, что еὐπρόσδεκτος неоднократно, видимо, переводилось как piijetъьль и в апостольском тексте, что отражается в древнейших списках разных изводов: в II Кор 6,2 в Слепч, Шиш, Мат (в Христ blagorpijetъьль), в II Кор 8,12 в Христ, Шиш (в Мат blagorpijetъьль).

² Интересно, что еὐάρεστος неоднократно, видимо, переводилось как ugodъьль и в апостольском тексте, что отражается в древнейших списках разных изводов: в Рим 12,2 в Слепч, Шиш, Мат (в Христ и Охр ugožъьль); в Кол 3,20 в Христ, Слепч, Шиш (в Мат blagougodъьль).

15,43 Зоґр Мар, Ас), в Евх (Евх 99а 2), а также и в апостольском тексте, что отражено в древнейших списках разных изводов: само прилагательное употребляется в I Кор 7,35 в Слепч, Шиш, Мат, а образованное от него наречие *blagoobrazьno* в соответствии с *εὐσχημόνως* — и в апостольских чтеннях Рим 13,13 (в Ен, Охр, Христ, Струм, Шиш, Мат); I Кор 14,40 (в Слепч, Шиш, Мат, *blagoobrazьně* в Христ); I Фес 4,12 (в Христ, Шиш, Мат). Таким образом, в образовании прилагательных *blagogolěньпъ*, *blagolěрьпъ*, *blagoprileзьпъ*, *blagoobrazьпъ* наблюдается специфическая и относительно самостоятельная словообразовательная процедура, представляющая собой соединение суффиксально-сложного способа словообразования с калькированием, характеризующимся неполным соответствием морфемных структур.

Несколько прилагательных с первым компонентом *blago-* представляют собой отсубстантивные образования. Так, прил. *blagodatьпъ* 'милостивый; исполненный милости, благодатный', употребляемое на месте греч. *τῆς χάριτος* (Gen. сущ. *χάρις*) и перфектного прич. *κεχαριτωμένος*, образовано от сущ. *blagodaty* 'милость, благодать' (греч. *χάρις, χάρισμα*). Более частотный его синоним прил. *blagoděтьпъ* также следует, видимо, считать отсубстантивным образованием (т. е. образованным от сущ. *blagoděty* 'милость, благодать') — несмотря на то, что оно употребляется как на месте греч. *τῆς χάριτος* и *κεχαριτωμένος*, так и на месте греческих композитов с первым компонентом *εὐ- εὐχάριστος* (в апостольском чтении Кол 3,15 в Ен, а также в Охр, Струм) и *εὐεργέτης* (в Супр 148,17). Однако в евангельском тексте прил. *blagoděтьпъ* появляется как перевод греч. *κεχαριτωμένος* (в Л 1,28 в Зоґр и Ас, в то время как в Мар здесь прил. *blagodatьпъ*) и, возможно, *τῆς χάριτος* (в Л 4,22 в Сав); на месте *τῆς χάριτος* употребляется прил. *blagoděтьпъ* и в Супр (Супр 256,8). От сущ. *blagodarьstvije* 'благодарственная хвала, благодарение' (калька греч. *εὐχαριστία*) образовано прил. *blagodarьstvьпъ* 'благодарственный' (греч. *εὐχαριστήριος*); от сущ. *blagoizvolenije* 'преимущество, добродетель' — гапак Супр *blagoizvolьпъ* 'известный, знаменитый' (*blagoizvolьпъ byti* переводит гл. *εὐδοκεῖν*); от сущ. *blagoуханье* 'благоуханье' (калька греч. *εὐωδία*) — гапак Евх *blagoуханьпъ* 'благоуханный, ароматный' (греческий текст к этому месту Евх не найден). Надо полагать, что в случаях наличия в греческих соответствиях компонента *εὐ-*, использование в этих

прилагательных компонента *blago-* ими «поддерживалось», удовлетворяя древних книжников соответствием морфемных структур, однако с словообразовательной точки зрения прилагательные *blagodatъль*, *blagoděтъль*, *blagodarъstvъль*, *blagoizvolънь*, *blagooxanъль* следует считать образованными от существительных с помощью суффикса *-ъп-* суффиксальным способом. Гапак Спн *blagoslovestvъль* 'благословенный' и его синоним гапак Супр *blagoslovesънь*, употребляемые на месте греч. прич. εὐλογημένος, в пределах известного нам старославянского лексического инвентаря соотносятся с глаголами *blagoslovestviti* 'благословлять, восхвалять' и *blagoslovesiti* 'благословить, вознести хвалу'. Однако и здесь нельзя исключить отсубстантивное образование от незафиксированных существительных **blagoslovestvje* и **blagoslovesje*, известных по более поздним церковнославянским памятникам [SJS I: 103; Срезн I: 104; СлРЯ XI–XVII 1: 217].

Прил. *blagorodъль* 'благородный, благородного происхождения' (в I Кор 1,26 при переводе греч. εὐγενής), *blagověтъль* 'набожный, благочестивый' (εὐσεβής, εὐσεβῶν, τῆς εὐσεβείας), гапак Супр *blagovonъль* 'благовонный, ароматный' (в составе словосочетания *blagovonъljaja mastъ* при переводе греч. μύρον) образованы суффиксально-сложным способом на базе соответствующих словосочетаний *blaga roda* (Gen.) 'благородного происхождения' (Супр 62,25; в Супр 145,9–10 также при переводе εὐγενής), *blagaja věra* 'набожность' (Супр 96,18 при переводе греч. εὐσεβεία¹), **blagaja vonja*. Последнее словосочетание в пределах собственно старославянских рукописей не встречается, но известно «параллельное» словосочетание *dobraja vonja* 'благовоние' (Супр 549,13 при переводе греч. ἄρωμα).

На базе соответствующих словосочетаний суффиксально-сложным способом образованы также некоторые двукорневые прилагательные с другим первым компонентом: *dobrorodъль* 'благородный, благородного происхождения' (3 уп. в Супр; в Супр 106,29 в соответствии с греч. εὐγενέστερος) — на базе словосочетания *dobra roda* (Gen.) (Л 19,12 в Зогр, Мар, Ас при переводе греч. εὐγενής, ср. выше «параллельное» образование прил. *blagorodъль*); *pravověтъль* 'право-

¹ Греч. εὐσεβεία переводилась словосочетанием *blagaja věra* и в апостольском чтении I Тим 6,3, что отражено в древнейших списках разных изводов Слечч, Шпшч, Мат.

верный' (16 уп. в Евх, Служ, Супр, Хил на месте греч. ὀρθόδοξος¹ и ὁ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως) — на базе словосочетания *prava věra, pravaja věra* (ср.: *правѣ вѣрѣ* на месте греч. ὀρθή πίστις в Супр 281,15; *о правѣи вѣрѣ* на месте греч. εἰς τὴν ὀρθόδοξον πίστιν в Супр 198,6–7). Прил. *medotošъь* 'источающий мед', гапакс Супр, (греч. μελίρρυτος) образован на базе словосочетания *medomъ текъ(жъ)* (ср.: τῆς μελίρρυτου πηγῆς — *медомъ текъштадог источникника* Супр 388,18). Также на базе соответствующих словосочетаний суффиксально-сложным способом образованы, видимо, прил. *desetistrunъь* 'десятиструнный' и прил. *desetъstrunъь* 'то же' (греч. δεκάχορδος); прил. *inojezъьь* 'чужестранный' (греч. βάρβαρος); прил. *inoveгъьь* 'иноверный, еретический', гапакс Супр, (греч. αίρετικός); гапакс Супр *malogodъьь* 'кратковременный, преходящий' (греческий текст не найден; ср. *годъ* в значении 'время') и прил. *malovгemъьь* 'кратковременный, недолговечный, преходящий' (13 уп., греч. πρόσκαιρος), гапакс Евх *тъьnogolъььь* 'многолетний' (греческий текст не найден); гапаксы Супр *тъьnogolъьььь* 'многоголовый' (греч. πολυκέφαλος) и *тъьnogovъьььь* 'волнистый, извилистый' (греческий текст не найден), *četvгedъьььь* 'четырехдневный' (греч. τεταρταίος) и *četvгьtodъьььь* 'то же' (греч. τετραήμερος), *tridъьььь* 'трехдневный' (греч. τριήμερος), *osmодъьььь* 'совершающийся на восьмой день' (греческий текст не найден), *šestokrîlъьььь* 'шестикрылый' (греч. εξαπτερυγος), и нек. др. Надо полагать, что эти лексемы не являются кальками их греческих соответствий даже в случаях формальной изоморфности структур (таких как *desetistrunъьь* — δεκάχορδος, *тъьnogolъьььь* — πολυκέφαλος, *četvгьtodъьььь* — τετραήμερος, *tridъьььь* — τριήμερος, *šestokrîlъьььь* — εξαπτερυγος), хотя последняя, видимо, «поддерживала» их образование.

Не являются кальками греческих соответствий и отсубстантивные прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ьн-* суффиксальным способом: *bogorodîčъьно* 'богородичен (литургический термин)' (субстантивация прил. *bogorodîčъьь* в ср. р., при изоморфности с

¹ Калька греч. ὀρθόδοξος — прил. **pravoslavъьь* в собственно старославянских рукописях не встречается, хотя известно по ряду древнерусских списков, начиная со списков XI в. — Изб 1076 (л. 110,12–13); Синайского патерика XI в., списков Кормчей (Ефр. XII в., Уст. XIII в., Иоас. XVI в.) и др. [СлРЯ XI–XVII 18: 119–120; SJS III: 241–242; Срезн III: 1350–1351].

греч. θεοτόκιον) от bogorodica; гапаксы Супр člověkoľubъstvъ 'человеколюбивый, отличающийся человеколюбием' (греч. φιλόνηρος) от člověkoľubъstvo 'человеколюбие' и прěľubodějъstvъ 'прелюбодейный, прелюбодейственный' (греч. τῆς μοιχείας) от прěľubodějъstvo 'прелюбодеяние, прелюбодеяние'; mešorustъ 'мясопустный' (греч. τῆς ἀπόκρεω) от mešorustъ 'мясопуст'¹; vinogradъ 'виноградника' (греч. τοῦ ἀμπελώου) от vinogradъ в значении 'виноградник'. Несколько прилагательных формально образованы от существительных со значением лица, хотя имеют значения отношения к существительному с абстрактным значением: гапакс Супр bogoslovъ 'богословский' (греч. τῆς θεολογίας) от bogoslovъ 'богослов'; ľubodějъ 'прелюбодеяния (род. п.)' (греч. τῆς πορνείας) от ľubodějъ 'блудник'; прěľubodějъ 'прелюбодейный, прелюбодеяния (род. п.)' (греч. τῆς πορνείας, μοιχαλίσ) от прěľubodějъ 'прелюбодей'. На месте греч. κακότεχνος находим как прил. zľodějъ 'злодейский', образованное от сущ. zľodějъ 'причиняющий зло, злодей', так и кальку zľokъznъ 'злостенный' (ср. греч. τέχνη в значении 'хитрость, козни, интрига').

Как калькирование греческих композитов с использованием славянской словообразовательной модели для оформления старославянских лексем специальным суффиксом прилагательных -ън- следует рассматривать образование двукорневых прилагательных bogolěrънъ 'богоугодный, божеский' (греч. θεοπρεπής), dušegubънъ 'губящий души, пагубный' (греч. ψυχοφθόρος), sьmъgonosънъ 'смертоносный' (греч. θανατηφόρος); гапакса Спн gavynodušънъ 'единомышленный, согласный' (греч. ἰσόψυχος); гапаксов Супр bogogodънъ 'угодный богу', bogovъgodънъ 'то же' (греч. θεάρεστος) и гапакса Клоц bogougodънъ 'богоугодный, приятный Богу' (также греч. θεάρεστος); гапаксов Супр bogokotogънъ 'борющийся против Бога, богоборческий' и bogosvagънъ 'то же' (греч. θεομάχος); гапаксов Супр bogoobrazънъ 'богоподобный, подобный Богу' (греч. θεοτύπος), dobroobrazънъ 'добропорядочный' (греч. εὐσχημων), dobroľibънъ 'красивый' (греч. εὐειδής), dostojъnověгънъ 'заслуживающий доверия' (греч. ἀξιόπιστος), jedinouшънъ 'единодушный' (греч. ὁμόφρων), jedъnodušънъ 'единодуш-

¹ Возможно, что аналогичного образования было и прил. syropustънъ 'сыропустный' (при изоморфности первых компонентов композитов с греч. τῆς τυροφάγου), хотя сущ. *syropustъ в старших списках нам не встречалось.

ный, согласный' (греч. ὁμόψυχος), новолѣрьпъ 'новый и прекрасный' (греч. καινοπρεπής), нововѣрьпъ 'новокрещенный, новообращенный' (греч. νεοφώτιστος), и др.

Ряд двукорневых прилагательных представляет собой сложения с наречиями тьного, гито, зьло, худо. Первые компоненты этих сложений сохраняют значения наречий степени 'очень, весьма, в высшей степени'¹ и соответствуют компонентам полу- и δυσ- в греческих лексемах: тьногосѣпъ 'драгоценный, дорогой' (вошло в евангельский текст как калька греч. πολύτιμος — Мф 13,46 и И 12,3 в Зогр, Мар, Ас, Сав, но в Супр переводит также и полυτελής, π τίμιος); тьногосѣстьпъ 'глубокоцтимый' (греч. πολυσεβαστος), тьногосильпъ 'очень сильный, могучий' (греч. πολυδύναμος), тьногогрудьпъ 'многострадаальный' (греч. πολυώδυνος), гитонѣтъпъ 'очень ветреный' (греч. δυσήνεμος), зьлосѣстьпъ 'безбожный' (греч. δυσσεβής и δυσώνυμος). Значение нескольких сложений с первым компонентом тьного- трудно определить достаточно точно из имеющихся контекстов, однако, возможно, значение степени этот компонент имеет и в следующих лексемах: тьногоболѣзньпъ 'многострадаальный'² (греч. πολύπυος), тьногоплодыпъ 'плодовитый'³ (греч. πολυτόκος), тьногоплачьпъ 'полный слез, исполненный печали' (греч. πολυπληθής⁴). В гапаксе Супр зьлобѣсьпъ 'одержимый, окаянный', употребленном для перевода греч. ἄθλιος, компонент зьлотоже, видимо, имеет значение степени (ср. высокочастотное прил. бѣсьпъ 'ненстовый, бешеный; одержимый бесом', употребляющееся на месте целого ряда греческих соответствий).

¹ О значении степени у наречия тьного см. [Ефимова 1989: 118–119].

² В Словаре 1994 значение этой лексики, помимо 'многострадаальный', определено еще и как 'страдающий многими болезнями' [Словарь 1994: 335]. См., однако, контексты: Τίς οὖν οὗτος ὁ πολύπυος καὶ πολυώδυνος καὶ ὑπὸ πάντων βαλλόμενος; — кто оубо ть многоболѣзньныи . и многотрудъныи . и отъ всѣхъ мещемъ . Супр 436,12–13, и далее: τραυματίας πολυπόων ἀνθρώπων ἀντιφάρμακον — извеныи многоболѣзньныимъ чловекомъ . сжпротивъно ази еълик Супр 436,28.

³ В старославянских словарях значение этого гапакса Евх определено, кажется, не очень удачно как 'многоплодный' [Словарь 1994: 336; SJS III: 241].

⁴ Здесь наблюдается не очень точное соответствие семантики опорного компонента. Ср. ст.-слав. плачь 'плач' и греч. πένθος 'печаль, скорбь'.

Три сложения с имеющим значение степени первым компонентом *xudo-* — *xudosilyъ* 'слабосильный', *xidoumyъ* 'неразумный', *xidovęgyъ* 'мало, недостаточно глубоко верующий' — встречаются только в молитвах Евх, греческий текст к которым не найден (если он вообще имеется). Прил. *xudosilyъ* и *xidoumyъ* представляют собой, возможно, случаи «обновления» специальным суффиксом прилагательных *-ып-* синонимичных «старых» лексем *xudosilъ* и *xidoumyъ*, обнаруживаемых в тексте тех же молитв (Евх 45b 4–5 и 49a 7–8).

Суффикс *-ып-* участвовал также в образовании прилагательных префиксально-суффиксальным способом. По мере развития старославянского языка возрастает продуктивность словообразовательной модели с суффиксом *-ып-* и префиксом *bez-* (алломорфы *be-*, *bes-*, *bezъ-*, *bezd-*) образования прилагательных с привативным значением (т. е. со значением выражения 'лишенности чего-то, названного производящей именной основой'). Если в старославянских рукописях Евангелия и Снн, отражающих начальный этап становления старославянского языка, встречается всего несколько лексем, образованных по этой модели (*beštędyъ*, *beštystъ*, *bezumъ*, *bezvodъ*, *bezvęstъ*, *bespečalъ*, *bezakonъ*, в заглавии псалма в Снн также и *bezimenъ*), то в целом в старославянских рукописях Словарь 1994 отмечает их 50: *beskonьsъ*, *beskrъbyъ*, *beskvъnyъ*, *beslovesъ*, *beslovъ*, *beslъnyъ*, *bespečalъ*, *besplačъ*, *besplodъ*, *besplъtyъ*, *bespōtyъ*, *bespravъdyъ*, *besprikladъ*, *besramъ*, *bestōžъ*, *bestrastъ*, *bestudyъ*, *besъmъryъ*, *besvętyъ*, *beštędyъ*, *beštinyъ*, *beštislyъ*, *beštismenъ*, *beštystъ*, *beštystvъ*, *beštuvъstvъ*, *bezakonъ*, *bezbędyъ*, *bezbožъ*, *bezbrašъ*, *bezdręvyъ*, *bezdrodъ*, *bezdrъpyъ*, *bezdusъ*, *bežgnęvyъ*, *bežgrešъ*, *bezimenъ*, *bezlętyъ*, *bezmъryъ*, *bezmлъvyъ*, *bezmōžъ*, *beznačelъ*, *beznadeždyъ*, *bezumъ*, *bezylobъ*, *bezvędyъ*, *bezvęstъ*, *bezyinyъ*, *bezvodъ*, *bezvřemenъ*. С суффиксом *-ып-* образован также и гапак Супр *bestylęnyъ*, но здесь, видимо, имеет место не образование по префиксально-суффиксальной модели, а «обновление» с помощью этого суффикса прил. *bestylęnyъ*. Реально, видимо, путем такого же «обновления» «старых» праславянских прилагательных **bezumъ*, **bezvodъ* [ЭССЯ 2: 49; 52] были образованы и прил. *bezumъ*, *bezvodъ* соответственно. Так же и прил. *beštędyъ* можно рассматривать в качестве результата «обновления» ст.-слав. *beštędъ*, не фиксируемого старославянскими словарями (см.,

однако, в [Ефимова 2005: 253]. В образовании гапакса Супр *bezdarъstvъpъ* 'неблагодарный', в отсутствие сущ. **darъstvo*, участвовал, видимо, сразу суффиксальный комплекс *-ъstvъpъ-*, отвлеченный из таких отсубстантивных прилагательных, как *božъstvъpъ*, *čuvъstvъpъ*, *děvъstvъpъ*, *jestъstvъpъ* и др.

Большинство старославянских прилагательных с префиксом *bez-* переводят греческие лексемы, содержащие α -privativum, однако во многих случаях мы видим здесь результат не прямого калькирования этих лексем, а скорее влияния языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке¹.

Старославянские прилагательные, образованные префиксально-суффиксальным способом с суффиксом *-ъpъ-* и другими префиксами, немногочисленны. Среди них три лексемы с префиксом *na-*: гапакс Евх *panebešъpъ* 'находящийся на небе' — калька греч. ἐπουράνιος; употребленное в чтении Мт 6,11 в Ас и в чтении Л 11,3 в Мар прил. *nasъšъpъ* 'насущенный' — калька греч. ἐπιούσιος (по мнению К. А. Максимовича, — псевдокалька, результат вторичного этимологически необоснованного переосмысления [Максимович 2000: 75–77]; ср., однако, [Мурьянов 1980] и мн. др.), а также употребленное как его синоним в Л 11,3 в Зогр прил. *našъpъ* 'то же'; две лексемы с префиксом *rodъ-*: *rodъnebešъpъ* 'поднебесный' (греч. ὁ ὑπὸ τὸν οὐρανόν) и *rodъzakopъpъ* 'подвластный закону' (греч. ὁ ὑπὸ νόμον); две лексемы с префиксом *po-*: *rovъpъ* 'подчиненный, подданный; должный; виноватый, виновный' (ср. *vina* 'причина, повод; вина, провинность') и гапакс Клоц *rozakopъpъ* 'законный, в соответствии с законом'; одна лексема с префиксом *prědъ-* — *prědъrъšъpъ* 'сражающийся на переднем крае' (ср. *rъšъkъ* 'войско'). Следует отметить, что префиксы *na-*, *rodъ-*, *prědъ-* сохраняют в сложениях свое основное (т. е. пространственное) значение.

В трех прилагательных с префиксом *prî-*, образованных префиксально-суффиксальным способом, этот старославянский префикс с основным пространственным значением калькирует греческие префиксы *para-*, *peri-* и *en-*, базовое значение которых также

¹ Подробнее о старославянских прилагательных с префиксом *bez-* и о влиянии на их образование греческого языка см. в [Ефимова 2005: 252–255; 257–258].

пространственное. Гапак Супр ргірѡтъль 'придорожный' (греч. παρόδιος, алломорф префикса παρ-) образован на основе словосочетания ргі рѡті 'при дороге, рядом с дорогой' (ср. в Мф 13,4: *ова оубо падоша при пжти Зоґр, Мар*). Таким образом, в ргірѡтъль префикс ргі- имеет прямое пространственное значение. Довольно высокочастотное прил. ргіскгъвьль 'скорбный, опечаленный' вошло в старославянский лексический инвентарь в евангельском и псалтырном тексте (Мф 26,38; Мк 6,26; Мк 14,34; Л 18,23; Л 18,24; Пс 42,5) для перевода греч. περίλυτος, затем использовалось и для перевода греч. κατόδυνος (Супр 460,25), а также и греч. λυτήεις (в апостольском и паремийном тексте, сохранившемся только в более поздних списках). Прил. ргістрашьль 'испуганный; страшный' в апракосных евангельских чтениях Л 24,5 и Л 24,37 переводит греч. ἔκφοβος (алломорф префикса ἐκ-), в тексте тетра — также и ἔκφοβος (Мк 9,6), в Супр — εὐκατάλληκτος и κατόδυνος (Супр 88,22–23; 464,27)¹. Таким образом можно считать, что эти лексемы были образованы древними книжниками не без влияния их греческих соответствий (т. е. с элементами калькирования при неполном соответствии морфемных структур).

Не без влияния греческих соответствий с префиксом συν- были, видимо, образованы и некоторые из префиксально-суффиксальных прилагательных с суффиксом -ьп- и префиксом съ-. Все эти лексемы — гапаксы или малочастотные, и во всех них префикс съ- (как и префикс συν-) демонстрирует семантику 'совместности': гапакс Евх събезнаѡельль 'столь же имеющий начала, вечный' (греч. συνάναρχος); съгласьль 'единодушный, согласный' (греческий текст к этой части Супр не найден, но ср. значение и соответствие образованного от него

¹ Р. М. Цейтлин считала образование прил. ргістрашьль результатом ошибки писца, написания *пристрашьль* вместо *прѣстрашьль* 'очень страшный, ужасный' [Цейтлин 1971: 97] (т. е. префикс ргі- имел, якобы, здесь элятивное значение), в пользу чего, как кажется, говорят написания этого прилагательного с префиксом *прѣ-* в указанных чтениях в Никольском евангелии. Однако может быть и «обратная» интерпретация: ошибка писца может быть именно в Никольском евангелии. Предположение же Р. М. Цейтлин, что прил. ргірѡтъль было образовано «от не сохранившегося в старославянских памятниках существительного *припжтик*», а прил. ргіскгъвьль — от сущ. *пріскръбик*, которое встречается в «более поздних рукописях» [Цейтлин 1971: 94–95], представляется маловероятным.

наречия съгласно 'единодушно, в один голос, единогласно' — греч. *σὺμφωνος* [алломорф префикса *σὺμ-*]); *съобразънъ* 'похожий, подобный' (греч. *σὺμμορφος, σὺμμορφτος* [алломорф префикса *σὺμ-*]); гапак *Евх съррѣстољнъ* 'соцарствующий, совладычествующий' (греческий текст не найден); гапак *Евх съррисносѣнъ* 'сосуществующий, (равно) вечный' (греческий текст не найден); гапак *Евх съсѣнъ* 'единосущный' (видимо, независимое от греческого соответствия *ἐνυλόστατος* образование).

Девять прилагательных с префиксом *грѣ-* — *грѣѣстьнъ*, *грѣхваьнъ*, *грѣмгацьнъ*, *грѣподобьнъ*, *грѣскръбьнъ*, *грѣсквръпънъ*, *грѣславьнъ*, *грѣтьмьнъ*, *грѣвѣсьнъ* — образованы способом префиксации, т. е. суффикс *-ьн-* не является в них словообразовательной морфемой. Префигированные префиксом *грѣ-* старославянские прилагательные калькировали, как правило, греческие лексемы с префиксами *ὄλερ-* и *παυ-* [Ефимова 2000а: 43–44].

Не является словообразовательной морфемой суффикс *-ьн-* и в большинстве прилагательных, содержащих в своей структуре префикс *не-*. Как отмечалось выше, префикс *не-* мог присоединяться к уже существующим словам, образуя маркированный член оппозиции с отрицательным компонентом. Ср.: *недѣльнъ* 'не должный, не обязанный' — *дѣльнъ* 'должный, обязанный'; *недостойнъ* 'недостойный' — *достойнъ* 'достойный'; *неискусьнъ* 'неопытный, ненскушенный' — *искусьнъ* 'опытный, искушенный'; *нелъьнъ* 'неложный, правдивый' — *лъьнъ* 'ложный, неверный'; и др.¹. Участие суффикса *-ьн-* в оформлении такой «откровенной» кальки как гапак *Син nepostojьнъ* [*ne-po-stoj-ьнъ*] 'неудержимый' с греч. *ἀνυλόστατος* [*ἀν-υλό-στα-τ-ος*] представляется исключением.

¹ В некоторых случаях, исходя из наличия или отсутствия в старославянском лексическом инвентаре соответствующих префигированных прилагательных, а также из соотношения семантики предполагаемых словообразовательных пар, предпочтительней считать префикс *не-* входящим в производящую основу. Так, в отсутствие в старославянском лексическом инвентаре прил. **dostatььнъ*, предпочтительнее считать прил. **nedostatььнъ* 'нуждающийся' образованным с помощью суффикса *-ьн-* от сущ. *nedostatьькъ* 'недостаток, нехватка'; при наличии гапакса *ѣловѣсьнъ* (см. с. 19), предпочтительнее все же считать прил. *неѣловѣсьнъ* 'бесчеловечный' образованным от сущ. *неѣловѣкъ* 'жестокосердный человек', и т. п.

Вместе с тем способом образования ряда прилагательных с префиксом *ne-* и суффиксом *-ьн-*, мотивированных глаголами, следует предполагать префиксально-суффиксальный, т. е. для них суффикс *-ьн-* является словообразовательной морфемой: *neislědъnъ* ‘непостижимый’ от *islěditi* ‘выследить, разыскать’; *neproходъnъ* ‘непроходимый, недоступный’ от *proходiti* ‘проходить сквозь, через что-либо’; *negazdrěšъnъ* ‘нерасторжимый’ от *gazdrěšiti* ‘развязывать, разъединять’; *negazlōšъnъ* ‘неразлучный, неделимый’ от *gazlōšiti* ‘разъединить, разделить; разлучить’; и т. д. Возможно, что базой для формирования этой словообразовательной модели в старославянском языке послужила модель образования так называемых «адъективированных причастий» с префиксом *ne-* (см. в [Ефимова 2005: 261–262]). Соответствующие непрефиксированные прилагательные, образованные с суффиксом *-ьн-* от той же глагольной основы, могут либо вообще отсутствовать в старославянском языке, либо иметь значение, несоответствующее значению прилагательного с префиксом *ne-* и указывающее на самостоятельную отглагольную словообразовательную процедуру (см. [Там же])¹.

Свидетельством высокой продуктивности суффикса *-ьн-* и яркости его для древнего книжника как материально выраженного аффикса, должного по преимуществу оформлять прилагательное в создаваемом литературном языке, является довольно частое использование этого суффикса в качестве избыточного — как для «обновления» несуффиксальных (для старославянского языка) прилагательных, так и при явлении «удвоенной аффиксации».

«Обновляются» прилагательные, принадлежащие в слою обывденной лексики, вошедшие в старославянский язык из народной славянской речи и, как правило, высокочастотные в старославянских рукописях. При этом значение остается тем же. Ср.: *lъžъ* ‘лживый; ложный’ (50 уп.) и *lъžъьнъ* ‘ложный’ (2 уп.); *nesуть* ‘ненасытный, жадный’ (6 уп.) и *nesутььнъ* ‘ненасытный’ (1 уп.); *obilъ* ‘обильный’

¹ Показательно, что в работе Н. Андриевской, посвященной рассмотрению способов перевода греческих лексем с префиксом *α-* в «старомакедонских» рукописях XII – XVI вв., автор сначала упорно занимается поиском непрефиксированных прилагательных, затем же приходит к выводу о возможности префиксально-суффиксального образования такого рода лексем непосредственно от соответствующих глаголов [Андријевска 2003: 87–93].

(1 уп.) и *obivьль* ‘обильный’ (1 уп.); *obьсть* ‘общий, совместный’ (23 уп.) и *obьстьль* ‘участвующий, причастный’; субст. в ср. р. *obьстьно* ‘киноник’, т. е. совместное богослужбное песнопение (3 уп.); *sugubь* ‘двойной, двоякий, удвоенный’ (15 уп.) и *sugubьль* ‘двойной’ (1 уп.). Прил. *sugubьль* может быть также соотнесено и с лексемой *sugubь* — древним прилагательным с бывшей *ī*-основой, в старославянском языке функционировавшим только в адвербиализованной, т. е. неизменяемой форме (см. [Ефимова 1991: 34–36]). Таким же образом «обновлялись» и другие адвербиализованные прилагательные с бывшей *ī*-основой: *izdrědьль* ‘чрезвычайный’ (2 уп.) при *izdrědь* ‘чрезвычайный’ (1 уп.); *gazlicьль* ‘различный, разный’ (36 уп.) при *gazlicь* ‘различный, разный’ (4 уп.); *udobьль* ‘легкий, нетрудный’ (в старославянских рукописях только в форме компаратива *udobьнѣе* в составе сказуемого *udobьнѣе jestь*, 2 уп.) при *udobь* ‘легкий, нетрудный’ (13 уп.) и *udobь* ‘легкий, нетрудный’ (25 уп.). Это «обновление» органично продолжало процесс, начатый еще в праславянском: образование *čьгьль* [čьгь-ьль] ‘красный’ < *čьгь(ь) (см. выше); *prazdьль* [prazd-ьль] ‘пустой, незанятый; праздный’ (23 уп.) < *prazdь (< *porz-дъ, см. [Фасмер III: 330]); *pozdьль* [pozd-ьль] ‘медлительный, замедленный’ (1 уп.) < *pozdь (*poz-дъ см. [Фасмер III: 303], в старославянском языке сохраняется только образованное от него с помощью суффикса -ѣ- наречие *pozdѣ* ‘поздно’, 42 уп.).

В случаях «удвоенной суффиксации» избыточный суффикс -ьль присоединялся как к основам прилагательных с не очень «ярким» по матеральному выражению формантом в виде чередования согласных в исходе производящей основы, так и к основам с продуктивными суффиксами, в том числе и с самим суффиксом -ьль. В большинстве случаев прилагательные с избыточным суффиксом -ьль-низкочастотны в старославянских рукописях (или даже гапаксы), но есть среди них и «укоренившиеся» лексемы, высокочастотные по меркам старославянского языка: *adovьль* [ad-ov-ьль] (2 уп.) ‘адский, адов’ при *adovь* (22 уп.) ‘адов, адский’; *dostojьль* [dostoj-ьль] (10 уп.) ‘достойный’ при *dostojьль* (> 100 уп.) ‘то же’; *dъždєvьль* [dъždєv-ьль] (2 уп.) ‘дождевой, дождя’ при *dъždєvь* (2 уп.) ‘то же’; *хръстовьль* [хръст-ов-ьль] (7 уп.) ‘Христов, Христа’ при *хръстовь* (> 100 уп.) ‘то же’; *lъkavьль* [lъk-av-ьль] (12 уп.) ‘очень плохой, коварный, лукавый’ при *lъkavь* (44 уп.) ‘то же’; гапакс *Евх poludьльль* [poludьль-ьль]

‘полуденный’ при *poludъь* ‘полуденный’, известном по Снн (Ps 90,6); гапакс *Зогр-лл* *ргосььь* [*ргось-ьь-ьь*] ‘прочий, остальной’ при *ргось(ь)* ‘прочий, остальной’ (66 уп., ср. *ргокузь* ‘прочий, остальной’ 8 уп.), *skvgъььь* ‘нечистый; оскверненный’ (17 уп.) при *skvgъььь* ‘нечистый, мерзкий’ (1 уп.), *сьмотрывьььь* [*сьмотг-ьив-ьь-ьь*] (2 уп.) ‘прислуживающий’ при *сьмотривьььь* (в старославянских рукописях — только субстантивированное в ср. р. *сьмотрывоје*), гапакс *Супр* *вгаѣсьььь* [*вгаѣ-ев-ьь-ьь*] ‘врачебный’ при *вгаѣсьььь* (1 уп.) ‘врача’, гапакс *Супр* *zvѣгъьььь* [*zvѣг-ип-ьь-ьь*] ‘звериный’ при *zvѣгъьььь* (2 уп.) ‘звериный’. Второй суффикс *-ьь-* в гапаксе *Супр* *родобьнострастььььь* [*родобьноstrastьь-ьь-ьь*] ‘страдающий (как и...)’ был «наращен» на явный неологизм *родобьноstrastььььь* ‘то же’, также гапакс *Супр* (греческий текст к этой части *Супр* не найден)¹. В гапаксе же *Супр* *тъногооѣительььььь* ‘многоокий’ на кальку греч. *πολύοφθαλμος* *тъногооѣить* ‘то же’ с суффиксом *-it-* (*Евх*, *Супр*) был «наложен» сразу суффиксальный комплекс *-ителььь-*, отвлеченный из таких прилагательных как *сѣительььььь* (*Супр*), *губительььььь* (*Хил*), *ицѣительььььь* (*Супр*) (ср. [Цейтлин 1977: 254]).

Путем «удвоенной суффиксации» образовано, возможно, и прил. *гѣспотивььььь* [*гѣспот-ив-ьь-ьь*] ‘истинный, достоверный’ (2 уп.). Хотя прил. **гѣспотивььььь* ‘истинный, достоверный’ в кругу старославянских рукописей не отмечено, вероятность его принадлежности лексическому фонду старославянского языка высока: оно многократно встречается в Слѣпченском апостоле, древнейшем списке XII в. (при том, что старославянской рукописи Апостола достаточно большого объема, как известно, не сохранилось), а также в более поздних рукописях другого содержания [SJS III: 661; Срезн III: 223].

Такого же образования, по нашему мнению, и прил. *jedinaсььььь* [*jedinaсьььь-ьь-ьь*] ‘монашеский’. Р. М. Цейтлин на основании существования в старославянских рукописях прил. *jedinaсььььь* восстанавливала сущ. **jedinaкъ* (*jedina-ак-ьь*) ‘монах’ с уникальным субстантивным суффиксом *-ак-* [Цейтлин 1986а: 118]. Однако более правдоподобным представляется образование сущ. **jedinaкъ* не путем суффиксации от *jedinaььььь*, а путем субстантивации прил. **jedinaкъььььь*, от которого

¹ В старославянских словарях оба прилагательных *родобьноstrastььььь* и *родобьноstrastььььь* даются в одной словарной статье как единая лексическая единица. [Словарь 1994: 462; SJS III: 99].

образовано наречие *jedinako* 'одновременно, вместе с тем, заодно' (Рыл 26а 32, ср. аналогичные ст.-слав. *inako*, *vъsako*)¹.

От прил. **dobъль* в старославянских рукописях зафиксировано только образованное от него наречие *dobълю* 'доблестно' (Супр 92,1), но, учитывая регулярность образования в старославянском языке наречий на -о от прилагательных, следует и здесь видеть случай удвоенной суффиксации: прил. **dobъль* при наличии прил. *dobъlъ* 'доблестный, мужественный' (26 уп.).

Особый случай удвоенной суффиксации представляет собой наращение «лишнего» суффикса -ьн- на основы адъективированных причастий². Значение, как правило, остается тем же³: гапакс Евх *blažеньль* [*blažen-ьн-ъ*] 'блаженный' (субст. в м. р. как название песнопения) при *blažень* 'блаженный' (> 300 уп.), *izvěstьль* 'известный; верный' (11 уп.) при *izvěstь* 'известный; верный' (3 уп.); *neizdrečьль* 'невыразимый (словами), непостижимый' (5 уп.) при наличии гапакса Евх *neizdrečьнь* 'неизреченный, невыразимый (словами)'; *neizglagolanьль* 'невыразимый (словами)' (2 уп. в Евх) при *neizglagolanьль* 'то же' (2 уп. в Евх); гапакс Супр *okajanьль* 'окаянный, проклятый' при *okajanь* 'бедный, обездоленный; окаянный, проклятый' (24 уп.)⁴; гапакс Евх *otъmetьль* 'предсудительный' при *otъmetь*, которое встречается в Супр в субстантивированной форме м. р. как *otъmetьъ se* 'отступник'; гапакс Супр *sočьль* (в сочетании *kyrьně sočьль* 'единосущный') при *sy/sočьt-*, прич. от гл. *byti*, адъективировавшегося и субстантивировавшегося в старославянском языке в разных формах.

¹ В наречии *jedinako*, так же, как и в лексемах *jedъnako*, *jedinace*, *jedъnace*, *oboako*, видел «образования, возникшие на базе прилагательных» и А. Е. Супрун [Супрун 1961: 35].

² Прилагательные с суффиксом -ьн- и производящей основой, равной основе причастия, могли образовываться двумя путями — как наращением избыточного суффикса -ьн- на причастие с адъективным значением, так и мотивироваться отглагольным существительным.

³ З. Рибарова рассматривает суффиксацию таких причастий суффиксом -ьн- в качестве формального показателя перехода этих лексем в категорию именных форм [Рибарова 1989: 70].

⁴ В старославянских словарях прил. *okajanьль* и адъективированное прич. *okajanь* даются в одной словарной статье как единая лексическая единица [Словарь 1994: 408; SJS II: 527–528].

Гапакс Зоґр прил. *blažъь* 'блаженный' формально можно рассматривать как образованное либо от имени ср. р. *blago*, которое в старославянском языке можно считать субстантивированным прилагательным (ср. характерную отсылку в Словаре 1994: «*благ* с см. *благъ*» [Словарь 1994: 85]), либо путем «обновления» прил. *blagъ*. Однако реальный механизм образования прил. *blažъь* связан, видимо, с переосмыслением (точнее, с переоформлением) древним книжником-переписчиком Зоґр очень частотного адъективированного причастия *blažъь* (> 300 уп.). Гапакс *blažъь* возник в Зоґр в чтении Л 7,33 (*блажънь естъ же аште не съблазнитъ сѧ о м'нѣ*), в то время как в Мар на этом месте находим *blažъь*. Примечательно, что SJS не выделяет отдельной словарной статьи для прил. *blažъь*, а включает его в статью на *blažъь*, рассматривая обе лексемы как единую лексическую единицу [SJS I: 110]. Возможно, таким же путем возникло и прил. *obуцьь* 'обычный' (6 уп. в Супр), т. е. путем переоформления адъективированного прич. *obуцьь* 'обычный, привычный, обыкновенный'.

Суффиксы -iv-, -ыiv-

Судя по данным словника Словаря 1994, в старославянских рукописях употребляются 72 лексемы, содержащие суффикс прилагательных -iv-. Среди них встречаются как «старые» прилагательные, вошедшие в старославянский язык из народной славянской речи и унаследованные, видимо, из праславянского языка (*čъstivъ*, *lъživъ* и др.), так и явные новообразования (*blagočъstivъ*, *тъьnogomilostivъ* и др.). Как среди «старых» лексем с суффиксом -iv-, так и среди новообразований обнаруживаются прилагательные, образованные от тех же производящих основ, что и прилагательные с суффиксом -ьiv-, однако прилагательных с суффиксом -iv- гораздо меньше (ср.: всего 72 лексемы, содержащие суффиксальный морф -iv-¹, и 1083 лексемы, содержащие суффиксальный морф -ьiv-). Из прилагательных, отмеченных в старославянских рукописях, с помощью суффикса -iv- образованы 62 лексемы, к ним можно добавить прил. **ргъьrivъ* и **газъивъ*, хотя в

¹ Кроме того элемент -iv- содержится еще в 15 лексемах в составе морфа -ьiv- сложного суффикса (см. ниже).

старославянских рукописях они встречаются только с отрицательным префиксом (*perǣryivъ* и *perazumivъ*), а также *ǣspotivъ*, хотя в старославянских рукописях встречается только прил. *ǣspotivъль* [*ǣspot-iv-ъль*] с удвоенной суффиксацией. Морф *-iv-* встречается также в образованных от прилагательных на *-ivъ* префиксальных прилагательных *nemilostivъ* 'немилосердный' (есть и *milostivъ* 'милосердный'), *pergavdivъ* 'несправедливый' (есть и *rgavdivъ* 'справедливый'), *pezlyobivъ* 'беззлбный, безвинный' (есть и *zlyobivъ* 'причиняющий зло'¹), *prēmilostivъ* 'в высшей степени милосердный' (ср. *milostivъ* 'милосердный'), наречиях *bogoǣstivъ* и *dobrorazumivъ* и в образованном от прилагательного с удвоенной суффиксацией *milostivъль* [*milost-iv-ъль*] наречии *milostivълю*.

Меньшая распространенность в старославянском языке прилагательных с суффиксом *-iv-* по сравнению с прилагательными с суффиксом *-ъль-* объясняется не столько меньшей продуктивностью суффикса *-iv-* или меньшей открытостью ряда прилагательных, образованных с этим суффиксом, сколько большей определенностью первоначального словообразовательного значения суффиксом *-iv-* versus «универсальности» словообразовательного значения суффикса *-ъль-*: прилагательные с суффиксом *-iv-* определяют в старославянских текстах, главным образом, действующее лицо (в широком смысле, т. е. агенс), называя его качества с «активной» стороны. Разница в значениях хорошо видна при сравнении прилагательных с суффиксами *-iv-* и *-ъль-*, образованных от одной и той же производящей основы. Ср.: *lъzivъ* 'лживый' и *lъzъль* 'ложный, неверный' (например, *лъживи снѣи члѣчи* Пс 61,10 Снн — *ненстовленьѣ ложнаа* Пс 39,5 Снн²); *lъstivъ* 'хитрый, лукавый; коварный' и *lъstъль* 'соблазнительный'; *lъbivъ* 'любящий' и *lъbъль* 'любимый'; *strašivъ* 'испуганный, боящийся' и *strašъль* 'страшный; внушающий страх' и др. По мере становления и развития старославянского языка это различие стирается, и новообразования с суффиксами *-iv-* и *-ъль-* от одной и той же производящей основы могут не различаться по значению. Ср.: *životvorivъ*

¹ Прил. *pezlyobivъ* может также считаться образованным от сущ. *pezlyoba* 'беззлбность, беспорочность'.

² Русский синодальный перевод «к уклоняющимся во лжи» здесь сильно расходится со старославянским, который следует за греческим *μανίας ψευδεῖς*.

‘животворящий’ и *živovogъьъ* ‘животворящий’ при переводе одного и того же греч. ζῳοποιός, например, животворивоуоуоуоу дрѣвъ в Супр 293,27 и животворноуъ кръвъуъ в Супр 331,28. Употребление прилагательных на *-ivъ* становится, скорее, текстовой приметой школы письменности, в частности, Преславской (см. ниже).

Видно, особенность семантики первоначального словообразовательного значения прилагательных на *-ivъ* (т. е. характеристика такими прилагательными агенса со стороны его «активности») и близость их значений значениям действительных причастий нищипровали представление об отглагольном генезисе славянских прилагательных с суффиксом *-iv-* — см., например, мнение ЭССЯ о происхождении прил. *lorotivъ*: «Прилаг[ательное], производное с суф. *-ivъ* от гл. *lopotiti...* Прилагательные на *-iv-* являются, как правило, отглагольными» [ЭССЯ 16: 63]. В своем исследовании старославянских прилагательных М. Бродовская-Гоновская пыталась доказать, что первоначально прилагательные этого типа образовывались от глаголов на *-iti-*, и в дальнейшем суффикс *-iv-* распространился на образование прилагательных от глаголов с другими основами [Brodowska-Honowska 1960: 154–157]. А. Мейе, однако, рассматривал генезис этих прилагательных как отыменный, а именно как распространение типа прилагательных на *-ivъ* от именных *i-*основ на образование прилагательных от именных основ других типов [Meillet 1905: 365–366]¹. Изначально отыменным считает тип прилагательных с суффиксом *-iv-* и Ж. Ж. Варбот: «Представляется..., что возможная ассоциация прилагательных на *-iv-* с глаголами на *-i-* вторична, так же как вторично и самое образование прилагательных с суффиксом *-iv-* от глагольных основ: прилагательные на *-iv-* образуются от

¹ Гипотеза об отглагольном генезисе русских прилагательных с суффиксом *-iv-*, т. е. о возникновении этого суффикса в результате переразложения глагольных основ на *-i-*, предлагалась также в работе В. М. Прилишко [Прилишко 1950: 154–157]. Об отглагольном происхождении этого суффикса писал и В. Вондрак, не исключая, однако, значения образования прилагательных от именных **-i-*основ [Vondrák 1924: 521]. Однако ссылки при этом на К. Бругманна, указывавшего на глагольное происхождение суффикса *-iv-* прилагательных в праиндоевропейском, представляются не совсем корректными, так как у К. Бругманна речь шла о другой эпохе и другой модели словообразования.

хронологически поздних типов глагольных основ, образования от итеративно-каузативных основ на *-i-* редки...» [Варбот 1969: 158].

Ряду старославянских прилагательных с суффиксом *-iv-* можно приписать мотивацию как существительным, так и глаголом, однако для некоторых из них возможно указать только отыменное образование, о котором свидетельствует отсутствие соотносительного глагола, а иногда к тому же и субстантивный суффикс производящей основы: *gladivъ* 'голодный' от *gladъ* 'голод', *milostivъ* 'милосердный' от *milostъ* [*mil-ostъ*] 'милосердие', *nečystivъ* 'безбожный, нечестивый' от *nečystъ* 'безбожность, нечестивость', *opasivъ* 'внимательный, усердный' от *opasъ* 'внимание, старательность', *paмѣtivъ* 'памятливый, не забывающий' от *paмѣтъ* 'память', *рѣgotivъ* 'прокаженный' от *рѣgotу* [*рѣg-oty*, ж. мн.] 'проказа, нарывы (у прокаженного)', *pravъdivъ* 'справедливый; субст. праведник' от *pravъda* [*pravъ-da*] 'справедливость', *ргjазnivъ* 'дружеский, приятельный' от *ргjазнь* [*ргjа-zнь*] 'приятель, дружба', *гѣсивъ* 'красноречивый' от *гѣсь* 'речь, слово, беседа', *strupivъ* 'прокаженный' от *strupъ* 'рана, язва', *vъstanivъ* с контекстным значением 'ревностный' (гапак Супр) от *vъstanije* [*vъsta-n-ije*] 'действие по гл. **въстати**'. Прил. *vъstočivъ* 'ненстовый, бешеный' также имеет отсубстантивное образование, на что указывает его корневой вокализм. То, что отглагольное сущ. *vъstokъ*, от которого оно образовано, в старославянских рукописях встречается только со значениями 'восход (солнца)' и 'восток (страна света)', объясняется обычной для нашего языкового материала неполной фиксацией в известных нам рукописях значений лексемы. Сущ. **stъryъ*, от которого образовано прил. *stъryivъ* 'кривой, искривленный; перен. извращенный, лукавый', не встречается в старославянских рукописях совсем, однако со значением 'ложный путь' известно по более поздним памятникам [SJS IV: 187; Срезн III: 562–563], в то время как соответствующий глагол не известен. Для прил. **nedъživъ*, как относящегося к праславянскому лексическому фонду, ЭССЯ указывает отглагольное образование [ЭССЯ 24: 126]. Однако, учитывая западнославянский и восточнославянский ареал распространения праславянского глагола **nedъžiti se*, для ст.-слав. *nedъživъ* 'больной', видимо, более правдоподобным является объяснение его образования от сущ. *nedъžь* 'болезнь'¹.

¹ Отсубстантивным считал образование этого прилагательного и А. Вайан: «*nedъživъ* "malade", de *nedъžь*» [Vailant 1974: 476].

Прил. *pezylovivъ* ‘беззлбный, безвинный’ (5 уп. в Снн) в старославянском языке мотивируется сущ. *pezyloba* ‘беззлбность, беспорочность’ (8 уп. в Снн), однако также и прилагательным *zylovivъ* ‘причиняющий зло, злой’ (3 уп. в Снн). Прил. *grěmydivъ*, употребленное в Супр в составе выражения *grěmydivъ byti* ‘быть обязанным, должным’, в отсутствие в обследованных рукописях лексемы **grěmyda* и при наличии в них наречия *grěmy* ‘правильно’, следует, видимо, считать образованным по аналогии с прил. *pravьdivъ*, т. е. сразу с суффиксальным комплексом *-ydivъ* (ъ) (см. выше, с. 179).

Несколько прилагательных с суффиксом *-iv-* образованы от прилагательных — это случаи «обновления» лексем продуктивным суффиксом: гапакс Супр *parrasnivъ* ‘сильный, неистовый’ — от *parrasnyъ* ‘сильный, резкий’; *qodivъ* ‘глупый, неразумный’ (12 уп., из старославянских рукописей встречается только в Супр) — от *qodъ* ‘неразумный, глупый’; гапакс Супр *žestosrědivъ* ‘жестокосердный’ — от *žestosrědyъ* ‘жестокосердный’. Возможно, случай «обновления» прилагательного *lěnyъ* ‘ленивый’ представляет собой и прил. *lěnivъ* ‘ленивый, нерадивый’: прил. *lěnivъ* употреблено в евангельском тексте в чтении Мт 25,26 в апракосах Ас и Сав, в то время как в тетрах Зодр и Мар в том же чтении обнаруживается *lěnyъ*; прил. *lěnivъ* встречается также и в Супр. В то же время в старославянском языке *lěnivъ* мотивируется также и глаголом *lěniti se* ‘быть нерадивым, лениться’. Прил. *tyštivъ* ‘скорый, быстрый’ в пределах известного нам старославянского лексического инвентаря мотивируется глаголом *tyštati se* ‘спешить, торопиться; стремиться, стараться’, в то время как прил. *tyšъ* известно только в значениях ‘пустой, порожний; пустой, ничтожный, суетный’. Однако возможно, что и *tyštivъ* представляет собой случай «обновления» прил. *tyšъ* в соответствующем значении, не зафиксированном в старославянских рукописях.

Несколько прилагательных образуются от глаголов: *gogьnivъ* ‘косноязычный, немой’ — от гл. **gogьniti*²; *lubivъ* ‘любящий’ — от гл.

¹ Образование праслав. **napras(ъ)nivъ(jь)* как от **napras(ъ)nyъ* объясняется и в ЭССЯ: «Дальнейшее адъективное производное с суф. *-ivъ* от **napras(ъ)nyъ*» [ЭССЯ 22: 228].

² ЭССЯ указывает для ст.-слав. *gogьnivъ* образование от гл. **gogьniti* [ЭССЯ 7: 82], однако гл. **gogьniti* не встречался нам в древнейших славянских

lubiti 'любить'; podgazitъ 'подобный' — от гл. podgaziti 'подражать (несов.)'; polučivъ 'готовый' — от гл. polučiti 'получить, принять; удаться'; prouputivъ 'злой, коварный' — от гл. prouputiti 'достичь обманом, лукавством'; gvъnivъ 'ревностный, усердный; сварливый' — от гл. *gvъniti¹.

У трех из встречающихся в старославянских рукописях прилагательных, мотивированных глаголами, — mlъsalivъ, roučalivъ, tьrělivъ — обнаруживается суффиксальный комплекс -liv-, где элемент -l- является суффиксом причастия. Поскольку в данных немногочисленных примерах комплекс -liv- имеет четкое деление на два суффикса (mlъsa-l-iv-ъ, rouča-l-iv-ъ, tьrě-l-iv-ъ), трудно сказать, функционировал ли в старославянском языке этот комплекс как единая словообразовательная морфема. Вместе с тем в отглагольном словообразовании суффикс -iv- и комплекс -liv- могли бы рассматриваться как варианты одного суффикса, состоящие в отношениях дополнительного распределения, так как -iv- присоединялся к глагольным корням, а -liv- — к суффиксальным глагольным основам [Варбот 1969: 163].

Для ряда прилагательных с суффиксом -iv- можно установить двойные мотивации — существительным и глаголом: ъstivъ 'благочестивый, набожный' — сущ. ъstь 'честь; благочестие' и гл. ъstiti 'почитать, чтить'; lъstivъ 'хитрый, лукавый, коварный' — сущ. lъstь в значении 'обман, хитрость, коварство' и гл. lъstiti 'обманывать; лукавить'; lъživъ 'лживый' — сущ. lъža 'ложь' и гл. lъgati 'лгать'; prokazivъ 'лукавый, коварный' — сущ. prokaza и гл. prokaziti²; strašivъ

рукописях, что можно объяснить принадлежностью его, как и прил. gogъnivъ, к сфере обыденной лексики, относительно плохо зафиксированной в древних текстах. Соотносительный с ним гл. gogъnati известен по ряду древнерусских рукописей XIV–XV вв. [Срезн I: 608; СДЯ XI–XIV II: 404].

¹ О вероятности наличия в старославянском лексическом инвентаре глагола *gvъniti, который должен бы быть мотивирующим и для сущ. gvъnitielъ, см. выше, с. 64.

² В старославянских текстах сущ. prokaza употребляется только как название болезни 'проказа', а гл. prokaziti — только в значении 'истребить, уничтожить' (в выражении prokaziti otročъ 'изгнать плод' в Евх 104а 9–10). Однако в древнерусских списках, восходящих к старославянским протограммам, сущ. prokaza неоднократно употребляется и в значении 'хитрость, козни, лавоурия' [Срезн II: 1534; СлРЯ XI–XVII 20: 147–148]. В старославянских

‘испуганный, боящийся’ — сущ. *страхъ* ‘страх, ужас’ и гл. *strašiti* ‘пугать, страшить’; *zъlobivъ* ‘причиняющий зло, злой’ — сущ. *zъloba* ‘все плохое’ и гл. *zъlobiti* ‘порочить, унижать’. В отсутствие в старославянских рукописях лексем с основой *prětrěbъ-*, определение мотивирующей лексемы для прил. *prětrěbivъ* ‘беспокойный, мятущийся’ затруднительно¹.

О высокой продуктивности суффикса *-iv-* в старославянском языке свидетельствует участие его в образовании сложных. В старославянских рукописях насчитывается 23 прилагательных, образованных путем чистого сложения с опорным прилагательным на *-ivъ*, а также суффиксально-сложным способом с помощью суффикса *-iv-*. Большинство из них являются новообразованиями и кальками с греческого с неполным соответствием морфемных структур, обусловленным наличием суффиксального оформления у старославянских прилагательных при отсутствии его у прилагательных греческих: *blagotvorivъ* (греч. ἀγαθοποιός), *bogočъstivъ* (греч. θεοσεβής), *bogolubivъ* (греч. θεοφιλής), *bogonosivъ* (греч. θεοφόρος), *dobročъstivъ* (греч. εὐσεβής), *dobrorazumivъ* (греч. εὐνόμων), *krъvojadivъ* (греч. αἰμοβόρος), *krъvotočivъ* (греч. αἰμορροῶν), *luboryivъ* (греч. φιλόνεικος), *mnъnogomilostivъ* (греч. πολυέλεος), *mnъnogoryivъ* (греч. πολυπράγμων), *rlъtojadivъ* (греч. σαρκοφάγος), *velъgъčivъ* (греч. μεγαλορρήμων), *zlatonosivъ* (греч. χρυσοφόρος), *životvorivъ* (греч. ζωοποιός). У прилагательных, образованных суффиксально-сложным способом на базе глагола *lubiti*, наблюдается также и перемена мест компонентов в сравнении с греческими соответствиями: *čedoľubivъ* (греч. φιλότεκνος), *člověkolubivъ* (греч. φιλόανθρωπος), *хrъstolubivъ* (греч. φιλόχριστος), *хulolubivъ* (греч. φιλολοιδόρος), *rlъtolubivъ* (греч.

же рукописях семантику ‘хитрости, коварства’ имеют однокоренные лексемы *prokazъstvo* ‘коварство, козни, происки’, *prokazъčiti* ‘строить козни, злоумышлять’.

¹ В рукописях, восходящих к старославянским протографам, засвидетельствован гл. *prětrěbovati* ‘допытываться, стараться узнать’ — в форме причастия в Изб 1073 (л. 20а 27–28), а также в Гр.Наз. XI в. [Срезн II: 1706]. Однако можно предполагать образование прил. *prětrěbivъ* от сущ. **prětrěba*, засвидетельствованного только в древнерусской рукописи XIV–XV вв. со значением наименования лица (возможно, вторичным) [СлРЯ XI–XVII 19: 70], от которого должно бы быть образовано употребленное в Усп.сб. XII/XIII в. сущ. *prětrěbije* ‘любопытство, суетность’ [Там же].

φιλόσαρκος)¹. В пределах круга старославянских рукописей не калькируют греческие соответствия только гапаксы Супр *novoprístorivъ* (греч. ἀρχάριος) и *žestosrdivъ* (греч. ἀχάριστος). При этом сущ. *žestosrdije* [žest-o-srd-ije], калькирующее греч. σκληροκαρδία [σκληρ-о-кард-ία], употребляется в старославянских рукописях многократно — не только в Супр, но и в евангельском тексте. Возможно, калькой с греческого являлся и гапакс Супр *blagočstivъ*: к части текста гомилии Златоуста на Великий Четверг, в которой употреблено прил. *blagočstivъ*, греческий оригинал не найден, но калька с греч. εὐσέβεια *blagočstije* встречается в Супр многократно (9 уп.).

Употребление прилагательных с суффиксом *-iv-* характерно для языка преславских книжников: из 72 прилагательных на *-ivъ*, известных по старославянским рукописям, 38 лексем встречаются только в Супр, рукописи, созданной в Преславском центре письменности. Особенно характерны для нее прилагательные на *-ivъ*, калькирующие греческие соответствия. Несмотря на очень небольшой объем, Хил, рукопись, тоже связанная с Преславской школой, содержит два гапакса на *-ivъ*, калькирующих греческие соответствия: *blagotvorivъ* (греч. ἀγαθοποιός) и — в части префикса — *bezlobivъ* (греч. ἄκακος). На предпочтительность прилагательных с суффиксом *-iv-* в узусе преславских книжников указывает и наблюдавшаяся нами тенденция к замене прилагательных с суффиксом *-ъя-* в списках, отражающих черты первоначального перевода Апостола, прилагательными с суффиксом *-iv-* (иногда также с суффиксом *-av-*) в списках, приписываемых второй, так называемой Преславской, его редакции [Ефимова 2002: 264–265]. Употребление в Супр гапаксов — наречий *bogočstivě* и *dobrogažumivě*, образованных от сложных двукорневых прилагательных с суффиксом *-iv-*, тоже свидетельствует об этой тенденции, так как употребление наречий на *-ě* с производящими основами такой структуры (основами аффиксальных прилагательных и композит) связано с Преславской школой письменности [Ефимова 1991а; Ефимова 1999: 45–56]².

¹ Перемена мест компонентов сравнительно с греческими соответствиями у прилагательных с суффиксом *-iv-* при образовании их суффиксально-сложным способом на базе глагола *lubiti* аналогична такой же перемене мест компонентов при образовании сложений с суффиксом *-ъс(ь)*, см. выше, с. 82.

² Показателен и компонент *dobro-* (а не *blago-*) в наречии *dobrogažumivě*, так как использование первого компонента *dobro-* в сложениях было характерно для книжников Преславской школы.

Более поздним расширенным вариантом суффикса *-iv-*, возникшим, видимо, внутри слабо представленного типа существительных на *-iljǐ*, являлся суффикс *-yliv-* [Vaillant 1974: 481]. По мнению Ж. Ж. Варбот, в праславянском языке позднего периода в отглагольном словообразовании существовали варианты суффикса *-yliv-* и *-yliv-*, позиционно обусловленные качеством конечного согласного производящей глагольной основы [Варбот 1969: 162]. Однако в пределах круга старославянских рукописей прилагательные с алломорфом *-yliv-* не отмечены.

Всего в старославянских рукописях насчитывается 11 прилагательных, образованных с помощью суффикса *-yliv-*. Из них прил. *bdrylyivъ*, *prozorylyivъ* и *zavistlyivъ* следует считать отыменными образованиями. Гапакс Зоґр-лл *bdrylyivъ* 'бодрый' представляет собой очередной случай «обновления», так как образован от прил. *bdryъ* 'бодрый', отмеченного и в евангельском тексте, и в Евх (7 уп.). Сущ. **prozogъ*, от которого образован гапакс Зоґр-лл *prozorylyivъ* 'прозорливый', в старославянских рукописях не засвидетельствовано, однако на отыменное образование этого прилагательного (также, как и гапакса Супр *prozogъ* с суффиксом *-yn-*) указывает корневой вокализм (ср. *prozirati*, *prozъeti*). На образовании от сущ. *zavistъ* 'зависть' прилагательного *zavistlyivъ* 'завистливый' (в отличие от синонимичного *zavidlyivъ*) указывает субстантивный суффикс *-t-* производящей основы [*za-vis-tъ* — *zavist-yliv-ъ*]. Для остальных прилагательных с суффиксом *-yliv-* можно указать глаголы, основы которых (с усеčenнем конечных гласных глагольных суффиксов) можно считать производящими: *gněvlyivъ* 'гневающийся, сердитый' — *gněvati se* 'сердиться, гневаться', *gněviti* 'сердить, гневить'; *obidlyivъ* 'несправедливый, причиняющий вред' — *obiděti* в значении 'вредить/повредить кому-либо' (но также и сущ. *obida* 'несправедливость; вред, ущерб'); *oslušlyivъ* 'своевольный, не подчиняющийся кому-либо' — *oslušati (se)* 'не повиноваться, послушаться'; *robědlyivъ* 'победный, победоносный' — *roběditi* 'победить' (но также и сущ. *roběda* 'победа'); *poslušlyivъ* 'послушный, послушливый' (есть также и с отрицательным префиксом *neposlušlyivъ* 'непослушный') — *poslušati* в значении 'слушаться, повиноваться, быть послушным'; *gasymotrylyivъ* 'внимательный' — *gasymotriti* в значении 'рассудить, обдумать'; *symotrylyivъ* 'прислуживающий' (субстантивированно в ср. р. *symotrylovoje* 'кротость' в

Фил 4,5) — *szmotriti* в значении ‘заботиться’; *zavidylivъ* ‘завистливый’ *nezavidylivъ* ‘независтливый’) — *zavideti* ‘завидовать’ (но также и сущ. *zavida* ‘зависть’). Сюда же следует отнести и не встречающееся в старославянских рукописях без отрицательного префикса прил. *nezazumylivъ* ‘не понимающий, непонятливый’ — *gazumeti* в значении ‘понять/понимать’.

Прилагательные с суффиксом *-yliv-* для старославянского евангельского текста не характерны, и, возможно, в первоначальном переводе Евангелия их не было совсем: в чтении Мт 5,45 в Сав употреблено прил. *obidylivъ* при том, что в Ас, Зопр и Мар на этом месте *pergavdybъlъ* (т. е. возможно, что *obidylivъ* — это инновация Сав); в чтении Мк 7,18 в Зопр употреблено прил. *nezazumylivъ* при том, что в Мар на этом месте *nezazumivъ* (т. е. возможно, что *nezazumylivъ* — это инновация Зопр). В Син употреблено прил. *gnъylivъ* (Пс 17,49). Остальные прилагательные с суффиксом *-yliv-* появляются в старославянских рукописях, содержащих более поздние переводы: в Евх отмечены *poslušylivъ*, *neposlušylivъ*, *nezavidylivъ*; в Клоц — *obidylivъ*; в Супр — *neposlušylivъ*, *obidylivъ*, *oslušylivъ*, *robědylivъ*, *poslušylivъ*, *zavidylivъ*, *zavistylivъ*; в Зопр-лл — *bdъgylivъ* и *prozogylivъ*; в Хил — *gaszmotrylivъ*; в Ен — *obidylivъ* и *szmotrylivъ*. Обращает на себя внимание значительное увеличение числа прилагательных с суффиксом *-yliv-* в Супр, а также в Хил и Зопр-лл, т. е. в рукописях, связанных с Преславской школой письменности. Характерна замена в Супр в евангельской цитате Л 1,17 прил. *protivъbъlъ* евангельского текста на *oslušylivъ*: *обратити срѣдѣца оцѣмъ на чада . і противънѣмъ . въ мѣдрость правдѣнѣхъ* Зопр, Мар, Ас — *обрататъ са срѣдѣца отцемъ на чада . і ослоушывливѣмъ на мѣдрость правдивѣнѣхъ* Супр 320,28–29.

Возможно, преславскими книжниками было введено в старославянский лексический инвентарь значительно большее количество прилагательных с суффиксом *-yliv-*, чем об этом можно судить по словнику Словаря 1994, так как они весьма распространены в списках памятников, восходящих к старославянским протографам, связанным с Преславской школой. Приведем ряд прилагательных, указанных в свое время А. Вайаном. В Гр.Наз.: *besedylivъ* и *prēbesedylivъ*, *ročuvylivъ*, *padъglēdylivъ*, *groxotylivъ*, *ktorčylivъ*, *prēmetylivъ*, *nezazumylivъ* (т. е. как в Зопр, см. выше), *učylivъ*, *ukorčylivъ*, *zabytylivъ*; в Панд. Ант.: *bivylivъ*,

otъdatylivъ, vъzdružylivъ, jaгylivъ, nedоžylivъ (ср. nedоživъ в Супр), vъznosylivъ, obadylivъ, opуtylivъ, ponosylivъ, potakylivъ, proхranylivъ, skгъbylivъ, stыdylivъ, varylivъ, duševrědylivъ; в Изб 1073: bodylivъ, namigylivъ, porplažylivъ, osměхylivъ и др.

Суффиксы -ы́(ь)ъ, -шь́(ь)ъ и -šťы́(ь)ъ

С помощью суффиксов -ы́(ь)ъ, -шь́(ь)ъ и -šťы́(ь)ъ в старославянском языке образовывались прилагательные от наречий. В отличие от прилагательных с омонимичным суффиксом -ы́- (см. с. 215 и сл.), прилагательные, образованные от наречий с суффиксом -ы́(ь)ъ, имели, как правило, только полную (членную) форму. Исключение, видимо, составляют лишь субстантивно употребляемые прилагательные (т. е. прилагательные в роли существительных). В старославянских рукописях отмечены такие субстантивированные формы ж. р. как skvožъ́а, мотивируемое в старославянском языке наречием skvozě 'сквозь, насквозь', и večeгъ́а 'ужин', мотивируемое наречием večeгь 'вечером'.

По мнению А. Вайана, чисто славянский суффикс -ы́(ь)ъ возник на почве образований с суффиксом -(j)ъ со вставным -n- от наречий на -i [Vaillant 1974: 447]. Однако в эпоху старославянского языка образование прилагательных с суффиксом -ы́(ь)ъ распространилось и на другие типы наречий с темпоральным и локативным значениями. По данным словаря Словаля 1994, в старославянских рукописях употребляется 29 таких прилагательных, почти для всех можно указать мотивирующее наречие (иногда в форме компаратива) в пределах старославянского лексического инвентаря: bližъ́ijъ 'ближний' (от blizъ 'близко' или от blizъ 'то же'), daľъ́ijъ 'отдаленный' (от daľe 'дальше'), dolъ́ijъ 'нижний' (от dolě 'внизу'), drevľъ́ijъ 'древний, прежний' (от drevľe 'прежде, когда-то'), dьньшь́ijъ 'сегодняшний' (от dьньъ 'сегодня'), gorъ́ijъ 'верхний' (от gorě 'наверху, вверху'), употребляемое в старославянских рукописях только субстантивно iskгъ́ijъ в значении 'ближний, друг' (от iskгъ 'близко'¹), nižъ́ijъ 'нижний' (от nižъ 'внизу'), okръстьъ́ijъ 'окрестный' (от okръсть 'вокруг,

¹ Об употреблении лексемы iskгъ в функции наречия см. [Ефимова 1999: 69] и др.

кругом, окрест' или от *okръstъ* 'то же'), *otъgnъijъ* 'внутренний' (от *otъgъ* 'внутри'), *poslědyijъ* 'последний' (от *poslědy* 'впоследствии, позже' или от *poslědi* 'то же'), *posrědyijъ* 'средний' (от *posrědě* 'в середине' или от *posrědu* 'то же'), *prědyijъ* 'передний, первый' (от *prědъ* 'вперед'¹), *prěvyšnyijъ* 'всевышний (о Боге)' (от *prěvyše* 'выше всего, превыше'), *prěždyijъ* 'прежний, предшествующий, более древний' (от *prěžde* 'прежде, сначала, давно'), *pročnyijъ* 'прочный, остальной' (от *pročeje* 'далее, в дальнейшем'), *srědyijъ* в словосочетании *srědyja stěna* 'средостенне' (от *srědě* 'посреди, в середине'), *svъvyšnyijъ* 'вышний, приходящий свыше (от Бога)' (от *svъvyše* 'свыше, с небес'), *utъnyijъ* 'утренний' и 'завтрашний' (от *utro* 'утром' и 'завтра' или от *utrě* 'завтра'), *večernyijъ* 'вечерний' (от *večerъ* 'вечером'), *vъgъovъnyijъ* 'верховный, высший' (от *vъgъu* 'наверху'), *vъnotъnyijъ* 'внутренний' (от *vъnotъgъ* 'внутри'), *vъskrajъnyijъ* 'ближний' (от *vъskrajъ* 'близ', в пределах старославянских рукописей только единственное употребление в функции предлога), *vъsrъnyijъ* 'верхний, вышний, самый высокий' (от *vъsrъgъ* 'вверху'), *vyšnyijъ* 'верхний; высший' (от *vyše* 'выше'), *zautъnyijъ* 'утренний' (от *zautra* 'утром'). Прил. *prětъnyijъ*, употребленное в чтении Л 19,30 в значении 'противоположный' (Зогр, Мар), образовано, несомненно, от наречия *prětъ*, которое, однако, в пределах круга старославянских рукописей употреблено лишь единственный раз в значении 'правильно' (Супр). В этом случае мы в очередной раз сталкиваемся с отсутствием фиксации в старославянских рукописях всех значений лексемы. И только прил. *isrodъnyijъ* 'подземный, преисподний' (более частотно образованное от него префиксальное прил. *prěisrodъnyijъ* 'то же') не имеет мотивирующего наречия в старославянском лексическом инвентаре.

Наряду с прил. *dnъšnyijъ* 'сегодняшний', встречающимся в ряде старославянских рукописей (Зогр, Мар, Евх, Клоц, Супр), в Супр многократно употребляется (10 уп.) вариант *dnъšъnyijъ* 'то же'. По мнению В. Вондрака, форма *dnъšъnyijъ* возникла по аналогии с *vyšnyijъ* [Vondrák 1924: 538]. Возможно, однако, что выразительная последовательность фонем [šъnyjъ] в лексеме *dnъšnyijъ* ассоциировалась с суффиксом -šъnyjъ.

¹ В старославянских словарях лексема *prědъ* дается только как предлог [Словарь 1994: 537–538; SJS III: 424–425], но ср.: *pasti prědъ*, *stati prědъ* и др.

Суффиксы *-šъnъ(bjъ)* и *-štъnъ(bjъ)*, расширенные варианты суффикса *-ъnъ(bjъ)*, обнаруживаемые в нескольких старославянских прилагательных, присоединялись к наречиям на гласные *-ě* и *-a*, причем в качестве производящей основы выступало все наречие целиком. От одного и того же наречия образовывались синонимичные прилагательные как с вариантом *-šъnъ(bjъ)*, так и с вариантом *-štъnъ(bjъ)*: от наречия *doma* 'дома' — *domašъnъ* 'домашний' и *domaštъnъ* 'то же'; от наречия *kromě* 'в стороне, в отдалении' — *kroměšъnъ* 'внешний' и *kroměštъnъ* 'то же'; от наречия *puně* 'теперь, ныне' — *puněšъnъ* 'нынешний, теперешний' и *puněštъnъ* 'то же'; от наречия *vъčera* 'вчера' — *vъčerašъnъ* 'вчерашний' и *vъčeraštъnъ* 'то же'; от наречия *vъně* 'вне, снаружи' — *vъněšъnъ* 'внешний, наружный' и *vъněštъnъ* 'то же'.

По принципу «присоединения суффикса к наречию целиком в качестве производящей основы» было, видимо, образовано и прил. *okrogъnъijъ* 'окрестный' от наречия *okrogъ* 'вокруг', где [ъ] основы «вытеснил» [ъ] суффикса. М. Бродовская-Гоновская причисляет это прилагательное к ряду образований с суффиксом *-nъjъ*, но отмечает «недостаток палатализации *g*» [Brodowska-Honowska 1960: 167].

Суффикс *-ěj-*

С суффиксом *-ěj-* (алломорф *-an-* после мягких согласных) образовано относительно немного старославянских прилагательных, но в большей их части обнаруживается характерное словообразовательное значение, сообщаемое этим суффиксом — значение материала или вещества, из которого сделан или состоит определяемый предмет. Соответственно прилагательные с суффиксом *-ěj-* мотивируются существительными, однако это «старые» лексемы, относящиеся к слою обывденной лексики, вошедшие в старославянский язык из народной славянской речи, поэтому далеко не всегда можно установить мотивирующие их лексемы, определить «словообразовательные пары» и, следовательно, мотивационные отношения в рамках доступного нам старославянского материала.

Указанное основное словообразовательное значение суффикса *-ěj-* имеет в следующих прилагательных: *drěvějъ* 'древесный, сделанный из древесины' — от *drěvo* 'дерево; древесина'; *lъnějъ* 'льняной' — от

*льъ 'лен'¹; měděнь 'медный' — от měďь 'медь'; осьтѣнь в словосочетании осьтѣно вино 'вино, смешанное с миррой' — от осьть 'уксус, кислое вино'; olověнь 'свинцовый' — от olovo 'свинец'; рльѣнь 'телесный, плотский' — от рльъ 'тело'; трьѣнь 'терновый, из терна (перевод греч. ἄκανθῖνος, ἐξ ἄκανθῶν)' — от трьъ 'колючка, терние (перевод греч. ἄκανθα)'; usnĭjаь 'кожаный' — от *usnĭje 'кожа' и синонимичное, переводящее то же греческое соответствие δερμάτινος прил. usmĕнь — от *usma 'кожа'²; vlasěнь 'волосной' — от vlasъ 'волос'. Словообразовательное значение, отклоняющееся от основного, суффикс -ĕn- имеет в прилагательных свѣтъсаь 'покрытый цветами' — от свѣтъсь 'цветок'; mozdаь (< *mozg-ĕнь [S-A: 271; ЭССЯ 20: 104-105] 'мозговой' — от mozgъ 'мозг'; gozаь 'рожок (музыкальный инструмент)' — от gozъ 'рог'; ſĭrĕсаь 'с колючками, с шипами' — от ſĭrĕкъ 'роза'.

Вне зависимости от реального происхождения последовательности фонем [ĕn] в прилагательных камĕнь, пламĕнь (см. [Трубачев 1982: 8]), в эпоху старославянского языка она, очевидно, воспринималась как суффикс -ĕn- с характерным словообразовательным значением: камĕнь 'каменный; скальный' — от каму 'камень; скала', пламĕнь 'огненный' — от пламу 'пламя'. Что же касается прил. rumĕнь 'румяный', то членность его в старославянском языке вызывает сомнения: этимологически однокоренными с ним являются старославянские лексемы ruda 'руда' и rĕzda 'ржавчина', однако на основании имеющегося в нашем распоряжении материала невозможно определить, сохранились ли между этими лексемами семантические связи в эпоху старославянского языка.

¹ Сущ. *льъ не содержится в словнике Словаря 1994, однако широко известно во всех славянских языках [ЭССЯ 17: 87-89] и употребляется в паримийном тексте, не сохранившемся в собственно старославянских рукописях. SJS отмечает сущ. *льъ в древнейших списках паримийного текста [SJS II: 147].

² Ни сущ. *usma, ни этимологически однокоренное с ним сущ. *usnĭje [usn-ĭj-e] с собирательным значением (*usnĭ < *usm-n- [Vaillant 1974: 575]) в старославянских рукописях не встречается. Оба существительных «восстанавливаются» в старославянском языке не очень надежно: сущ. *usnĭje известно нам пока только по древнерусскому списку Ефр. Сир. XIII в. [Срезн III: 1267], от сущ. *usma в «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского употребляется еще одно образование — существительное с суффиксом -af(ь) usmafъ 'кожевник' (Шест, л. 1).

Прилагательные с суффиксом -ѣп- — *јецьпѣнь* и *грахпѣнь* — образованы от адъективных основ. Прил. *јецьпѣнь* 'ячменный' абсолютно синонимично прилагательному *јецьпъ* (без этого суффикса)¹, и оба употребляются в тех же чтениях И 6,9 и И 6,13, заменяя друг друга: *јецьпъ* в Мар, *јецьпѣнь* в Зогр и Ас. Прил. *грахпѣнь* 'трухлявый' в пределах материала собственно старославянских рукописей семантически соотносится с сущ. *грахъ* 'пыль' и им мотивируется (т. е. *грахъ* → *грахпѣнь*), однако реально было образовано от незафиксированного в старославянских рукописях прил. *грахъ* с суффиксом -п- [Vaillant 1974: 576–577].

Несколько существительных с суффиксом -іс(а), вошедших в старославянский язык из народной славянской речи и представляющих собой «старые» лексемы, были образованы в праславянском языке от прилагательных с суффиксом -ѣп-: **bagъĕpъ* [bagъ-ĕp-ъ] → *bagъĕnica* 'багряница, пурпур', **plaŝanъ* [plaŝ-an-ъ] → *plaŝanica* 'полотно, полотнище', *(v)*qŝĕpъ* [(v)qŝ-ĕp-ъ] → *qŝĕnica* 'гусеница'. Однако наличие этих прилагательных в лексическом инвентаре старославянского языка вызывает большие сомнения (см. выше, с. 99).

Вопрос о степени продуктивности в старославянском языке продуктивного славянского суффикса -ѣп- труднорешаем. С одной стороны, этот суффикс сохраняет свое специфическое словообразовательное значение, однако, с другой стороны, у нас нет свидетельств о возможности образования с ним новых старославянских лексем: он не присоединяется к производящим основам греческого происхождения, ряд прилагательных с суффиксом -ѣп- имеет словообразовательные синонимы среди прилагательных с суффиксом -ѣп-. Так, наряду с гапаксом Спн *мѣдѣнь* более употребительно прил. *мѣдъпъ* (4 уп. в Спн и Супр), переводящее то же греческое соответствие *χαλκοῦς*; наряду с гапаксом Сав *осъѣнь* в Зогр и Мар употребляется *осъѣпъ*, причем словосочетание *осъѣпъ vino* переводит то же греческое соответствие *ἔσθιονισμένον οἶνον*, что и словосочетание *осъѣно vino*; наряду с гапаксом Супр *рѣтѣнь* употребляется гораздо более

¹ Считается, что прил. *јецьпъ* образовано от незафиксированного в старославянских рукописях сущ. *јецьму* [S-A: 234; Фасмер IV: 571]. Реальным своим происхождением прил. *јецьпъ* обязано, возможно, изменению в чередующемся вокализме: *jeĭmen-* : *jeĭmn-* > *jeĭn-* [Vaillant 1974: 456].

частотное *рѣтъль* (21 уп.), переводящее то же греческое соответствие *σωματικός*; наряду с *камѣль* употребляется *камельль*, переводящее то же греческое соответствие *πετρώδης*; наряду с *рамѣль* употребляется *рамельль*, переводящее то же греческое соответствие *φλόγινος*. Различие в значениях обнаруживается только в паре *дгѣвьль* — *дгѣвьль*: если *дгѣвьль* имеет значение 'древесный, сделанный из древесины', то *дгѣвьль* — значение относительного прилагательного 'деревя, деревьев (род. п.)'.

Малопродуктивные суффиксы

В словнике Словаря 1994 содержится всего несколько прилагательных с суффиксом *-at-*, тем не менее специфическое словообразовательное значение, которое сообщает прилагательному этот суффикс в старославянском языке, поддается определению, а именно как «характеризирующее через предмет или обладающее предметом, названным мотивирующим существительным». В пределах лексического инвентаря собственно старославянских рукописей мотивационные отношения можно установить лишь в следующих случаях: *krilo* 'крыло' → *krilatъ* 'крылатый', а также образованное суффиксально-сложным способом с помощью этого суффикса прил. *šestokrilatъ* 'шестикрылый', калькирующее с неполным соответствием морфемной структуры греч. *ἑξαπτερυγός* (т. е. с оформлением специальным суффиксом прилагательных старославянской лексики при отсутствии такового у лексики греческой); *sqkъ* 'сучок' → *sqkatъ* 'с сучками, сучковатый'. У прил. *bogatъ* 'богатый' корень *-bog-* и суффикс *-at-* вычлениются при сопоставлении с прил. *ubogъ* 'очень бедный, нищий, убогий'. У прил. *reġnatъ* 'пернатый' при сопоставлении с такими лексемами, как *pariti* 'летать, парить', *ryati* 'парить, возноситься', *vъreġiti* 'окрылить', вычлениется корень *-reġ-*. При том, что сущ. **reġo* встречается в списках со старославянских протографов (в значениях 'перо для письма', 'перо птицы' и 'крыло' в ряде древнерусских списков [SJS III: 26–27; Срезн II: 919; СДЯ XI–XIV VI: 379], а также в значении 'перо для письма' в Струм, в приписке писца на нижнем поле л. 54b), можно предполагать, что суффикс *-at-* использовался в прил. *reġnatъ* при удвоенной

суффиксации (т. е. *rego → *регьль → регьпать), однако прил. *регьль в древних славянских рукописях нам пока не встречалось.

В старославянском лексическом инвентаре было, видимо, больше прилагательных, образованных с суффиксом -at-, чем зафиксировано в словнике Словаря 1994. Так, в найденной на Синае в 1975 г., но не учтенной еще в этом словаре части Спн, в тексте Пс 139,12 обнаружилось прил. *ustatъ* 'острый на язык, злоязычный' [Mareš 1997: 14]. Это прилагательное сохраняется и в более поздних списках Псалтыри, встречается оно и в древнейших списках Паримийника [SJS IV: 688]. В апостольском и паримийном текстах, не дошедших до нас в собственно старославянских рукописях, встречается прил. *mōzātъ* (ж. р. *mōzataja* 'незамужняя') [SJS II: 268], в Изб 1073 — *ženatъ* 'женоподобный' (л. 92в 18; 92в 24), и др.

Прилагательные с суффиксами *-it-* и *-ovit-* несколько больше распространены в старославянских рукописях, чем прилагательные с суффиксом *-at-*. Словообразовательное значение этих суффиксов близко к словообразовательному значению суффикса *-at-* и сообщает прилагательному значение обладания предметом (в широком смысле), названным мотивирующим существительным. Ср.: *masť* в значении 'масло, жир' → *masitъ* 'жирный, тучный'; **znameъ* 'отличительный знак' → *znamenitъ* 'знакомый, известный' (см. с. 33–34). Мотивирующим может быть также словосочетание: *dъva *romosta*¹ → *dъvoromostitъ* 'двухэтажный'; *mъnogo očesъ* 'много глаз' → *mъnogoočitъ* 'многоокий'. Последнее прилагательное, следуя славянской словообразовательной модели, одновременно калькирует греч. *πολυόμματος* [полу-όμματ-ος], однако с неполным соответствием морфемных структур (т. е. с оформлением специальным суффиксом прилагательных старославянской лексики при отсутствии такового у лексики греческой). Если исходить из значений, зафиксированных в Словаре 1994, следует признать, что мотивационные отношения в паре *imę* 'имя' → *imenitъ* 'именитый, славный' несколько затемнены,

¹ Сущ. **romostъ* в старославянских рукописях не зафиксировано, однако со значением 'ярус, этаж' встречается в Изб 1073 (л. 158б 9), рукописи, восходящей к старославянскому протографу. Отсутствие сущ. **romostъ* в собственно старославянских рукописях объясняется содержанием их текстов.

однако семантические связи сохраняются. На базе прил. *imcnitъ* в качестве опорного компонента образованы *lъzeimenitъ* 'ложный', калькирующее греч. ψευδώνυμος [ψευδ-ώνυμος] (тоже с неполным соответствием морфемных структур), и *toždeimenitъ* 'одноименный'. О наличии элементов калькирования при образовании прил. *toždeimenitъ* судить трудно, так как подобранный на сегодняшний день греческий текст не совсем совпадает с тем местом в Супр, где оно употреблено (ср.: καὶ διὰ τὴν προσωνυμίαν — и занеже тожденименитъ кси Супр 226,30).

Возникший как расширение суффикса *-it-* при сочетании с *-ъ*-основами, суффикс *-ovit-* в старославянском языке использовался для образования прилагательных от существительных, отошедших уже к *-o*-основам: *domъ* в значении 'челядь, домашние' → *domovitъ* 'хозяин дома (т. е. управляющий)'; *jadъ* 'яд' → *jadovitъ* 'ядовитый'; *plodъ* 'плод' → *plodovitъ* 'плодоносный'; *sanъ* 'сан, чин, ранг' → *sanovitъ* 'высокопоставленный, сановный'; *trōdъ* 'болезнь' → *trōdovitъ* 'больной'; название конкретной болезни, словосочетание *vodъьь trōdъьь* 'водянка' → *vodъььotrōdovitъ* 'больной водянкой'.

Шесть из зафиксированных словариком Словаря 1994 прилагательных образованы с суффиксом *-av-*. Несмотря на их малочисленность, словообразовательное значение суффикса *-av-* можно определить как сообщающее прилагательному значение обладания в качестве отличительного признака тем, что названо мотивирующим существительным: *krъьь* (*ky*) 'кровь' → *krъььavъьь* 'кровоавый'; *lōka* 'хитрость, козни, коварство' → *lōkavъьь* 'коварный, лукавый'; *sědiny* (ж. р. мн. ч.) 'седины, седые волосы' → *sědinavъьь* 'седой'; *skvъььna* 'грязь, нечистоты' → *skvъььnavъьь* 'грязный, нечистый'; *tina* 'грязь, тина, пл' → *tinavъьь* 'грязный, илистый'; *veličje* 'величие' → *veličavъьь* 'надменный, заносчивый' (ср. также гл. *veličiti* 'превозносить, восхвалять').

В 15 прилагательных, известных по старославянским рукописям, обнаруживается суффикс *-ъьь-*: *brīdъььь*, *gladъььь*, *krěьььь*, *krōтьььь*, *lъьььь*, *měьььь*, *mъьььь*, *ozъььь*, *plъьььь*, *sladъььь*, *studъььь*, *tblъььь*, *vtatъььь*, а также в префиксальном *nekrotъььь* и в сложении *bogomъьььь*. Словообразовательное значение этот суффикс утратил еще в ранний период праславянского языка в связи с исчезновением прилагательных *-ъьь-* и *-i-* основ (см. [Troubetzkoy 1923: 132–133;

Stang 1939: 102; Эккерт 1963: 87; Откупщиков 1974: 15–18] и др.). В старославянском языке он продолжает вычленяться путем сопоставления с однокоренными лексемами. Ср.: *bridькъ* ‘острый’ — *britva* ‘бритва’; *gladькъ* ‘гладкий, ровный’ — *gladiti* ‘гладить’; *krotькъ* ‘кроткий’ — *krotiti* ‘укрощать, успокаивать’; *lьgькъ* ‘легкий’ — *lьgькъ* ‘легкость, облегчение’, *meькъ* ‘мягкий’ — *imeьknoti* ‘обмякнуть, стать мягким’; *mrъzькъ* ‘мерзкий’ — *mrъzostь* ‘мерзость’, *mrъzeti* ‘быть омерзительным, вызывать отвращение’; *ozькъ* ‘узкий, тесный’ — *oza* ‘оковы, кандалы; узы’ и др.; *plъzькъ* *plъzькъ* ‘скользящий’ — *plъzati* ‘ползать, ползти’, *plъzeti* ‘то же’, *plъzostaja* (с. р., мн. ч.) ‘пресмыкающиеся’; *sladькъ* ‘сладкий, приятный, милый’ — *sladiti* ‘услуживать’, *sladostь* ‘сладость’; *stydькъ* ‘бесстыдный, непристойный’ — *stydostь* ‘бесстыдство’ и др.; *vratькъ* ‘шаткий, неустойчивый’ — *vratiti se* в значении ‘обернуться, повернуться’, *vratь* ‘колесо, орудие пытки’. Наряду с прил. *krьькъ* ‘сильный, крепкий, могучий’ в старославянском языке еще употребительно бессуффиксальное *krьь* с тем же значением, но однокоренные с прил. *тъькъ* ‘тонкий, мелкий’ слова в пределах собственно старославянских рукописей не встречаются, хотя существительное с корнем *-тъ-* и суффиксом *-ostь* (*тъnostь* ‘тонкость’ было, возможно, в старославянском лексическом инвентаре, так как оно употребляется в тексте «Богословия» Иоанна Экзарха (Бог 189а) (см. также [Фасмер IV: 76; Vaillant 1974: 460]).

Суффикс -ьк-, который для эпохи старославянского языка можно считать алломорфом суффикса *-ък-* после мягких согласных, встречается всего в двух прилагательных. В них суффикс вычленяется путем сопоставления их с однокоренными лексемами. Ср.: *goьькъ* ‘горький’ — *goьestь* ‘горечь’, *goььь* ‘худший’ (так называемая «изолированная» сравнительная степень); *teьькъ* ‘тяжелый, грузный; трудный’ — *teьestь* ‘бремя, тяжесть’, *teьateьь* ‘работник’.

Суффикс -ок- обнаруживается в шести прилагательных. Этот суффикс тоже вычленяется в них только путем сопоставления их с однокоренными лексемами. Ср.: *glъbokь* ‘глубокий’ — комп. *glъbьlьь*, *glъbina* ‘глубина’; *široькъ* ‘широкий, просторный’ — комп. *širьь*, *širina* ‘протяженность в ширину, ширина’; *vysokь* ‘высокий’ — комп. *vушьь*, *vysota* ‘высота, величина’; *žestokь* ‘твердый, жесткий’ — *žestostь*

‘суровость, жестокость’. Прил. *inokъ*, которое употребляется только субстантивированно в значении ‘тот, кто живет один, одиночка, одинокий’ при переводе греч. *μονός*, образовано от местонменного прил. *inъ* в значении ‘единственный’, которое в старославянском языке встречается только в первых компонентах сложений, — ср. *inogozъ* ‘единорог’, *inodušno* ‘единодушно’ и др. Однокоренные с прил. *grqstokъ* ‘тягостный, печальный’ слова в пределах собственно старославянских рукописей не встречаются, и этимология этой лексемы не вполне ясна [ЭССЯ 7: 150]. Однако, возможно, прил. *grqstokъ* все же было членимым в старославянском языке, так как в Панд.Ант. XI в., рукописи, восходящей к старославянским протографам, употребляется существительное *grqstostъ* ‘горе, бедствие’ [Срезн I: 601], в котором, видимо, следует вычленять корень *-grqst-* и суффикс *-ost(ь)*.

Глава V

Словообразовательная морфемика старославянского наречия

Предварительные замечания. Адвербиализация. Предпосылки к формированию суффикса -о

Основным дефинирующим признаком старославянского наречия, на основании которого оно выделяется в самостоятельную часть речи и отделяется от других основных частей речи (существительного, прилагательного, глагола), является его морфологическая особенность неизменяемости формы¹. В старославянском языке эта часть речи обозначала непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака. Распространенные дефиниции наречия, восходящие в конечном счете к известному определению наречия «признак признака», данному А. А. Потебней (см., например, [Панов 1960: 4–7]), для наречия старославянского нерелевантны, так как старославянское наречие может быть и определением существительного, т. е. «признаком предмета» (подробнее см. [Ефимова 1991]).

Способами словообразования старославянских наречий были как морфологические (суффиксация, префиксация, сложение), так и

¹ Образование старославянских наречий сравнительной степени является результатом адвербиализации соответствующих форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных сравнительной степени, т. е. фактом словообразования, а не словоизменения (см. ниже, с. 312 и сл.). Подробнее проблема образования форм компаратива будет рассмотрена в готовящейся к печати монографии автора «Старославянский компаратив», здесь же отметим аналогичный взгляд на нее такого крупнейшего отечественного историка языка, как П. С. Кузнецов [Кузнецов 1953: 285]. Значение же суперлатива выражалось в старославянском языке — в отсутствие специальных форм — различными языковыми средствами (см. [Ефимова 19996; Ефимова 2000a]).

морфолого-синтаксический способ адвербиализации. Хотя группы знаменательных и местоименных наречий в старославянском языке (как и вообще в индоевропейских языках) имеют кардинальные отличия в семантике, словообразовании и функционировании, именно в словообразовании путем суффиксации они обнаруживают некоторые «точки соприкосновения». Так, суффиксы *-ŕdu* и *-ŕdĕ*, характерные для местоименных локативных наречий (*kŕdu*, *tŕdĕ*), используются для образования знаменательных наречий *vъnŕtŕŕdu*, *vъnŕtŕŕdĕ*, *vъnĕŕdu*, *vъnĕŕdĕ*; суффиксы *-mĭ* и *-ma*, характерные для местоименных наречий меры и степени (*koľmĭ*, *toľma*), используются для образования знаменательных наречий *velyĭmĭ*, *boľmĭ*, *boľšĭmĭ*, *boľma*, *pidŕma*. Вместе с тем следует отметить, что это «соприкосновение» очень ограничено, и использование указанных суффиксов для образования знаменательных наречий не является продуктивным.

Весьма ограничен также при образовании наречий способ сложения, который наблюдается в нескольких мультипликативных двукорневых наречиях. С корнем *-gub-* в качестве опорного компонента в собственно старославянских рукописях встречается только наречие *sugubъ* 'вдвое'. Однако, возможно, в старославянский лексический инвентарь входило и наречие *tъgubъ* 'трижды', так как оно многократно употребляется в церковнославянских рукописях разных изводов, в том числе и в Охр (древнейшем списке XII в. Апостола), и в толковании текста VT (к Иез 16,30), восходящему, видимо, к старославянскому протографу [SJS IV: 506; Срезн III: 1016]. С корнем *-krat-* образованы наречия *тъnogokratu*/*тъnogъkraty*/*тъnogykraty* 'много раз, часто', *koľkraty* 'сколько раз', а также *tokratъ* 'только что, недавно'. Видимо, корнем причастия по происхождению являлся суффикс *-šĭdi* в наречиях *dŕvašĭdi* 'дважды', *trišĭdi* 'трижды', *тъnogašĭdi* 'многократно', локализованных в Супр (в отличие от суффикса *-šti* < *-tji* в спонимичных наречиях *тъnogašti* и *trišti*). По мнению В. Б. Крысько, «формы типа *тришьды*, *тришьда*, *тришьдѣ*¹ получают объяснение в качестве застывших причастно-именных словосочетаний. Универбация этих словосочетаний привела к превращению глагольных форм в аффиксы» [Крысько 2002: 390]. В форме же

¹ Таких наречий в собственно старославянских рукописях нет, но в Сав однажды употреблено наречие в форме *тъnogašĭdy* (л. 111а 18).

суффикса -šđi В. Б. Крысько, вслед за А. Брюкнером, видит контаминацию форм наречий на -šđy и наречий с суффиксом -šđi [Крысько 2002: 391].

Однако наиболее актуальным способом образования наречий в старославянском языке была адвербиализация именных падежных и предложно-падежных форм¹ и формирование на ее основе моделей морфологического способа суффиксации. В этом процессе сказалась общность старославянского языка с другими индоевропейскими языками, так как в их истории, начиная с индоевропейского праязыка, знаменательные наречия были тесно связаны с именными основами². Вместе с тем, как отмечал А. Мейе, наречий, связанных по происхождению с падежными формами, «очень много в каждом отдельном языке, но очень мало одинаковых форм в различных языках, которые бы можно было возвести к индоевропейскому языку» [Мейе 1911: 158]. История отдельных индоевропейских языков показывает, что класс знаменательных наречий постоянно

¹ Небольшое количество наречий, связанных происхождением с глаголами, тоже можно считать наполовину «именными», так как образовывались они не от собственно глагольных форм, а от форм причастных, стоявших «на полпути» к имени.

² По всей вероятности, первоначально в индоевропейском праязыке слова с наречным значением представляли собой отыменные образования, вошедшие затем в парадигму склонения в качестве падежных форм. Реальное существование таких образований было подтверждено фактами хеттского языка, сохранившего такие имена, которые ранее могли лишь реконструироваться как гипотетические именные основы, исходные для префиксов, предлогов или послелогов, функционирующих в отдельных индоевропейских языках, а также полунаречные формы типа *hanti* 'отдельно, раздельно, особо', которые могли никогда не входить полностью в парадигму имени типа *hant-* 'лоб, перед' [Иванов 1965: 203–205]. Остатком таких полунаречных именных форм следует, видимо, считать и засвидетельствованные у Гомера греческие формы на -φι типа θβρηφι 'за дичью', ὄρηφι 'в горах' и т. п., так и не вошедшие окончательно в словообразовательную именную парадигму, но употреблявшиеся в функции форм различных падежей и чисел [Шантрэн 1953: 97–98]. Таким образом, появление отыменных образований с наречным значением, так или иначе соотносящихся с падежными формами, относится к языковым явлениям по меньшей мере столь же древним, как и формирование самой системы индоевропейского склонения.

пополнялся в них за счет перехода в наречия именных падежных форм (см., например, [Schwyzer 1939: 618–626; Линдсей 1948: 108–112; Макаев 1966: 99–103] и др.); этот способ образования наречий сохраняется и до сих пор¹. В то же время известно, что языки не в одинаковой мере использовали эти возможности адвербиализации. В отдельном индоевропейском языке или диалекте адвербиальное употребление форм какого-либо определенного падежа могло стать доминирующим над употреблением форм других падежей, дающих наречные образования той же семантической группы. Тем самым создавались предпосылки к возникновению продуктивной словообразовательной модели и формированию специального наречного суффикса, т. е. к переходу к морфологическому способу образования наречий². В целом же тенденцию в развитии индоевропейского наречного словообразования можно представить как переход от адвербиального употребления отдельных падежных форм к морфологическому способу, при котором словообразовательные аффиксы

¹ Например, в современном русском языке переход в наречия форм твор. п. существительных (*шагом, рысцой, авансом* и т. п.) представляет собой синхронный и весьма продуктивный способ образования наречий. Характерно, что в академической «Русской грамматике», последовательно придерживающейся в описании принципа синхронии, отмечается, что «наречные образования этого типа не всегда могут быть четко отграничены от форм твор. п. соответствующих существительных» [Грамматика 1982: 400].

² В качестве примеров можно указать на греческие отадъективные наречия на *-ως* (типа *σοφῶς* 'мудро'), восходящие к формам древнего инструменталиса на **-o* или, возможно, древнего аблатива на **-ōd* [Шантрен 1953: 99; Kuryłowicz 1964: 234]; на латинские отадъективные наречия на *-ē/-ě* (типа *longē* 'далеко', *benē* 'хорошо'), восходящие, скорее всего, к формам аблатива на **-ēd* [Тронский 1960: 147–148]; на германские отадъективные наречия на **-ō* (типа готск. *sprautō* 'быстро', др.-исл. *illa* 'плохо', др.-в.-нем. *lango* 'долго' и т. п.), восходящие к формам аблатива на **-ōd* или, возможно, аккузатива ж. р. ед. ч. [Макаев 1966: 91–92]; на балто-славянские отадъективные наречия на *-ai* (типа др.-прусск. *labbai* 'хорошо', ст.-слав. *dobrě* 'то же'), восходящие, скорее всего, к формам локатива (см. ниже раздел о суффиксе *-ě*). Наряду с этим встречаются и не относящиеся к продуктивным словообразовательным моделям единичные наречные образования, также восходящие к древним падежным формам (типа ст.-слав. *malā*, см. [Aitzetmüller 1978: 146; Večerka 1971]).

генетически восходят к флексиям или предлогам и флексиям падежных и предложно падежных форм. Сфера действия собственно адвербиализации как способа образования наречий постепенно сокращается. Например, в то время как в древнегреческом языке, судя по данным Е. Швицера, все падежи ед. ч. и аккузатив и локатив мн. ч. давали наречия, в новогреческом, если не считать реликтовых образований, возможно адвербиальное употребление только форм аккузатива и генитива ед. ч. и аккузатива мн. ч. [Schwyzer 1939: 620].

В старославянском языке адвербиализация как системный словообразовательный процесс с точки зрения синхронии представляла собой возможность употребления несогласованных форм существительных и прилагательных. Вместе с тем в старославянском языке представлены и результаты адвербиализации как диахронического процесса, которые с точки зрения синхронии формально должны быть рассмотрены как суффиксация или префиксально-суффиксальный способ. Значения падежей, как и значения предлогов, при адвербиализации входят в качестве составляющих — наряду с лексическим значением мотивирующих слов — в значение производного наречия, чем объясняется отчасти сохранение связи отдельных лексических групп наречий с определенными падежными или предложно-падежными формами. Группы наречий, объединенные такой исходной формой, обладают общим словообразовательным значением. Это может быть транспозиционное значение, как у наречий, образованных от прилагательных в форме им.-вин. п. ср. р. ед. ч. (типа ст.-слав. *goŕьko, dobl'e*); относительное значение, как у наречий, образованных от существительных в форме дат. п. с предлогом *po* (типа ст.-слав. *poobyŕaju, poravd'e, roustavu, roŕinu*), значение предельности, как у наречий, образованных от существительных в форме род. п. с предлогом *do* (типа ст.-слав. *doŕьgu, dokopьsa, dosyti*) и т. п. Отметим, что данные словообразовательные модели нежелательно было бы дефинировать как «словообразовательные типы», поскольку, по сложившимся в современной теории словообразования представлениям, словообразовательный тип характеризуется прежде всего формальным тождеством форманта; здесь же этот признак оказывается нерелевантным¹.

¹ Знаменательно, что в академической «Русской грамматике», где в основу синхронного описания словообразования положено понятие словообра-

Ряд старославянских наречий, главным образом, обстоятельственных, был унаследован старославянским языком из праславянского. Эти наречия, как правило, высокочастотные (по меркам старославянского языка), имеют формы косвенных падежей и падежей с предлогами, но не имеют в старославянском лексическом инвентаре исходных имен (т. е. в старославянском языке представлены только результаты адвербиализации). Таковы наречия *dolě* 'внизу', *dolu* 'вниз', *nižь* 'внизу; вниз', *nižu* 'внизу; вниз', *вънѣ* 'вне, снаружи', *въпъ* 'наружу, вон', *izвъпъ* 'извне', *zadī* 'позади, сзади; назад', *отъ* 'внутри; внутрь', *izotri* 'изнутри', *izotъ* 'изнутри', и др. Так же и наречие *iskoni* 'с (самого) начала; в начале' представляет собой результат адвербиализации предложно-падежной формы не засвидетельствованного рукописями существительного с *-ī*-основой **konь* со значением 'край (начало или конец)'. Адвербиальное образование с предлогом *do* от того же существительного встречается во Фрейзингенских отрывках X в., и этот текст замечателен тем, что в нем еще сохраняется противопоставление предлогов *iz* и *do* в образованиях *iskoni* и *dokoni*: *дож(е)да нъ тамождѣ въседли(тъ) въ цѣсарѣство своѣ . кже кстѣ оуготованно искони докони изволкникомъ вожькѣмъ* (цитируется по [SJS I: 502])¹. Адвербиализацией предложно-падежной формы не засвидетельствованного рукописями существительного с *-ī*-основой **prěstānъ* образовано, видимо, и наречие *besprěstāni* 'беспрестанно'². Только в адвербиализованной форме *patylěxъ* 'на

звательного типа, типы наречий выделяются все же по принципу соответствия падежным и предложно-падежным формам, чем провозглашенное требование формального тождества форманта нарушается [Грамматика 1982: 400; 402–406].

¹ Ср. также др.-русск. *отъ коня* [Срезн I: 1270], где базовым является существительное с *-ō*-основой. В праславянском языке существовала, видимо, и параллельная ей *-ī*-основа **konь* [ЭССЯ 9: 8], как о том свидетельствуют образования *iskoni* и *dokoni*. Возможно, распространение ее было ограничено южнославянским ареалом. Помимо упомянутых наречных образований *iskoni* и *dokoni*, на существование в праславянском языке вариантной *-ī*-основы указывает болг. *конь* 'веревка, которой завязывается сетка с травой' [БЕР II: 580]. См. также [Востоков 1865: 41; Кульбакин 1917: 174; Добрев 1982: 150].

² Существование в праславянском языке суц. **prěstānъ* представляется вполне вероятным, так как образование девербативов на *-ль* было достаточно регулярным (см. [Бернштейн 1974: 260; Варбот 1969: 76]). Кроме того, в

земле' (перевод греч. χωμαί) встречается в старославянском языке сущ. *цьо, хотя оно и известно в славянских языках.

Следует отметить, что некоторые старославянские наречия древнего происхождения сохраняют старые падежные формы, на уровне старославянского языка уже не релевантные для словоизменительных парадигм соответствующих существительных. Так, например, сущ. дьль еще в праславянском языке примкнуло к *-i*-основам, однако в наречии дьпе 'в день', 'за день' сохраняется форма генитива/локатива консонантных основ. Такие наречия могли, видимо, в эпоху старославянского языка переосмыслиться как адвербиализация других падежных и предложно-падежных форм, в результате чего наблюдается «разнобой» в их оценках палеославистами. Так, в ряде учебных пособий по старославянскому языку наречие *gogě* объясняется как результат адвербиализации формы дат. п. сущ. *goga* — на том основании, что это наречие имело значение не только 'наверху', но и 'вверх' (см. [Скупский 1965: 252; Хабургаев 1986: 229] и др.). Однако реальное происхождение этого древнего наречия в праславянском языке, так же как и некоторых других старославянских наречий (типа *dolu*, *vъху*, *nizu*, *kromě* и др.), связано, несомненно, с локативом направления¹. Наречие *vъdalě* 'на расстоянии' обычно считается адвербиализацией предложно-падежной формы вин. п. мн. ч. сущ. **daľa*, не употребляемого уже в старославянском языке вне этого образования [Leskien 1919: 161; Хабургаев 1986: 227], однако Г. Шелезникер видит в нем остаток древнего локатива [Schelesniker 1967]. Наречие *vъprěky* обычно рассматривается либо как отадъективное «на -у» [Doritsch 1910: 127; Nandriš 1959: 199;

церковнославянских рукописях встречаются однокоренные наречные образования от той же предложно-падежной формы и с тем же значением, но на базе существительных других словообразовательных типов: *besprěstanija*, *besprěstana*, *besprěstanъka* [SJS III: 485].

¹ Сочетание в форме локатива значений как места, так и направления было актуальным в праславянском языке, особенно в его древнейшие эпохи, и эта архаичная черта разделялась праславянским языком с другими индоевропейскими языками, что подтверждается обширным материалом древнеиндийского, хеттского, латышского языков, литовских диалектов (см. [Топоров 1961: 295–296; Schelesniker 1964: 41–42; Schelesniker 1967: 25; Aitzetmüller 1975a: 197; Aitzetmüller 1977: 33–35] и др.).

Jelitte 1961: 83; Aitzetmüller 1978: 144], либо как адвербиализация формы вин. п. мн. ч. с предлогом сущ. *ргѣкъ 'спор, запрет' [ЭСРЯШ I, 3: 161], однако Г. Шелезникер и здесь видит остаток древнего локатива [Schelesniker 1979: 355], и др.

Для большинства же наречий, образованных путем адвербиализации и соотносительных с формами косвенных падежей, исходные падежные и предложно-падежные формы существительных обнаруживаются в старославянском лексическом инвентаре. Таковы наречия, соотносительные с формами род. п.: *dogъxa* 'полностью' (*vgъxъ*), *dogvremeni* 'временно; до поры до времени' (*vrēme*), *szgory* 'изначально' (*gora*), *otvęka* 'изначально' (*vękъ*), *izutra* 'рано утром' (*utro*), и мн. др.; дат. п.: *roobučaju* 'обычно, обыкновенно' (*obučajъ*), *ročipi* 'надлежащим образом' (*čipъ*), и др.; вин. п.: *večegъ* 'вечером' (*večegъ*), *dyňp* 'в течение дня' (*dyňpъ*), *pustošъ* 'напрасно' (*pustošъ*), *vъkurъ* 'вместе' (*kurъ*), *vъvękъ* 'вечно' (*vękъ*), *nanuždъ* 'насильно' (*nužda*), и др.; твор. п.: *będojъ* 'насильно' (*będa*), *lokami* 'обманом' (*loka*), и др.; *vъnošti* 'ночью' (*noštъ*), *vъtainę* 'тайно' (*taina*), и др.¹. Отметим, что в старославянских словарях подача наречий, соотносительных с формами косвенных падежей существительных, является достаточно произвольной, что стало уже своего рода традицией. Иногда такие наречия даются в самостоятельной словарной статье (*vgъxu* [S-A: 154; SJS I: 225; Словарь 1994: 124], *gorę* [S-A: 30; SJS I: 422; Словарь 1994: 175], *pustošъ* [SJS III: 511; Словарь 1994: 556]); иногда помета «наречие», «наречное выражение» и т. п. дается в словарной статье на соответствующее существительное (*večegъ* [SJS I: 185], но в Словаре 1994 — отдельная словарная статья [Словарь 1994: 113–114]; *poždejъ* [SJS II: 454], но в Словаре 1994 — как «старославянское словосочетание», наряду с ро *poždi*, на *poždъ* за знаком □). Чаще же такие наречия представлены как особые значения определенных форм существительных (*zimę* [S-A: 166; SJS I: 672], но в Словаре 1994 — как «старославянское словосочетание» за знаком □ [Словарь 1994: 236]; *poštijъ* [S-A: 70; SJS II: 441],

¹ Подробнее см. в статье [Ефимова 19896]. О наречиях, образованных адвербиализацией формы твор. п. типа *trętijęsejъ* и формы местн. п. типа *trętijęsi*, а также наречиях *sztokratęsejъ* и *sedmъkratęsejъ*, возникших в результате контаминации наречий и наречных выражений, см. [Супрун 1961: 33–35; 41].

но в Словаре 1994 — как «старославянское словосочетание», наряду с *въ поіи* за знаком ♦ [Словарь 1994: 384]), и т. п. Такой «произвол» в классификации адвербиальных форм авторами словарей объясняется в значительной степени тем, что среди старославянских наречий (как и других категорий старославянской лексики) наряду с устоявшимися, вошедшими в старославянский язык из народной речи лексемами, встречается определенное количество продуктов собственного словотворчества древних книжников, т. е. лексем, создаваемых в процессе переводов греческих оригиналов или правки этих переводов. Оценить степень «укорененности» всех адвербиальных образований в условиях ограниченности доступного исследователю языкового материала мертвого языка, является, видимо, задачей невыполнимой. Тем не менее именно окказиональные употребления таких форм в адвербиальном значении демонстрируют механизм словообразования наречий с синхронной точки зрения и возможности языковой системы в этом направлении.

В старославянском языке продолжала оставаться «живой» с синхронной точки зрения также и адвербиализация падежных и предложно-падежных форм прилагательных¹. И хотя некоторые лингвисты считают нужным в каждом случае «объяснять» адвербиализацию именно прилагательного, а не существительного², процесс адвербиализации форм прилагательных являлся в старославянском

¹ В современных славянских языках тождественные им по происхождению наречия (типа русск. *сперва, издавна, насухо, вскоре* и т. п.) с синхронной точки зрения должны уже, видимо, рассматриваться только как префиксально-суффиксальные образования, мотивированные соответствующими прилагательными (см., например, [Грамматика 1982: 403–405]).

² См., например, в [Марков 1964; Марков 1974: 15–17; Янович 1981: 42–47; Янович 1985; Янович 1986]. Более приемлемым представляется «объяснение» В. В. Виноградова, который писал о наречиях такой структуры как о пережитках именного склонения прилагательных, как о формах «краткого, как бы субстантивизированного прилагательного» [Виноградов 1972: 282]. В отношении древнейшей эпохи праславянского языка еще ближе к истине была, как кажется, И. А. Фролова, рассматривавшая такие наречия не как адвербиализацию кратких форм прилагательных, а как образования от «доприлагательных» — имен с нерасчлененным предметно-качественным значением [Фролова 1977: 129].

языке частью продолжавшегося общего процесса перехода в наречия именных падежных форм. Употребляющиеся в старославянских рукописях в качестве наречий предложно-падежные формы, как соотносительные с прилагательными (для эпохи старославянского языка), так и соотносительные с существительными, имеют одинаковую структуру и соответствуют одному и тому же «набору» форм: *do* + род. п.; *iz* + род. п.; *otъ* + род. п.; *съ* + род. п.; *po* + дат. п.; *въ* + вин. п.; *na* + вин. п.; *o* + вин. п.; *въ* + местн. п.; *na* + местн. п. Ср.: *dosěla* — *dovъgъha*, *izlixa* — *izutra*, *otъrgъva* — *otъgory*, *съprosta* — *slěpoty*, *poskōdu* — *porēdu*, *въprosto* — *въkōnъsъ*, *pamного* — *navеcьgъ*, *odesnō* — *okrōgъ*, *въskorě* — *въpolunošti*, *nadl'isě* — *napoludnъe*¹. Возникновение общности этих словообразовательных моделей предполагает такую стадию развития языка, когда категория имени с морфологической точки зрения еще не была расчленена на собственно прилагательное и собственно существительное. Отметим, что наречия подобной структуры встречаются и в других индоевропейских языках. Так, например, в греческом имеются наречия типа *κατ' ἄκρας*, *ἐπισχερόν*, *ἐμβραχῦ* и т. п., восходящие к предложно-падежным формам имен с морфологически невыраженной принадлежностью к прилагательным или существительным, на древность которых указывает также устаревшее употребление предлогов (*ἐν* с аккузативом), формы выпедших из употребления падежей (*σχερόν* — древний инструменталис) [Schwyzer 1939: 618–619].

Древние имена входили в старославянский язык из народной славянской речи и функционировали в нем либо в качестве прилагательных, либо в качестве существительных, а иногда и в обоих качествах — ср., например, *mōdъgъ* (подробнее см. [Ефимова 2000: 59–61]). Однако в некоторых случаях структура или семантика наречий указывают на невозможность соотнесения их с синхронной точки зрения с соответствующими именами, что говорит о более раннем времени реального возникновения этих наречий, чем время написания старославянских рукописей. Например, в старославянских рукописях встречаются наречия *posgědě* и *posgědu*², последнее чаще употребляется

¹ Подробнее см. [Ефимова 1989а: 67–77].

² В старославянских словарях даются почему-то в одной словарной статье как единая лексическая единица [Словарь 1994: 485; SJS III: 196].

в функции предлога (12 уп.), но встречается и в функции наречия (3 уп.). Судя по структуре, эти наречия восходят к предложно-падежным формам имени, однако в старославянском языке имя с основной *srěd-* — только сущ. *srěda* ж. р. с *a*-основой [Словарь 1994: 621–622; SJS IV: 153–154]. Или, например, наречия *pagodě* ‘по потребности’ (*συζείτρωσ*, Супр 40,28) и *nevъgodъ* ‘некстати’ (*ἀκαίρωσ*, Супр 373,1) представляют собой по происхождению предложно-падежные формы несохранившегося имени с качественно-определятельным значением и по семантическим причинам не могут быть соотнесены с сущ. *godъ*, которое в старославянском языке имело значения ‘время’, ‘год’, ‘праздник’¹.

Наречий, соотносительных с предложно-падежными формами прилагательных, употребляется в старославянских рукописях все же несколько меньше, чем наречий, соотносительных с предложно-падежными формами существительных. Так, структуре *do* + род. п. соответствует всего одно наречие, соотносительное с прилагательным в краткой форме — *dosěla*, в то время как наречий, соотносительных с существительными, — как высокочастотных, так и малоупотребительных, — можно привести целый ряд: *dovъgъha*, *dovъgъmene*, *dověka*, *dokopъsa*, *dogoga*, *dosъmgъti*, *dosyti*, *dosytosti*. Однако процесс адвербиализации по этой модели захватывает в старославянском языке и полные формы прилагательных, в результате чего образуются наречия *do dъbъnъsъnъajego*, *do dъbъnъsъnъajego*, *do nupěsъnъajego* (например: *се же до нънъшнънъбаго*² *съхраненъ пръбъгъваатъ въ странахъ тъхъ* Супр 42,14). Полные формы прилагательных адвербиализуются и в соответствии с другими указанными выше структурами — *porogocъskumъ*, *porlъtъskumъ*, *vъrgъvoje*, *parъgъvoje*, *nasetъnoje*, *zatsъteje*, *vъrgavъojъ*, *odesnojъ*, *oшъojъ*, *olěvojъ*, *otainъixъ*, — что говорит об адвербиализации предложно-падежных форм прилагательных в старославянском языке как о процессе, релевантном с синхронной точки зрения (ср., например, такой текст: *нъ плешти свои дадаше на раны . по пророчьскоумоу* Супр 481,3).

¹ На неправомочность подачи наречных образований с основой *god-* в словарной статье на сущ. *godъ* указывала также Н. В. Чурмаева [Чурмаева 1980: 72].

² Деление на слова издателя Супр С. Н. Северьянова.

Наиболее многочисленную группу старославянских наречий, образованных путем адвербиализации как синхронного словообразовательного процесса, составляют наречия, образованные адвербиализацией краткой и полной форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных (так называемые наречия «на -о», «на -е», «на -оје», «на -еје», «на -ѣје»). В старославянских рукописях их насчитывается до 185 лексем.

Традиция адвербиального употребления аккузатива имен с качественным значением восходит, возможно, к древнейшему индоевропейскому адвербиальному употреблению — использованию в качестве наречия чистой основы, т. е. формы, которую Э. Бенвенист называл «неопределенным падежом» и которая затем вошла в парадигму склонения в качестве формы им.-вин. п. ср. р. [Бенвенист 1955: 122–125]. Остатком этого «неопределенного падежа» являются греческие наречия типа *λίλα* 'жирно', *μέγα* 'огромно', *ὄξύ* 'остро, резко', *βαρύ* 'тяжело' и т. п., которые для системы греческого языка эпохи письменности определяются уже как результат адвербиализации форм аккузатива ср. р. [Schwyzer 1939: 621]. В сравнительных грамматиках и исторических грамматиках отдельных индоевропейских языков указывается обычно на такие наречия, как скр. *ksiprám* 'скоро, быстро', греч. *δεινόν* 'ужасно', латин. *multum* 'много', др.-прусск. *skistan* 'чисто', *ilga* (< *ilgan*) 'долго; давно'¹, лит. *gėra* 'хорошо', и т. п. Однако ни в одном из индоевропейских языков адвербиальное употребление форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных не получило такого широкого распространения, как в славянских языках, особенно в восточно- и южнославянских. Судя по преобладанию в древнейших старославянских текстах (евангельском и псалтырном) наречий, образованных от форм прилагательных с основами, не осложненными специальными суффиксами прилагательных, употребление в старославянском языке этого типа наречий продолжает традицию праславянского [Ефимова 1999: 35–36]. В старославянском языке модель образования наречий от форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных получила дальнейшее развитие.

Так как среди старославянских прилагательных преобладали прилагательные с твердой основой, а основной и полифункциональной

¹ Существует, однако, и другое объяснение др.-прусск. форм на *-an* — как ошибочного употребления форм прилагательных вместо наречий на *-ai* [Shoray 1967; Shoray 1970].

формой прилагательных была краткая форма, большая часть наречий, образованных путем адвербиализации форм им.-вин. п. ср. р., образована от прилагательных с твердой основой в краткой форме — так называемые «наречия на -о». В старославянских рукописях насчитывается 128 таких лексем. Из них менее трети образованы от прилагательных с непронизводными (для старославянского языка) основами: *blago, brъzo, čęsto, čisto, dobro, drъzo, isto, jasno, jędro, lixo, ľubo, malo, mъnogo, naglo, naprasno, obilo, pravo, pręmo, prisno, prosto, prostrano, protivno, rano, ravъno, skoro, skędo, slabo, suxo, tixo, toplo, tvrędo, veselo, zelo*; небольшое количество наречий образовано от прилагательных с суффиксами, не имевшими уже в старославянском языке словообразовательного значения: *kręръko, krotъko, ľgъko, sladъko, goľъko, teъъko, svętъlo, ľubъzno, jedinako, jedъnako*; несколько наречий образовано от адъективированных причастий: *blagovolęno, nevidimo, svęto*. Основная же масса старославянских наречий «на -о» образуется от прилагательных, вычлняющих в своей структуре суффикс *-ън-*: *bespľъtъno, beznačęlъno, blagočъstъno, blagoobrazъno, blagovręmenъno, blędъno, blędnъno, bogočъstъno, bogolęrnъno, cęlomędrъstvъno, cъstъno, divъno, dobľъno, dostojъno, dovolъno, xpъnъno, inodušъno, izdrędnъno, izvęstъno, jedinomędrъno, kurъno, ľępotyъno, ľękavъno, milostivъno, mirъno, mъnogočęstъno, mъnogoličъno, nedostojъno, neizdręčęlъno, neizglagolanъno, neosqđzdenъno, nepoglumъno, nepręmęnъno, nepręstannъno, nerodъno, nesъmęšъno, neuboъъno, nevъzmoъъno, nezamudъno, nezavidъno, oblastъno, opasъno, qđodъno, podobъno, podviъъno, potrębъno, pravъdъno, pravovętъno, pręzornъno, pričęstъno, pileъъno, proteъъno, radostъno, razъno, različъno, razumičъno, razumiъno, setъno, silъno, slavъno, spęšъno, stranъno, sъglasъno, sъhrъnъno, sъličъno, sъmęrnъno, tъstъno, ugodъno, vęčъno, vętъno, vgačъbъno, vręmenъno, zakonъno*.

Гапак Супр прогосъско, перевод греческого наречия на *-ως* (ср. текст: *oũk eidotes, ōti profētikōs ēplērouto tō geuracmēnon* — не вѣсте ли яко пророческо кончаваше сѧ писаниѧ Супр 403,8), не включен в словник старославянских словарей — не только S-A, но и Словаря 1994, и SJS. Тем не менее эта адвербиализация формы им.-вин. п. ср. р., не характерная для прилагательных с суффиксом *-ък-* (от которых, как правило, образуются наречия с суффиксом *-у*, см. ниже, в разделе о суффиксе *-у*), служит показателем продуктивности данной модели образования наречий.

О возрастании продуктивности данной модели в старославянском языке свидетельствует также анализ употребления наречий «на -о» в отдельных рукописях, в результате которого становится очевидным, что доля наречий, образованных от производных прилагательных, значительно возрастает в более поздних по времени перевода старославянских текстах. Так, в евангельском тексте встречается всего 14 наречий «на -о», вычлениющих в своей структуре суффикс *-ьн-*: *blǫdъno*, *divъno*, *dostojъno*, *dovolъno*, *izvѣstъno*, *kurъno*, *nevъzmoъno*, *podobъno*, *prileъno*, *sъhranъno*, *sъmyslъno*, *tъstъno*, *vъzmoъno*, причем наречия *divъno*, *dostojъno*, *nevъzmoъno*, *podobъno*, *vъzmoъno* употребляются только предикативно¹. Наречий же, образованных адвербиализацией сложных (т. е. двукорневых) прилагательных и адъективированных причастий, в евангельском тексте нет совсем. Если же обратиться к Евх, рукописи, содержащей более поздние, чем евангельский текст, переводы, то там доля наречий «на -о», образованных от производных прилагательных, будет больше, есть наречия, образованные адвербиализацией сложных прилагательных и адъективированных причастий. Из 48 наречий «на -о», зафиксированных нами в Евх, 20 наречий употребляется только в этой рукописи, причем 17 из них являются гапаксами. Это такие наречия, как *blagovolъno*, *jedinomъdъno*, *neizdrečenъno*, *neizglagolanъno*, *neosōzdenъno*, *peroglutъno*, *perpřestanъno*, и др. То же можно сказать и о Супр, где 43 наречия употребляются только в этой рукописи, причем 32 из них являются гапаксами. Это такие наречия, как *bespъtъno*, *beznačelъno*, *blagočъstъno*, *blagovrěmenъno*, *bogočъstъno*, *selomъdъrstvъno*, и др.

Всего несколько наречий образовано путем адвербиализации кратких форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных с мягкой основой, имевших в праславянском языке суффикс *-jъ*, — так называемые «наречия на -е»: *daleče*, *dal'e*, *dob'e*, *drev'e*, *inače*, *jedinače*, *jedъnače*,

¹ Наречия *divъno*, *dostojъno*, *podobъno*, встречающиеся в евангельском тексте только в предикативной функции, известны по другим старославянским рукописям в качестве глагольных определений. Ср., например, употребление наречия *podobъno* в предикативной функции (1) и в качестве глагольного определения (2): 1) тако во подобъно намъ естъ съкончати всѣкж правъдѣ Мф 3,15 Зопр, Ас (в Сав — глагол подождаетъ); 2) да подобъно очинъше сѧ . достонни еждемъ . причастити сѧ . тѣлѣ и крѣви гнѣ Евх 69b 10.

раше, přežde, suje¹, tuše. Такой же вид (т. е. тоже «наречий на -е») получали наречия, образованные путем адвербиализации форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных сравнительной степени, имевших в праславянском языке суффикс -jos, среди которых большую часть составляют прилагательные так называемой «изолированной» сравнительной степени. Итак, наречия boše, goše, kužde, liše, luše, mьše, niže, suše, uše, vešte, vuše образованы путем адвербиализации форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных bol'ijь, goijь, kuždijь, lišjь, lučjь, mьijь, *nižijь², su'ijь, uijь, veštijь, vušjь соответственно. По мнению А. Мейе, прилагательные «изолированной» сравнительной степени первоначально являлись самостоятельными лексическими единицами, и лишь «постепенно развилось ощущение, что формы типа хоужди... представляют сравнительную степень от положительной степени типа хоуждъ...» [Мейе 1951: 298]. (Ср. неполное соответствие значений в старославянском языке у наречия kužde 'меньше; хуже' и прил. kuždijь 'меньший; скуднейший'.)

Регулярно образовывались наречия путем адвербиализации форм им.-вин. п. ср. р. и от прилагательных сравнительной степени с суффиксом -ějь/-ějъ, который в эпоху старославянского языка, в отличие от суффикса -jь/-jъ в упомянутых выше прилагательных сравнительной степени, стал продуктивным³. Здесь видим основы прилагательных, нечленные на уровне старославянского языка: dobrěje, dьžaje⁴, jasněje, mьnožaje, ostrěje, pozděje, prisněje, rьvěje, prostěje,

¹ А. С. Львов указывал на адвербиальную форму соуе как на исходную, считая ее «тюрко-булгаризмом» [Львов 1973: 224–225]. Ср., однако, субстантивацию в ср. р. полной (членной) формы прил. sujeje (Пс 39,5 Сн). См. также [Фасмер III: 797].

² Прил. *nižijь в собственно старославянских рукописях не встречается, однако хорошо известно по рукописям древнерусским — в Карг. ДРС (XI–XIV вв.) зафиксировано 25 случаев его употребления. Например: прочни же вси причетници . и и жь ш е соуше от днаконъ . и от единого своего еіспа да соудатся . КР 1284, л. 111а.

³ Выбор суффикса компаратива, в праславянском языке определявшийся местом акцента по «правилу Селищева-Вайана» [Vaillant 1958: 680; Дыбо 2000: 209–226], в эпоху написания старославянских рукописей уже не был актуальным.

⁴ В старославянских словарях форма dьžaje не квалифицируется как адвербиальная [Словарь 1994: 189; SJS I: 487–488], ср., однако, текст: *пакже*

skorėje, sulėje, tьpьсаје, udobeје, unėje; основы с суффиксами, не имевшими уже в старославянском языке словообразовательного значения: гоуьсаје; осложненные префиксами основы: paiskoreје; основы адъективированных причастий: съvгьшенėje, съmьченėje; основы, вычлняющие в своей структуре суффикс -ьп-: бѣдньėje, izvěstьнėje, istininvьėje, копьсьнėje, opasьнėje, отьгадньėje, podvižьнėje, priležьнėje, setьнėje, slavьнėje, spěžьнėje.

В старославянском языке было возможно образование наречий путем адвербиализации форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных не только в краткой, но и в полной (членной) форме. В старославянских рукописях употребляется сравнительно немного таких наречий — всего нами отмечено семь лексем: drugoje 'иначе, по-другому', poslědъnėje 'наконец', ргьвоје 'во-первых, сначала', ргокоје 'впредь', ргобеје 'далее', tretije 'в третий раз', вьтогоје 'во-вторых'. Немногочисленность наречий этой группы обусловлена особенностью их значений, которые ограничены узким кругом семантики, связанной с определенностью характеристики действия. Ср, например, употребленные наречия ргьвоје в чтении И 2,10 в Ас: *pās ānθwλos pρwton tōn kolōn oīvon tīθησιv* — *всѣкъ чѣкъ доброе вино пръвое подаетъ*. В тетрах Зогра и Мар в этом чтении употреблено наречие ргьзде. Такая корреляция между адвербиализацией полной формы прилагательного и определенностью в значении вполне закономерна, так как полная форма прилагательного имела в старославянском языке значение определенности (см. [Толстой 1957: 94; 121] и др.).

В «классических» старославянских грамматиках наречия на -о, а также наречия на -е, -оје, -еје, -ѣје (если последние вообще упоминаются) рассматривались как результат адвербиализации соответствующих форм прилагательных (см. например, [Leskien 1919: 156; Meie 1951: 378; Ваган 1952: 238] и др.). С другой стороны, в более поздней литературе встречается также интерпретация наречий на -о как суффиксальных образований, аналогичных наречиям с суффиксом -ѣ [Ян 1967: 5; 8; Хабургаев 1986: 225–226]. Следовательно, в отношении данных наречий встает вопрос о способе их образования в старославянском языке.

дѣлѣжакъ соломшинь . прореченьк отъ бѣ примиь . въ прит'чухъ рече . Супр
534,1.

Какие аргументы можно привести в доказательство, что в старославянском языке способом словообразования здесь была все же именно адвербиализация, а не суффиксация? Прежде всего следует отметить, что единственное словообразовательное значение, которое можно приписать наречиям от форм им.-вин. п. ср. р. прилагательных, — это значение перевода лексической единицы в другую часть речи (т. е. транспозиционное значение)¹, что характерно для морфолого-синтаксического способа словообразования, каким является адвербиализация. Развитие семантики на основе собственно наречной наблюдается в единичных случаях и только у «старых» лексем — типа наречия *тъпого*, развившего значение степени (см. [Ефимова 1989]). Формы наречий на -о, -е, -оје, -еје, -ѣје и формы соответствующих прилагательных совпадают, т. е. процесс словообразования протекает без каких-либо структурных ограничений и в отсутствие различительных морфонологических средств, что также характерно для морфолого-синтаксического способа словообразования. Так как в старославянском языке основной и полифункциональной была краткая форма прилагательных, при образовании наречий, в значение которых не входил компонент определенности, закономерно адвербиализовывались краткие формы положительной степени прилагательных и возникали наречия «на -о» и «на -е»; при образовании наречий, в значение которых входил компонент определенности, закономерно адвербиализовывались полные формы положительной степени прилагательных и возникали наречия «на -оје» и «на -еје»; при образовании наречий со сравнительным или элятивным значением адвербиализовывались соответствующие формы прилагательных сравнительной степени и возникали наречия «на -е» и «на -ѣје».

¹ В тех случаях, когда в собственно старославянских рукописях отсутствуют соответствующие прилагательные, нет, видимо, необходимости предполагать другие способы словообразования и словообразовательные модели, как это делает, например, в отношении древнерусских наречий типа *жалостъно*, *вѣрно*, *прѣславьно* Е. И. Янович, усматривая для их образования модель «основа существительного (или атрибутивно-именное словосочетание, или префикс + основа существительного) + суффикс -но» [Янович 1975: 44–47; Янович 1978: 23–27]. Соответствующие прилагательные обнаруживаются, как правило, в списках со старославянских протографов (подробнее см. [Ефимова 1989а: 31–40; 45]).

Вместе с тем накопление в языке большого количества наречий «на -о», образованных путем адвербиализации кратких форм прилагательных с твердой основой, создавало предпосылки к осознанию морфемы -о как специального наречного суффикса. Однако переход к суффиксальному образованию наречий с помощью суффикса -о в славянских языках следует, видимо, связывать с процессами утраты краткой формой прилагательных статуса основной, нейтральной формы (при маркированной полной форме), а также утраты прилагательными сравнительной степени собственной парадигмы склонения. Возможно, что начало зарождения этих процессов относится к эпохе написания старославянских рукописей, так как в их языке встречается и употребление полной формы прилагательного там, где ожидалась бы краткая (см. [Толстой 1957: 94; 122]), и употребление несогласованной, наречной формы сравнительной степени там, где в старославянском языке обычно употребляется согласуемая форма прилагательного. Ср., например, употребление наречия *lucě* (при согласованном прилагательном в греческом оригинале!): *ὅτι κρείσσων ἡμέρα μία ἐν ταῖς ἀύλαις σου ὑπὲρ χιλιάδας* — *ѣко лучче днь единъ въ дворѣхъ твоихъ паче тысыштъ* Пс 83,11 Слн. Однако в старославянском языке эти случаи представляли собой единичные отклонения от существовавших регулярных, систематических языковых отношений.

Суффикс -ě

Наречный суффикс -ě также обязан своим происхождением адвербиализации именной падежной формы. Старославянские отыменные наречия «на -ě» восходят, скорее всего, к локативу ед.ч. ([Leskien 1919: 156–157; Топоров 1961: 308; Aitzetmüller 1978: 144] и др.)¹, и суффикс -ě (< -ai) служил для образования отадъективных наречий уже, видимо, в балто-славянском: многими индоевропейцами

¹ Существуют, однако, и другие гипотезы о происхождении наречий этого типа. Например, их возводили к формам аккузатива ср. р. мн. ч. [Schmidt 1889: 230; Trautmann 1910: 249], к старым формам инструменталса на *-ē [Meiße 1951: 378; 327].

принимается соответствие старославянских наречий на -ě древнепрусским и литовским наречиям на -ai и латышским на -i (см., например, [Trautmann 1920: 251–252; Endzelins 1944: 138; Топоров 1961: 307; Stang 1966: 276] и др.)¹. Вопрос о распространении этого суффикса за пределами балто-славянского является спорным, хотя некоторые компаративисты находят его следы в других индоевропейских языках. Так, С. Манн ставит балто-славянские наречия с суффиксом -ai в один ряд с осетин. *rästāi* 'правильно', армян. *i veraj* 'наверху', греч. *παράι* 'около', *πάλαι* 'давно, в древности', *χαράι* 'на земле', и т. п. [Mann 1970: 436].

Являясь по происхождению падежной флексией, в старославянском языке суффикс -ě выступал уже как самостоятельная словообразовательная морфема отадективных наречий. С помощью этого суффикса наречия образовывались только от прилагательных с твердой основой, суффикс -ě не отмечен в старославянском языке в виде алломорфа -i²; не встречаются и случаи адвербиализации полных форм прилагательных местн. п. ед. ч. Учитывая эти обстоятельства, в отношении старославянского языка уже нельзя говорить об образовании в нем наречий «на -ě» как об адвербиализации форм локатива соответствующих прилагательных (как, например, в [Aitzetmüller

¹ Существуют, однако, и другие мнения. Г. Шелезникер, например, считает наречия на -ě чисто славянской инновацией, соответствие же литовским наречиям на -ai — лишь кажущимся [Schelesniker 1964: 16–17].

² Наречие *tajī* 'тайно', в старославянском языке уже непроизводное, в праславянском представляло собой, видимо, параллельную адвербиализацию локатива имени с мягкой основой **tajь* (ср. древнепрусские наречия от прилагательных с мягкой основой типа *gantzei* 'совсем', 'полностью', *glandewingei* 'уверенно', *kittewidei* 'иначе' [Топоров 1979: 155; 258; Топоров 1984: 41]). Восстановление имени **tajь* с качественным значением дает также необходимое звено к этимологии глагола *tajiti*, который, как и другие праславянские итеративы на -*iti*, должен бы быть производным от имени **tajь*. Наречие *otajī* следовало бы тогда рассматривать как восходящее к адвербиализации этого имени с предлогом *o*. Можно предполагать, что имя **tajь* было утрачено в связи с распространением прил. *tajьль* 'тайный', которое встречается почти во всех старославянских текстах, начиная от евангельских и псалтырных, и имеет большую выразительность вследствие наличия в нем специального суффикса прилагательных -*ьп*-.

1978: 144]), но способ образования наречий с этим суффиксом следует рассматривать как морфологический. Это существенно отличается с точки зрения словообразования наречия «на -ě» от наречий, образованных путем адвербиализации форм им.-виш. п. ср. р. прилагательных, к которым относятся и наречия «на -о», так как адвербиализация в качестве морфолого-синтаксического способа словообразования не знает морфонологических и структурных ограничений (см. выше, с. 314). Словообразовательное значение старославянского суффикса -ě, однако, транспозиционное, т. е. по значению старославянские наречия «на -ě» и наречия «на -о», образованные от одной и той же производящей основы, в большинстве своем синонимичны (подробнее см. [Ефимова 1991а: 78–79]). Это послужило причиной возникновения представления, что наречия «на -ě» и «на -о» в старославянском языке были идентичны, взаимозаменяемы, как бы и «парны» (см., например, [Ян 1967: 7–8]), что не совсем верно как в отношении способа их образования, так и в отношении их употребления в старославянских текстах.

Утверждению суффикса -ě в качестве специальной наречной словообразовательной морфемы способствовало, возможно, наличие высокочастотных наречий *javě/avě* (72 уп.) и *nyě* (> 500 уп.), унаследованных старославянским языком из праславянского [ЭССЯ 1: 93–94; 99; 26: 61–62], хотя в них суффикс -ě и имел другое происхождение¹. Что же касается отадективных старославянских наречий с суффиксом -ě, то условно их можно разделить на две группы. Меньшую группу составляют наречия, образованные от прилагательных с непронизводными (для старославянского языка) основами: *čistě, dobrě, drzě, gьdě, jarě, jasně, krěpě, lěpě, lutě, mьdrě, ostrě, pravě, prostě, surově, toplě, tvьgdě, zьlě*. Значительную часть производящих основ этих наречий составляют именные основы, о древности которых говорит их структура с формально (аффиксально) не выраженной принадлежностью к собственно прилагательным и

¹ Как отмечал Н. В. Топоров, «необходимо дифференцировать внешне однородные праславянские факты. Признавая локативную принадлежность таких форм, как *zimě, lětě, dьne, noči* и т. д., мы отказываемся видеть остатки б/пр. (беспредложного. — В.Е.) лок[атива] в *nyě, davě* и т. п.» [Топоров 1961: 303].

объем, не превышающий объема индоевропейской основы: *dobr-* < н.-е. **dhabhr(o)-*; *drъz-* < н.-е. **dhr̥s(u)-*; *jar-* < н.-е. **ǵ̥ur-* [ЭССЯ 8: 179]; *крѣр-* < н.-е. **krep-* [ЭССЯ 12: 136–138]; *лѣр-* < н.-е. **leip-* [Pokorny 1959: 670–671; ЭССЯ 14: 226–227]; *lut-* < н.-е. **l̥eut-* [Pokorny 1959: 691]; *ostr-* < н.-е. **ak̥r̥(o)-*; *prav-* < н.-е. **pr̥o-ǵ(o)-*; *prost-* < н.-е. **pro-st(o)-*; *зы-* < н.-е. **ǵ̥hu̯el(o)-*; возможно, также и *грьд-* < н.-е. **g̥r̥(u)-* [ЭССЯ 7: 207]. Древность именных основ *мѡдр-* и *ѡst-* определяется наличием их в балто-славянском [Fraenkel 1955: 405–406; ЭССЯ 4: 122; 20: 132], однако, возможно, эти основы являются даже индоевропейским наследием, особенно это вероятно в отношении *мѡдр-* < н.-е. **m(o)ndh-ro-* [Pokorny 1959: 730]. Поскольку наречия с суффиксом *-ai* появились еще в балто-славянском, временем возникновения наречий от данных основ можно предполагать очень раннюю праславянскую эпоху — не случайно в старославянском евангельском тексте встречаются отадъективные наречия с суффиксом *-ѣ* только такой структуры, а именно *dobrѣ*, *lutѣ*, *мѡдрѣ*, *pravѣ*, *зыѣ*, которые, по всей вероятности, были почерпнуты старославянским языком из народной славянской речи¹. Следовательно, по времени возникновения и способу образования данную группу наречий можно поставить в один ряд с группой наречий с качественно-характеризующим значением, восходящих к именным основам, но в старославянском языке вычлениющих суффикс *-ѣ* уже только путем сопоставления их с однокоренными лексемами. Таковы наречия *godѣ* ‘удобно, приятно’ (ср. *goditi* ‘удовлетворять’, Супр 308,14); *lyzѣ* в *lyzѣ jestь* ‘можно’ (ср. *polъzъ* ‘полезный’, *polъzevatì* ‘извлекать пользу’ и ‘приносить пользу’); *skvozѣ* ‘насквозь’ (ср.

¹ Исключение представляет наречие *удобьѣ* в чтении Л 18,25 в Ас, — в то время как в других старославянских кодексах на этом месте обнаруживается компаратив *удобѣје*. Уже давно мы высказали предположение в отношении наречия *удобьѣ* как инновации Ас, представляющей характерный для узуса преславских книжников тип наречий и обусловленной влиянием Преславской школы [Ефимова 1989а: 138–139; Ефимова 1991: 73]. Это предположение хорошо согласуется с последними изысканиями А. А. Пичхадзе, которая заметила в Ас целый ряд инноваций, указывающих на влияние со стороны преславской редакции евангельского текста (пока об этом упоминается только в тезисах доклада [Пичхадзе 2002: 49]).

skvožьna 'расселнна'; trěbь 'нужно; годно' (ср. potřeba 'потребность, необходимость' и 'польза', potrebyь 'нужный, необходимый' и др.). В наречьях mītь 'попеременно' и gazvь 'только, исключительно' именная основа вычленяется только при этимологическом анализе [Фасмер II: 628; ЭССЯ 19: 59; ESJS 8: 479; Фасмер III: 433], а наречие rozdь 'поздно', возможно, и в старославянском языке было еще мотивированным прилагательным *rozdь, которое могло еще не быть окончательно вытесненным прилагательным с суффиксом -ь- rozdyь. По данным Карт ДРС, прил. *rozdь в форме сравн. ст. rozdějьш встречается в Гр.Наз. XIV в. л. 194а (см. также [Срезн II: 1086; Фасмер III: 303]). Судя по значению данных наречий, древние имена, послужившие базой для их образования, должны были иметь значения, связанные прежде всего с обозначением качеств и свойств, а не субстанций¹. По своим семантическим и формальным характеристикам имена типа godь, trěbь и т. п. стояли в одном ряду с именами типа dobroь, zьь и т. п., однако последние сохранились в своем первоначальном виде и функционировали в старославянском языке в основном как прилагательные (ср., однако, употребление их и в качестве существительных: dobro 'добро', zьo 'зло', mьdrgь 'мудрец, ученый'), первые же были вытеснены «обновленными» прилагательными — с теми же значениями, но со специальным суффиксом, сигнализирующим об этой части речи, и обладавшими, конечно, большей выразительностью (ср. прил. godьь 'угодный, приятный', употребляемое в апостольском тексте в чтении II Петр 2,10 в древнейших списках разных редакций — Слечч и Шшш, а также и в списке XIII в. Бесед папы Григория [SJS I: 415]; прил. rozdyьь 'поздний' [SJS III: 114]²). О первоначальной «качественности» значения основы trěb- свидетельствуют старославянское прил. сравн. ст. naitrěbьjь с префиксом nai- (ср. текст: и чочьства . аже

¹ Референция древних имен, послуживших базой для образования обстоятельственных наречий типа dolь, gorь, kromь, vьlь, zimь и др., была, видимо, более предметного характера, что выразилось в их отходе к категории существительных в процессе дифференциации первоначально синкретичной категории имени.

² Прил. rozdyьь в собственно старославянских рукописях отмечено только в значении 'медлительный, замедленный, неторопливый'.

сѣтъ наитрѣбѣши пѣти оучению . зѣло люте прокоуди . Супр 339,30), а также и значения однокоренных с наречием *trěbě* лексем *potrěba* 'потребность, необходимость' и 'польза', *potrěby* 'нужный, необходимый', *trěovati* 'требовать; нуждаться'. Значение же сущ. *trěba* 'жертва', более специальное, относящееся к религиозной сфере, является, несомненно, производным от этого основного¹.

Значительно бóльшую группу составляют наречия с суффиксом -ѣ, образованные от производных (аффиксальных и сложных) прилагательных и адъективированных причастий. В собственно старославянских рукописях встречаются следующие лексемы: *av'leně*, *bestudně*, *bezakopně*, *bezgodně*, *blagověně*, *bogočystivě*, *člověkolubně*, *dobroumivě*, *dostojně*, *gorьсě*, *iskropytně*, *istinně*, *izvěstně*, *krьstjaně*, *kurьně*, *lubьzně*, *mirьně*, *mьnogoličьně*, *nebl'udomě*, *nečьstьně*, *nečlověčьstě*, *neliceměgně*, *nerodobyně*, *nerogočьně*, *nepravьdně*, *neprěpodobьně*, *nerazumьně*, *nevidimě*, *obilьně*, *obyčьně*, *potrěbyně*, *prěslavьně*, *priležьně*, *različьně*, *samoxotьně*, *samovidьně*, *sladьсě*, *slavьně*, *stamьně*, *sъvьgьšeně*, *svoьjstьvně*, *tajьně*, *težьсě*, *učьstьně*, *zakopьně*. Как показал проведенный нами ранее анализ распределения наречий по отдельным старославянским рукописям, употребление наречий этой группы было связано с деятельностью — переводческой и редакторской — книжников Преславской школы письменности [Ефимова 1989а: 130–140; Ефимова 1991а: 73–78]. Дальнейшие наши исследования списков, восходящих к старославянским протографам, подтвердили эту гипотезу. Наречия с суффиксом -ѣ, образованные от аффиксальных и сложных прилагательных, обнаруживаются в списках с произведений, перевод которых палеославистами обычно определяется как преславский, а также наблюдается более или менее последовательная замена наречий «на -о» наречиями «на -ѣ» в списках с более ранних переводов, подвергшихся редактированию преславскими книжниками [Ефимова 1999: 45–56; Ефимова 2002: 264]. Ср., например, такую характерную замену в апостольском чтении Евр 1,1 в Мат, списке,

¹ Необходимо здесь подчеркнуть эту «качественность» значений производящих именных основ, так как в отношении наречий *trěbě* и *lьzě* в палеославистической литературе существовали колебания — относить ли их происхождение к локативу прилагательных или к дативу существительных [Doritsch 1910: 156; Leskien 1919: 158; Вайан 1952: 214; Правдин 1956: 20].

носящем следы преславского редактирования: *Πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως πάλαι ὁ Θεὸς λαλήσας τοῖς πατέράσιν ἐν τοῖς προφήταις* — многочѣстѣно и многоразлично . древе главь бѣ оцѣмъ прѣкы Ен, Охр, Струм, Христ — многочѣстѣнѣ и многоразличнѣ . дрѣвле бѣ главь къ вѣцѣмъ нашимъ . прѣкы Мат.

Как показали наши исследования, наречий с суффиксом -ѣ, образованных от аффиксальных и сложных прилагательных, в старославянском лексическом инвентаре реально было больше, чем зафиксировано словарем Словаля 1994, и многие из них могут быть достаточно надежно «восстановлены» в старославянском языке с помощью определенной методики [Ефимова 2002а].

Суффикс -у.

Предпосылки к формированию суффикса -ьскы

В литературе по старославянскому языку давно было отмечено, что старославянские наречия «на -у» тесно связаны с прилагательными «на -ьскы» ([Leskien 1919: 158; Вайан 1952: 239; Kirchner 1958: 254] и др.). Однако среди наречий «на -у» — как и среди других старославянских лексических групп — были и новообразования, и архаичные лексемы. Наречия «на -у», не связанные с прилагательными «на -ьскы», в старославянских рукописях единичны, но все же они были. Таковы наречия *malу* и *pravу*, образованные от непронизводных (для старославянского языка) прилагательных с качественным значением *malъ* и *pravъ*. Наречие *malу* (18 уп) — высокочастотное (по меркам старославянского языка), видимо, архаичное, с развитой системой значений, в том числе и с развившемся значением степени 'немного, слегка'¹. Наречие *pravу* 'правильно' — гапакс

¹ Различия в значениях и функционировании наречия *malу* в качестве количественно-определяющего и в роли наречия степени плохо отражены в старославянских словарях [Словарь 1994: 322; SJS II: 184]. Ср., однако, тексты, где это наречие функционирует как количественно-определяющее (1) и как наречие степени (2): 1) *тъ же равъ вѣдѣвъ воуж гѣ своего . и не оуготовавъ ли не сътвори по воли его . вьенъ вждеть мѣного . не вѣдѣвъ же сътвори же достоннаа ранамаъ вьенъ вждеть малы . Л 12,48 Мар, Зопр; 2) *изглагола то малы ѡмѣк Супр 562,21.**

Клоц¹. Сюда же следует отнести и наречие *vьу, однокоренное с прилагательным vьловьпъ 'спокойный, медленный', глаголами vьlajati (se) 'качать(ся)', valiti se 'катиться', которое А. Ваиан восстанавливал на месте позже наведенной, по его мнению, лексемы drevyje в Супр 110,4 [Vaillant 1958a: 71–73]. С этимологической точки зрения к этой модели относятся, возможно, и наречия раку 'опять, снова, вновь' и ораку 'наоборот' (ср. прил. раку 'оборотный', 'обратный' в чешском языке [Гришкова 1955: 192–196])².

Большинство же наречий с суффиксом -у действительно образуются от прилагательных с суффиксом -ьск-. Всего в старославянских рукописях насчитывается 21 наречие «на -ьску»: anġelъsky, cesaръsky, evrejsky, evrĕjsky, gradъsky, grъbъsky, xrabъsky, latinъsky, moъzъsky, qodъsky, pьbъsky, plъtъsky, proroċъsky, gabъsky, gumъsky, vĕtъsky, vьsjaċъsky, vьseliċъsky, vladуċъsky, vraъzъsky, причем очевидно, что по мере становления и развития старославянского языка возрастало и количество в нем наречий «на -ьску» (так же как возрастало и количество прилагательных с суффиксом -ьск- — см. в Главе IV, с. 238 и сл.). На это указывает, прежде всего, то обстоятельство, что в евангельском тексте из них употребляются лишь пять наречий и только со значением отношения к какому-либо народу или языку:

¹ Согласно данным Н. В. Чурмаевой, в древнерусских рукописях зафиксировано несколько большее количество наречий на -у, образованных от непроизводных прилагательных с качественным значением [Чурмаева 1984: 168–169].

² Индоевропейцы обычно возводят наречия на -у к адвербиализации именных форм твор. п. мн. ч. [Мейе 1951: 378; Vaillant 1958a], Г. Шелесникер же видит в наречиях раку и ораку древний локатив субстантивных ā-основ [Schelesniker 1979: 355]. Представляется, однако, что как по значению, так и по способу словообразования наречия раку и ораку стоят в одном ряду с другими старославянскими наречиями, образованными от прилагательных, не осложненных суффиксом -ьск-. Можно упомянуть здесь также и о гипотезе Г. Кирхнера, полагавшего, что наречия на -ьск-у в старославянском языке образовывались путем эллипсиса словосочетаний, о чем свидетельствует, по его мнению, текст из Супр: *начаша же змикве глаголати чловѣчьскы гласы* [Kirchner 1958: 254]. Но, если даже образование отдельных наречий и «поддерживалось» таким образом, в отношении всей словообразовательной модели такое предположение неправдоподобно.

evgejъsky и evgejъsky 'по-еврейски' (перевод греч. ἑβραϊστί), гръцьsky 'по-гречески' (перевод греч. ἑλληνιστί), latinъsky 'по-латински'¹ (перевод греч. ῥωμαϊστί в Зогр, Мар и Ас), gumъsky 'то же' (тоже перевод греч. ῥωμαϊστί в Сав).

Как было показано выше (с. 243–244), значения старославянских прилагательных с суффиксом -ъsk- колеблются от притяжательного значения индивидуальной принадлежности до качественного, наиболее же частыми являются значения неиндивидуальной принадлежности и собственно относительные, причем разные значения могут совмещаться в одной лексеме. Ср., например, притяжательное значение неиндивидуальной принадлежности (1) и относительное значение (2) прил. anġelъskъ: 1) εἶδον αὐτὸν ὡσεὶ ἀγγέλου μορφῆν ἔχοντα — видѣша и акы аггелъскъ образъ имаша Супр 215,19; 2) ποίησον αὐτὸ ἀφθαρσίας πηγὴν... ἀγγελικῆς ἰσχύος πεπληρωμένον — сътвори иж неистлѣнью источникъ... дѣлъскыа крѣпости исполненъ . Евх 5а 8. Для наречий с суффиксом -у характерно образование от прилагательных с суффиксом -ъsk- в относительном значении². Ср., например, значение наречия anġelъsky 'как ангелы' со значением соответствующего прилагательного в Евх 5а 8: χαρίτωσον αὐτὸν... ἐν ψαλμοῖς καὶ ὕμνοις καὶ ᾠδαῖς πνευματικαῖς ἀγγελικῶς ἐνοπρὶζεσθαί σε — оублажи н... в п'салмѣхъ и въ пѣньнхъ . и пѣснехъ дхѡв'нахъ . дѣлъскы зрѣти тебе . Евх 94b 14. Как было справедливо замечено Г. Кирхнером, в отличие от относительных прилагательных с суффиксом -ъp-, отражавших не просто отношение к предмету, но нечто, имеющее отношение к его внутреннему содержанию —

¹ Прил. *latinъskъ не встречается в собственно старославянских рукописях, но, видимо, было в старославянском лексическом инвентаре, так как зафиксировано во многих церковнославянских рукописях [SJS II: 108–109].

² Вне этой тенденции наречие vsjačъsky 'всячески', образованное от прил. vsjačъskъ, которое можно рассматривать как «обновление» местоименного прил. vsjakъ (см. с. 237), и синонимичное ему наречие vseličъsky, образованное от прил. vseličъskъ, которое, хотя и не встречается в собственно старославянских рукописях, входило, видимо, в старославянский лексический инвентарь, так как неоднократно засвидетельствовано в списках, восходящих к старославянским протографам [Срезн I: 469; СлРЯ XI–XVII 3: 124]. Наречия vsjačъsky и vseličъsky семантически более близки архаичным наречиям с суффиксом -у.

природу, свойство, качество предмета, старославянские относительные прилагательные с суффиксом *-ьsk-* называли отношение к предмету как к таковому, взятому в целостности [Kirchner 1961: 18]. Этим, видимо, обусловлен сравнительный оттенок в значениях ряда наречий «на *-ьску*», особенно наречий, имевших отношение к одушевленным существам: *anġelьskу* ‘как ангелы’, *сѣсарьskу* ‘поцарски, как цесарь’, *прогоцьskу* ‘как пророк’, *рьсьskу* ‘как пес’, *vladуцьskу* ‘как господин, как владыка’ и др. (ср.: *начм... на овличеньк начатию нечьстия своѣго съврашати сѧ . пьсьскты же . лал . и пѣнты из оусть тѣштѧ . и власомъ на въздохъ распрострѣтомъ . дотечеть стѧго* . Супр 560). Такие наречия имели как непосредственную мотивацию прилагательным, так и опосредствованную мотивацию существительным, причем с точки зрения семантики они были скорее мотивированы существительным, чем прилагательным.

Наличие двойной мотивации у данных наречий создавало предпосылки к осознанию древними книжниками комплекса фонем [*ьску*] в качестве единой словообразовательной морфемы и делало возможным образование наречий с ее помощью непосредственно от существительных. Восемь из 21 наречия «на *-ьску*» — *xrabгьskу*, *latinьskу*, *ѡrodьskу*, *рьсьskу*, *гумьskу*, *вѣтьskу*, *вьseliчьskу*, *vraгьskу* — не имеют в пределах старославянских рукописей сходных прилагательных, и, следовательно, встает вопрос об их сегментации и определении в них словообразовательной морфемы (*-у* или *-ьskу*). Существование в старославянском языке прилагательных **latinьskъ* и **вьseliчьskъ*, как отмечалось выше, вполне вероятно. О наличии в старославянском лексическом инвентаре прил. **xrabгьskъ* свидетельств у нас меньше, хотя в варианте *xrabогьskъ(jь)* со значением ‘мужественный, доблестный’ оно встречается в древнерусском списке Минеи 1096 г. [Срезн III: 1395]. Что же касается наречий *ѡrodьskу*, *рьсьskу*, *вѣтьskу*, то в отношении них предпочтительнее думать как об образованиях непосредственно от существительных *ѡrodь* ‘неразумный человек, дурак’ (субстантивное употребление древнего имени), *рьсь* ‘пес’, *вѣть* ‘соглашение, договор’, *vraгь* ‘враг’, так как соответствующие прилагательные с относительным значением в обследованных нами рукописях не встречаются¹.

¹ Прил. *vraгьskъ* употребляется и «Богословии» Иоанна Экзарха, в Изб 1073 (т. е. в памятниках, восходящих к старославянским протограммам),

Суффикс -ь

В старославянском языке существовали неизменяемые слова, оканчивающиеся на -ь: ašutъ, bezdobъ, blizъ, inostanъ, iskrъ, isplъnъ, izdredъ, lêtъ, nanêmъ, naprêždъ, očivistъ, okrъstъ, osobъ, otъnordъ, otъvъgnъ, otъrъ, poslêdъ, pravъ, prêdъ, prêmъ, prêprostъ, različъ, sqprotivъ, strъmъ, strъmoglavъ, sugubъ, svobodъ, udobъ, vasnъ, vъsesъrdъ, vъkurъ, vъpezaаръ, vъsprêtъ. В старославянских рукописях эти лексемы встречаются не только в качестве глагольных определений (синтаксическая позиция, считающаяся типичной для наречия), но также и в роли определений существительных, и в роли предиката. Одна и та же неизменяемая лексема на -ь может быть употреблена в старославянских текстах во всех этих функциях. Ср., например, лексему udobъ в (1) роли глагольного определения, (2) роли определения существительного, (3) роли предиката: 1) Nûvъ γάρ ἡμῶν αἱ ψυχὰι... ῥαδίως ἀνήπτανται πρὸς τὸν ποιητὴν καὶ δεσπότην — нынѣ оубо наша доуша ... оудобъ пержтъ къ творьцоу и владыцѣ . Супр 390,10; 2) ὁ θεός, ὁ τῆς τοῦ ἀνθρώπου φύσεως τὸ εὐλόωτον καὶ ἀσθενὲς ἐπιστάμενος — вѣже вѣды немощь . и оудобъ погывенне рода члѣа ... Евх 24а 8; 3) Ὡσπερ γὰρ ἡμῖν εὐκόλον... διυπνίσαι καὶ διεγείραι, οὕτω καὶ τῷ κοινῷ... ἡμῶν δεσπότη τὸ ἀναστήσαι — такоже бо намъ оудобъ кстъ възвоудити и възставити . такоже и обыгтоумоу нашему владыцѣ . оумьръшаа гласомъ възставити Супр 488,2. Встречаются случаи употребления неизменяемой лексемы на -ь и в роли определения прилагательного. Ср., например, употребление в этой функции лексемы izdredъ: ὅτι Παῦλος τις ἀγροικὸς γεωργός, καθ' ὑπερβολὴν ἄκακος καὶ ἀπλοῦς τὸν βίον, ὠραιότατῃ γυναικί... — тако павлъ нѣк'то польскыи ратан .

но с притяжательным значением 'вражий, врага', не соответствующим значению наречия 'вражески' с оттенком сравнения 'как враг', которое предусматривает относительное значение исходного прилагательного. Ср. тексты (1) с прил. vražьskъ и (2) с наречием vražьsky: 1) забытъ же и сьнъ и и дрѣманьк отъложеное мьсти вражьскыа и обыченѣи къ своимъ помощи моужденне . (Λήθην δέ, καὶ ὕπνον, καὶ νοσταγμόν, τὴν ὑπέρθεσιν τῆς τῶν ἐχθρῶν ἀμύνης, καὶ τὴν τῆς συνήθους πρὸς τοὺς οἰκείους βοήθειας ἀναβολήν) Бог 97b; кште же и правьднѣааго ради томления вражьско (так!) лоукы многашти добронскоусьны бгыша Изб 1073 185г 11; 2) възнесенъ . кже вѣ князъ вѣка сего вражьскы възсхытитъ себѣ Супр 545,21.

издръдъ безълюбенъ и простъ житиимъ . съ красноюж женожъ
съпраже сѧ ... Супр 169,5.

В старославянских словарях и грамматиках неизменяемые лексемы на -ь, в зависимости от синтаксической роли, в которой они были отмечены в текстах, описываются и как наречия на -ь, и как несклоняемые прилагательные (см. [Словарь 1994: 267; 350; 571; 634; S-A: 38; 61; 114; 126; SJS I: 801–802; II: 299; III: 578; IV: 198; Miklosich 1875: 55; Вайан 1952: 157; Ван-Вейк 1957: 279; Nandriš 1959: 102; Schmalstieg 1983: 56] и др.). Однако очевидно, что термин «несклоняемое прилагательное» не может не вызывать возражений, так как прилагательное в славянских языках является такой частью речи, которой свойственно словоизменение. Способность к словоизменению была отличительной чертой и древнего индоевропейского прилагательного. С другой стороны, близость наречий прилагательным по своему общему значению непроцессуального признака, характерная и для современных индоевропейских языков, в древности была еще большей. Например, как в классическом греческом языке, так и в греческом эпохи раннехристианской литературы известно употребление наречий — подобно прилагательным — и в атрибутивной при существительных, и в предикативной функциях. Ср.: ἐν τῷ ὄν κἀρῶ; ὁ κβρίος ἐγγύς и т. п. [Blass-Debrunner 1961: 224]. Даже А. А. Потебня, который не считал функцию определения существительного свойственной наречию, отмечал случаи употребления их в этой функции во многих индоевропейских языках и указывал на большую характерность такого употребления для древних языков [Потебня 1958: 125]. В дефиниции же Г. Хирта индоевропейское наречие прямо было представлено как часть речи, определяющая глагол, прилагательное или существительное [Hirt 1927: 294]. Таким образом, логичнее, как кажется, все старославянские неизменяемые лексемы на -ь (как отмеченные в текстах в синтаксической роли, наиболее характерной для наречия, т. е. в роли глагольного определения, так и отмеченные в ролях, присущих обычно прилагательному, но не чуждых все же и индоевропейскому наречию, в том числе и старославянским наречиям других типов [Ефимова 1991]) считать в системе старославянского языка не «несклоняемыми прилагательными», а наречиями.

Палеославянская традиция квалифицировать старославянские наречия на -ь как «несклоняемые прилагательные» возникла,

видимо, под влиянием гипотезы о происхождении этого типа слов в праславянском языке. Так же, как и рассмотренные выше наречные суффиксы *-ě*, *-у* и *-ьску*, наречный суффикс *-ь* восходит к падежной флексии и обязан своим происхождением адвербиализации падежных форм. В «классических» старославянских грамматиках неизменяемые лексемы на *-ь* связываются с аккумулятивом существительных *-i*-основ [Miklosich 1875: 55; Leskien 1919: 126], к *-i*-основам относил их и Хр. Станг, специально исследовавший эти славянские образования на широком индоевропейском фоне ([Stang 1939; Stang 1973] и др.). Однако в отличие от наречных суффиксов *-ě*, *-у* и *-ьску*, давших в старославянском языке массу новообразований, наречный суффикс *-ь* обнаруживается, главным образом, в архаичных лексемах.

С точки зрения морфемной и словообразовательной структуры старославянские наречия «на *-ь*» можно разделить на три вида: 1) однокорневые наречия, не вычлняющие других аффиксов кроме наречного суффикса *-ь*; 2) двукорневые или префиксальные наречия, предположительно восходящие к праславянским двукорневым или префиксальным чистым сложениям¹, первый компонент (корень или префикс) которых идентифицируется либо путем сопоставления с другими старославянскими лексемами, либо только путем этимологического анализа; 3) префиксально-суффиксальные наречия, словообразовательно мотивированные в рамках старославянского лексического фонда. Благодаря наличию в старославянском языке наречий «на *-ь*» последнего вида правомерно говорить о функционировании в нем суффикса *-ь* в качестве самостоятельной словообразовательной морфемы, идентифицируя его как наречный суффикс и в лексемах первых двух видов.

Однокорневых наречий на *-ь* в старославянских рукописях насчитывается девять: *blizь*, *lěть*, *otь*, *pravь*, *prědbь*², *prěmь*, *strьmь*,

¹ Под «префиксальным чистым сложением» имеется в виду такой древний вид префиксации имен, при котором, как и при двукорневом чистом сложении, не меняется принадлежность опорного компонента к определенной словоизменительной парадигме, в данном случае принадлежность к *-i*-основам (см. также с. 184).

² Наречие *prědbь*, как и наречие *prědbь*, почти во всех случаях употребляется в старославянских рукописях в сочетаниях с глаголами и причастиями,

svobodъ, vasnъ. Почти все они по происхождению являются праславянскими образованиями с *-i*-основой, параллельными образованиям с *-ǫ*- и *-ǫ̆*-основой. Ср.: blǫzъ и синонимичное blǫzъ; lěтъ и посл. *lěto (восходящее к отглагольному прилагательному от п.-е. *lǣ- [ЭССЯ 15: 8–12; 18–19]); rǫvъ и прил. rǫvъ; rǫdъ и синонимичное rǫdъ; rǫtъ и посл. *rǫtъ, ст.-слав. rǫtо; svobodъ (только в предикативном употреблении) и прил. svobodъ. Наречие strъmъ, скорее всего, тоже имело свою параллель в посл. *strъmъ, значением которого, по М. Фасмеру, было 'крутой' [Фасмер III: 775]. Препятствие к декларированию такой параллели заключается в несоответствии значения ст.-слав. strъmъ, которое старославянские словари определяют как 'вполне, полностью, совершенно' [Словарь 1994: 631], 'твердо, решительно' [SJS IV: 188], 'gänzlich, vollständig' [S-A: 125], и значениям посл. *strъmъ и однокоренных с ним слов¹. Возможно, однако, что старославянские словари определяют значение strъmъ не совсем точно, так как в единственном старославянском тексте, содержащем это наречие, оно соответствует многозначному греч. κυρίως: Οὕτω τε κυρίως ἑαυτὸν θεβεῖκόως — и тако strъmъ оумрътвнѣ сѧ самохотѣж . Супр 273,12². Для наречия с первым компонентом того же корня strъmoglavъ, употребленного два раза в Супр при переводе греч. κατὰ κεφαλῆς, старославянские словари тоже дают только контекстное значение 'вниз головой'.

На то, что в происхождении этого типа наречий принимали участие именно именные *-i*-основы, указывает, как кажется, и

находящимися на грани словосочетания и сложения и соответствующими греческим глаголам с префиксами про- и пара-. Слитное или раздельное написание наречий rǫdъ и rǫdъ с глаголами и причастиями в изданиях старославянских рукописей (в оригинале scriptum continua) зависит, по-видимому, от воли издателей: в изданиях евангельских кодексов наречия набраны отдельно, в изданиях Син и Супр — слитно.

¹ Об этом гнезде см. [Варбот 1984: 43; 85].

² Греческое наречие κυρίως обычно переводит strъmъ и в других произведениях, восходящих к старославянским протографам, но сохранившихся только в более поздних списках. (Ср., например: "Οὕτως κυρίως καὶ ἀληθῶς θεοτόκος καὶ κυρία — по истинѣ strъmъ и въ истинноу гѣж и вѣца Бог 288a.) И. И. Срезневский, однако, определяет значение наречия strъmъ как 'прямо, подлинно' [Срезн III: 566].

закрепление в некоторых случаях в адвербиальном употреблении (при преимущественном распространении форм им.-вин. п.) форм других падежей *-i*-основ. Ср., например, наличие в старославянском языке наречия *lětjŏ*, имеющего форму твор. п., при наречии *lětŷ*; наличие наречия *prědi*, имеющего форму местн. п., при наречии *prědŷ*, и др.¹ Видимо, не случаен и тот факт, что указанными падежными формами исчерпывается, в сущности, все разнообразие парадигмы склонения в ед. ч. *-i*-основ: вин. п., формально равный им. п.; род. п., формально равный дат. п., а также и местн. п., если нет акцентных различий, и, наконец, твор. п.² Как отмечал Хр. Станг, тенденция к адвербиализации именных *-i*-основ была характерной чертой славянского языка, развившего малозаметное индоевропейское наследие. При этом, по мнению Станга, «славянские основы на *-i*-, чередующиеся с основами на *-o-* и на *-ā-*, не все относятся к древним *-i*-основам. По модели *zadŷ: zadŷ, zadi; *serda: *serdŷ, *serdi* и т. д. могли возникать новые примеры» [Stang 1973: 83]. Очевидно, это явление связано с общей тенденцией к возникновению в праславянском языке именных *-i*-основ, параллельных другим именным основам, начало которой относится к эпохе балто-славянского единства, но которая получает особенное развитие в позднепраславянскую эпоху [Куркина 1987: 166].

Данные факты свидетельствуют о том, что было бы ошибкой считать наличие в старославянском языке — как и в отдельных славянских языках — наречий, различающихся конечной гласной и имеющих то же или сходное значение (*prědŷ: prědŷ: prědi; blizŷ: blizŷ* и т. п.), результатом «порчи» какой-то одной исходной формы в процессе употребления, неясного произнесения последней гласной

¹ Обращает на себя внимание семантическое и структурное соответствие наречий *prědi* и *zadi* — ср. ссл. **per-dŷ, *per-dŷ* и **za-dŷ, *za-dŷ*.

² Интересным представляется предположение о положении наречия *otŷ* как ядра этого типа наречий. Как по мнению Хр. Станга, так и по мнению Й. Феррелла, наречие *otŷ* восходит к локативу на *-i* индоевропейской консонантной основы, представленной в скр. *antár*, латин. *inter* [Stang 1939: 100; Stang 1973: 82; Ferrell 1967: 660–661]. Возможно, гипотезу о происхождении славянских неизменяемых слов на *-ŷ* от локатива консонантных основ не следует противопоставлять гипотезе о происхождении их от аккузатива *i*-основ, так как оба этих явления могли иметь место и следовать друг за другом во времени.

и т. п., как это представлялось некоторым исследователям (см., например, [Jelitte 1961: 101; Mańczak 1977: 158] и др.). Очевидно, что эти формы имеют самостоятельное происхождение, в то время как закрепление в литературной норме адвербиального употребления какой-либо одной формы является следствием развития уже отдельных славянских языков.

Несмотря на обстоятельное значение наречия *grědъ* 'вперед' в старославянском языке, исконным значением данных именных *-i*-основ было, видимо, именная характеризующее значение. В пользу именного характера значения псл. **per-dъ* говорит, как кажется, способность псл. **per-dъ, za-dъ*, а также, возможно, и ряда других образований с морфемой *-dъ* (например, **u-dъ* [Орел 1979]), называть различные части человеческого тела, т. е. участвовать в процессе номинации, который представляется достаточно древним. Наиболее правдоподобное объяснение семантической эволюции псл. **per-dъ* дал в свое время Хр. Станг, согласно которому первоначальным значением псл. **per-dъ* (и **za-dъ*, и, видимо, **na-dъ* и **po-dъ*) было адъективное значение. Это значение явилось исходным, с одной стороны, для субстантивного употребления, с другой стороны, для адвербиального употребления, а позднее — употребления и в качестве предлога [Stang 1957: 237]. Ко времени написания старославянских рукописей *grědъ* и *grědъ* как в качестве наречий, так и в качестве предлогов принадлежали уже к слою широко употребительной лексики¹.

Адъективное характеризующее значение было, скорее всего, исконным и у лексем «на -ь», восходящих к древним двукорневым и префиксальным сложениям, так как, по наблюдениям Хр. Станга, такие сложения адъективного характера с именными *-i*-основами — типа скр. *dhūmāgandhiḥ*, авест. *ani-mišriš* и др. — вообще были характерны для древних индоевропейских языков [Stang 1939: 99]. Хр. Станг отмечал также в качестве обычного явления для древних языков субституцию *-i*-основ в сложениях наряду с употреблением в свободном виде основ другого типа: скр. *prātyardhiḥ* : *ardhaḥ*, греч.

¹ Ср. у Фр. Копечного [Кореšný 1969: 185–186; Кореšný 1973: 173], который считал, что процесс формирования предлога *grědъ* завершился уже в историческую эпоху написания древнеславянских рукописей.

ἄνακλις : ἄκλή, латин. *trilinguis* : *lingua* и др. [Stang 1973: 77]. Определить же происхождение конкретных старославянских наречий на -ь — восходят ли они к архаичным двукорневым и префиксальным чистым сложениям или являются мотивированными в системе старославянского языка префиксально-суффиксальными образованиями с суффиксом -ь — не всегда представляется возможным, так как, с одной стороны, префиксально-суффиксальные образования возникли на основе древних двукорневых и префиксальных сложений, а, с другой стороны, в эпоху старославянского языка древние сложения переосмыслились как префиксально-суффиксальные образования, т. е. параллельно с процессом образования новых наречий с суффиксом -ь префиксально-суффиксальным способом шел и процесс переразложения существовавших ранее лексем. Так, по поводу префиксально-суффиксальных образований с суффиксом -ь А. Вайан писал: «О некоторых из этих наречий можно определенно сказать, что они образовались из сочетаний: **въкоупь** из его дублета **въ коупѣ** (от **коупь**), **послѣдъ** из **по слѣдоу**, **израдь** из **из-д-радоу**...» [Вайан 1952: 239]. Однако в старославянских рукописях наряду с наречием *poslědъ* (Мар 11, Зогр 7, Ас 5, Сав 2, Евх 3) встречается и синонимичное ему, хотя и менее частотное, наречие *poslědi* (Мар 1, Зогр 1, Ас 1, Сав 5), сохранившее форму местн. п. *-i*-основ. Следовательно, осмысление наречия *poslědъ* как образованного из *po slědu* является, скорее всего, вторичным.

Наиболее уверенно к древнему слою среди неоднокорневых старославянских наречий на -ь можно отнести те лексемы, опорный компонент которых опознается как праславянская именная *-i*-основа. Их архаичность часто подтверждается и другими признаками. К таким лексемам принадлежит наречие *вьsesrdь* 'от всего сердца, всем сердцем', перевод греч. *εἰλικρινῶς*. Псл. **sъrdь*, древнее имя, в котором *-i*-основа заменила индоевропейскую консонантную основу **k̑er(d)* : *k̑rd-ás* (ср. лит. *širdis* : *širdi*), восстанавливается с высокой степенью достоверности (см. [Trautmann 1923: 302; Фасмер III: 605–606; Stang 1966: 158; Szemerényi 1967: 66; Эккерт 1972: 210; Birnbaum 1972: 148] и др.). В наречии *očivistь* 'видимо, явно', употребленном в соответствии с греч. *ὀφθαλμοφανῶς*, опорный компонент — имя с *-i*-основой **vistь*, которое, возможно, в значении 'видение, смотрение' было и в старославянском лексическом

инвентаре, так как неоднократно отмечено в списках произведений, восходящих к старославянским протографам [SJS I: 193; Срезн I: 264; СлРЯ XI–XVII 2: 191]. На архаичность лексемы *ošivъstь* указывает принадлежность ее к древнейшему типу славянских сложений без соединительного гласного¹.

Праславянские именные *-i*-основы мы предполагаем также в ряде других наречий на *-ь*, рассматривая их как лексемы, восходящие к префиксальным чистым сложениям. Здесь следует, видимо, вспомнить мнение Р. Эккерта о связи ст.-слав. и русск. ц.-слав. *udobъ*, *neudobъ* и *bezdobъ* с праславянской диалектной *-i*-основой **dobъ* [Эккерт 1971: 492]². В ЭССЯ в статье на **bezdobъ* *-i*-основа не упоминается, но отмечается, что **bezdobъ* примыкает по словообразованию и морфемному составу к польск. *Brzez-dob* (имя собственное) < **bezdobъ* [ЭССЯ 2: 17–18], т. е. признается аналогичность этому чистому сложению с сохранением принадлежности опорного компонента к *-o*-основам. Судя по значениям рефлексов посл. **dobъ* в некоторых славянских языках, наиболее распространенным значением этого имени, как и параллельного образования с *-ā*-основой **doba*, было ‘пора, время’, однако в русск. ц.-слав. *doba* сохранилось значение ‘польза’ [Срезн I: 671–672]. Подобной семантикой обладало и имя, послужившее опорным компонентом при образовании данных наречий (ср. значения наречий: *bezdobъ* ‘тщетно, напрасно’, *udobъ* ‘легко, нетрудно’, ‘удобно’).

Р. Эккерт писал также о соотносительности с балтийскими именными *-i*-основами — лит. *péntis*, *-ies*; *pentis*, *-iēs*; лтш. *piēts*, *-s*; др.-прусс. *pentis* — праславянских наречий **obpęť* и **vъspęť*, рассматривая их на фоне других праславянских именных *-i*-основ с префиксальным распространением, соотносительных с балтийскими *-i*-основами [Эккерт 1972: 212–213]. Таким образом, в старославянском наречии *vъspęť* тоже может быть опознана именная *-i*-основа. (Так предполагали и некоторые другие лингвисты, хотя и без такого «солидного» обоснования, как у Эккерта, см. [Преображенский I: 654; ЭСРЯШ I, вып. 3: 202–203; Борковский-Кузнецов 1965: 322–323].)

¹ Об архаичности этого типа сложений см. [Цейтлин 1986: 216].

² В частной беседе А. Ф. Журавлев указал мне также на укр. диал. *небездіб* ‘ненапрасно’ с явным отвердением конечного *b* [ЕСУМ 1: 162].

При рассмотрении происхождения этого наречия обращение к праславянской *-i*-основе **peťь* представляется более предпочтительным, чем сопоставление его непосредственно со ст.-слав. *peťa* 'пятка, пята' < псл. **peťa*, как это делается в некоторых словарях и грамматиках [Фасмер III: 424; S-A: 282; Nandriš 1959: 103].

Видимо, есть серьезные основания предполагать праславянскую именную *-i*-основу в качестве опорного компонента и в наречии *отъвѣтъь*. А. Лескин производил его непосредственно от гл. *vřtěti* («*zu vřt-, vřtěti*» [Leskien 1919: 159]), однако происхождение этой лексемы можно интерпретировать как префиксальное чистое сложение с именем **vьrnъ*, которое восстанавливается в качестве именного образования от гл. **vьrnōti* (<**vьrt-*), претерпевшего, как и ряд других праславянских глаголов, процесс морфологического переразложения, и которое подтверждается словен. *vrnītev*, сербохорв. *perovrniv* и другими славянскими рефлексам, указанными Ж. Ж. Варбот [Варбот 1984: 146]¹.

В задачу настоящего исследования не входят вопросы этимологизации старославянских лексем, и все же нельзя здесь не заметить, что происхождение от аналогичных морфологических структур с опорным компонентом в виде именной *-i*-основы можно допустить и для других наречий, в старославянском языке уже немотивированных, но восходящих к двукорневым или префиксальным праславянским сложениям. Так, например, для псл. **ašutъ* в ЭССЯ предлагается этимология, согласно которой в этой лексеме вычленяется префикс *a-* (пз н.-е. *ā-*) со значением приблизительности и корень *-šut-*, тождественный основе псл. **šutъ* и **šutiti* [ЭССЯ 1: 89], но о реконструкции именной основы **šutъ* речь не идет.

Некоторые наречия на *-ъ* — вне зависимости от их реального происхождения — представляются префиксально-суффиксальными образованиями, мотивированными в рамках старославянского лексического фонда. Помимо указанных А. Ваїаном *vъкуръ*, *poslědъ*, *izdrědъ* (см. выше), к ним следует отнести наречия *isplъь* 'полностью, сполна', *paпѣть* 'косноязычно', *prěprostъ* 'просто', 'кратко' 'сразу, немедленно'²,

¹ Ср. мнение Ж. Ж. Варбот о предпочтительности реконструкции *-i*-основы **(sz)klenъ* от гл. **klenōti* [Варбот 1984: 154].

² Значение 'сразу, немедленно' не отражается старославянскими словами [Словарь 1994: 549; SJS III: 474], ср., однако такой текст: *Ti oъv*;

‘поверхностно’, которые мотивируются прилагательными *рѣльъ* ‘полный’, *пѣмъ* ‘немой’, *prostъ* ‘простой’, ‘прямой’ и др.¹. Наречие *osobъ* ‘отдельно, особо’, в Супр также ‘частным образом’, образовано на базе архаичного сочетания локатива возвратного местоимения с предлогом *o < *o(b)*. Единичные употребления такого локатива еще встречаются в старославянских рукописях — ср.: *’Idōn dē o ’Iησοῦς ὄχλον περὶ αὐτόν...* — **видѣвъ же иѣ многъ народъ о себѣ...** Мф 8,18 Сав (в Мар **окръсть себе**, в Зогр и Ас — **окръсть**)². Словообразовательно мотивированным являлось, возможно, и наречие *въпезааръ* ‘внезапно’, которое употреблено в Супр наряду с синонимичными и гораздо более частотными наречиями *въпезааръ* и *въпезааро*. Сущ. *пезааръ* со значением ‘неожиданность, нечаянность’ встречается в Изб 1073, списке со старославянского протографа: **четырьмь бо образомъ съгрѣшактъ чловѣкъ . по незапшоу . по прѣльсти . по неразоумѣннж . по любѣви . л. 28а 17.**

Вместе с тем, несмотря на наличие в старославянском языке сущ. *кръсть*, наречие *окръсть* ‘около, вокруг’ нельзя считать словообразовательно мотивированным. Сущ. *кръсть* является высокочастотным словом, но во всех случаях употребления в старославянских рукописях имеет значение ‘крест’, *σταυρός*, относясь к сфере религиозной лексики, и, следовательно, не может мотивировать наречие *окръсть*. Наиболее авторитетные этимологические источники объясняют сущ. *кръсть* как заимствование из др.-в.-нем. (или, возможно, готск.) формы имени Христа (см. [Фасмер II: 374; ЭССЯ вып. 13: 76; Kiparski 1975: 58] и др.). Вместе с тем существует гипотеза А. Брюкнера (отвергаемая М. Фасмером) о существовании другого псл. **krъstъ* с той же основой, что и в *krōgъ*, *skrižalъ*, не связанного с германским заимствованием [Brückner 1970: 266].

Πάντας ἀλλῶς σώζει ἐπιφανείς ἐν Αἰθῆ θεός; — **ч’то оубо всѣмъ ли прѣпростъ съпасаектъ . живнѣ смъ въ адѣ бог’**. Супр 449,20 (аналогично в Клоц 13а 18).

¹ Лексема *isrѣльъ* (почему-то только «русск. цслав. *исполнь, испльнь*») в ЭССЯ объясняется как отглагольное прилагательное от **jъzrylniti* [ЭССЯ 9: 65]. Однако при рассмотрении этой лексемы в кругу лексем подобной структуры мнение Хр. Станга, считавшего *isrѣльъ*, как и *pręprostъ*, восходящими к древним прилагательным с *-i*-основой, кажется нам все же более убедительным.

² А. Вайан также считал, что наречие *osobъ* «находится в соотношении с *o себѣ*» [Вайан 1952: 239].

Возможно, происхождение наречия *okръstъ* следует связать с этим праславянским именем, иначе было бы трудно объяснить семантическую эволюцию псл. **krъstъ* 'крест' → 'окружность'.

Префиксы

В старославянских рукописях употребляется ряд наречий, образованных от наречий с помощью префиксов *do-*, *iz-*, *otъ-*, *sъ-*. Эти наречия являются обстоятельственными и имеют значения времени или места.

Наречия с префиксом *do-*: *dodolu* 'донизу', *doďьльсь* 'до сих пор', *doniže* 'донизу', *donizu* 'донизу', *donižъ* 'донизу', *donyně* 'до сих пор', *dopozdě* 'на более позднее время', *dovъnотrъ* 'внутри до предела'; с префиксом *iz-*: *izdaleče* 'издалека' и 'издавна'¹, *izотrъ* 'изнутри', *izвъnотrъ* 'изнутри', *izотrъjodu* 'изнутри'; с префиксом *otъ-*: *otъdaleče* 'поодаль', *otъizотrъjodu* 'изнутри', *otъnyněci* 'отныне', *otъвъnějodu* 'изнутри' (в функции предлога в Мк 7,15 в Мар); с префиксом *sъ-*: *sъvyše* 'сверху; выше (от Бога)'.

Для данных наречий характерно сохранение первоначальной семантики префикса: префикс *do-* вносит в значение наречия значение доведенности (в пространстве или во времени) до признака, названного мотивирующим наречием; префиксы *iz-*, *otъ-*, *sъ-* вносят в значение наречия значение отделения, удаления (в пространстве или во времени) от признака, названного мотивирующим наречием². Ср., например, значения наречий *dolu* (1) и *dodolu* (2): 1) *ei vōdъ ei toŭ*

¹ Темпоральное значение у наречия *izdaleče* не отмечается старославянскими словарями [Словарь 1994: 253; SJS I: 738]. Ср., однако, такие тексты: *се во пророкъ прѣжде издалече прогласи Супр 246,29; сиѣ смокве издалече пророкъ хоташти ки бес плода бѣти глаголаше Супр 350,9.*

² Употребляющееся в евангельских текстах наречие *sъzadi* имеет то же значение 'сзади', что и наречие *zadi*. Ср. в чтении Л 7,36: *и ставъши задн при ногоу его . плачъшти сѧ начатъ мочити носѣ его слъзѧми в Мар и Зогр; и ставъши съ задн . при ногоу его... в Ас.* По происхождению наречие *sъzadi* является предложно-падежной формой незафиксированного в старославянских рукописях (и, возможно, несохранившегося в эпоху старославянского языка) праславянского имени с *-i*-основой **zadi*.

θεοῦ, βάλε σεαυτὸν κάτω — **аще снѣ еси вѣжи . врьзи сѧ дологѣ** Мф 4,6 Сав, Зогр; 2) ἐνδεδυμένον κολόβιον λινοῦν, διερωγὸς ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω — **облѣчена въ котыгж льнѣнж . раздѣранж отъгоры дожи и до дологѣ** Супр 187,6; значения наречий **пунѣ** (1) и **допунѣ** (2): 1) ἡ θυγάτηρ μου ἄρτι ἐτελεύτησεν — **дъшги моѣ нынѣ оумьрѣтъ** Мф 9,18 Мар, Сав; 2) ἐκ νεότητός μου καὶ μέχρι νῦν ἀπαγγελοῦ τὰ θαυμάσιά σου — **отъ юности моеѧ и донынѣ възвѣштж чудеса твоѣ** Пс 70,17 Син; значения наречий **отъ** (1) и **изотъ** (2): 1) Ἦμεινε δὲ ἔσω ὁ ἄγιος ψάλλον καὶ λέγων... — **оста же жтръ сѣын пол и глагола...** Супр 22,17; 2) πάντα ταῦτα τὰ πονηρὰ ἔσωθεν ἐκπορεύεται καὶ κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον — **всѣ сн зѣла из жтръ исходатъ . и скврнѧтъ чѣвка** Мк 7,23 Мар.

Впечатление «самостоятельности» префикса в этих наречиях поддерживается текстом греческих оригиналов: префикс *do-* в старославянских наречиях (за исключением *dorozdĕ*) соответствуют греческим предлогам *ἕως* или *μέχρι*; префиксы *iz-*, *ot-*, *sv-* чаще всего соответствуют греческому «суффиксу» *-θεν* со значением отделения, удаления или предлогам *ἐξ* или *ἀπὸ* с тем же значением. Такая четкость в выражении семантики префиксов дает возможность исследователю воспринимать рассматриваемые наречия как сочетания наречия с предлогом. Так, А. Вайан писал: «наречия могут предшествовать предлоги: **до съде, до нынѣ... отъ нынѣ... из далече, съ вѣше и др.**» [Вайан 1952: 241]. Г. А. Хабургаев даже считал, что возможность употребления с предлогами являлась одной из своеобразных особенностей старославянских наречий [Хабургаев 1986: 227]. Однако предпочтительней все же рассматривать эти наречия в качестве префиксальных образований, так как в противном случае пришлось бы признать наличие у наречий предметной референции. В отдельных случаях, где однозначное решение не может быть принято, возможно и такое прочтение старославянского текста. Ср., например, следующий текст: **ὁμεις δὲ καθίσατε ἐν τῇ πόλει ἕως οὗ ἐνδύσεσθε ἐξ ὑψους δόναμιν** — **вы же сѣдѣте в градѣ нероусалимъсѣѣ . донъдеже облѣчете сѧ силож съ вѣше** Л 24,49 Мар, Зогр, Ас. Вместе с тем, существование в старославянском языке прилагательного **сѣвушѣ** 'приходящий свыше (от Бога)', производного от наречия **сѣвуше**, свидетельствует о том, что **сѣвуше** было одним словом. Ср.: **καὶ πολλὴν ἐπισπασόμεθα τὴν ἄνωθεν ῥοπὴν** — **многж приемемъ съвѣшинжж помостъ** Супр 498,4.

Заклучение

В настоящей монографии изложены основные результаты проведенного нами исследования функционирования старославянских словообразовательных морфем. Словообразовательные аффиксы были заимствованы старославянским языком из народной славянской речи, но не все они были востребованы этим первым письменно-литературным языком славян в равной степени. По возможности мы старались дать не статичное их описание, опирающееся механически на словарь Словаря 1994, но проследить пути формирования собственно старославянской морфемки в процессе становления и развития самого старославянского языка в IX — начале XI вв.

В соответствии с принципами, изложенными в двух первых главах, старославянская словообразовательная система рассматривалась нами как система языка особого рода, а именно как система средневекового литературного языка. Это означает, что в своем анализе старославянского материала мы постоянно имели в виду, что каждая старославянская лексема либо вошла в старославянский язык из народной славянской речи (часто это сопровождалось усложнением ее семантической структуры, называемым палеославистами или *excessive semantic identification*, или транспозицией, см. с. 14 и сл.), либо заимствовалась целиком (это, главным образом, старославянские грецизмы), либо создавалась самими древними книжниками для нужд перевода текста греческого оригинала. Процесс создания древними книжниками новых лексем, который во многих случаях проходил под влиянием морфемных и семантических структур греческих соответствий, но включал в эту процедуру собственно славянские словообразовательные механизмы, был в центре нашего внимания. В настоящем исследовании мы использовали метод сопоставления греческой лексики со старославянской, в котором «отправной точкой» является греческая лексема (а не старославянская, как это делается обычно в палеославистических исследованиях). При

этом мы опирались как на материал старославянских словарей (Словарь 1994 и SJS), так и на наши собственные, накопленные в течение многих лет, материалы. По нашему убеждению, именно такой подход позволяет в какой-то мере проникнуть в «творческую лабораторию» древнего книжника и, следовательно, прояснить интересующие нас пути формирования лексического фонда старославянского языка в целом и его словообразовательной морфемки в частности.

В разделах монографии, посвященных конкретным словообразовательным морфемам, мы старались не только выявить условия их функционирования в старославянском языке, но и определить их место в старославянской словообразовательной системе. Это место в значительной мере обуславливается продуктивностью и конкурентоспособностью словообразовательной морфемы. В особых условиях становления лексического фонда средневекового литературного языка основным показателем продуктивности морфемы мы считали ее включенность в процесс образования новых лексем, которые предназначались древними книжниками как для обозначения ранее не известных в славянском мире понятий и реалий, так и для замены грецизмов или славянских слов, даже уже вошедших в старославянский язык из народной славянской речи, но не удовлетворявших их, видимо, своей простотой. Наше исследование показало, что не все продуктивные славянские аффиксы, унаследованные старославянской словообразовательной системой (например, суффиксы существительных *-in(a)*, *-ot(a)*, суффиксы прилагательных *-ĕn-*, *-at-*, именные префиксы *pa-*, *sq-*, *q-*), демонстрировали в ней высокую продуктивность (см. с. 111–120; 184–186; 290–294), в то время как другие аффиксы (например, суффиксы существительных *-tel'(ь)*, *-at'(ь)*, суффиксы прилагательных *-ov-*, *-ъsk-*) стали высокопродуктивными именно в старославянском языке (см. с. 60–68; 85–91; 216–227; 232–247). Уделяли мы внимание и специфическим словообразовательным процедурам, характерным именно для старославянского словообразования, которые называли «удвоенной аффиксацией» и «обновлением»; участие в них таких суффиксов, как *-ъnik(ь)*, *-in(ь)*, *-ic(a)*, *-ъnic(a)*, *-yŋ(i)*, *-in(a)*, *-ĵj(e)*, *-ĵstv(o)*, *-ъsk-*, *-ĵn-*, мы тоже считали показателем их продуктивности (см. с. 57–59; 92; 101; 102; 108; 113; 153–155; 160–162; 245–246; 274–278).

Учитывая особые условия формирования старославянской словообразовательной системы, свидетельством продуктивности словообра-

звательной морфемы мы считали также ее способность к сочетаемости с основами греческого происхождения — как с основами старославянских грецизмов, так и с основами греческих лексем, взятых в процессе перевода непосредственно из текста греческих оригиналов. В наибольшей мере такую способность обнаруживают суффиксы существительных $-ĕnĭn(ъ)/-(j)anĭn(ъ)$, $-uŋ(i)$, $-ĭstv(o)$, суффиксы прилагательных $-ov-$, $-in-$, $-ĭsk-$ (см. с. 93 и сл.; 106 и сл.; 156 и сл.; 216–244).

Создание новых слов путем калькирования греческих соответствий исследовалось нами в качестве специфической словообразовательной процедуры, характерной для старославянского словообразования. Древние книжники создавали кальки с помощью старославянских словообразовательных морфем, введя их в круг слов определенной славянской структуры, поэтому калькированные лексемы описывались в соответствующих параграфах, посвященных этим морфемам. Отмеченные нами многочисленные случаи неполного соответствия морфемных и семантических структур старославянского и греческого слов свидетельствуют о том, что старославянское калькирование представляло собой относительно самостоятельную словообразовательную процедуру, причем несоответствие морфемных структур обуславливалось, главным образом, суффиксальным оформлением старославянской лексемы (т. е. использованием материально выраженной старославянской словообразовательной морфемы) при отсутствии такового у лексемы греческой. Наше исследование показало, что степень участия старославянских словообразовательных аффиксов в процессах калькирования была различной. Так, при образовании наименований лица в кальках наиболее часто используется суффикс $-ĭs(ъ)$ (с. 81–83), значительно реже суффикс $-tel(ъ)$ (с. 66), еще реже — суффикс $-(ĭn)ĭk(ъ)$ (с. 53; 59–60; 188–192), всего одна калька в старославянских рукописях с суффиксом $-ic(a)$ (с. 104–105), совсем не используются суффиксы $-af(ъ)$, $-uŋ(i)$, $-ĭĭj(i)/-ĭĭj(i)$, $-ĭšt(ъ)$, $-ataj(ъ)$; при образовании *nomina abstracta* наиболее часто используется суффикс $-ĭj(e)$ (с. 146–148), реже суффикс $-ĭstv(o)$ (с. 165–167), единственный случай (причем не бесспорный) образования кальки с суффиксом $-ost(ъ)$ (с. 129), совсем не используются суффиксы $-ot(a)$, $-zn(ъ)$, $-ĭb(a)$, $-ĭd(a)$.

Процесс становления старославянской морфемки сопровождался формированием суффиксальных комплексов, к которому приводило

частое сочетание словообразовательных морфем с производящими основами определенного типа. Эти комплексы осознавались древними книжниками как цельные значащие части слов и начинали использоваться ими в качестве единых (новых) словообразовательных формантов. Частое сочетание суффикса существительных *-ik(ъ)* с основами прилагательных с суффиксом *-ъп-* привело к формированию единого словообразовательного суффикса *-ъnik(ъ)*, который функционировал уже на самом раннем этапе становления старославянского языка (если он вообще не был им унаследован в качестве славянской словообразовательной морфемы, см. с. 42 и сл.). Частое сочетание суффикса существительных *-tel(ь)* с глагольными инфинитивными основами с суффиксом *-i-* («глаголов на *-iti*») способствовало осознанию древними книжниками в качестве цельной словообразовательной морфемы комплекса *-itel(ь)* (с. 64 и сл.). Частое сочетание суффикса *-ic(a)* с суффиксом *-ъп-* при образовании существительных со значением 'вместилще, помещение' от прилагательных создавало предпосылки к формированию единого словообразовательного суффикса *-ъpic(a)* (с. 100–101). При образовании отглагольных существительных частое сочетание суффикса *-bj(e)* с основами причастий привело к формированию комплексов *-епъj(e)*, *-пъj(e)*, *-тъj(e)*, которые начали осознаваться древними книжниками в качестве единых словообразовательных формантов, о чем говорят многочисленные случаи образования с ними существительных от переходных глаголов, а также случаи «неправильного» образования (с. 130–138). Наличие двойной мотивации — прилагательным и существительным — у наречий с суффиксом *-у*, образованных от прилагательных с суффиксом *-ъsk-*, делало возможным образование наречий непосредственно от существительных с помощью суффикса *-ъsky* (с. 324).

С перенесением в эпоху царя Симеона основного центра славянской письменности в район г. Преслава связано не только кардинальное расширение лексического инвентаря старославянского языка, но и обретение некоторыми словообразовательными морфемами статуса особых примет языка преславских книжников. Такой приметой стало употребление наречного суффикса *-ѣ* в сочетании с аффиксальными и сложными производящими основами (с. 320–321). Специфическое первоначальное словообразовательное значение

суффикса прилагательных *-iv-* (номнации качеств действующего лица с «активной» стороны) по мере развития старославянского языка постепенно стирается, и он тоже становится приметой текстов, связанных с Преславской школой письменности (с. 285), а возникшая как расширение этого суффикса словообразовательная морфема *-yiv-*, неупотребительная на начальной стадии формирования старославянского языка, в языковой практике преславских книжников обретает высокую продуктивность (с. 287–288).

В процессе исследования функционирования в старославянском языке конкретных, отдельно взятых морфем становилось все более очевидной необходимость изучения их в сопокупности, в качестве взаимозависимых элементов словообразовательной морфемки определенных частей речи как особых микросистем. В рамках данного подхода выявляется такая важная характеристика словообразовательной морфемки, как распределение функциональной нагрузки между морфемами.

По мере пополнения лексического инвентаря старославянского языка, обусловленного расширением круга переводимых древними книжниками греческих текстов, более сложных по содержанию и стилю, чем текст переведенного в первую очередь избранного Евангелия, менялось и распределение функциональной нагрузки словообразовательных морфем. Некоторые морфемы значительно увеличивали свою продуктивность и конкурентоспособность, что выражалось не только в образовании с их помощью новых слов (старославянских неологизмов), но и в расширении сферы их взаимодействия с производящими основами путем вовлечения в нее основ, ранее не сочетавшихся с данными словообразовательными морфемами, — основ с другим типом семантики, основ греческого происхождения, основ других частей речи. Иначе говоря, развитие старославянского языка сопровождалось усилением «словообразовательной валентности» определенных старославянских морфем¹. Тем самым создавались ситуации экспансии словообразовательных морфем в изначально не свойственные им сферы. Так, суффикс

¹ Из опубликованных работ проблематики, связанной с изучением словообразовательной валентности морфем в специфических условиях старославянского материала, касаются пока только тезисы доклада [Ефимова 2004б].

существительных *-ъnikъ*), сложившийся как единая словообразовательная морфема, видимо, ко времени самых ранних переводов (с. 51), сочетался с субстантивными основами. Однако образования от глагольных основ (предположительно *izbavъnikъ*, *obavъnikъ*, *obliъnikъ* и др.), появляющиеся уже в тексте Спн, а также в тексте более поздних переводов, свидетельствуют об экспансии этой словообразовательной морфемы в изначально не свойственную ей сферу. Среди словообразовательных морфем прилагательных особенно высокую продуктивность и конкурентоспособность демонстрирует суффикс *-ъsk-*. Прилагательные с суффиксом *-ъsk-*, «специализировавшиеся» на образовании прилагательных определенных семантических групп, уже в евангельском тексте тетров (из собственно старославянских рукописей это Зогра и Мар) начинают «вытеснять» прилагательные с другими словообразовательными формантами. Не только прил. *pebesъlъ* апракосного текста заменяется на прил. *pebesъskъ* (Мт 6,26; Мт 6,32; Мт 18,1; Мт 18,35; Мт 24,36; Л 21,26; И 3,12 и др., факт, издавна привлекавший внимание палеославистов), но и, например, вместо прилагательного «старого типа» *siluamъlъ* (с бывшим суффиксом *-j-*, в эпоху старославянского языка проявлявшим себя в виде морфонологического чередования согласных в исходе производящей основы) употребляется прил. *siluamъskъ* (И 9,7). Подобная замена наблюдается и при цитировании Пс 132,3 в Евх: прил. *egъmъlъ*, употребленное в тексте Спн, заменяется в Евх прилагательным с суффиксом *-ъsk-* *egъmъlъskъ* (Евх 9а 12–13, см. с. 206). Расширяется и сфера взаимодействия суффикса *-ъsk-* с производящими основами: если в евангельском и псалтырном тексте преобладали прилагательные с этим суффиксом, образованные от географических названий и названий племен и народов, а прилагательные от наименований конкретных предметов, были единичны (с. 233–238), то в старославянских рукописях, отражающих более поздние переводы, насчитывается, согласно словнику Словаря 1994, 29 прилагательных, образованных с суффиксом *-ъsk-* от наименований различных предметов и явлений. Также уже в тексте тетров проявляется более высокая конкурентоспособность суффикса *-ov-* при образовании прилагательных от наименований лиц и, особенно, имен собственных. Например, в тексте тетров (Зогра и Мар) прил. *skъdъlъnikovъ* заменяет в чтении

Мт 27,7 прилагательное апракосного текста *skǫdybъlъiъ*, а в чтении Л 3,34 появляются прилагательные *avgaamovъ* и *ijakovovъ*, которые выглядят новообразованиями по сравнению с высокочастотными и употребляющимися в большинстве старославянских рукописей прилагательными «старого типа» *avgaamъ* (39 уп.) и *ijakovъ* (51 уп.). Расширяется сфера взаимодействия с производящими основами наречного суффикса -у: если в евангельском тексте встречается всего пять образованных от прилагательных с суффиксом -ъsk- наречий «на -ъsku», и то только со значением отношения к названиям племен и народов (*evrejsky*, *evrĕjsky*, *grĕjsky*, *latinjsky*, *rumjsky*), а в псалтырном тексте наречий «на -ъsku» нет совсем, то в старославянских рукописях, отражающих более поздние переводы, появляется еще 16 наречий «на -ъsku» разнообразной семантики (с. 322–324). В текстах, отражающих влияние Преславской школы письменности, наречия с суффиксом -ĕ заменяют так называемые наречия «на -о» (с. 320–321).

Некоторые тенденции к перераспределению функциональной нагрузки на словообразовательные морфемы можно заметить даже в области калькирования. Так, при образовании в старославянском языке *nomina abstracta* путем калькирования «основным» суффиксом для суффиксального оформления калек был суффикс -ъj(e) (с. 146–148). Значительно реже использовался суффиксом -ъstv(o) (с. 165–167). Однако в некоторых случаях лексемы суффиксом -ъstv(o) калькируют те же греческие соответствия, что и лексемы с суффиксом -ъj(e), хотя калки с суффиксом -ъj(e), как правило, более частотны, а иногда употребляются и в большем количестве рукописей, т. е. более «укоренены» в языке (с. 167). Образование калек с суффиксом -ъstv(o) можно, следовательно, рассматривать как его экспансию в «сферу действия» суффикса -ъj(e), объясняя ее попытками древних книжников создать «более удачные» калки, с более яркой значащей последовательностью фонем [ъstv], чем в суффиксе -ъj(e). Если гапакс *Evx sĕlomǫdrostъ* являлся калкой греч. *σωφροσύνη*, то, при наличии в старославянском лексическом инвентаре калки с этого греческого соответствия с суффиксом -ъj(e) *sĕlomǫdrĕje*, аналогичное предположение можно сделать и в отношении этого образования с суффиксом -ost(ъ), также как и в отношении образования с суффиксальным комплексом -ъstvъj(e), гапакса *Klocъ sĕlomǫdrĕstvĕje*,

т. е. тоже видеть в них попытки древних книжников создать «более удачные» кальки, с более яркими значащими последовательностями фонем [ost] и [ьstvъj], чем в суффиксе -ьj(e) (с. 129).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что данная монография посвящена описанию словообразовательной морфемки именно старославянского языка, т. е. языковой системы, существовавшей в IX — начале XI вв. в качестве раннего этапа общего для всех славян древнеславянского языка, хотя круг источников материала исследования был значительно шире круга собственно старославянских рукописей, лексика которых положена в основу словника Словаря 1994. Эти источники мы использовали в соответствии с предложенной нами методикой, описанной в первых двух главах монографии (см. особенно с. 28). Полагаем, что только такой подход может дать удовлетворительные результаты, необходимые для изучения как лексики и словообразования старославянского языка, так и истории отдельных славянских языков.

Библиография

Алексеев 1988: *Алексеев А. А.* Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 124–145.

Амфилохий 1877: *Архим. Амфилохий Сергиевский.* Древле-славяно-грекорусский словарь из Юрьевского евангелия 1118–1128 года, сличенный с евангелиями XI в., XII в. и 1270 года. М., 1877.

Андријевска 2003: *Андријевска Н.* Преводот на грчкото привативно алфа во старите македонски текстови. Скопје, 2003.

Бенвенист 1955: *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

Бернштейн 1972: *Бернштейн С. Б.* К истории славянского суффикса *-tel'ь* // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 36–42.

Бернштейн 1974: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

БЕР: Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев. София, 1979.

Вайан 1952: *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Ван-Вейк 1957: *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.

Варбот 1969: *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969.

Варбот 1984: *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984.

Верещагин 1985: *Верещагин Е. М.* Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 217–238.

Верещагин 1997: *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

Верещагин 2001: *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Вечерка 1985: *Вечерка Р.* Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 174–195.

Виноградов 1972: *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Воронцова 1954: *Воронцова В. Л.* Образование существительных с суффиксом *тель* в древнерусском языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 5. М., 1954. С. 5–33.

Востоков 1865: *Востоков А. Х.* Филологические наблюдения. СПб., 1865.

Герд 1990: *Герд А. С.* Морфемика в ее отношении к лексикологии // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 5–11.

Гринкова 1955: *Гринкова Н. П.* Из наблюдений над некоторыми устаревшими словами русского языка // Уч. зап-ки ЛГПИ. 1955. Т. 104. С. 173–225.

Геров: *Геров Н.* Речник на български език. Т. I–V. Пловдив, 1895–1904.

Грамматика 1991: Грамматика на старобългарския език: Фонетика: Морфология: Синтаксис / Под ред. И. Дурданова. София, 1991.

Грамматика 1982: Русская грамматика. Т. I. М., 1982.

Гринберг 1963: *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963. С. 60–94.

Делева 1997: *Делева А.* *кѣнигы* – происход и значение на думата // Преславская книжовна школа. Т. 2. София, 1997. С. 31–40.

Добрев 1982: *Добрев И.* Старобългарска граматика. Теория на основите. София, 1982.

Дограмаджиева 1981: *Дограмаджиева Е.* Своеобразие этапов книжного староболгарского языка // *Palaeobulgarica*. 1981. № 1. С. 55–61.

Дыбо 2000: *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.

Евангелле от Иоанна 1998: Евангелле от Иоанна в славянской традиции. Изд. подготовили: А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе и др. СПб., 1998.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови / Ред. О. С. Мельничук и др. В 7-ми т. Т. 1. Київ, 1983.

Ефимова 1989: *Ефимова В. С.* О значении наречий *вельми*, *много* и *эбло* в языке старославянских рукописей // *Этимология* 1986–1987. М., 1989. С. 32–36.

Ефимова 1989а: *Ефимова В. С.* Наречия в языке старославянских рукописей. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1989.

Ефимова 1989б: *Ефимова В. С.* О старославянских наречиях, мотивированных существительными // *Советское славяноведение*. 1989. № 2. С. 74–84.

Ефимова 1991: *Ефимова В. С.* Об употреблении непронизводных наречий в языке старославянских рукописей // *Palaeobulgarica*. 1991. (XV). № 2. С. 32–36.

Ефимова 1991а: *Ефимова В. С.* Старославянские отадъективные наречия с суффиксом *-ѣ* // *Советское славяноведение*. 1991. № 3. С. 71–80.

Ефимова 1994: *Ефимова В. С.* О некоторых тенденциях развития литературного языка в произведениях Иоанна Экзарха Болгарского // Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 24–26 мая 1994 г. М., 1994. С. 24–26.

Ефимова 1996: *Ефимова В. С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. I. Слова с корнями *-вѣт-*, *-бесѣд-*, *-каз-* // Славяноведение. 1996. № 1. С. 18–30.

Ефимова 1997: *Ефимова В. С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. II. Слова с корнями *-рек-*, *-глас-*, *-глагол-* // Славяноведение. 1997. № 5. С. 22–33.

Ефимова 1999: *Ефимова В. С.* О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы. М., 1999. С. 23–67.

Ефимова 1999а: *Ефимова В. С.* О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке // Славяноведение. 1999. № 2. С. 67–78.

Ефимова 1999б: *Ефимова В. С.* О значениях форм компаратива в языке древнеболгарских рукописей X–XI вв. // Съпоставително езикознание. 1999. № 4. С. 75–81.

Ефимова 2000: *Ефимова В. С.* Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах // Славяноведение. 2000. № 1. С. 56–69.

Ефимова 2000а: *Ефимова В. С.* О выражении значения суперлатива формами компаратива в старославянском языке // *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 42–46.

Ефимова 2002: *Ефимова В. С.* К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002. С. 249–288.

Ефимова 2002а: *Ефимова В. С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 462–470.

Ефимова 2002б: *Ефимова В. С.* К вопросу о продуктивности старославянских морфем // Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. М., 2002. С. 22–25.

Ефимова 2004: *Ефимова В. С.* О сочинительных союзах в старославянском языке — где место союзу *а*? // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004. С. 47–56.

Ефимова 2004а: *Ефимова В. С.* Местоимение первого лица в старославянском языке – свидетельства евангельских текстов // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004. С. 179–188.

Ефимова 2004б: *Ефимова В. С.* О методике изучения влияния языка греческих оригиналов на словообразовательные процессы в старославянском языке // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2004. С. 37–43.

Ефимова 2005: *Ефимова В. С.* К вопросу о лексическом выражении отрицания в старославянском языке // *Slavia*. 2005. Roč. 74. Seš. 2–3. S. 251–264.

Займов, Капалдо 1982–1983: *Займов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. В 2 т. София, 1982–1983.

Зверковская 1986: *Зверковская Н. П.* Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М., 1986.

Иванов 1965: *Иванов В. В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

Ковачева 1981: Наблюдения върху абстрактните съществителни с наставка *-ота* в произведенията на старобългарските писатели и в класическите старобългарски паметници // Константин-Кирил Философ. Материали от научните конференции по случай 1150-годишната от рождението му. София, 1981. С. 321–330.

Ковачева 1999: *Ковачева П.* Една от функциите на старобългарските наставки *-ина, -ство* и *-ота* // Актуални проблеми на българското словообразуване. София, 1999. С. 269–280.

Крысько 2002: *Крысько В. Б.* К истории мультипликативных наречий на *-жды* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2002. Bd. 61. Hft. 2. S. 365–398.

Кубрякова 1999: Кубрякова Е. С. Проблемы словообразовательной семантики (аффиксы и их роль в формировании словообразовательного значения) // Актуални проблеми на българското словообразуване. София, 1999. С. 35–44.

Кузнецов 1953: *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.

Кузнецова, Ефремова 1986: *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Кульбакин 1917: *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. 3-е изд. Харьков, 1917.

Куркина 1987: *Куркина Л. В.* Варплативность основ на *-ї, -ѣ* и *-а* в южнославянских языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987. С. 164–169.

Курц 1963: *Курц И.* Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.

Линдсей 1948: *Линдсей В. М.* Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948.

Лопатин 1977: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1977.

Львов 1973: *Львов А. С.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 211–228.

Львов 1979: *Львов А. С.* Из лексикологических наблюдений // Этимология. 1977. М., 1979. С. 60–65.

Макаев 1966: Сравнительная грамматика германских языков. Т. 4. Морфология / Под ред. Э. А. Макаева. М., 1966.

Максимович 2000: *Максимович К. А.* Славянизмы современного русского языка и кирилло-мефодиевское наследие // *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 72–84.

Максимович 2005: *Максимович К. А.* Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 116–162.

Марков 1964: *Марков В. М.* О формах наречий, соотносимых с основами кратких прилагательных // Ученые записки Горьковского ун-та. Сер. лингвистическая. 1964. Вып. 68. С. 225–230.

Марков 1974: *Марков В. М.* Историческая грамматика русского языка. М., 1974.

Мароевич 1983: *Мароевич Р.* Заметки по историческому словообразованию. 1–2 // Этимология. 1981. М., 1983. С. 44–49.

Мароевич 1989: *Мароевич Р.* К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 121–139.

МАС 1984: Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. 2-е изд. М., 1984.

Мейе 1911: *Мейе А.* Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев, 1911.

Мейе 1951: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

Мещерский 1962: *Мещерский Н. А.* О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Теория и критика перевода. Л., 1962. С. 83–103.

Минчева 1978: *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслещи. София, 1978.

Мурьянов 1977: *Мурьянов М. Ф.* К семантике старославянской лексики // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 131–135.

Мурьянов 1980: *Мурьянов М. Ф.* Семантическая эволюция словосочетания *насущенный хлеб* // Вопросы языкознания. 1980. № 1. С. 76–82.

Мурьянов 1988: *Мурьянов М. Ф.* Новое о ст.-слав. тризна // *Этимология*. 1985. М., 1988. С. 54–56.

Нещименко 1971: *Нещименко Г. П.* О понятии вставной морфемы // *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1971. С. 201–209.

Нещименко 1994: *Нещименко Г. П., Гайдукова Ю. Ю.* К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. М., 1994. С. 93–126.

Нещименко 1998: *Нещименко Г. П.* Значимость оппозиции «носитель — пользователь» языка (языкового идиома) для изучения специфики языковой ситуации и ее динамики // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 460–474.

Нещименко 1999: *Нещименко Г. П.* Значимость использования сопоставительного метода при изучении проблем словообразования и социолингвистики // *Актуални проблеми на българското словообразуване*. София, 1999. С. 167–178.

Огрен 1991: *Огрен И.* К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов. *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*, 31. Uppsala, 1991.

Орел 1979: *Орел В. Э.* Слав. *идъ // *Этимология*. 1977. М., 1979. С. 55–59.

Откупщиков 1974: *Откупщиков Ю. В.* Литовский язык и праславянские реконструкции // *Baltistica*. 1974. X (1). С. 7–20.

Павлова 1983: *Павлова Р.* Некоторые проблемы изучения языковых взаимодействий болгар и русских (X–XIV вв) // *Славянска филология*. Т. 17. София, 1983. С. 33–44.

Панов 1960: *Панов М. В.* О частях речи в русском языке // *НДВШ. Филологические науки*. 1960. № 4. С. 3–14.

Пентковский 1998: *Пентковский А. М.* Лекционарий и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // *Евангелие от Иоанна в славянской традиции* / Изд. подготовили: А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе и др. Приложение 1. СПб., 1998. С. 3–54.

Петлева 1982: *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XI. Континуанты *rǫd- (к *red-) // *Этимология* 1980. М., 1982. С. 36–41.

Пичхадзе 2002: *Пичхадзе А. А.* Две древнейшие редакции славянского Евангелия: Зографское и Ассеманиево евангелия // *Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Цейтлин*. М., 2002. С. 48–50.

Погорелов 1914: *Погорелов В. А.* Образование имен существительных с окончанием *-чи* в древнеболгарском языке // Варшавские университетские известия. Кн. IX. Варшава, 1914. С. 1–16.

Погорелов 1925: *Погорелов В. А.* Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы: I. Латинское влияние в переводе евангелия. Bratislava, 1925.

Погорелов 1930: *Погорелов В. А.* Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия (Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы) // *Byzantinoslavica*. 1930. Roč. 2. Sv. 1. S. 1–28.

Потебня 1958: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.

Правдин 1956: *Правдин А. Б.* Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 13. М., 1956. С. 3–120.

Пражский кружок 1967: Тезисы Пражского лингвистического кружка. Цит. по: Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967.

Прикрилова 1997: *Прикрилова М.* Притежатели прилагательных, завершающих на *-овъ/-евъ* в старобългарския език // Преславска книжовна школа. Т. 2. Шумен, 1997. С. 23–30.

Прилишко 1950: Из истории русского словообразования (образования на *-ив, -ав* и их производные в русском языке) // Наукові записки Житомирського державного пед. ін-ту ім. Франка. 1950. Т. I. С. 154–157.

Рибарова 1989: *Рибарова З.* Формално диференцирани зборови со идентична семантичка структура и нивно место во Речникот // Советување за работата врз редакциските речници на црковно-словенскиот јазик во југословенските центри. Скопје, 1989. С. 67–72.

Русский язык 1968: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

СДЯ XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I –. М., 1988 –.

Селищев 1951: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. I. М., 1951.

Селищев 1952: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. II. М., 1952.

Скупский 1965: *Скупский Б. И.* Старославянский язык. Ч. I. Махачкала, 1965.

СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1 –. М., 1975 –.

Соболевский 1891: *Соболевский А. И.* Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891.

Срезн: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.

- Супрун 1961: *Супрун А. Е.* Старославянские числительные. Фрунзе, 1961.
- Супрун 1961а: *Супрун А. Е.* К этимологии слова *полтина* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1961. С. 109–114.
- Толстая 1996: *Толстая С. М.* К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на **-enъje* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 584–597.
- Толстая 2005: *Толстая С. М.* Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 162–168.
- Толстой 1957: *Толстой Н. И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 43–122.
- Толстой 1988: *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Топоров 1958: *Топоров В. Н.* Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 25. М., 1958. С. 74–87.
- Топоров 1961: *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961.
- Топоров 1974: *Топоров В. Н.* Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология. 1972. М., 1974.
- Топоров 1979: *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. Е–Н. М., 1979.
- Топоров 1979а: *Топоров В. Н.* К семантике троичности (слав. **trizna* и др.) // Этимология. 1977. М., 1979. С. 3–20.
- Топоров 1984: *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. К–L. М., 1984.
- Топоров 1994: *Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии. V (1) // Этимология 1991–1993. М., 1994. С. 126–154.
- Тронский 1960: *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Трубачев 1982: *Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на **-enъnъ*, **-janъnъ* // Этимология. 1980. М., 1982. С. 3–15.
- Трубецкой 1987: *Трубецкой Н. С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 219–222.
- Улуханов 1992: *Улуханов И. С.* О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 74–89.
- Улуханов 1994: *Улуханов И. С.* Основы построения исторического словообразования русского языка // Русистика сегодня. 1994. № 1. С. 9–22.

Улуханов 1996: *Улуханов И. С.* Единици словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Улуханов 1999: *Улуханов И. С.* О некоторых проблемах словообразовательной семантики // Актуални проблеми на българското словообразуване. София, 1999. С. 27–34.

Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Фролова 1977: *Фролова И. А.* Страницы из истории славянских прилагательных // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1977. С. 127–134.

Фужерон 2002: *Фужерон И.* Лексическое выражение отрицания в русском языке (*не-* и *без-/бес-* в словообразовании) // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4. С. 52–55.

Хабургаев 1986: *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

Христова 1994: *Христова И.* Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994.

Цейтлин 1954: *Цейтлин Р. М.* К вопросу о значениях приименной приставки *ná-* в славянских языках // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. IX. М., 1954. С. 205–224.

Цейтлин 1959: *Цейтлин Р. М.* Материалы для изучения значений приименной приставки *so-* в славянских языках // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. XVII. М., 1959. С. 208–247.

Цейтлин 1971: *Цейтлин Р. М.* Значение приаждективной приставки *при-* в языке старославянских памятников // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 92–99.

Цейтлин 1977: *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Цейтлин 1986: *Цейтлин Р. М.* Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи (способи и методи) // Български език. 1986. № 2. С. 110–120.

Цейтлин 1986а: *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.

Цейтлин 1987: *Цейтлин Р. М.* О содержании термина «старославянский язык» // Вопросы языкознания. 1987. № 4. С. 43–58.

Черных: *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.

Чурмаева 1964: *Чурмаева Н. В.* Существительные с суффиксом *-арь* со значением действующего лица в древнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 260–271.

Чурмаева 1968: *Чурмаева Н. В.* К истории слова *писарь* в русском языке // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 228–233.

Чурмаева 1984: *Чурмаева Н. В.* Наречие в грамматике и словаре // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 163–172.

Шантрен 1953: *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953.

Шенкер 1981: *Шенкер А. М.* Древнецерковнославянское *iskrъ* «близко» и его производные // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 110–114.

Эккерт 1963: *Эккерт Р.* Основы на *-й* в праславянском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 27. М., 1963. С. 3–133.

Эккерт 1971: *Эккерт Р.* Праславянские диалектизмы среди именных основ на *-i* // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 486–496.

Эккерт 1972: *Эккерт Р.* О некоторых расхождениях между именными основами на *-i* в балтийских и славянских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 206–216.

ЭСРЯШ: Этимологический словарь русского языка / Автор-составитель Н. М. Шанский. М., 1963 —.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1 —. М., 1974 —.

Ян 1967: *Ян Я.* Старославянское наречие как член предложения // *Slavia*. 1967. Roč. 36. Seš. 1. S. 1–23.

Янович 1981: *Янович Е. И.* Лексико-семантическая конденсация обстоятельственных словосочетаний (К истории образования отадективных наречий) // НДВШ. Филологические науки. 1981. № 6. С. 41–48.

Янович 1985: *Янович Е. И.* Наречия с основой *перв-* в языке русской письменности XI–XVII вв. // Вестник Белорусского ун-та. Сер. 4. 1985, № 2. С. 36–41.

Янович 1986: *Янович Е. И.* Наречия, мотивированные полными формами прилагательных в истории русского языка // Вестник Белорусского ун-та. Сер. 4. 1986. № 2. С. 23–27.

Aitzetmüller 1958–1975: *Aitzetmüller R.* Das Hexaameron des Exarchen Joannes // *Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. T. I–VII. Graz, 1958–1975.

Aitzetmüller 1975a: *Aitzetmüller R.* [rec.]: A. Callis. Beiträge zur Syntax der Richtungsverba in der slavischen Sprachen, besonders im Serbokroatischen. Oslo, 1973 // *Anzeiger für slavische Philologie*. 1975. Bd. 8. S. 194–200.

Aitzetmüller 1977: *Aitzetmüller R.* Das altbulgarische *na tьla* «*χαμαί*» // *Palaeobulgarica*. 1977. (I). № 1. S. 32–36.

Aitzetmüller 1978: *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg im Breisgau, 1978.

Birnbaum 1972: *Birnbaum H.* Indo-European nominal formations submerged in Slavic // *The Slavic word: Proceedings of the International slavistic colloquium at UCLA, September 11–16, 1970* / Ed. by D. S. Worth. The Hague; Paris, 1972. P. 142–163.

Beard 1995: *Beard R.* Lexeme-Morpheme Base Morphology: A General Theory of Inflection and Word-formation. New York, 1995.

Birnbaum, Schaeken 1997: *Birnbaum H., Schaeken J.* Das altkirchenslavische Wort: Bildung – Bedeutung – Herleitung. München, 1997.

Bláhová 1992: *Bláhová E.* Die Bedeutung des griechisch-altkirchenslavischen Index für die Erforschung des altkirchenslavischen Wortschatzes // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. 1992. Bd. 38. S. 303–304.

Bláhová 1996: *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // *Slavia*. 1996. Roč. 65. S. 262–271.

Blass-Debrunner 1961: *Blass F., Debrunner A.* A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature. Cambridge, 1961.

Brodowska-Honowska 1960: *Brodowska-Honowska M.* Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków; Wrocław; Warszawa, 1960.

Brückner 1970: *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Warszawa, 1970.

Brugmann 1906: *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II. Strassburg, 1906.

Christians 2001: *Christians D.* Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember: slavisch-griechisch-deutsch / nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch-slavisch bearbeitet von D. Christians // *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 107; *Patrica slavica*. Bd. 8. Wiesbaden, 2001.

Dokulil 1962: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. T. I. Praha, 1962.

Doritsch 1910: *Doritsch A.* Gebrauch der albulgarischen Adverbia. Leipzig, 1910.

Dostal 1954: *Dostal A.* Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.

Endzelins 1944: *Endzelins J.* Altpreussische Grammatik. Riga, 1944.

ESJS: Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1 –. Praha, 1989 –.

Ferrell 1967: *Ferrell J.* On the prehistory of the locative singular of the Common Slavic consonant stems // *To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday 11 October 1966*. T. I. The Hague; Paris, 1967. P. 654–661.

Frček 1933–1939: *Frček J.* Euchologium Sinaiticum // *Patrologia orientalis*. T. XXIV. Paris, 1933. T. XXV. Paris, 1939.

Frisk: *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 1–22. Heidelberg, 1954–1970.

Fraenkel 1955: *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.

Gramatyka 1984: Gramatyka współczesnego języka polskiego: Składnia — Morfologia — Fonologia. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzczkovej et al. Warszawa, 1984.

Herrity 1983: *Herrity P.* Agreement with Epicoena and Masculine Nouns in *-a* in the Slavonic languages // *The Slavonic and East European Review*. 1983. Vol. 61. № 1. P. 41–54.

Hirt 1927: *Hirt H.* Indogermanische Grammatik. T. 3. Heidelberg, 1927.

Jagić 1898: *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem Sprachgeschichtlichen Auftreten // *Archiv für slavische Philologie*. 1898. Bd. 20. Hft. 4. S. 519–556.

Jelitte 1961: *Jelitte H.* Studien zum Adverbium und zur adverbialen Bestimmung im Altkirchenslavischen. Meisenheim am Glan, 1961.

Keipert 1978: *Keipert H.* ЛИСНИ — ein abzuänderndes Lemma im altkirchenslavischen Wörterbuch // *Palaeobulgarica*. 1978 (II). № 2. S. 66–69.

Kiparski 1975: *Kiparski V.* Russische historische Grammatik. Bd. 3. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

Kirchner 1958: *Kirchner G.* Die Entwicklung der slavischen Adverbien auf *-sky* in der Geschichte der russischen Sprache // *Zeitschrift für Slavistik*. 1958. Bd. 3. Hft. 2–4. S. 254–263.

Kirchner 1961: *Kirchner G.* Die russischen Adjektivadverbien auf *-i*. Berlin: Akademie-Verlag, 1961.

Kopečný 1969: *Kopečný F.* Další poznámky k metodě etymologizování předložek // *Slavia*. 1969. Roč. 38. Seš. 2. S. 181–188.

Kopečný 1973: *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky, koncové partikule. Praha, 1973.

Kuryłowicz 1964: *Kuryłowicz J.* The inflection categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Kurz 1972: *Kurz J.* Kapitoly ze syntaxe a z morfologie staroslověnského jazyka. Praha, 1972.

Leskien 1919: *Leskien A.* Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1919.

Mańczak 1977: *Mańczak W.* Słowiańska fonetyka historyczna a frekwencja // *Zeszyty nauk. Un-tu Jagiellońskiego*. № 476. *Prace językoznawcze*. Zesz. 55. Kraków, 1977.

Mann 1970: *Mann S. E.* [rec.]: Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966 // *The Slavonic and East-European review*. 1970. Vol. 48. № 112. P. 435–337.

Mátl 1954: *Mátl A.* Abstraktní význam u vejstarších vrstev slovanských substantiv (kmenů souhláskových) // Studie a práce linguisticke. T. I. Praha, 1954. S. 131–151.

Mareš 1997: *Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N)* / Sub red. F. Mareš. Wien, 1997.

Meillet 1905: *Meillet A.* Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave. P. II. Paris, 1905.

Meillet 1926: *Meillet A.* L'hypothèse d'une influence de la Vulgate sur la traduction slave de l'Évangile // Revue des Études slave. 1926. T. 6. Fasc. 1/2. P. 39–41.

Meyer 1935: *Meyer K.* Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt & Hamburg, 1935.

Merk 1984: *Merk A. S. J.* Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae, 1984.

Miklosich 1875: *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 2. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875.

Molnár 1985: *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.

Nandriš 1959: *Nandriš G.* Old Church Slavonic Grammar. Handbook of Old Church Slavonic. P. I. London, 1959.

Nestle 1950: *Nestle E.* Novum Testamentum graece. 20. Aufl. Stuttgart, 1950.

Pape 1870: *Pape W.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Bd. III. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1870.

Pokorny 1959: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern; München, 1959.

Přikrylová 2001: *Přikrylová M.* Staroslavěnská posesivní adjektiva na *-jъ*, *-ьjъ* // Cyrillo-Methodiana in honorem Aemiliae Bláhové et Venceslai Konzal. Praha, 2001. S. 429–438.

S-A: *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Sadnik 1967–1983: *Sadnik L.* Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes // Monumenta linguae slavicae. T. V. Wiesbaden, 1967; T. XIV. Freiburg, 1981; T. XVI, Freiburg, 1983.

Sadnik 1983: *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Index und rückläufiges wörterverzeichnis // Monumenta linguae slavicae. T. XVII, Freiburg, 1983.

Schelesniker 1964: *Schelesniker H.* Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen // Wiener slavistisches Jahrbuch. Erg. 5. Graz: Köln, 1964.

Schelesniker 1967: *Schelesniker H.* Aksl. *ъъ далъꙗ «πρόρω, procul»* // Anzeiger für slavische Philologie. 1967. Bd. 2. S. 24–26.

Schelesniker 1979: *Schelesniker H.* Aksl. (ꙗъ) *прѣкы «ἐναντίον»* // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. 1979. T. 25. S. 353–355.

Schmalstieg 1983: *Schmalstieg W. R.* An Introduction to Old Church Slavic. 2-d ed. Columbus (Ohio), 1983.

Schumann 1958: *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.

Schwyzler 1939: *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1939.

Shopay 1967: *Shopay O. C.* Old Prussian adverbs in *-n* // Slavic and East-European Journal. 1967. Vol. 11. № 3. P. 296–301.

Shopay 1970: *Shopay O. C.* Old Prussian adverbs in *-n* // Baltic Linguistics / Ed. by Th. F. Mafner, W. R. Schmalstieg. Un-ty Park and London: The Pennsylvania State Un-ty Press, 1970. P. 157–163.

SJS: Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 1958–1997.

Sławski 1974: *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 43–141.

Sławski 1976: *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 13–60.

Stang 1939: *Stang Ch. S.* Slavische indeklinable Adjektiva auf *-ъ* // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1939. Bd. 11. S. 99–103.

Stang 1957: *Stang Ch. S.* Eine preussisch-slavische (oder baltisch-slavische?) Sonderbildung // Scando-Slavica. 1957. T. 3. S. 236–239.

Stang 1966: *Stang Ch. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.

Stang 1973: *Stang Ch. S.* Sur la mutation en *-i-* dans la formation des noms en slave et en baltique // Norwegian journal of linguistics. 1973. Vol. 27. P. 77–84.

Szemerényi 1967: *Szemerényi O.* The history of Attic *ὄζ* and some of its compounds // Studi micenei ed Egeo-Anatolici. 1967. Fasc. 3. P. 47–88.

Tarnanidis 1988: *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Trautmann 1910: *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.

Trautmann 1920: *Trautmann R.* Die litauischen Adverbia auf *-ai* und die slavischen Adverbia auf *-ě* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1920. Bd. 49. S. 251–259.

Trautmann 1923: *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Troubetzkoy 1923: *Troubetzkoy N.* Les adjectifs slaves en *-ъкъ* // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1923. T. 24. Fasc. 1. P. 130–137.

Vaillant 1928: *Vaillant A.* Les adjectifs en *-ovŭ* // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1928. T. 29. Fasc 1. P. 40–43.

Vaillant 1957: *Vaillant A.* Russe *kráše* 'plus beau' // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 283–285.

Vaillant 1958: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. II. Morphologie. P. I. Flexion nominale. Paris, 1958.

Vaillant 1961: *Vaillant A.* Trois suffixes d'emprunt // Revue des Etudes slave. T. 38. Mélanges Pierre Pascal. Paris, 1961. P. 211–216.

Vaillant 1962: *Vaillant A.* [rec.]: Slovník jazyka staroslověnského... // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1962. T. 57. Fasc 2. P. 124–125.

Vaillant 1969: *Vaillant A.* [rec.]: Slovník jazyka staroslověnského... // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1969. T. 63. Fasc 2. P. 150–155.

Vaillant 1966: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le Verbe. Paris, 1966.

Vaillant 1974: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.

Večerka 1971: *Večerka R.* Staroslověnské a církvěšlověnské *mala ne* 'malem' // Studia palaeoslovenica. Praha, 1971. S. 383–388.

Večerka 1997: *Večerka R.* The Influence of Greek on Old Church Slavonic // Byzantinoslavica. 1997. № 2. P. 363–386.

Vondrák 1924: *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. T. I. Göttingen, 1924.

Zubatý 1894: *Zubatý J.* Slavische Etymologien // Archiv für slavische Philologie. 1894. Bd. 16. Hft. 3/4. S. 385–425.

Zubaty 1949: *Zubaty J.* Studie á články. Sv. I. Výklady etymologické a lexikální. Č. 2. Praha, 1949.

Принятые сокращения

греч. — греческий

готск. — готский

ГСКарт. — Греческо-старославянская картотека, хранящаяся в Славянском институте Академии наук Чешской Республики

диал. — диалектный

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий

др.-прусск. — древнепрусский

др.-русск. — древнерусский

др.-сербск. — древнесербский

и.-е. — индоевропейский

Карт. ДРС — Картотека Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., хранящаяся в Институте русского языка РАН

Карт. SJS — Картотека словаря «Slovník jazyka staroslověnského», хранящаяся в Славянском институте Академии наук Чешской Республики

латин. — латинский

лит. — литовский

лтш. — латышский

польск. — польский

псл. — праславянский

русск. — русский

сербохорв. — сербохорватский

сербск. — сербский

скр. — санскрит

словен. — словенский

ср.-болг. — среднеболгарский

ср.-греч. — среднегреческий

слав. — славянский

ст.-слав. — старославянский

ст.-чеш. — старочешский

укр. — украинский

ц.-слав. — церковнославянский

НТ — Новый Завет

ВТ — Ветхий Завет

Принятые сокращения названий рукописей

Арх — Архангельское евангелие, древнерусская рукопись 1092 г.; изд.: Архангельское евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоказатели. М., 1997.

Ас — Ассеманиево евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J. Evangeliiā Assemanuv. Praha, 1955.*

Бог — Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.; изд.: *Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes // Monumenta linguae slavicae. T. V. Wiesbaden, 1967; T. XIV. Freiburg, 1981; T. XVI, Freiburg, 1983.*

Евх — Синайский евхологий, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Nahtigal R. Euchologium Sinaiticum. D. 2. Ljubljana, 1942; Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 219–247.*

Ен — Енинский апостол, старославянская рукопись XI в.; изд.: *Мирчев К., Кодов Хр. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965.*

Зогр — Зографское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.*

Зогр-лл — Зографские листки, старославянская рукопись XI в.; изд.: *Минчева А. Старобългарски кирилски откъслци. София, 1978. С. 39–44.*

Изб 1073 — Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.; изд.: Сimeoнов сборник (по Светославиянн прѣпис от 1073 г.). Т. 1. Исследваннн и текст. София, 1991.

Изб 1076 — Изборник 1076 г, древнерусская рукопись; изд.: *Гольшѣнко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефѣдов Г. Ф. Изборник 1076 года. М., 1965.*

Клоц — Клоцов сборник, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Dostál A. Clozianus. Praha, 1959.*

КПр — Беседа против богомилов Козьмы Пресвитера, русская рукопись конца XV в.; изд.: *Попруженко М. Г. Козма Пресвѣтер. Болгарский писатель X века / Български старини. Кн. XII. София, 1936.*

Мар — Маринское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И. В. Маринское четвероевангелие. Graz, 1960.*

Мат — Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.; изд.: *Ковачевић Р, Стефановић Д, Богдановић Д.* Матичин апостол (XIII век). Београд, 1979.

Мст — Апракос Мстислава Великого, древнерусская рукопись XI/XII вв.; изд.: Апракос Мстислава Великого / Изд. подг. *Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова.* М., 1983.

Охр — Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Кульбакин С. М.* Охридская рукопись апостола конца XII века. Български старини. Кн. III. София, 1907.

Рыл — Рыльские листки, старославянская рукопись XI в.; изд.: *Гошев И.* Рилски глаголически листовце. София, 1956.

Сав — Саввина книга, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. I / Изд. подг. *О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева.* М., 1999.

Син — Синайская псалтырь, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.

Слепч — Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Ильинский Г. А.* Слепченский апостол XII века. М., 1912.

Струм — Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Блахова Е., Хауптова З.* Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990.

Супр — Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *S. Severjanov.* Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum slavico-gum veteris dialecti. Vol. I–II. Graz, 1956; *Заимов Ђ, Капалдо М.* Супрасльски или Ретков сборник. В 2 т. София, 1982–1983.

Толк — Толковый апостол, древнерусская рукопись 1220 г.; изд.: *Воскресенский Г. А.* Древнеславянский апостол. Послания святого апостола Павла. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. Вып. 2. Сергиев Посад, 1906. Вып. 3–5. Сергиев Посад, 1908.

Толст — Толстовский апостол, древнерусская рукопись XIV в.; изд.: *Воскресенский Г. А.* Древнеславянский апостол. Послания святого апостола Павла. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. Вып. 2. Сергиев Посад, 1906. Вып. 3–5. Сергиев Посад, 1908.

Хил — Хиландарские листки, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978. С. 24–38.

Христ — Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.; изд.: *Kałużniacki E.* Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopolitani. Vindebonae, 1896.

ХрМ — Хроника Константина Манассии, среднеболгарская рукопись XIV в.; изд.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988.

Шест — Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.; изд.: *Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Joannes / Editiones monumentorum slavicozum veteris dialecti. T. I–VI. Graz, 1958–1971.*

Шест-Бар — Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.; изд.: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. *Г. С. Баранкова*. М., 1998.

Шши — Шиншатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: *Miklosich F. Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice. Vindobonae, 1853.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Особенности изучения словообразовательных механизмов в старославянском языке как литературном языке раннего славянского средневековья.....	7
Глава II. Проблемы реконструкции лексического фонда старославянского языка и принципы морфемного членения старославянских лексических единиц.....	23
Глава III. Словообразовательная морфемка старославянского существительного.....	41
Суффиксы -ik(ъ), -ьnik(ъ).....	41
Суффиксы -tel(ъ), -itel(ъ).....	60
Суффикс -ьc(ъ)/-ьc(e)/-ьc(a).....	69
Суффикс -ař(ъ).....	85
Суффикс -in(ъ).....	91
Суффикс -ěnin(ъ)/-(j)anin(ъ).....	93
Суффиксы -ic(a), -ьnic(a).....	96
Суффикс -yn(i).....	106
Суффикс -in(a).....	111
Суффикс -ot(a).....	116
Суффикс -ost(ъ).....	121
Суффикс -ьj(e)/ -ьj(ъ), -ьj(a).....	130
Суффикс -ьstv(o).....	156
Малопродуктивные суффиксы.....	170
Префиксы.....	182
Глава IV. Словообразовательная морфемка старославянского прилагательного.....	
Морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы.....	195
Суффикс -ьj-.....	209

Суффикс -ьн-.....	215
Суффикс -ov-/ev-.....	216
Суффикс -in-.....	227
Суффикс -ьsk-.....	232
Суффикс -ьп-.....	247
Суффиксы -iv-, -ьiv-.....	278
Суффиксы -ьн(ьн), -ььн(ьн) и -ьтн(ьн).....	288
Суффикс -ьп-.....	290
Малопродуктивные суффиксы.....	293
Глава V. Словообразовательная морфемика старославянского наречия.....	298
Предварительные замечания. Адвербиализация. Предпосылки к формированию суффикса -о.....	298
Суффикс -ь.....	315
Суффикс -у. Предпосылки к формированию суффикса -ьsky.....	321
Суффикс -ь.....	325
Префиксы.....	335
Заключение.....	337
Библиография.....	345
Принятые сокращения.....	360

Научное издание

Валерия Сергеевна ЕФИМОВА

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОРФЕМИКА

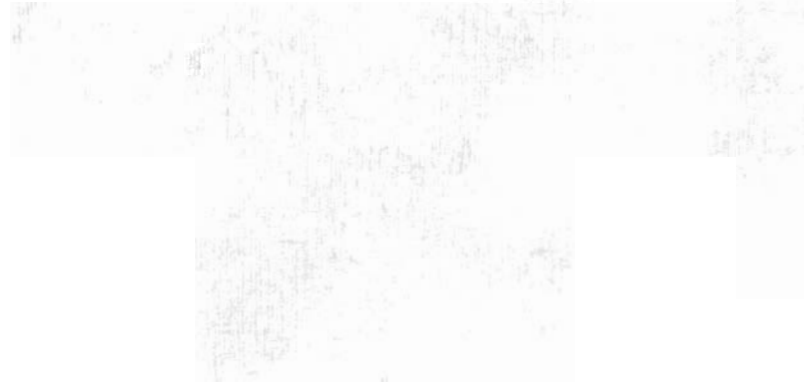
М.: Институт славяноведения РАН, 2006. — 366 с.

Ответственный редактор
доктор филологических наук Г. К. Венедиктов

Подписано в печать 27 декабря 2005 г. Усл. печ. л. 22,9
Тираж 500 экз. Заказ № 09 . Цена договорная.

ООО «Пробел - 2000»
Москва, ул. Поварская, д. 36

№ 213'00

В. С. ЕФИМОВА СТАРОСЛАВЯНСКАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОРФЕМИКА